

Ольга Юрьевна ЕЛИНА

**У ИСТОКОВ
РОССИЙСКОЙ СЕЛЕКЦИИ
И СЕМЕНОВОДСТВА.
ПЁТР ИВАНОВИЧ ЛИЦИЦЫН
на Шатиловской опытной станции
и Госсемкультуре**

УДК 58:631.527(470+571)

ББК 41.3(2)

Е51

Рецензенты:

член-корреспондент РАН

Николай Петрович ГОНЧАРОВ

доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Анатолий Николаевич БЕРЁЗКИН

доктор биологических наук, профессор

Владимир Валентинович ПЫЛЬНЕВ

Ответственный редактор:

академик РАН

Андрей Борисович ЛИСИЦЫН

Елина О.Ю.

У истоков российской селекции и семеноводства. Пётр Е51 Иванович Лисицын на Шатиловской опытной станции и Госсемкультуре. — М.: Изд-во «Наука», 2016. — 360 с.

ISBN 978-5-9908168-5-5

В книге рассказывается о жизни и деятельности выдающегося учёного-агрария, одного из организаторов отечественной селекции и семеноводства, академика ВАСХНИЛ П.И. Лисицына. Центральное место в книге занимает период работы П.И. Лисицына на Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции и созданной им Шатиловской Госсемкультуре. Научная судьба учёного показана на фоне драматичной истории становления аграрной науки в Российской империи и её реформирования в СССР. Внимание уделено детству, семье Лисицыных – крестьянскому роду, который дал России немало представителей научной интеллигенции. Подробно рассмотрены гимназические и студенческие годы – период утверждения нравственных ценностей и профессиональных предпочтений П.И. Лисицына.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся аграрной наукой, историей науки и социальной историей нашей страны. Работа может быть полезна также этнологам и всем тем, кому любопытна картина быта и нравов необычной крестьянской семьи из центральных российских губерний конца XIX – начала XX вв.

УДК 58:631.527(470+571)

ББК 41.3(2)

©Российская академия наук, 2016

©Институт истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2016

©Елина О.Ю., 2016

ISBN 978-5-9908168-5-5

Оглавление

<i>Предисловие</i>	4
<i>От автора</i>	6
<i>Глава I</i> О сельском хозяйстве и опытной агрономии в Российской империи	13
<i>Глава II</i> . Истоки: отец, семья, детство в Телятинках	52
<i>Глава III</i> . Учеба в Калужской гимназии. Выбор профессии	79
<i>Глава IV</i> . Университет и Московский сельскохозяйственный институт. Военная служба	99
<i>Глава V</i> . Первые годы работы на Шатиловской станции (1908—1912)	135
<i>Глава VI</i> Создание областных опытных станций: правительственные реформы, общественные инициативы, развитие селекции	178
<i>Глава VII</i> . Во главе отдела селекции Шатиловской станции. Через войну к революции	197
<i>Глава VIII</i> . Советская власть и агрономия: сельскохозяйственные опытные учреждения и ситуация в селекции	236
<i>Глава IX</i> . Лисицын и Шатиловская станция после 1917 г.: новые сорта, новые возможности	264
<i>Глава X</i> . Шатиловская Госсемкультура: проект государственной системы сортового семеноводства.	304
<i>Заключение</i> . Лисицын после Шатиловской станции	337
<i>Именной указатель</i>	350

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена Петру Ивановичу Лисицыну (1877—1948), академику ВАСХНИЛ, выдающемуся селекционеру, организатору семеноводства в нашей стране. Имя Лисицына стоит в одном ряду с именами Дмитрия Николаевича Прянишникова, Николая Ивановича Вавилова, Дионисия Леопольдовича Рудзинского и других представителей блестящей плеяды русских ученых конца XIX — начала XX вв. Это время можно с уверенностью назвать периодом становления аграрной интеллигенции в России, когда десятки выпускников университетов получали дополнительное агрономическое образование, стремясь «на земле», «на местах» улучшать сельское хозяйство. Одновременно это был удивительный этап в истории аграрной науки, который ознаменовался началом успешного диалога ученых и правительства. Результатом стало объединение под эгидой ведомства земледелия прежде разрозненных частных, общественных и правительственных инициатив в единую государственную программу форсированного создания опытных учреждений, призванных провести научную модернизацию сельского хозяйства. При этом в фокусе внимания оказалось и приоритетное развитие селекции — передовой в то время агрономической дисциплины. Политику «патронажа селекции» продолжило правительство большевиков, что немало способствовало успешному развитию сельскохозяйственной науки и практики в ранний советский период 1920-х гг.

П.И. Лисицын был одним из тех, кто, имея за плечами университетское образование, пополнил его специальным и сделал выбор в пользу опытной агрономии. Двадцать лет жизни были отданы Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции (Тульская губ.), где Лисицын начинал младшим помощником заведующего, отвечая за агротехнику полеводства, и покинул станцию в должности директора, будучи известным селекционером. Менялись правительства

и режимы, но сохранялся плодотворный диалог с властью, который позволил осуществить масштабные проекты в области селекции и семеноводства. Так, П.И. Лисицын вместе с другом и коллегой по станции А.Н. Лебеядцевым превратили Шатиловку в крупнейшее опытное учреждение СССР, знаменитое прежде всего селекционными достижениями. На Шатиловской станции в 1920-е гг. Лисицын вывел сорта ржи Лисицына и овса Шатиловский 56, на которые получил первые в Советской России авторские свидетельства № 1 и № 2; им были выведены новые сорта гречихи, люцерны, вики, красного клевера, льна. В 1920-е гг. был реализован и грандиозный проект в области семеноводства: П.И. Лисицын разработал основы и осуществил практическую организацию государственной системы размножения сортовых семян. Госсемкультуры, создание которых началось с Шатиловской в 1922 г., позволили в короткий срок осуществить сортосмену, обеспечили стабильный прирост урожайности зерновых уже в первые годы своего существования.

Деятельность П.И. Лисицына после ухода с Шатиловской станции была не менее плодотворна. Руководство Кафедрой селекции и семеноводства полевых культур и Селекционно-генетической станцией ТСХА, организация Всесоюзного научно-исследовательского института зерна, создание Московского селекционного центра — лишь некоторые из организационных свершений. Практические достижения также значимы. Упомянем многолетнюю работу по изучению биологии красного клевера, одним из направлений которой стали клеверные экспедиции, подобные экспедициям Н.И. Вавилова. Они проводились во многих уголках страны — от Полярного круга до Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока. В результате был создан уникальный генетический фонд клеверов, который с успехом использовался Лисицыным и его коллегами для выведения новых зимостойких и высокоурожайных сортов клевера. Итогом работ стала и знаменитая монография «Вопросы биологии красного клевера», удостоенная Государственной премии I степени. «Полямой Родины» — короткое авторское посвящение отражает жизненное кредо замечательного ученого-агрария, посвятившего жизнь практическому служению отечественному сельскому хозяйству.

Академик РАН А.Б. Лисицын

От автора

История этой книги началась не совсем обычно. Давний мой коллега, в то время связанный с международным проектом «устной истории» океанологии, предложил побеседовать (в форме интервью) с ведущим российским ученым в этой области, академиком РАН Александром Петровичем Лисицыным. Тема, далекая для специалиста по социальной истории сельскохозяйственной науки. Но — бесконечно интересная, поскольку обещала встречу с сыном выдающегося селекционера Петра Ивановича Лисицына. Решено было начать знакомство с вопросов о детстве, прошедшем на Шатиловской станции, с воспоминаний об отце. Предполагалось, что экскурс в 1920-е гг. будет уместным предисловием к разговору о профессии геолога и океанолога, о работах Александра Петровича по литологии современных морских осадков.

Но беседа сложилась иначе. Мы проговорили с А.П. Лисицыным несколько часов. Но так и остались в 20-х годах, на землях Тульской губернии (впоследствии — Орловской области), где находилась Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция, строилась Шатиловская Госсемкультура. Вернее, мы перемещались и в другие места и времена — но не вперед, в СССР середины XX века, когда начинал свой путь к вершинам океанологии Александр Лисицын, а в Российскую империю рубежа XIX—XX веков, где постигал основы агрономии, трудился на опытной станции Пётр Лисицын.

Я принесла Александру Петровичу копию переписки П.И. Лисицына с его близким другом и однокурсником Александром Никандровичем Лебеяднцевым, обнаруженную мною в личном фонде ученого в РГАЭ. Лебеяднцев — один из создателей Шатиловской станции, известный агрохимик; в годы директорства именно он пригласил Петра Лисицына на станцию. В дальнейшем друзьям и соратникам Лебеяднцеву и Лисицыну удалось превратить рядовое опытное учреждение в лидера отечественного растениеводства...

В семье Лисицыных об этих письмах знали мало; обсуждение поддержало и расширило беседу. И уже в буквальном смысле «off record» (не рассчитала количества тогда еще использовавшихся для записи кассет) я расспрашивала и расспрашивала Лисицына-океанолога о Лисицыне-селекционере.

Александр Петрович оказался замечательным рассказчиком. Оживали эпизоды из жизни Шатиловки и ее обитателей, до этого известные мне лишь в общих чертах. Становились понятны основы жизненных устоев и научных устремлений Петра Лисицына, заложенные его семьей, прежде всего отцом.

Говорили и о мифах и легендах, сложившихся вокруг имени П.И. Лисицына. Их было немало: «баловень судьбы» — замечен самим Лениным, работал под высоким покровительством; отсюда — «легко шел к намеченной цели». Об успешном ученом писали передовицы в «Правде», снимали фильмы.

Разумеется, научный путь был не столь простым и однозначным, если не сказать — совершенно иным. Лисицын столкнулся и с многочисленными трудностями еще при Ленине, и с мгновенной опалой после смерти вождя, и с закрытием своего детища — Госсемкультуры, и с вынужденным уходом с Шатиловской станции...

Александр Петрович посетовал на то, что при несомненном внимании публицистов и историков к П.И. Лисицыну детального научного исследования о селекционере Лисицыне, создателе Шатиловской Госсемкультуры, так и не появилось. Поэтому, когда прозвучало предложение «поработать в архиве Мемориального кабинета» с прицелом на книгу о П.И. Лисицыне, я с удовольствием согласилась. Мы договорились, что внимание будет сосредоточено на «шатиловском периоде» — времени профессионального становления Лисицына как селекционера, реализации знаменитого проекта Шатиловской Госсемкультуры.

Не знаю, была ли создана устная история отечественной океанологии. А вот изучение научной судьбы П.И. Лисицына захватило меня на многие годы. Хотелось разобраться, какие из связанных с именем Лисицына историй достоверны, какие нуждаются в дополнительных исследованиях; существуют ли в событийной канве пробелы и лакуны, требующие заполнения. На основании изучения биографических материалов я стремилась реконструировать условия и обстоятельства, в которых Лисицын занимался научными изысканиями, организационными делами. Должна сказать, что в то время у меня не было никакого опыта работы в жанре биографии. И только в процессе исследования стало понятно, какой

это вдохновляющий и одновременно ответственный труд¹. Вдохновение автор черпает, получая возможность пристально всмотреться в подробности становления крупного ученого, проникнуться реалиями времени, которому он принадлежал. Однако и ответственность в такой работе ощущается крайне остро. Тем более, когда речь идет об ученом, близкие и потомки которого следят за исследованием, оценивают его итог. Ведь в биографии должны быть представлены не только научные достижения, но и человеческая судьба героя. Здесь надо почувствовать ту черту, переступить которую посторонним запрещено. Не удивительно, что авторы часто вообще опускают всё, что относится к частной жизни их героя, лишая тем самым важных красок написанный портрет... Хотелось найти гармоничное решение, достичь «золотого сечения». Еще один важный момент. В задачу исследования входило изучение жизни и научной судьбы П.И. Лисицына на фоне грандиозных трансформаций в истории сельскохозяйственной науки. Для этого требовалось соединить жанр биографии с методологией социальной истории науки.

Мне повезло во всех отношениях. Прежде всего — герой повествования был по-человечески необыкновенно интересен, привлекал высокими нравственными качествами. Вдохновляла и воодушевляла возможность наблюдать, как складывался характер, мироощущение П.И. Лисицына. Честь, достоинство, целеустремленность, одержимость работой, самокритичность — вот главные его характеристики. Могу утверждать это, изучив практически всё эпистолярное наследие Лисицына: сотни писем к родным, друзьям, сотрудникам, чиновникам и др., — от записок маленького Пети родителям до официальных обращений к высшим должностным лицам страны. Особо отмечу своеобразный язык: порою — романтически-возвышенный, при необходимости — острый и язвительный, но всегда с точной, выверенной мыслью и аргументацией.

Биографическая реконструкция жизни и деятельности П.И. Лисицына требовали изучения как его научных работ, так и архивных материалов. Здесь для исследователя открыты огромные возможности: в Мемориальном кабинете-библиотеке П.И. Лисицына хранится полный научный архив ученого с опубликованными трудами, рукописными вариантами ряда работ с авторской правкой, мно-

¹ На тему особенностей и проблем жанра написано не одно научное сочинение. Из недавней историко-научной эссеистики хотелось бы порекомендовать: *Онопrienko В.И.* Биография ученого как жанр. Размышление над книгой Э.И. Колчинского «Кирилл Михайлович Завадский (1910—1977)» // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. № 3. С. 123—131.

жеством рукописей, так и не увидевших свет. Здесь же — личный архив ученого: переписка, дневники, записные книжки, семейные альбомы. Мемориальный кабинет — сердце частного дома на Ивановской улице; того самого, что был построен в конце 1920-х гг. на территории Тимирязевской академии для нового заведующего кафедрой селекции и семеноводства П.И. Лисицына. Его потомки продолжают жить на Ивановской; сегодня главой семьи и хранителем кабинета является сын Петра Ивановича, А.П. Лисицын. Его усилиями, несмотря на неизбежные ремонты, в кабинете всё осталось неизменным с 1948 года, когда П.И. Лисицын ушел из жизни. За окнами — огромный сад, в котором всегда что-то цветет: старые яблони, сирень или «лисицынские ландыши» — удивительно неприхотливые растения, ковром покрывающие всё свободное пространство. Особую атмосферу этого места удалось почувствовать, проводя долгие часы за изучением рукописей Петра Ивановича, разложенных на его рабочем столе с обязательным свежим букетом цветов (заботливая рука Александра Петровича) и неизменным золотистым снопом лисицынской ржи, поставленным в вазу самим селекционером и отсчитывающим здесь уже вторые полсотни лет...

Александр Петрович и другие члены семьи с пониманием отнеслись к моим опасениям, касавшимся вторжения в частное пространство героя. Мы детально обсуждали степень присутствия «личного» в книге. И согласились, что в случае Петра Ивановича без этого не обойтись: и дружба, и любовь для него были тесно переплетены с работой; оставив эту линию жизни Лисицына за скобками, нельзя приблизиться к пониманию его мироощущения, особенностей характера. Получило одобрение и мое стремление познакомить читателей книги о П.И. Лисицыне с социальной историей сельскохозяйственной науки в России. Более того: на этом настаивали. Ведь Лисицын был не только ученым-растениеводом, но и крупнейшим организатором отечественной селекции и семеноводства. Как никто другой, он был погружен в программы преобразований опытной агрономии, которые в тот период активно проводило ведомство земледелия с оглядкой на частные и общественные инициативы. А Пётр Иванович в своей работе был связан и с частными опытными станциями, и с земскими агрономическими структурами; когда государственная Шатиловская станция преобразовывалась в областную, Лисицын, согласно правительственной программе, создавал там селекционный отдел; впоследствии, уже в советское время, организовывал Шатиловскую Госсемкультуру. Поэтому биографические главы оказались дополнены историко-

научными; в результате настоящая работа представляет собой *биографию ученого на фоне истории отечественной сельскохозяйственной науки*. Как мне кажется, плюсы такого приема очевидны. Двойной портрет — ученого и отрасли знания, которой он занимается, — позволяет проследить как индивидуальный творческий путь, так и организационные и социокультурные аспекты развития науки: от научной политики до вопросов патронажа.

Несмотря на множество очерков, статей, документальных фильмов о П.И. Лисицыне, специальных историко-научных исследований об ученом не так много. Особо отмечу обзор жизни и деятельности, предпосланный двухтомнику избранных трудов П.И. Лисицына². В 1970-е гг. появились работы М.К. Компанеца, где история отечественной агрономии представлена в виде портретных очерков; одним из героев стал П.И. Лисицын³. Выделю также книгу журналиста Т.Н. Троицкой⁴. Написанная с привлечением материалов личного архива ученого, эта работа, тем не менее, принадлежит жанру публицистики. В год 125-летнего юбилея ученого прошла научная конференция, был выпущен сборник «Развитие научных идей академика Петра Ивановича Лисицына»⁵. В частности, в сборнике впервые опубликованы воспоминания об отце академика РАН А.П. Лисицына⁶. Наконец, в последнее десятилетие появились важные работы о Шатиловской станции. Это, прежде всего, книга В.Г. Небытова и В.И. Мазалова об основоположниках Шатиловки, где П.И. Лисицын является одним из главных действующих лиц⁷. Недавно вышла из печати внушительная монография З.А. Зарьяновой «Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях», где приведены биографические сюжеты о сотрудниках станции на протяжении ее более чем вековой истории⁸. Тем

² Лисицына А.Г. Пётр Иванович Лисицын. Жизнь и деятельность // Лисицын П.И. Избр. соч. В 2 т. М.: Сельхозгиз (Госсельхозиздат), 1951. Т. 1. С. 12—30.

³ Компанец М.К. П.И. Лисицын // Ученые агрономы России. Из истории агрономической науки. М.: Колос, 1971. С. 175—183.

⁴ Троицкая Т.Н. Петр Иванович Лисицын. М.: Агропромиздаг, 1988.

⁵ Развитие научных идей Петра Ивановича Лисицына. Сборник трудов / Под ред. В.В. Пельнёва, А.П. Лисицына, А.Б. Лисицына. М.: ВНИИМП, 2003.

⁶ Лисицын А.П. Четверть века вместе // Развитие научных идей Петра Ивановича Лисицына. Сборник трудов. М.: ВНИИМП, 2003. С. 335—384.

⁷ Небытов В.Г., Мазалов В.И. Основатели и организаторы Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции: Ф.Х. Майер, И.Н. Шатилов, Г.Ф. Нефёдов, В.В. Винер, А.Н. Лебедев, П.И. Лисицын. Орёл: ООО «Картуш», 2010.

⁸ Зарьянова З.А. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. Орёл: ОАО «Тип. Труд», 2013.

не менее обобщающей работы о селекционере Лисицыне, создателе Шатиловской Госсемкультуры, пока не появилось.

Книга, которую держит в руках читатель, также не претендует на исчерпывающую полноту. Она, несомненно, апологистична, что во многом объясняется отмеченными выше обстоятельствами работы над материалом⁹. Более того — это опыт реконструкции биографии П.И. Лисицына в годы его деятельности на Шатиловской станции и в Госсемкультуре (1908—1928), что предполагает дальнейшую работу исследователей в этом направлении. Хотелось бы надеяться, что в скором времени такие труды появятся.

* * *

Настоящее исследование основано на изучении документов семьи Лисицыных, в том числе хранящихся в Мемориальном кабинете-библиотеке П.И. Лисицына. Это письма, дневники, тетради, научные рукописи П.И. Лисицына, семейная переписка, рукописные журналы и др. Автору посчастливилось участвовать в разборке фрагментов архивного фонда П.И. Лисицына (основная часть фонда давно систематизирована): связок с газетными страницами, брошюрами, отдельными недатированными рукописями. В результате было обнаружено немало интересных документов, которые позволили дополнить и расширить фактический материал книги. Изучены также материалы семьи Лисицыных, хранящиеся в фондах Государственного архива Калужской области (ГАКО). В различных архивохранилищах Москвы были выявлены письма П.И. Лисицына к его друзьям и коллегам, документы, раскрывающие ранние этапы профессионального становления, творческую биографию ученого. В работе широко использовались материалы организационного и общего характера из ряда архивохранилищ: Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центра хранения и изучения документов новейшей политической истории (ЦХИДНПИ), Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ), Архива Россий-

⁹ Легко предположить, что апологетика героя — традиция, пришедшая в историю науки из русской литературы. Безусловно, это является минусом с точки зрения вклада в общемировую историографию российской науки. Разумеется, далеко не все биографические исследования отмечены этой особенностью. Значительно более объективными и строго историко-научными являются работы постсоветского периода. И, тем не менее, не этой ли традицией объясняется «неповышение» серьезной научной биографии Т.Д. Лысенко?

ской академии наук (РАН), Архива ГУ-РАСХ (Тимирязевская академия). Большое значение для работы имела агрономическая архивная коллекция моей семьи, которую бережно хранит моя мама М.С. Великанова — первый (но совсем не строгий!) читатель этой книги.

Разумеется, одним из главных источников исследования стали научные труды П.И. Лисицына и его коллег. Другой важнейший блок составили отчеты о деятельности опытных учреждений; статистические и обзорные публикации по сельскому хозяйству и агрономической науке в России. Даты до октября 1917 г. приводятся по старому стилю (исключая датирование писем из зарубежных командировок, когда П.И. Лисицын использовал григорианский календарь).

Мне хотелось бы выразить искреннюю благодарность А.П. Лисицыну, который поделился своими воспоминаниями об отце, убедил меня в необходимости написания этой книги; его радушное гостеприимство позволило на протяжении многих лет изучать богатейшее собрание Кабинета-библиотеки П.И. Лисицына, а заинтересованное чтение рукописи и ценные советы способствовали ее улучшению. Я благодарна также сотрудникам ИИЕиТ РАН, с которыми довелось работать — в разное время, в разных подразделениях. Их внимание к исследованию служило важным катализатором работы над книгой. Всемерную помощь оказали сотрудники многочисленных архивов и библиотек, где велись исследования; кроме перечисленных выше, это Российская государственная библиотека, Центральная сельскохозяйственная библиотека, Институт научной информации по общественным наукам, Фундаментальная библиотека по естественным наукам. Выражаю глубокую благодарность рецензентам работы Н.П. Гончарову, А.Н. Берёзкину и В.В. Пыльневу за внимательное прочтение и ценные критические замечания; крайне признательна ответственному редактору книги А.Б. Лисицыну за важные советы и всемерную помощь в организационных вопросах. Моя особая признательность — моему мужу Л.Н. Елину, который в критическую минуту, несмотря на крайнюю занятость, взял на себя труд по литературному редактированию книги. Разумеется, все возможные ошибки и неточности остаются исключительно на совести автора. Наконец, я благодарна всей своей семье, выполнявшей непростую роль внимательной аудитории в те моменты, когда я готова была говорить исключительно о трудностях и радостях работы над настоящей книгой.

Глава I

О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ И ОПЫТНОЙ АГРОНОМИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Пётр Иванович Лисицын принадлежал к тому поколению российских ученых-естественников, становление которого пришлось на рубеж XIX—XX веков. Таким образом, он вступил на профессиональную стезю в эпоху реформ и преобразований сельского хозяйства, породивших массу ожиданий — и достаточно возможностей! — для агрономической науки. Одна из реализованных возможностей — стремительный взлёт отечественной селекции, оформление ее как учебной дисциплины и области знания. Так, если в начале научного пути П.И. Лисицына профессии селекционера не существовало — выведением новых сортов занимались дипломированные агрономы, то к концу его научной деятельности в стране имелись десятки учебных кафедр, сотни научных селекционных учреждений.

Агроном по образованию, выпускник Московского сельскохозяйственного института, Лисицын был не только свидетелем, но и активным участником формирования селекции в нашей стране. Придя работать на Шатиловскую сельскохозяйственную опытную станцию в тогдашней Тульской губернии, он возглавил опытное поле и начал с агротехники полеводства — изучения севооборотов, занятых паров и пр. Но очень скоро увлекся селекцией и переключился на селекционную работу. Через 20 лет, ко времени расставания с Шатиловкой, Лисицын был известен как автор ценных сортов зерновых, организатор селекционного отдела станции, основатель Шатиловской Госсемкультуры. В последующие годы он руководил кафедрой селекции и семеноводства, селекционно-генетической станцией ТСХА, создавал Всесоюзный научно-исследовательский институт зерна, Московский селекционный центр (Селекцентр), Александровскую станцию (Владимирская обл.). Иными словами, Пётр Иванович всю жизнь посвятил селекционной и семеновод-

ческой работе «на земле», смолоду сделав выбор в пользу сельскохозяйственных опытных учреждений.

Чтобы в полной мере оценить масштаб профессиональных свершений Петра Ивановича Лисицына в области селекции и семеноводства, необходимо представлять себе сложности формирования этих дисциплин в России, общую непростую картину развития отечественной агрономической науки.

Действительно, если говорить о селекции, вплоть до начала первого десятилетия XX в. в сельскохозяйственных высших школах Российской империи не было ни учебных кафедр, ни даже курсов лекций по селекции; в стране существовали лишь единичные селекционные учреждения, преимущественно частные и общественные. Профессию ездили изучать за границу, в Австрию, Германию, Англию, Швецию. Как отмечал Пётр Иванович, определения понятия «сорт» нельзя было найти даже в специальных словарях¹. Научно-практическая составляющая селекции также имела свои особенности: еще не использовались достижения генетики — искусственный мутагенез, полиплоидия и др. В основе селекционной работы лежало изучение местных «сортов», отбор и скрещивание лучших растений, повторный многократный отбор. Работа, требующая более десятка лет кропотливого, всепоглощающего труда.

Непростая картина существования селекции в России отражала общее состояние сельскохозяйственной, или агрономической, науки. Хотя отечественная наука в целом организационно строилась по западноевропейским лекалам, агрономия формировалась самобытно, отличаясь от зарубежных моделей. Развитие шло не так стремительно и успешно, как в Западной Европе и США, где агрономическая наука получала весомую частную и государственную поддержку. В России, «исконно земледельческой стране», агрономия также традиционно интересовала отдельных просвещенных помещиков и аграрную общественность; результатом этого стало создание отдельных частных и общественных опытных станций, организация земской агрономической помощи. Однако в государственном масштабе систематическая региональная опытная работа «на земле» не проводилась; массового переноса знаний в практику хозяйствования не происходило.

Рассмотрим подробно причины отставания отечественной агрономии, особенности функционирования агрономических опытных

¹ Лисицын П.И. Достижения в области семеноводства // Избр. соч. В 2 т. Т. 2. М.: Сельхозгиз, 1953. С. 409—415.

учреждений, общую картину участия науки в решении проблем сельского хозяйства в России.

О путях развития сельского хозяйства в России

Историю взаимоотношений науки и сельского хозяйства в России можно проследить и со Средних веков, когда складывались предпосылки аграрной культуры, и с XIX в., когда началась собственно дисциплинарная история агрономии². Мы начнем повествование с краткого экскурса в Петровские времена, период додисциплинарной истории агрономии, важный для формирования особого, «русского» взгляда на «науку о хлебопашестве».

Сначала о развитии сельского хозяйства как такового. Его вековая отсталость — тема, которую нельзя обойти. Реформы Петра I, от которых традиционно отсчитывают историю российской науки, мало отразились на положении сельского хозяйства. Издавая указы «пашни заводить и поселять на оных людей охочих»³, призывая воевод и окольных «смотреть неоплошно», чтобы крестьяне «пахали и жали в подобное время, а не изпоздав, и худым б семени не сеяли»⁴, император оставил после себя страну, где уже были университет и академия, но крестьяне еще два века обрабатывали землю примитивной сохой. Емкой характеристикой аграрной системы Петровских времен может служить утверждение В.Н. Шерстобоева:

«Общественные отношения и техника земледелия Руси к этому времени уже приобрели ту неподвижность, которой так хорошо отвечает трехполье»⁵.

² Среди работ, в которых анализируется история взаимодействия науки и сельского хозяйства в России, выделим: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII — 20-е годы XX века. В 2-х т. М.: Эгмонт-Россия, 2008; *Верзун В.А.* Сельскохозяйственная дослїдна справа в Україні від зародження до академічного існування: організаційний аспект. Киев: Аграр. наука, 2012; *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995; *Brusch K.* Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln: Böhlau Verlag, 2014; *Moritsch A.* Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien—Köln—Graz: Böhlau, 1986; *Moon D.* The Plough that Broke the Steppe. Agriculture and Environment on Russia's Grassland, 1700—1914. Oxford: Oxford University Press, 2013.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. I. СПб., 1830. Т. III. № 1542.

⁴ ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. VII. № 4175.

⁵ *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашина. Иркутск: ОГИЗ, 1949. Т. I. С. 306.

Эта «неподвижность», несмотря на все старания царя-реформатора, стала визитной карточкой аграрной России на века вперед.

В Екатерининскую эпоху «просвещенного абсолютизма» открылись научные общества, появились первые профессиональные ученые-агрономы. Важная черта этого времени — включение в занятия сельским хозяйством «просвещенных помещиков». В их кругах утвердилась пришедшая из Западной Европы «мода» на травосеяние и плодосмен; получило развитие винокурение и льноводство и т.д. Отдельные помещики начали обучать новшествам своих крестьян. Однако отметим: все попытки нововведений, предпринимаемые в XVIII в., — от насаждения косябы до приглашения иностранных колонистов для разведения табака и картофеля, — почти не изменили общую картину российского земледелия с его примитивной обработкой земли и господствующим трехпольем, когда хлеб сеяли по хлебу и лишь одно поле из трех отводилось под пар для восстановления его плодородия.

XIX век принес перемены. Стали возникать специализированные зоны производства сельскохозяйственной продукции: зерновое хозяйство в южных степных районах, льноводство на Северо-Западе, огородничество в центральных губерниях, виноградарство в Крыму и Закавказье. Россия лидировала в экспорте хлеба: в 1830-х гг. объем вывоза русского хлеба превышал экспорт североамериканского на 186%; товарным земледелием начали заниматься не только помещики, но и крестьяне. Между тем освобождение крестьян в 1861 г. повлекло переустройство экономических отношений в деревне: помещики лишались дарового труда, масса крестьян хлынула в город. Промышленность, долгое время испытывавшая недостаток рабочей силы, начала развиваться; активно строящиеся железные дороги открыли продуктам земледелия путь к рынкам сбыта и довершили разложение натурального хозяйства. Объемы экспорта зерна с 1860-х гг. постоянно росли, каждое десятилетие увеличиваясь на 100%⁶; к началу XX в. Россия производила 22,3% мирового объема товарного зерна⁷; в 1910—1911 гг. экспорт русской пшеницы был равен 21,9% мирового экспорта⁸. Однако рывок

⁶ Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России. М.: Советская наука, 1951. С. 80.

⁷ Сельскохозяйственный промысел в России. Пг.: Изд. ДЗ, 1914. Ч. 2. С. 125.

⁸ Фигуровская Н.К., Симонов В.В. Н.Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 38.

этот не был достаточно качественным и устойчивым⁹. Россия стала быстро терять лидерство в мировом экспорте, вытесняемая США. Так, если в 1860-х гг. вывоз российского зерна превышал североамериканский на 32%, то уже в 1870-е гг. было достигнуто экспортное превосходство США над Россией (на 23%). При этом доходы от экспорта для империи неумолимо сокращались — сказывались последствия мирового аграрного кризиса, в частности, невыгодных для России экспортных пошлин¹⁰. В снижении доходов повинны и иные обстоятельства. С упразднением крепостного труда постепенно изменились условия ведения сельского хозяйства: многие экономии разорялись и вынуждены были покинуть сферу аграрного производства. Хозяйство как у крестьян, так и у помещиков велось экстенсивно: его качественные характеристики (урожайность, рентабельность) продолжали оставаться крайне низкими. Действительно, по урожайности зерновых Россия отставала не только от европейских стран, но и от США, для которых до Первой мировой войны также был характерен экстенсивный путь развития в аграрной сфере. Если принять среднемировую урожайность шести главных хлебных культур (пшеница, рожь, овес, ячмень, кукуруза, просо) за 100, то для Бельгии индекс в начале XX в. составлял 221, для Германии — 179, для Франции — 123, для США — 108, для России — 75¹¹. Столь низкие показатели объяснялись многими причинами, о которых речь пойдет ниже; кроме климатических особенностей, главная — экономическая и, прежде всего, техническая отсталость страны: лишь к рубежу XIX—XX веков Россия вступила в стадию промышленного обновления, давно завершившуюся на Западе.

В пореформенный период стал особенно заметен разрыв между европейским уровнем российского естествознания и в целом

⁹ Это объяснялось в первую очередь активным проникновением американской сельскохозяйственной продукции на европейские рынки, в связи с чем мировые цены на хлеб стали снижаться. Так, если в 1871—1875 гг. за пуд пшеницы платили 90,1 копейки, ржи — 65,7 и ячменя — 60,6, то в 1891—1895 гг. — 55,6, 46,6 и 35,9 копейки соответственно. См.: *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1948. С. 68. Падали цены и на внутреннем рынке: в отдельных районах они снизились с 1 рубля за пуд в начале 1880-х гг. до 20 копеек в начале 1890-гг. См.: *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. С. 59.

¹⁰ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год первый. СПб.: В.Ф. Киришаум, 1907. С. 15.

¹¹ *Фигуровская Н.К., Симонов В.В.* Н.Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени. С. 34.

отсталым сельским хозяйством. Социальные корни этого разрыва обычно видят в дихотомии русского общества: интеллигенция — народ¹². Исследования отечественных минеральных удобрений, которые проводили А.Н. Энгельгардт и Д.И. Менделеев, всемирно известные работы основателей научного почвоведения В.В. Докучаева, П.А. Костычева, К.Д. Глинки, предложивших генетическую классификацию русских почв и обосновавших системы поддержания их плодородия, сосуществовали с примитивным трехпольем. Оживленные дискуссии по проблемам эволюции, волновавшие общество российских ученых, начатый ботаниками «сбор коллекций культурных растений как исходного материала для выведения улучшенных сортов в соответствии с законами новой науки генетики»¹³ мало отразились на практике хлебопашества: крестьяне пользовались отечественным «беспородным» материалом, в то время как вывезенные из России образцы служили для получения новых высокоурожайных сортов в Европе и Америке. Селекция и семеноводство в России только зарождались, а американские поля засеивались улучшенными сортами, выведенными из российского материала. Представитель Департамента земледелия России в США Ф.Ф. Крыштофович в связи с этим отмечал:

«...опытные станции в ней (Америке. — *О.Е.*) много работают над улучшением культивируемых нами растений: ...путем систематической упорной работы на этих станциях американцы выработали много сортов более урожайных и выносливых, чем оригиналы, полученные из России»¹⁴.

Безусловно, и в России было немало людей, увлеченных научным сельским хозяйством и активно двигающих его личным примером, — прежде всего среди крупных землевладельцев. Так появились «образцовые хозяйства» — уникальная форма апробации (а иногда и генерации) агрономических знаний, преимущественно

¹² См. об этом: *McClelland J. C.* Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tzarist Russia. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1979; *Robinson G. T.* Rural Russia under the Old Regime. A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1967; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. A History to 1860. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1963; *Vucinich A.* Science in Russian Culture, 1861—1917. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1970.

¹³ *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1986. P. 19.

¹⁴ Обзор деятельности Сельскохозяйственного агентства в Северо-Американских Соединенных Штатах с 1 июля 1909 г. по 1 января 1912 г. СПб., 1913. С. 65.

в помещичьих владениях. Можно вспомнить и о многочисленных участниках ежегодных сельскохозяйственных выставок, о конкурсах на лучшие сочинения по сельскому хозяйству. Победителей награждали «за лучшие плоды», «за образцовую вспашку», «за рациональное хозяйствование» (которое вслед за А. Тэером понимали как извлечение из земли возможно больших выгод, «высокого чистого дохода»¹⁵ и связывали с использованием улучшенных сортов, современных севооборотов и других агротехнических приемов), «за образцово посаженные виноградники»¹⁶ и пр. Однако это были скорее исключения, которые «все наперечет»¹⁷. Чем было вызвано такое отставание?

Парадоксально, но в Российской империи — стране аграрной, где три четверти населения были связаны с сельским хозяйством, — агрономическая наука до рубежа XIX—XX вв. не вызывала интереса у правящих кругов. Именно это стало одной из причин ее медленного развития. В то время как ведущие европейские страны и США, где государство принимало активное участие в патронаже агрономии, к последней четверти XIX в. уже были покрыты сетью опытных станций, в нашем отечестве этот процесс только начинался. Кто — кроме центральной власти — пытался оказать на него влияние, взять на себя ответственность за продвижение науки в сельское хозяйство?

Частные инициативы в сельскохозяйственной науке

В отличие от других наук, агрономия в России обязана своим развитием частным инициативам. Всё начиналось с аристократов-любителей, которые ради забавы, подобной домашнему театру или охоте, занимались садоводческими нововведениями в собственном поместье. Русские вельможи нанимали лучших голландских, французских и английских специалистов для устройства парков и садов с диковинными заморскими культурами. Иногда для проведения научных экспериментов приглашали ученых. Были и те, кто сам

¹⁵ *Thaer A.D. Grundsätze der rationellen Landwirtschaft.* In 4 Bde. Berlin, 1809—1812; *Тэер А. Основания рационального сельского хозяйства.* В 5 т. СПб.: Тип. М.А. Ширяева, 1830. Т. 1. С. 1.

¹⁶ Краткий отчет о деятельности Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с 30 марта 1898 г. по 30 марта 1899 г. С приложением положения об Ученом комитете и его специальных бюро. СПб.: В.Ф. Киршбаум, 1899. С. 25.

¹⁷ Из переписки В.В. Докучаева и А.А. Измайльского // Научное наследство / А.В. Чеботарева (публ.). М.: Наука, 1951. Т. 2. С. 859—1026.

углублялся в науку: изучал труды по ботанике, вел собственные наблюдения за растениями, проводил всевозможные опыты и даже собственноручно выводил новые сорта. Тон задавала главная аристократическая семья России — Романовы: некоторые из великих князей, а порою и сами монархи становились создателями «образцовых поместий», владельцами частных ботанических садов, авторами руководств по разведению цветов¹⁸.

Известны примеры провинциальных дворян, которые, начав с традиционного для знати устройства садов и культивирования цветов, впоследствии проявили себя в более широком спектре агрономических вопросов — от изучения действия удобрений до разработки сложных севооборотов. Самым успешным любителем-помещиком справедливо считают «отца русских агрономов» тульского дворянина А.Т. Болотова, который оставил след практически во всех областях агрономии — от цветоводства и плодоводства до агрохимии и агротехники. Болотов — создатель «диковинного цвета» роз, гвоздик и тюльпанов, автор многих знаменитых сортов яблони, груши и сливы; ему принадлежат оригинальные исследования влияния удобрений на урожай хлебных культур, первые разработки многопольных севооборотов с плодосменом¹⁹.

Целая группа российских помещиков — славянофилы — поставили своей целью стать «первыми агрономами России». Славянофильство — возникшее в 1840—1850 гг. направление общественной мысли, проповедовавшее идеи самобытного, отличного от западного пути развития России. Уникальность России славянофилы видели в отсутствии классовой борьбы, крестьянской общине и ортодок-

¹⁸ Примером могут служить аграрные увлечения императора Петра I, любителя садов, проводника «садовой науки» в Россию. См. об этом: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII — 20-е годы XX века. В 2 т. М.: Эгмонт-Россия, 2008. Т. 1. Среди известных аристократов-садоводов назовем графа А.А. Бобринского, правнука Екатерины II. Занявшись тепличным разведением цветов, Бобринский начал проводить всевозможные эксперименты по выяснению влияния температуры, освещения и влажности на цветение растений. В итоге он разработал общие приемы регулирования роста и развития растений в закрытом грунте. Результаты своих экспериментов Бобринский изложил в работе, которая стала популярным пособием по тепличному обустройству дворянских поместий: *Бобринский А.А.* О цветении растений // Записки Лебединского общества сельского хозяйства. М., 1852. С. 35—59.

¹⁹ О Болотове как агрономе-любителе см.: *Елина О.Ю.* От развлечений аристократов до декретов большевиков: вехи российской селекции. Конец XIX века — 1920-е гг. // На переломе. Вып. 3. Отечественная наука в конце XIX—XX веках. Нестор-История, 2005. № 9. С. 133—155.

сальном христианстве. Те же приметы самобытности они находили и у зарубежных славян, что объясняет данное им современниками общее имя — «любители славян». Славянофилы идеализировали патриархальный крестьянский строй, ратовали за сближение аристократии с народом, выступали за освобождение и просвещение крестьян, но были противниками конституционных преобразований российского государства²⁰. Не принимая западные модели общественного устройства, будучи консерваторами в политической сфере, славянофилы тем не менее считали необходимым изучать европейские приемы ведения сельского хозяйства, использовать достижения западной науки и дополнять их собственными исследованиями. А.С. Хомяков, один из основателей славянофильства, был пионером введения в практику многопольных севооборотов и травосеянья; в его поместьях в Рязанской губернии разводили улучшенные породы скота. Хомяков собственноручно занимался проведением опытов с минеральными и органическими удобрениями, установил возможность использования в этом качестве отходов винокурения²¹. Сосед Хомякова по губернии А.И. Кошелев, самый богатый из славянофилов, владелец процветающих хозяйств, в 1855—1857 гг. изучал приемы рационального земледелия и скотоводства в Бельгии и Голландии²². Он организовал одни из первых в России опытных испытаний сельскохозяйственных машин, вывезенных с Всемирной промышленной выставки в Лондоне 1851 г.²³

Помимо важного для российских помещиков эстетического и практического интереса к агрономии, помимо возможности прослыть оригиналом и удивить соседей, значимым мотивом обращения к сельскохозяйственной науке была «миссия просветительства». В России просветительство было в особом почете и имело долгую традицию. Восходящее к временам великих модернизаций Петра I, набравшее силу в эпоху Екатерининского «века просвещения», оно оказалось не менее привлекательным для либераль-

²⁰ О славянофилах см.: *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983; *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М.: Ин-т рос. истории, 1994; *Gleason A.* European and Muscovite: Ivan Kireevsky and the Origins of Slavophilism. Cambridge (Mass.): Univ. of Chicago Press, 1971.

²¹ *Кошелев В.А.* Алексей Степанович Хомяков. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 64—66.

²² *Кошелев А.И.* Об испытании английских и американских машин и орудий в 1852 г. М.: Универ. тип. 1852.

²³ *Кошелев А.И.* Поездка русского земледельца в Англию на Всемирную выставку // Московский сборник. Т. I. М., 1852. С. 21—23, 145—243.

ных умов России эпохи подготовки крестьянской реформы. С улучшением, модернизацией сельского хозяйства связывали надежды на совершенствование социальных устоев, «просвещение народа». Устраивая «образцовое хозяйство», испытывая на своих землях травосеянье и минеральные удобрения, помещик затем «насаждал» апробированные технологии на крестьянских наделах, что приносило разнообразные плоды. Крестьяне, получая прибавки к урожаю, осознавали ценность усовершенствований, просили и впредь «помогать новшествами»; помещик радовался «сближению с разумным мужиком», собственному вкладу в «благосостояние страны»²⁴.

Тесно связан с предыдущим и другой мотив: обращение к сельскохозяйственной науке создавало помещику престижную репутацию «рационального хозяина». Устроить «рациональное», «образцовое» хозяйство означало следовать «подлинно правильному», научному, наиболее прибыльному способу организации сельскохозяйственного производства. О «рациональном сельском хозяйстве» в той или иной форме мечтали многие помещики-аристократы. Идеалом становилась такая картина:

«...хозяйство в полном ходу. Поля удобрены (“вон на ту десятину гуано положили”), клевер в обоих полях вскочил густо; стада большие (хороший хозяин не менее 1 1/3 штуки на десятину пашни держит)»²⁵.

Реноме «образцового хозяина» при позитивистских настроениях России середины XIX в. выделяло «прогрессиста», ценилось в среде помещиков, «побуждая их к признанию пользы усовершенствования приемов земледелия»²⁶. Перед «образцовым хозяином» открывались двери ученых собраний; такая репутация могла проложить путь к высоким должностям в губернии и способствовать политической карьере²⁷.

Отмена крепостного права в 1861 г., проведение других социальных реформ повлекло волну реформаторской деятельности в рос-

²⁴ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Помещик // На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений. Собр. соч. Т. 9. М.: Правда. С. 130—131.

²⁵ Там же. С. 136.

²⁶ Там же. С. 142.

²⁷ Будущий глава правительства ковенский помещик П.А. Столыпин активно занимался созданием местного сельскохозяйственного общества, устройством образцового участка для испытания сельскохозяйственных машин и пр. в Ковенской губернии, где его впоследствии выбрали предводителем дворянства. См.: *Елина О.Ю.* Наука для сельского хозяйства: формы патронажа // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 40—63.

сийской экономике. Сельское хозяйство — ее основная отрасль и главный источник экспортных капиталов — начало привлекать внимание широкой общественности с точки зрения его коренного реформирования. Необходимость этого объяснялась еще и тем, что производительность крупных владельческих хозяйств с упразднением бесплатного рабского труда понизилась. Общинное крестьянское земледелие оказалось крайне ущербным из-за малоземелья и чересполосицы²⁸ — серьезных препятствий для технологических нововведений. Чтобы «сдвинуть с места допотопный строй»²⁹ российского земледелия, требовались не только серьезные обобщения западного научного аграрного опыта, но и оригинальные отечественные исследования.

Начиная с 1860-х гг. наряду с помещиками-любителями к сельскохозяйственному экспериментированию обратились профессиональные ученые, прежде всего — университетские профессора. В России профессор, как правило, был землевладельцем, поскольку университетское образование и должность профессора чаще получали представители высшего сословия — потомственные помещичьи дворяне. Однако и разночинцу профессорское кресло давало звание «личного дворянина», что позволяло приобретать имения. На собственном опытном поле профессор мог на практике проверить выводы коллег или заложить оригинальные опыты. В первую очередь за сельское хозяйство взялись профессора-естественники, среди которых лидировали химики.

Потомственный дворянин А.Н. Энгельгардт, профессор химии Петербургского земледельческого института (с 1877 г. — Лесной институт), видел свои профессиональные задачи в следующем:

«Не упуская главной цели — практического образования студентов по химии... содействовать нашему хозяйству химическими исследованиями, направленными к разработке вопросов, касающихся русского сельского хозяйства»³⁰.

А.Н. Энгельгардт принадлежал к старинному дворянскому роду, по семейной традиции должен был стать военным. Окончив Михайловское артиллерийское училище в С.-Петербурге, служил в ла-

²⁸ Чересполосица — разобшенность земельных участков, принадлежащих одной крестьянской семье.

²⁹ В.В. Докучаев — А.А. Измаильскому. Письмо № 36 от 30 ноября 1891 г. // Из переписки В.В. Докучаева и А.А. Измаильского. С. 918.

³⁰ Энгельгардт А.Н. Из химической лаборатории Земледельческого института в Петербурге. СПб., 1867. Вып. 1. С. 1.

боратории Арсенала, где ему довелось руководить отливкой пушек для обороны Севастополя в Крымскую войну 1853—1856 гг. Увлечшись химией сталелитейного производства, он отправился изучать эту область в Германию, на заводы Круппа. Германия с ее разнообразными химическими традициями убедила Энгельгардта в крайней привлекательности ученой специализации в области химии. По возвращении он начал издавать на собственные средства первый в России химический журнал, открыл первую публичную химическую лабораторию. Интерес к химии остался — но эта была уже не металлургическая, а органическая и сельскохозяйственная химия. В 1864 г. Энгельгардт получил назначение в Земледельческий институт в Петербурге, где занял кресло профессора химии. Здесь он также начал с организации лаборатории. Отечественные минеральные удобрения, в том числе фосфорные (прежде всего фосфоритная мука) — одна из тем его лабораторных исследований. В 1866 г. по заданию Министерства государственных имуществ он обследовал фосфоритные залежи в центральных губерниях, провел необходимые анализы и пришел к выводу о необходимости дальнейших испытаний фосфоритов в качестве удобрения. Но в 1870 г. его профессорская карьера неожиданно прервалась: Энгельгардт был арестован за поддержку студенческих сборищ, «распространяющих демократические идеи», и отправлен в ссылку в родовое имение Батищево Смоленской губернии. Там Энгельгардт-помещик занялся приведением в порядок давно запущенного хозяйства; Энгельгардту-ученому представилась возможность от лабораторных работ перейти к полевым опытам. Он начал с агрохимических исследований. В течение многих лет А.Н. Энгельгардт изучал действие отечественной фосфоритной муки на озимую рожь и овес. Результаты получились «просто неожиданные», приведшие к заключению: «чудеса делает фосфоритная мука». Вот как ученый писал о результатах опытов:

«На безнавозных землях, удобренных одной только фосфоритной мукой, рожь сравнительно с ничем не удобренными землями поразительно хороша. Полосы, удобренные фосфоритной мукой, так же резко отличаются от ничем не удобренных, как навозные нивы от безнавозных»³¹.

³¹ Энгельгардт А.Н. О хозяйстве в Северной России и применении в нем фосфоритов // Сборник сельскохозяйственных статей А.Н. Энгельгардта из Батищева, 1872—1888. СПб., 1888.

Исследовались также другие вещества — гипс, каинит (калийное удобрение), известь, навоз в чистом виде и вместе с фосфоритами под различные культуры и кормовые травы. Энгельгардт продемонстрировал различия в эффективности фосфоритов различного происхождения, разной степени помола, на разных почвах; установил позитивное влияние совместного удобрения фосфоритами и навозом, важность внесения каинита под посевы клевера³². Успех батищевских опытов вдохновил Энгельгардта на продолжение работ с минеральными удобрениями. Он детально обследовал залежи сырья в Рославльском уезде Смоленской губернии, установив наличие значительных объемов. Просил денег на расширение опытов у ведавшего тогда делами сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. Попытался привлечь внимание к «фосфоритному вопросу» ученых — членов Вольного экономического общества (ВЭО). Призывами «заметить» русские фосфориты, заняться их переработкой и использованием в качестве удобрений полны научные и публицистические статьи Энгельгардта тех лет. Однако сторонников ни в научных, ни в промышленных кругах почти не оказалось. Коллеги-химики не разделяли энтузиазма Энгельгардта; против минеральных удобрений возражали многие, в том числе один из главных авторитетов — профессор химии Петербургского университета Д.И. Менделеев.

Всемирно известный создатель периодической системы элементов отдал дань увлечению сельскохозяйственными экспериментами, предполагая «одними из первых способов скорейшего улучшения полевого хозяйства — углубление пахотного слоя и употребление искусственных удобрений». Почти одновременно с Энгельгардтом Менделеев в своем имении Боблово под Москвой изучал действие на урожаи тех же культур — овса и ржи — фосфоритной муки и другого фосфорного удобрения — размолотых костей. Полевые опытные исследования в сельском хозяйстве Менделеев ставил чрезвычайно высоко. Он писал:

«Опыты, организованные правильно, ... необходимы для нас как для того, чтобы ближе узнать условия русского земледелия, так и для того, чтобы избрать из научных выводов некоторые — выгодные для нашего сельского хозяйства... Их

³² Помимо опытов с удобрениями, ученый испытывал оригинальную систему 15-польного севооборота, специально разработанную им для нечерноземной полосы России, изучал способы восстановления плодородия выпаханых полей, окультуривания «одичалых земель» и пр.

результаты, положительные или отрицательные, заставят слагаться собственным умозаключениям, распространять лучше других способов ряд истин и дадут опоры для улучшений»³³.

Результаты неожиданно оказались именно отрицательными: применение удобрения на протяжении пяти лет никак не отразилось на урожаях. В то время еще не были проведены исследования почв средней полосы России; не было известно, что подмосковные суглинки, в отличие от кислых подзолистых почв Смоленской губернии, для проявления эффекта фосфоритной и костяной муки нуждаются в дополнительном подкислении; здесь лучше использовать удобрения с фосфорсодержащей группой в растворимой форме. К тому же опыты пришлось на засушливые годы. Как бы то ни было, Менделеев не только сделал вывод о неэффективности фосфоритной и костяной муки в Боблове, но и распространил его на все регионы, все типы российских почв: «Навоз, хорошая обработка и известкование, а не фосфаты нужны нам»³⁴. Его авторитет в ВЭО был достаточно велик, чтобы «фосфоритный вопрос» на долгие годы перестал быть привлекательным объектом исследований.

Таким образом, призывы Энгельгардта так и не были услышаны. О самом «батищевском ссыльном» надо добавить следующее: помимо научных экспериментов и налаживания хозяйства у Энгельгардта было еще одно, не менее важное занятие. Жизнь в деревне сделала его убежденным народником. Народничество — идеология и движение российской интеллигенции — родилось в среде мелкопоместных дворян и разночинцев 1860-х—1890-х гг. В конкретных делах народники оказались в некотором смысле наследниками славянофилов. Одна из сторон их деятельности — «хождение в народ» с целью изучения крестьянской жизни и помощи крестьянам. Однако политической целью движения являлось установление «крестьянского социализма», свержение самодержавия путем крестьянской революции. Поэтому во многих случаях «хождение в народ» имело и другую задачу — пропаганды социалистических идей и организации восстаний. Энгельгардт не был революцион-

³³ Менделеев Д.И. Об опытах Императорского Вольного экономического общества над действием удобрений // Собр. соч. Т. 16. С. 139 [Об опытах Императорского Вольного экономического общества над действием удобрений. Речь, читанная в собрании Общества 17 февраля 1872 г., дополненная примечаниями Д.И. Менделеева. СПб., 1872].

³⁴ Там же. С. 154.

ным народником. Его взгляды гораздо ближе другой разновидности народничества — «экономическому романтизму», в основе которого идеи «народного производства», артельно-общинной организации труда в сельском хозяйстве. Так, Энгельгардт писал:

«Все наши агрономические рассуждения о фосфоритах, о многопольных системах... просто смешны по своей легкости. ... Первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении»³⁵.

По мнению Энгельгардта, аграрная артель должна состоять не только из крестьян, но и из интеллигентных «работников земли». Таким образом, теоретические знания в области аграрной науки — хорошая основа для того, чтобы применить их на практике и «сесть на землю». Не упуская за словами дела, Энгельгардт развернул в Батищеве обучение рациональным приемам сельского хозяйства для «ходовков в народ» из среды интеллигенции с выдачей аттестатов «об умении выполнять все виды полевых и хозяйственных работ»³⁶. Вот его вердикт относительно будущего России:

«Россия — государство земледельческое, русский народ — земледелец, русский интеллигент должен внести свет в русское земледелие, а внести свет он может только тогда, когда будет сам работать на земле»³⁷. «Наше хозяйство не скоро подвинется, если не явятся люди, которые, будучи теоретически подготовлены, займутся им на практике»³⁸.

«Энгельгардт — уже народник, но в его взглядах так много черт, общих всем просветителям», — размышлял об ученом В.И. Ленин³⁹. Просветительство и собственное «рациональное хозяйствование» были одной из причин агрономических занятий профессоров-химиков — и потомственного дворянина Энгельгардта, и личного дворянина Менделеева. Менделеев, например, добивался создания особой сельскохозяйственной академии, одной из задач которой

³⁵ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М.: Мысль, 1987. С. 381.

³⁶ Мертваго А.П. Не по торному пути. Из воспоминаний (1878—1888 гг.). СПб.: Знание, 1900.

³⁷ Энгельгардт А.Н. Из деревни. С. 512.

³⁸ Там же. С. 189.

³⁹ Ленин В.И. Полное собр. соч. 5 изд. Справочный том, ч. 2. М.: Политиздат, 1968. С. 488.

стала бы подготовка учителей для народных сельскохозяйственных школ всех ступеней⁴⁰.

Но главным мотивом, побудившим ученых-химиков к полевому экспериментированию, все-таки был растущий престиж агрономии. В пореформенный период сельское хозяйство для российских передовых умов из рутинного занятия крестьян выдвинулось в область приложения последних достижений науки. Сказалось влияние Западной Европы, где к середине XIX в. прочно утвердилась слава агрономической химии — главного направления, претендовавшего на полное разрешение проблем земледелия и животноводства. Идеи европейских «химиков-универсалистов» и агрохимиков Х. Дэви, Ж.-Б. Буссенго, А. Тэра и Ю. Либиха распространялись в России через русских учеников, традиционно работавших в европейских лабораториях, и благодаря многочисленным переводам. Это привело к тому, что сельскохозяйственную науку в России в определенном смысле стали отождествлять с агрохимией⁴¹. Особой популярностью в России пользовался Юстус Либих. О Либихе говорили и в университетских аудиториях, и в провинциальных гостиницах⁴². Вслед за Либихом русские химики занялись изучением минерального питания растений, исследованиями удобрений. Но в отличие от Германии, где химики продолжали трудиться в лабораториях, в России увлечение агрохимией вылилось в практические опыты в собственных поместьях, где профессора-химики стреми-

⁴⁰ Керова Л.С., Гасанова Н.В. Боблово — одна из творческих лабораторий Д.И. Менделеева. Л.: ЛО ИИЕиТ АН СССР, 1990. С. 8.

⁴¹ Восторженное восприятие русскими учеными сельскохозяйственной химии, глубокое влияние Юстуса Либиха на формирующуюся американскую сельскохозяйственную науку — явления одного порядка, демонстрирующие плодотворность прививки идей Старого Света в молодых научных сообществах. О Либихе и американской науке см.: *Rossiter M. The Organization of the Agricultural Sciences // The Organization of Knowledge in Modern America, 1860—1920 / Ed. A. Olson, E. Voss. Baltimore, 1979. P. 211—248; Rossiter M. The Emergence of Agricultural Sciences: Liebig and the Americans, 1840—1880. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1975.*

⁴² Об известности Либиха свидетельствует русская беллетристика. Показателен в этом отношении роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» — произведение о разрыве поколений, о смене идеалов в русском обществе, о появлении нового героя — интеллигента-прагматика, человека труда, пустой светской болтовне предпочитающего «полезную работу» и четкий язык естественных наук. Именно такой герой — Евгений Базаров — рассуждает о значении химии для общества. Он знаком с трудами Либиха и готов помочь с организацией сельскохозяйственных опытов: *Тургенев И.С. Отцы и дети // Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1980. Т. 7. С. 7—188.*

лись удовлетворить интерес к передовой области знания, которой стала агрономия.

Эпоха ученых-профессионалов не означала ухода любителей с авансены агрономической науки. Напротив, наметился плодотворный союз помещичьих капиталов и научного знания. Всё чаще вместо программ сезонных исследований, рассчитанных лишь на несколько лет, максимум — на десятилетие, стали возникать настоящие опытные станции. Такие проекты оказывались весьма дорогостоящими. Разумеется, проблема земельного ресурса решалась просто — выделением части собственных владений; строительство же лабораторий, теплиц, метеостанций, библиотек, музеев и пр., а также содержание штата постоянных научных сотрудников требовало серьезных затрат. Примером может служить Запольская опытная станция, созданная бароном П.А. фон Бильдерлингом в его родовом имении Заполье Петербургской губернии. Участник русско-турецкой кампании и боевых действиях на Кавказе, Бильдерлинг был также известным организатором промышленности: вместе с братьями Нобель начинал разрабатывать отечественные нефтяные промыслы. Тем не менее, после выхода в отставку в 1887 г. он посвятил себя не промышленности, а сельскому хозяйству. В Заполье Бильдерлинг занимался агрономическими экспериментами, написал ряд руководств по приемам земледелия в условиях северного Нечерноземья⁴³. Главной своей целью он считал устройство полноценной опытной станции. Бильдерлинг, как и многие другие в то время, осознавал недостаточность кратковременных опытов; только постоянно действующая станция могла снабдить достоверными сведениями, способствующими интенсификации хозяйства. В организации и работе станции Бильдерлинг решительно отказался от любительства: программу исследований разрабатывали известные ученые почвовед В.В. Докучаев, агроном А.В. Советов, метеоролог А.И. Воейков⁴⁴. Они же вошли в состав Ученого совета станции — руководящего органа под председательством Бильдерлинга. Был нанят штат научных сотрудников: химик, почвовед, ботаник, агроном, несколько помощников. Помимо практических задач — разработки пустошных участков имения патрона — кол-

⁴³ П.А. Бильдерлинг написал ряд научных трудов по сельскому хозяйству, например: *Бильдерлинг П.А. Удобрение в теории и на практике*. СПб.: Тип. В. Демакова, 1891; *Бильдерлинг П.А. Обзор современного состояния земледелия и сельскохозяйственного образования во Франции*. СПб.: Тип. В. Демакова, 1899.

⁴⁴ *Бильдерлинг П.А. О программе работ Запольской сельскохозяйственной опытной станции // Труды ИВЭО. 1889. Т. I. Кн. 3. С. 37, 38.*

лектив станции занимался составлением почвенной карты земель уезда, изучением способов удобрения местных почв, их потребностей в питательных веществах под те или иные культуры, испытанием сортов сельскохозяйственных растений, экспериментальными работами по садоводству и огородничеству. На средства фон Бильдерлинга была собрана прекрасная библиотека, насчитывавшая около 1000 томов; ежегодно выписывалось 14—15 журналов по сельскому хозяйству и естествознанию, в том числе иностранных. Был организован музей, располагавший гербарием дикорастущей флоры, коллекциями семян сорных растений и метеорологических картограмм⁴⁵. Присутствовал и еще один мотив, важный для понимания обращения к сельскохозяйственной науке помещиков из числа отставных военных, подобных Бильдерлингу. При отсутствии развитой промышленности сельское хозяйство было единственной сферой, которая позволяла бывшим военным или гражданским чинам встроиться в существующую социоэкономическую систему или даже повысить свой социоэкономический статус. С сельским хозяйством связывали как благополучие собственной семьи, так и экономический подъем России. Опытные учреждения служили залогом этого подъема и благополучия в будущем.

Таким образом, частное вспомоществование оставалось одной из весомых форм поддержки сельскохозяйственной науки на протяжении всего XIX в. Менялись лишь его обличья, мотивации и организационные модели. Частные патроны российской сельскохозяйственной науки представляли весьма «разношерстную» коалицию: здесь соседствовали Великие князья, славянофилы, профессора, отставные военные. При некоторой универсальности мотива просветительства для каждой из групп присутствовали и свои особые мотивации, заставлявшие содействовать агрономической науке. Чрезвычайно пестрыми оказались и модели организации экспериментальных исследований: в институциональном отношении — от опытной делянки до станции; в экономическом — от предоставления патроном участка земли до полного финансирования проекта; в отношении научной активности — от участия патрона в работе в качестве главы научного совета до собственноручной постановки экспериментов. Однако, рассматривая эту коалицию в социальном контексте, легко выделить характерную особенность частного патронажа аграрной науки в России. Сельскохозяйствен-

⁴⁵ Сводный отчет Запольской сельскохозяйственной опытной станции по полеводству и садоводству за десятилетний период (1890—1900). СПб.: Тип. В. Демакова, 1900.

ные опытные учреждения рождались здесь в частных поместьях; их создавали помещики разного статуса и достатка — от представителей дома Романовых до личных дворян, университетских профессоров.

Общественные объединения и земства в развитии опытной агрономии

Частное вспомоществование агрономии, исторически первое, естественным образом дополнялось и заменялось общественным. Как было принято и в Западной Европе, и в России, просвещенные аристократы и поместные дворяне — от членов царской фамилии до славянофила Кошелева и профессора Энгельгардта — состояли во всевозможных научных сельскохозяйственных обществах: от самого крупного в империи Вольного экономического до местных губернских и уездных. Проведение сезонных опытов в частном поместье, устройство частной опытной станции становились темой научных докладов и диспутов на заседаниях обществ. Обычной практикой со временем стала поддержка частных начинаний общественными субсидиями, равно как и выполнение намеченного обществом проекта силами его отдельных членов. Иллюстрацией этого могут служить уже упомянутые агрохимические опыты в Боблове (а также в других частных имениях в разных регионах России), которые проводились по инициативе и под руководством Д.И. Менделеева при поддержке Вольного экономического общества.

Приведем другой, менее известный пример, связанный с историей Всероссийского общества сахарозаводчиков, которое столкнулось с необходимостью проведения научных исследований по культуре сахарной свеклы. Членам общества было предложено основать в своих имениях опытные поля. При этом расходы на устройство и содержание полей должны были полностью покрываться из средств землевладельцев. Одними из первых отозвались члены царской фамилии, владевшие землями в южных губерниях России. Например, в поместье Великого князя Михаила Александровича в Курской губернии было организовано Дерюгинское опытное поле; принцесса Е.М. Ольденбургская открыла Рамонское опытное поле в одной из экономий семьи в Воронежской губернии и т.д. Всего к 1917 г. на средства местных помещиков было создано более 20 опытных полей. В задачи этих учреждений входили исследования, направленные на улучшение культуры сахарной свеклы, — с помощью агротехнических приемов, применения удобрений, подбора сор-

тов⁴⁶. Обзоры того времени отмечают, что «под влиянием работ Сети непрерывно падавшие в конце прошлого столетия урожаи свеклы в настоящее время стали заметно повышаться»⁴⁷.

Менее крупные губернские и уездные сельскохозяйственные общества в конце XIX в. также чрезвычайно активно занялись устройством опытных учреждений. Однако они сталкивались с серьезными трудностями: общественных взносов и свободных капиталов членов общества явно не хватало. Приходилось изыскивать дополнительное финансирование, которое чаще всего предоставляли земства.

Земства — институты местного общественного самоуправления — были созданы в соответствии с законом 1864 г., известным как «земская реформа». Задачи земств — т.н. «земские повинности» — состояли в «попечении о пользах и нуждах губернии»: урегулировании вопросов хозяйственной и культурной жизни, таких как строительство и содержание дорог, пожарное дело, торговля, медицина, начальное образование и пр. Земства не получали прямого финансирования от государства⁴⁸. Земские бюджеты складывались из налогов, которыми облагались недвижимость и земельные угодья в регионе.

Организационную основу земства составляли земское собрание и его исполнительный орган — земская управа. Земские собрания утверждали бюджет, ведали раскладом земских повинностей, контролировали работу управы. Члены земского собрания, земские гласные, избирались на основе имущественного ценза и куриальной системы. В результате в большинстве губерний в земских собраниях преобладали дворяне, хотя были и «крестьянские» земства. Земская реформа осуществлялась неравномерно, запаздывая на окраинах империи. «Не земскими» по разным причинам остались Прибалтика, Сибирь (включая Дальний Восток), Кавказ, Средняя Азия, а также Архангельская, Астраханская и Оренбургская губернии.

⁴⁶ Франкфурт С.Л., Рожественский Б.Н. Программа и инструкция к постановке опытов 1900 г. «сети» опытных полей Всероссийского общества сахарозаводчиков. Киев: А.И. Гросман, 1901. С. 1.

⁴⁷ Сеть опытных полей Всероссийского общества сахарозаводчиков, состоящая при лаборатории Южно-Русского Общества поощрения земледелия и сельской промышленности // Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях. С. 83.

⁴⁸ Однако из казны субсидировались многие земские проекты, в частности, связанные с организацией и поддержкой работы опытных учреждений.

Вопросами сельского хозяйства земства занялись сравнительно поздно — с конца 1880-х гг. К этому времени они уже зарекомендовали себя в деле организации региональной медицины, начального образования. Тем не менее, задача модернизации сельского хозяйства со временем стала одной из главных в деятельности земств. Ее предполагалось решить, сосредоточив силы на двух направлениях.

Первое — создание системы агрономической помощи сельским хозяйствам. Империи должна была покрыть сеть губернских и уездных агрономических организаций («служб агрономической помощи»). Во главе такой организации находилось ежегодное агрономическое совещание, на котором утверждали общие направления и рекомендации по практической агрономической работе в регионе. Постоянно действующим органом был сельскохозяйственный (или экономический) совет при земской управе; он ведал текущими делами. Непосредственно с крестьянами работали земские агрономы, за каждым из которых закреплялся определенный участок — от нескольких десятков до сотни деревень, в зависимости от числа агрономов в земской организации. В середине 1890-х гг. лишь единичные земства располагали земскими агрономами; к 1912 г. их численность достигла тысячи, а к февральской революции — превысила 4000.

Второе направление земской модернизаторской деятельности в сельском хозяйстве — поддержка сельскохозяйственных опытных учреждений⁴⁹. Здесь земства чаще всего работали в тандеме с местными сельскохозяйственными обществами. Это легко объяснимо: и земства, и общества опирались на одних и тех же людей — местных сельских хозяев, прежде всего «просвещенных помещиков», которые стремились к улучшениям. Члены сельскохозяйственных обществ в качестве земских гласных участвовали в работе земских собраний; земские агрономы вступали в местные общества. Неудивительно, что более чем в половине случаев земства попечительствовали над опытными учреждениями, устроенными обществами: покрывали полностью или частично затраты на строительство и оборудование, субсидировали исследования, направляли своих агрономов для участия в разработке научных программ. Известны

⁴⁹ Задачи земских агрономических служб и опытных учреждений во многом пересекались. Земские агрономы нередко занимались постановкой сельскохозяйственных опытов; практическая помощь сельским хозяйствам составляла одно из направлений деятельности земских опытных учреждений.

и примеры, когда созданные обществами опытные учреждения полностью переходили на содержание земств. Это не слишком отражалось на направлении исследований учреждения — местные общества и земства имели общие интересы и в сельском хозяйстве, и в связанной с ним науке.

Список опытных полей и станций, организованных земствами и сельскохозяйственными обществами, чрезвычайно велик. Достаточно сказать, что практически все самые известные и крупные опытные учреждения Российской империи — Полтавское опытное поле, Одесское опытное поле, Харьковская селекционная станция, Саратовская сельскохозяйственная опытная станция и многие другие — были созданы по инициативе и на средства «общественного сектора» (куда мы относим не только научные общества, но и земства). В целом 1/3 опытных учреждений страны, существовавших к 1917 г., открылась по инициативе центрального правительства; 2/3 принадлежали к числу «общественных».

Среди мотивов поддержки агрономии земствами и сельскохозяйственными обществами на первом месте — стремление к экономическим выгодам. И в земской среде, и в общественных объединениях хорошо понимали, что для повышения рентабельности сельского хозяйства необходима научная модернизация аграрного производства. Кроме того, земли с высокотехничным, наукоемким сельским хозяйством оценивались выше, позволяли земствам собирать больше налогов. Путь к такому сельскому хозяйству лежал через опытные учреждения, способные предложить рецепты улучшений в применении к местным условиям, и службы агрономической помощи, занимающиеся конкретной практической работой.

Важный мотив вложения земских капиталов в опытные учреждения — стремление земств к контролю над хлебным экспортом (в том числе конкуренция с государством за право собирать налоги в этой сфере) и, в перспективе, самостоятельный выход на мировые аграрные рынки. Упомянем работу в этой области Одесского земства, при поддержке которого проводились регулярные съезды и осуществлялась обширная издательская деятельность по научным и практическим вопросам хлебного вывоза⁵⁰. Вхождение в сферу хлебной торговли требовало от земств постоянного отслеживания достижений зарубежной аграрной науки. В частности,

⁵⁰ См. об этом: *Елина О.Ю.* Земства, центральное правительство и агрономия: страсти вокруг урожая // *Власть и наука. Ученые и власть. 1880 — начало 1920-х гг.* СПб.: Д. Буланин, 2003. С. 298—314.

земства должны были самостоятельно знакомиться с методами хозяйствования основного конкурента — американского фермера, закупать технику, семена и посадочный материал, изучать опыт организации сельскохозяйственной науки в США. Так, подобные задачи поставило Екатеринославское губернское земство перед собственным агентством, открытым в Миннеаполисе. Для заведования был приглашен эмигрировавший в США бывший агроном земства И.Б. Розен, который без труда разместил агентство в своем доме и довольствовался скромным жалованием. Земство учредило агентство в 1908 г., опередив российское правительство, которое долго сомневалось в необходимости подобных агентств за границей и смогло открыть первое только в 1909 г. Со временем Екатеринославское агентство перешло под начало Харьковского общества сельского хозяйства, поддерживаемого Харьковским губернским земством.

Еще одним, хотя и не столь заметным, мотивом создания опытных учреждений стал «местный научный патриотизм»: земства и местные общества напоминали земли Германской империи, университеты которых «соперничали между собой в создании научных кафедр и лабораторий»⁵¹. Губернии стремились опередить одна другую в открытии опытных станций, конкурировали за лучших ученых, «перекупали» зарубежные представительства. Добавим, что «общественный сектор» пытался конкурировать и с внешним «соперником» — государственной академической наукой. Привлеченные научной свободой, высоким местным статусом и внушительным жалованием, в «общественные» опытные учреждения охотно переходили университетские профессора.

Перечисленные мотивы общественного вспомоществования агрономии достаточно универсальны и не объясняют региональных различий. Между тем уже из приведенных примеров можно увидеть, что активнее других в создании опытных учреждений оказались земства и общества южных губерний России. Этот регион, который можно условно назвать «черноземным Югом», являлся главной житницей Империи. Географически сюда относились губернии, которые распределялись между Южным Черноземьем (Воронежская, Полтавская, Харьковская, Область Войска Донского), Южным районом (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская) и Юго-Западным районом (Бессарабская, Волынская, Киевская,

⁵¹ *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М.: Иностранная литература, 1956. С. 308.

Подольская, Черниговская). Наличие множества крупных высокодоходных хозяйств с относительно дешевой рабочей силой, значительные средства от хлебной торговли позволяли местным земствам и обществам «нанимать» науку для интенсификации аграрного производства. Вместе с тем сельское хозяйство региона сталкивалось с особыми трудностями: климатическими — засухами, выветриванием почв, ранними заморозками; биотическими — болезнями и вредителями растений; экономическими — вытеснением русского хлеба с мировых рынков американской мукой. Последнее объяснялось не только активностью конкурентов, но и более низким качеством местного зерна — засоренностью, низким содержанием белка.

Неудивительно, что земства и сельскохозяйственные общества в первую очередь поддерживали научные исследования, способные решить эти проблемы. В результате на Юге возникло значительное количество опытных учреждений — по 10—12 на губернию против 3—4 в среднем по Центральной России⁵². Вот как характеризовал вклад «общественного сектора» Юга в опытную агрономию известный аграрный деятель В.В. Морачевский:

«Первый решительный почин в опытном деле принадлежит сельскохозяйственным обществам главных земледельческих губерний черноземной полосы, где частые недороды и общий недостаток влаги заставляли более передовых хозяев прибегать за помощью к науке. При этом... в этих начинаниях... принимают самое энергичное участие представители агрономических и естественных наук, которым нередко принадлежит самая мысль устройства тех или иных опытных учреждений»⁵³.

Помимо разработки агротехнических методов «сухого земледелия» (приемов сбережения влаги с помощью оптимизации глубины вспашки, времени посева и т.д.), помимо развития сельскохозяйственной энтомологии⁵⁴ главные надежды связывали с селекцией — получением новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур. Потребность в селекционных сортах со специальными

⁵² См.: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 2. Приложение 2. С. 278—350.

⁵³ *Агрономическая помощь в России / Под ред. В.В. Морачевского.* Издание Департамента земледелия. Пг.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1914. С. 360.

⁵⁴ О роли земств в развитии сельскохозяйственной энтомологии на Юге см.: *Федотова А.А.* Хлебный жук и земства: областные энтомологические съезды, 1880-е гг. // *ВИЕТ.* Т. 36. № 3. 2015. С. 474—507.

характеристиками (засухоустойчивость, зимостойкость, неполегамость и т.д.) привела в начале XX в. к созданию общественных селекционных опытных учреждений, основным направлением работы которых стала селекция. До этого времени крупных селекционных учреждений в Российской империи практически не было; лишь в западных губерниях действовали небольшие, главным образом частные селекционные станции, занимавшиеся преимущественно селекцией и семеноводством сахарной свеклы.

Южнорусские земства и общества начали объединенными усилиями создавать селекционные отделы и специализированные станции, отправлять ученых-агрономов на международные конгрессы, в сельскохозяйственные школы и опытные учреждения Германии, Франции, Швеции и США «учиться новой дисциплине селекции». Активность южнорусского «общественного сектора» привела к тому, что географически селекционные исследования сосредоточились главным образом в этом регионе: «черноземный Юг» стал центром формирования нового научного сообщества — сообщества селекционеров.

Особенностью российского дискурса в этой области стало отдельное имя, которое дали дисциплине, известной во всем мире как *plant breeding*, *Pflanzenzüchtung*. Наиболее близким переводом является сложная русская конструкция *выведение сортов (пород) растений*, которую обычно упрощали до *сортОВОДНОГО ДЕЛА, сортОВОВЕДЕНИЯ, сортОВОДСТВА*. Последние два термина, а также традиционное *растениеводство* (к которому в XX в. начали добавлять определение *племенное*) широко использовались в научной литературе рубежа XIX—XX вв. для обозначения занятий по получению новых сортов сельскохозяйственных растений⁵⁵.

Тем не менее, этой науке было придумано новое имя: *селекция* — от латинского термина *selectio*, отбор. *Селекционер* — название, выбранное для себя представителями новой дисциплины, — это ученый-агроном, который разделяет идеи менделевской генетики, использует современные научные интерпретации и практику при выведении новых сортов. Это имя устанавливало познавательную и институциональную дистанцию между новым поколением *селек-*

⁵⁵ Так, учебник М. Лебнера «*Pflanzenzüchtung für Gartenbaufachmann*» (Berlin, 1909) при переводе с немецкого в Петербурге получил название «СортОВОДСТВО для садоводов», в Москве — «Основы селекции садовых растений». См.: *Лебнер М.* СортОВОДСТВО для садоводов / Пер. с нем., с доп. А.Н. Челинцева. СПб.: А.Ф. Девриен, 1912; *Лебнер М.* Основы селекции садовых растений / Пер. с нем. В.М. Энгельгардт / Под ред. С.И. Жегалова. М.: Тип. А.И. Тер-Арутюнова, 1912.

ционеров, имевших научную подготовку, амбиции и мотивации, и более традиционными *растениеводами*. Оба типа практиков существовали в Европе и США, но там их не разделяли, называя общим именем *plant breeders*⁵⁶. Акцентирование новизны дисциплины произошло лишь в России с важными последствиями для этоса, самоидентификации и исследовательского выбора членов сообщества.

Впервые в новом контексте термин *селекция* употребил, по-видимому, преподаватель Московского сельскохозяйственного института Д.Л. Рудзинский на Втором Всероссийском съезде деятелей по опытному делу в 1902 г. Хотя Рудзинский, определяя «науку об улучшении и выведении новых сортов», использовал термин «семеноводство»⁵⁷, он озаглавил свой доклад, получивший одобрение съезда⁵⁸, «О селекционных семенных станциях Западной Европы и об организации таковых в России». Доклад Рудзинского дал сигнал о зарождении новой дисциплины. С двойного определения — «селекционные семенные», от которого постепенно отпала часть (превратившись в самостоятельное направление — *семеноводство*), началось трудное распространение и утверждение новой российской дисциплины *селекция*.

Другой селекционер, молодой сотрудник Саратовской станции А.И. Стебут в своих работах употреблял термин *сортководство*, *сортвыведение*, расшифровывая его как *селекция*: «...сортководством, или сортвыведением, [является] учение и умение создавать более урожайные сорта»⁵⁹. Стебут — один из немногих ученых, кто серьезно размышлял над ролью *слова*, *понятия* как движущей, консолидирующей силы науки. Во вступительной главе своей книги «Сортководство» он так определял ситуацию в отечественной се-

⁵⁶ Webber H.J., Bessey E.A. Progress of Plant Breeding in the United States // Yearbook of Agriculture. 1899. P. 465—490.

⁵⁷ Рудзинский Д.Л. О селекционных семенных станциях Западной Европы и об организации таковых в России // Труды Второго съезда деятелей по сельскохозяйственному опытному делу в Санкт-Петербурге с 14 по 20 декабря 1902 г. Ч. 2. Протоколы заседаний съезда с приложениями некоторых докладов и сообщений. СПб., 1905. С. 27.

⁵⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 382 (Сельскохозяйственный ученый комитет Министерства земледелия (МГИ, МЗиГИ, ГУЗиЗ). Оп. 9 (Постоянная комиссия по опытному делу). Д. 264 (Всероссийский съезд деятелей по опытному делу 1902 г.). Л. 9—17; Труды Второго съезда деятелей по сельскохозяйственному опытному делу в Санкт-Петербурге с 14 по 20 декабря 1902 г. Ч. 1. Постановления и ходатайства съезда. СПб., 1905.

⁵⁹ Стебут А.И. К методике сортвыведения. Харьков: Изд. Южнорус. сельскохозяйственной газеты, 1910; Стебут А.И. Сортководство (селекция сельскохозяйственных растений). Харьков: Изд. Южнорус. сельскохозяйственной газеты, 1911. С. 3.

лекции и необходимость введения нового термина (по Стебуту — сортоводства):

«Слова имеют громадное значение. Словом определяется понятие, словом же облегчается понимание друг друга... Не одно только пустое желание выдумать термин и тем самым стяжать себе славу “изобретателя” заставило меня придумать новое слово... Как Д.Л. Рудзинский, один из пионеров сортоводства, так и переводчики сочинения Фрувирта воспользовались для заглавия словом “семеноводство”. Таким образом, специальная литература устанавливает свой термин. Кроме этого термина в общей сельскохозяйственной литературе, а также в разговорном языке встречается другой, пожалуй, более распространенный, чем “семеноводство”, термин “селекция”. Почему специальная литература разошлась в данном случае с общей и не воспользовалась словом “селекция”, неизвестно»⁶⁰.

Сортоводство Стебута, как и все другие термины, просуществовав параллельно с *селекцией* в течение короткого периода, впоследствии были окончательно вытеснены. Приходится констатировать, что «общая литература» и разговорный язык победили в терминологическом противостоянии.

Продвижение селекции получило колоссальный импульс от проведения первого Всероссийского съезда деятелей по селекции и семеноводству сельскохозяйственных растений, созванного в 1911 г. в Харькове по инициативе и на средства местных земств и обществ. Благодаря съезду стало очевидно: дисциплинарное сообщество селекционеров в России — пусть и небольшое, с трудом себя утверждающее и воспроизводящее, с еще недостаточной институциональной базой — уже существует. А через несколько лет после съезда об имперской России можно было говорить как о стране с медленно, но неуклонно развивающейся научной дисциплиной селекция. Вот количественные характеристики дисциплинарного строительства селекции к 1915 г.:

— 12 специализированных селекционных станций, 10 из которых были общественными;

— еще на 30 опытных станциях и полях (также преимущественно негосударственных) — отделы селекции или программы селекционных исследований⁶¹;

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См.: Агрономическая помощь в России. С. 480, 481.

— более 30 контрольных семенных и сортоиспытательных общественных станций⁶²;

— лекционные курсы по селекции и практические занятия (иногда в рамках курсов по растениеводству, общему земледелию и т.д.) во всех учебных заведениях империи;

— несколько десятков учебников и практических руководств по селекции, главным образом переводных, издаваемых преимущественно на средства обществ сельского хозяйства и земств;

— специализированная периодическая печать с регулярными рубриками по селекции («Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России», «Южно-русская сельскохозяйственная газета», «Агрономический журнал» (Харьковское общество сельского хозяйства), «Полтавские агрономические известия» (Полтавское губернское земство), «Земский агроном» (издавался на частные средства А.В. Тейтелем при поддержке общественных организаций Самарской губернии), «Труды Бюро по прикладной ботанике» (с 1918 г. — «Труды по прикладной ботанике и селекции»), «Журнал опытной агрономии»);

— региональные общественные съезды по селекции в Харькове (1911 г.), Санкт-Петербурге (1912 г.); намеченный на 1915 г. съезд в Москве не состоялся из-за военных событий⁶³.

Мы говорим о становлении селекции так подробно, поскольку именно с этой дисциплиной оказалась связана научная судьба Петра Ивановича Лисицына. Он вошел в сообщество первых селекционеров, которое в значительной степени состояло из представителей «общественного сектора»: среди десятка имен упомянем прежде всего П.В. Будрина и В.Я. Юрьева с первой специализированной Харьковской селекционной станции губернского сельскохозяйственного общества, В.В. Таланова с земской Екатеринославской сельскохозяйственной опытной станции, А.И. Стебута с земской Саратовской опытной станции, А.А. Сапегина с земской Одесской опытной станции, П.Н. Константинова с земской Краснокутской станции (Самарская губ.), Д.Л. Рудзинского — основателя селекционной станции в Московском сельскохозяйственном институте. Станции были созданы в 1903—1912 гг., на них начались работы по селекции яровой и озимой пшеницы, ржи, овса, ячменя, вики,

⁶² Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений. Пг., 1915. С. 22—25.

⁶³ Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 419 (МОСХ). Оп. 1. Т. 2. Д. 2719—2721 (о созыве 2-го селекционного съезда в Москве в 1915 г.).

сахарной свеклы, которые со временем, уже при Советской власти, принесли результаты — сорта.

В 1911—1913 гг. земства пяти губерний — Московской, Киевской, Екатеринославской, Харьковской и Саратовской — провели совещания по вопросам создания крупных земских областных опытных станций. С этих станций, своего рода моделей, образцов, предполагалось начать организацию десятков областных опытных центров по всей России. Областные станции с подчиненными им губернскими опытными станциями и полями должны были стать основой государственной сети опытных учреждений. Предполагалось, что исследовательские программы станций покроют весь фронт агрономических исследований — от агрохимии до селекции; для этого планировались соответствующие отделы с лабораториями, солидный штат сотрудников⁶⁴. Определяя основные задачи областных станций, земства исходили из следующего:

«Разнообразие естественных условий вызывает необходимость организации густой сети местных опытных учреждений, ведущих работу преимущественно наблюдательного характера, а сложность сельскохозяйственных явлений требует дополнения этой сети учреждениями областной опытной станции, способной ... применять при исследовании сельскохозяйственных явлений всю совокупность современных методов агрономической науки»⁶⁵.

Екатеринославская, Харьковская и Саратовская станции открылись и начали работать уже в 1911—1912 гг.; там использовалась организационная база уже существующих общественных и земских учреждений (в Харькове — Селекционной станции). В Москве и Киеве предстояло выстроить опытные учреждения практически на пустом месте. Земствам других губерний, например, Пермской, которые также вынашивали планы организации станций, начать их практическую реализацию помешала Первая мировая война.

⁶⁴ Например, при планировании Московской областной опытной станции наметили 9 отделов: метеорологический; почвоведения; прикладной ботаники с подотделами общей ботаники и физиологии растений; селекции и сортоводства; агрономической химии; бактериологии; борьбы с вредителями; садоводства и огородничества; животноводства с подотделом пчеловодства. См.: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 2. С. 224—230.

⁶⁵ Материалы к проекту организации Московской областной сельскохозяйственной опытной станции. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1912. 71 с.

За четверть века своей агрономической деятельности земства превратились в одного из мощных патронов агрономической науки, поделив работу по устройству опытных учреждений с сельскохозяйственными научными обществами. Земства стали не только лидером в организации опытных учреждений, но и своего рода патроном-флагманом, на который ориентировались все другие силы, поддерживавшие науку. Во многих своих начинаниях они опережали государство, вынужденное идти в фарватере земских инициатив. Вспомоществование со стороны «общественного сектора» сыграло решающую роль в конституировании молодых научных сообществ, прежде всего селекционных.

**Государство в деле развития
сельскохозяйственной науки.
От поддержки «садовой науки»
до имперской программы развития
опытных учреждений**

Вопрос о государственном участии в научном преобразовании сельского хозяйства обсуждался в Российской империи практически при каждом новом правителе. Отдельные шаги предпринимались, что-то сдвигалось с места. Так, в Петровские времена начали работать государственные структуры, где сосредоточились вопросы управления сельским хозяйством. Речь идет о созданной в 1719 г. Камер-коллегии (Коллегии окладных сборов), в обязанности которой в том числе вменялось:

«О состоянии, натуре и плодородии каждой провинции и запустелых дворов и земель накрепко уведомляться», «такое ж земледелие, скотские припюды и рыбные ловли везде по возможности умножать, к приращению приводить»⁶⁶.

Самого императора особенно интересовала «садовая наука». Здесь он выступал продолжателем традиции государственного покровительства ботаническим садам, уходившей корнями в XVII в., правление его отца Алексея Михайловича. По указу Петра I были заложены императорские сады, где происходила активная коллекторская работа (Летний сад в Петербурге, Петергофский и Стрельненский в его окрестностях). При Петре начался стремительный рост числа аптекарских огородов, расширение сферы их деятельности, про-

⁶⁶ Цит. по: Агрономическая помощь в России. С. 59.

движение в провинцию⁶⁷. Забота о садах была закреплена Петром во многих указах и распоряжениях, заложивших основу «государевой политики» в области садоводства и агрономии. Отметим учреждение в 1710 г. Садовой конторы — первого государственного ведомства, отвечающего за устройство садов и распространение практических знаний по садоводству. К Петровским временам относится создание в России садоводческих школ (курируемых Петром и организуемых, как правило, его протеже-иностранцами), отправка молодежи за границу для постижения «науки садовых дел»⁶⁸. В этот период появляются первые руководства по садовому устройству и сельскому хозяйству на русском языке: «Книга о скудости и богатстве» (1724 г., первое издание — 1842 г.) активного сторонника петровских реформ И.Т. Посошкова⁶⁹, перевод трехтомного труда Гохберга о сельском хозяйстве Германии (с составленным самим Петром руководством для переводчиков и написанной им главой «О бережении земледельцев»), известный как «Флоринова экономия» (1738 г.)⁷⁰.

Знаменитый «Наказ», подготовленный Екатериной II для Уложенной комиссии в 1767 г., вероятно — первый развернутый программный документ, определивший властную позицию в этой сфере. В «Наказе» утверждалось:

«Земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно... Не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничтожении или незначительно производится...»⁷¹.

Основная мысль «Наказа» — осознание необходимости «насаждать» рачительное, рациональное сельское хозяйство. Впервые сельское хозяйство рассматривалось не только как традиционное занятие и умение крестьян: в нем увидели область, требующую

⁶⁷ Был заложен первый огород в Петербурге; открылось несколько новых в Москве. По указу Петра I разбили «коронные сады» в Воронеже, аптекарский огород на Полтавщине; в середине XVII в. огороды появились в Астрахани, Тобольске и др.

⁶⁸ Подробнее об этом см.: *Дубяго Т.Б.* Русские регулярные сады и парки. Л.: Стройиздат, 1963. С. 44—51; *Столянский П.Н.* Старый Петербург. Садовник Эклбен и первая школа садоводства в С.-Петербурге. Пг., 1914.

⁶⁹ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М.: Соцэкгиз, 1937.

⁷⁰ Флоринова экономия, в 9 книгах состоящая / Сокр. пер. В.В. Волчкова. 5-е изд. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1794 [1738]. Об этом труде см.: *Благой Д.Д.* История русской литературы XVIII в. М.: Учпедгиз, 1945. С. 81—83.

⁷¹ ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. XVII. № 12801. Пар. 294.

реформирования «сверху» — авторитетом власти и «сведущих людей». Ибо крестьяне в России «не имеют к земледелию ни ободрения, ни рачения», оттого «поля, могущие пропитать целый народ, едва дают прокормление одному семейству»⁷².

«Рачение о земледелии» стало одной из основных задач учрежденного под патронажем Екатерины в 1765 г. Вольного экономического общества, получившего статус императорского (ВЭО, ИВЭО)⁷³. Забота об улучшении земледелия легла в основу массового «ввоза» в Россию иностранных колонистов. Русским дипломатам предписывалось при отборе колонистов учитывать, что России «особливо нужны земледельцы и пахотные люди». Посол в Гамбурге граф В.П. Мусин-Пушкин писал:

«Колонисты могут приобретенным своим искусством, рукодельством, промыслами и разными незнаемыми еще в России машинами открыть русским подданным легчайшие и кратчайшие средства к обрабатыванию земель, к распространению домашнего скота... к управлению всего крестьянского домоводства»⁷⁴.

Многие из других инициатив «Наказа» остались на бумаге или были делегированы ВЭО: екатерининское правительство не ознаменовало свою деятельность серьезными свершениями в деле улучшения сельского хозяйства.

В короткий период правления Павла I (1796—1801 гг.) состоялись крайне важные нововведения. Была учреждена «Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства» — прообраз будущего Министерства государственных имуществ. В обязанности Экспедиции входило:

«Указывать точный путь, по которому бы не только рукоделие, но даже и самые произведения природы искусством и тщанием удобнее могли быть приводимы в лучшее час от часу состояние и совершенство»⁷⁵.

⁷² Там же. Ст. 265, 279.

⁷³ См. об этом: *Елина О.Ю.* Сельскохозяйственные общества России. 1765—1920-е годы: вклад в развитие агрономии // *Российская история.* 2011. № 2. С. 27—45.

⁷⁴ Цит. по: Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912 гг.) / Сост. Г.К. Гинс и П.А. Шафранов. Пг.: Изд. канцелярии ГУЗиЗ, 1914. С. 214.

⁷⁵ Цит. по: *Агрономическая помощь в России.* С. 61.

Экспедиция занималась, в том числе, рассмотрением проектов по улучшению земледелия, подготовленных частными лицами, обществами и пр.⁷⁶ Сельское хозяйство, земледелие в частности, впервые законодательно попало в реестр государственных ответственностей. За недолгое время своего существования (как многие начинания Павла, это учреждение было упразднено после его кончины) Экспедиция успела открыть в 1797 г. близ Павловска под Петербургом «практическую школу земледелия» для слушателей разных сословий, которую патронировал лично император⁷⁷.

В годы царствования Александра I (1801—1825 гг.) с постоянным участием Российской империи в военных кампаниях и европейской политике сельским хозяйством интересовались мало. Соответствующим было и управление этой областью. После 1803 г. сельским хозяйством ведало Министерство внутренних дел, с 1811 г. — Министерство финансов (Департамент государственных имуществ)⁷⁸. Правда, отдельные отрасли (плодовое и декоративное садоводство, в том числе работы по интродукции новых культур) продолжали оставаться в поле зрения правительства и даже испытали ошутимый подъем. Как и в других европейских странах (Франции, Великобритании, Австрии), развитие ботанических садов в конце XVIII — начале XIX вв. явилось отражением геополитической экспансии Империи. Европейские военные походы, освоение южных окраин требовали от правительства организации всестороннего изучения новых территорий, в том числе изучения ресурсов местной флоры. И не только в экспедиционном режиме, но и в стационарных условиях ботанических садов, которые оказались востребованы вновь.

Важнейший этап в формировании государственной политики в области агрономии связан с обсуждением необходимости специального сельскохозяйственного департамента в годы правления Николая I (1825—1855 гг.). Особую остроту этому вопросу придал неурожай 1833 г. Начали с главной, как справедливо считали, предпосылки улучшения сельского хозяйства под эгидой государства —

⁷⁶ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности. С. 215.

⁷⁷ Школа создавалась, чтобы готовить специалистов в области сельского хозяйства и наставников для распространения сельскохозяйственных знаний, и имела общую цель: «приведение сельского домоводства в успешнейший порядок и надежное устройство». В течение трех лет преподавались как теоретические, так и практические курсы, поскольку «по части сельского хозяйства различные подробности одними предписаниями без действительного опыта изъяснены и доказаны быть не могут». Цит. по: Агрономическая помощь в России. С. 62—64, 69.

⁷⁸ Там же. С. 3.

подготовки специалистов. Граф Н.С. Мордвинов, в то время председатель Вольного экономического общества, составил и передал императору записку, в которой говорилось:

«Изобилие и качество плодов зависит от степени просвещения в науке сельского хозяйства; сия же наука, полезнейшая в составе всех других, мало еще известна в России, ибо ни в одном из учебных заведений не преподается...»⁷⁹

Записка Мордвинова повлекла создание в 1834 г. «Комитета об усовершенствовании земледелия в России»⁸⁰ при Государственном совете; при его содействии открылась кафедра агрономии в С.-Петербургском университете, была создана земледельческая школа в «казенном» имении Горы-Горки Могилевской губернии (в 1848 г. одно из отделений было преобразовано в Горы-Горецкий Земледельческий институт)⁸¹.

Под влиянием инициатив Комитета 26 декабря 1837 г. в Российской империи было учреждено Министерство государственных имуществ (МГИ)

«для высшего и общего по всему государству ведомства дел, относящихся к управлению государственными имуществами, к попечительству над государственными крестьянами всех наименований, свободными хлебопашцами, иностранными поселенцами и кочующими народами, а также и *принадлежащих вообще к усовершенствованию и распространению сельского хозяйства* (выделено нами. — *О.Е.*)»⁸².

Нас будут интересовать те подразделения министерства, которые должны были быть связаны с усовершенствованием сельского хозяйства. Это, прежде всего, Ученый комитет (УК) — выборный коллегиальный орган, созданный для рассмотрения вопросов,

⁷⁹ Цит. по: Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности. С. 215.

⁸⁰ Комитет должен был указать меры к улучшению земледелия и изыскать средства к их осуществлению. Комитет пришел к заключению о необходимости: 1) издания земледельческой газеты для распространения сведений об улучшении сельского хозяйства; 2) учреждения нескольких учебных заведений с опытными хуторами для практического воспитания управляющих имений; 3) учреждения механического заведения для приготовления усовершенствованных орудий и устройства в губерниях депо по продаже таких орудий. Комитет предлагал создать для этих целей специальный «земледельческий департамент». Там же. С. 216.

⁸¹ В 1863 г. Горы-Горецкий институт был переведен в Санкт-Петербург и с 1877 г. реорганизован и перепрофилирован в Лесной институт.

⁸² Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности. С. 4.

«...кои, заключая в себе новое предположение, или исправление недостатка существующих учреждений по сельскому хозяйству и государственных имуществ, требуют сведений специальных и соображений ученых»⁸³.

Отметим, что УК, оставаясь долгое время совещательным органом, до рубежа XIX—XX вв. мало влиял на политику ведомства в области агрономии. Членами УК являлись главы подразделений МГИ, ведущие ученые-аграрии, представители российской сельскохозяйственной элиты⁸⁴. Особая роль отводилась специальному 3-му Департаменту министерства (впоследствии — Департамент сельского хозяйства, Департамент земледелия, ДЗ), который должен был заняться непосредственным «усовершенствованием и распространением сельского хозяйства». Однако в первые десятилетия департамент уделял мало внимания профильной деятельности, сосредоточив усилия на общих задачах ведомства по попечению над государственными имуществами, крестьянской реформе и т.д. Среди немногих его достижений — создание казенных учебных ферм в основных сельскохозяйственных районах Европейской России⁸⁵.

Если практическое улучшение сельского хозяйства продвигалось медленно и с большими препятствиями, то в области сельскохо-

⁸³ Положение об Ученом комитете Министерства государственных имуществ. СПб.: Изд. ДЗ, [б.г.]. С. 1; Сельскохозяйственный ученый комитет. Краткий очерк его деятельности и задач. М., Пг., Киев: Издат. отдел НКЗ, 1919. С. 3.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Открыли восемь таких ферм — в Тамбовской, Луганской, Екатеринославской, Харьковской, Самарской, Саратовской, Казанской и Вологодской губерниях. Согласно высочайше утвержденному 28 мая 1841 г. положению, на каждой ферме предполагалось содержать от 100 до 200 молодых людей в возрасте от 17 до 20 лет; три четверти из них должны были набираться из государственных крестьян, по одному от волости, остальные могли быть из помещичьих крестьян. Срок обучения — четыре года, поделенные на два двухгодичных курса. Ученикам старших классов на ферме должны были отводить особые участки для самостоятельной практики; лучшие из окончивших курс могли служить в особых «казенных» образцовых усадьбах, учреждаемых в волостях и при сельских обществах. Однако проект не получил долгой жизни. Главным препятствием оказалось то, что крестьяне не слишком охотно отдавали своих детей на фермы; а вернувшись домой, выпускники не использовали полученные знания для улучшения хозяйства. В конце 1850-х гг. фермы начали закрываться, и в дальнейшем лишь одна-две сохранились как вспомогательные площадки для практических занятий при открывшихся земледельческих училищах. Тем не менее, всего на фермах до 1865 г. прошли обучение около 2,5 тыс. человек. См.: Агрономическая помощь в России. С. 83—85.

зыйственного образования явно имелись достижения. Они пришлось на период Великих реформ и общую либерализацию российской общественно-политической жизни. Еще в 1859 г. был основан Музей сельских произведений в Санкт-Петербурге (Сельскохозяйственный музей)⁸⁶. В 1865 г. открылась Земледельческая и лесная академия в Петровско-Разумовском под Москвой; в 1869 г. был создан Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии под Пулавами (Люблинская губерния Царства Польского); во многих университетах организовали кафедры агрономии (агрохимии)⁸⁷.

Реформы 1860-х гг. изменили экономические отношения в деревне, условия хозяйствования; вопрос перехода к интенсивным приемам, проблема повышения рентабельности сельского хозяйства встали как никогда остро. Хотя объемы экспорта зерна в абсолютных показателях росли, Россия неуклонно теряла экспортное лидерство, вытесняемая США; доходы от экспорта хлеба в империи в силу разных причин сокращались⁸⁸. Однако Министерство государственных имуществ не спешило реагировать на кризисную ситуацию, занимаясь другими проектами⁸⁹.

Главным толчком к проведению реформы опять оказались засуха и голод начала 1890-х гг., получивший название «великого». Правительству пришлось вплотную заняться аграрными проблемами. Произошло невиданное доселе событие: работу по выводу сельского хозяйства из кризиса поручили ученым: после отставки министра государственных имуществ ему на смену впервые при-

⁸⁶ Николаенко В.А. Императорский сельскохозяйственный музей в С.-Петербурге и некоторые вопросы аграрной истории России второй половины XIX — начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

⁸⁷ См. об этом: Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. Т. 2. С. 40—56; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. М.: Изд-во МГУ, 2002—2004.

⁸⁸ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. СПб.: В.Ф. Киришбаум, 1907. С. 15.

⁸⁹ Надо отметить, что многие из них были по-своему важны. Так, в 1875 г. по заданию ДЗ составлялись почвенные карты России для Географического конгресса в Париже. К работе был привлечен, в частности, В.В. Докучаев. Считается, что с этими работами связано зарождение генетического почвоведения, принесшего мировую славу русской науке. Изучением залежей «агрономических руд», прежде всего — фосфоритов, в 1870-х гг. по заданию того же ДЗ занимался А.Н. Энгельгардт. Предвестником перемены в министерстве стала работа созданной в 1888 г. под началом В.К. Плеве «Комиссии по вопросам падения цен на сельскохозяйственные произведения».

гласили специалиста — выпускника Лесного института, ученика Энгельгардта, Алексея Сергеевича Ермолова⁹⁰.

Под началом Ермолова в 1894 г. прежнее министерство было упразднено; вместо него появилось Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) со значительно укрупненным Департаментом земледелия (ДЗ). На ключевые посты в новом министерстве Ермолов пригласил также ученых, своих коллег — агрохимика П.А. Костычева (ученика Энгельгардта), известного профессора-агронома И.А. Стебута, экономиста, специалиста по сельскому хозяйству В.И. Ковалевского и других. Высокообразованные профессионалы, знакомые с западными моделями модернизации сельского хозяйства, они полагали, что только на базе науки удастся застраховать аграрную промышленность от кризисов, что и в России эту область можно сделать наукоемкой.

Сельскохозяйственная наука, агрономия как основа модернизации оказалась в центре внимания. Важнейшим шагом Ермолов и его соратники считали создание государственной сети опытных

⁹⁰ Ермолов, Алексей Сергеевич (1847—1917) — русский агрохимик и агроном, государственный и общественный деятель, «образцовый помещик». Окончил Императорский Александровский лицей, поступил на службу в Департамент сельского хозяйства (позже Департамент земледелия и сельской промышленности) МГИ; одновременно изучал сельскохозяйственные науки в Санкт-Петербургском земледельческом институте (ученик А.Н. Энгельгардта), по окончании которого получил степень кандидата сельского хозяйства (1870). Старший редактор статистического отдела департамента, член УК министерства (1881—1892). Руководил экспедицией для исследования овцеводства в России, результаты работ которой были изданы под его редакцией. В 1883 г. назначен директором Департамента неокладных сборов Министерства финансов; в частности, им был подготовлен закон о мерах к поддержанию сельскохозяйственного винокурения (1890). С 1892 г. — товарищ министра финансов, с 28 марта 1893 г. — министр государственных имуществ. Успешно провёл преобразование ведомства в Министерство земледелия и государственных имуществ. Уделял много внимания развитию агрономии, сельскохозяйственного образования, кустарной промышленности, курортного обеспечения и пр. Один из разработчиков аграрной реформы. Вице-президент ВЭО (1886—1888). Занимался практическим применением сельскохозяйственных знаний: в своём имении Большая Алешня под Рязком (Рязанская губ.) устроил опытное поле и конный завод (сохранились парные особняки в неоготическом стиле с аркой между ними). Автор научных трудов в области агрохимии, агротехники и общих проблем полеводства, в том числе выдержавшей пять изданий работы «Организация полевого хозяйства» (1879). Действительный тайный советник (1896), статс-секретарь (с 1903), член Государственного совета (с 1905). О Ермолове см.: *Воронов И.И.* Министерство земледелия Российской империи: XIX — начало XX вв. Красноярск, 2013; *Колчинский Э.И.* Ермолов Алексей Сергеевич // Биология в Санкт-Петербурге, 1703—2008. Энциклопедический словарь / Э.И. Колчинский, А.А. Федотова (сост.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 182—183.

учреждений и служб агрономической помощи под эгидой МЗиГИ. Согласно программе регионального развития опытной агрономии, разработанной главой ДЗ П.А. Костычевым, предстояло создать десятки «казенных» районных опытных станций, где ученые-агрономы занялись бы системными исследованиями главных сельскохозяйственных проблем. Отчасти эта программа выстраивалась по американскому образцу, в основе которого — федеральные законы, стимулирующие и регламентирующие инициативы штатов. Одновременно необходимо было решить вопрос подготовки достаточного количества агрономов. Важный шаг был сделан уже в 1894—1896 гг., когда окрылись первые государственные опытные станции, расширилась деятельность Ученого комитета, при котором были организованы научные бюро⁹¹.

Российские реалии внесли, однако, свои коррективы в программу государственной поддержки агрономии. МЗиГИ вынуждено было изменить свою тактику. Во-первых, пришлось затормозить создание исследовательских бюро при Ученом комитете: не было денег для полноценной научной работы; многие считали, что России вообще не нужны подобные учреждения, «оторванные от земли». Во-вторых, создаваемую государственную сеть опытных станций стали пополнять существующими частными, общественными и земскими учреждениями. Такая мера, на первый взгляд, также была продиктована финансовыми соображениями: министерству не хватало средств на создание собственных учреждений. Однако тактика компромисса оказалась еще более глубоко продуманным шагом. Работа земств и региональных сельскохозяйственных обществ к тому моменту шла настолько успешно, получила такую широкую поддержку, что в министерстве вынуждены были учитывать активность «общественного сектора». К тому же без учета «общественных достижений», привлечения земских капиталов едва ли можно было достичь высоких результатов за короткий срок, как этого требовало правительство. В итоге чиновники выбрали оптимальное решение — поддержать и включить в государственный пул все негосударственные опытные учреждения.

МЗиГИ постаралось взять на себя самые существенные участки организационной работы: было начато никогда не проводившееся ранее масштабное сельскохозяйственное районирование территории империи. В результате проведенных исследований, на основе обобщения естественноисторических, физико-географических и экономических данных, было выделено несколько десятков сель-

⁹¹ См. об этом главу V.

скохозяйственных районов (областей). В каждом из них (примерно соответствующем территории одной-двух губерний) предстояло создать областную опытную станцию на объединенные средства государства и земств. Нетрудно заметить, что в этой части государственной программы много общего с упомянутыми выше земскими планами организации опытных станций. Действительно, МЗиГИ использовало оригинальные земские идеи и заделы, дополнив их соблазнительным для многих не слишком богатых земств предложением совместного финансирования областных опытных станций. Под началом областных станций должны были действовать менее крупные районные станции и поля, организовать которые земствам предлагалась уже без привлечения государственных средств — объединив усилия с местными сельскохозяйственными обществами, используя частные капиталы.

Поиск взаимопонимания с земствами по отдельным вопросам программы, согласование проектов законов в правительстве, их законодательное оформление в Думе растянулись более чем на десятилетие. Потребовалось проведение многочисленных съездов и совещаний с участием ученых, министерских чиновников, представителей земств и научных обществ. В результате программа осуществлялась в несколько этапов. В 1901 г. было принято «Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях», которое впервые в истории России законодательно закрепило факт существование подобных институций. Выполнение программы продолжалось и после ухода Ермолова с поста министра в 1905 г. и серьезной перестройки министерства, когда оно в связи с земельной («стольпинской») реформой было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия.

Таким был общий фон развития агрономической науки в тот период, когда поколение Петра Ивановича Лисицына стояло перед выбором будущей профессии.

Глава II

ИСТОКИ: ОТЕЦ, СЕМЬЯ, ДЕТСТВО В ТЕЛЯТИНКАХ

Пётр Иванович Лисицын родился 20 января 1877 г. в семье Ивана Фёдоровича и Натальи Васильевны Лисицыных на хуторе Телятинки Лихвинского¹ уезда Калужской губернии.

Лисицыны — род крестьянский. Однако поколение Петра смогло выйти из крестьянского сословия; некоторые из Лисицыных-младших получили личное дворянство². Эта трансформация — заслуга отца, неординарного человека, направившего в новое русло жизнь большой семьи. Наследие отца — частый предмет размышлений нашего героя; свою неизданную «Автобиографию» (1938 г.) он начинает с воспоминаний о И.Ф. Лисицыне:

«Чтобы дать представление о среде, в которой я рос, необходимо подробнее остановиться на жизни и деятельности моего отца»³.

Отец Иван Фёдорович

Внук Ивана Фёдоровича Александр Петрович Лисицын пишет, основываясь на рассказах отца:

«Дед был волостным писарем и легендарным человеком в семье. Он родился еще во времена Пушкина, никогда не болел, знал всю крестьянскую работу и все крестьянские заботы... По убеждениям он был шестидесятником, как говорили

¹ Лихвин — сейчас Чекалин.

² О праве получения личного дворянства см.: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979.

³ Автобиография академика Лисицына Петра Ивановича. 30.11.1938 // Архив Мемориального кабинета-библиотеки А.П. Лисицына (АМКБЛ). Л. 1. Судя по отчасти вольному стилю повествования, она могла предназначаться для какого-то юбилейного издания. Но, вероятно, полностью никуда включена не была.

мои родители — толстовцем. Много читал и думал. Крестьянский философ-самородок»⁴.

...В кабинете Петра Ивановича на видном месте — портрет отца в его преклонные годы, в дни празднования золотой свадьбы: в то время Ивану Фёдоровичу было за 80. Но мы видим совсем не старика. Тонкое, скорее даже жесткое лицо, правильные черты, рельефный «орлиный» нос, цепкий взгляд из-под густых бровей. Лицо, совсем не похожее на те, которые принято называть «крестьянскими». Поэтому не удивительно, что окрестные жители называли Ивана Фёдоровича кто «греком», кто «цыганом». В семье сохранилось такое объяснение необычной внешности этих коренных калужан: по материнской линии в роду были болгары⁵. Однако о действительных этнических корнях семьи достоверно ничего не известно. «Греческий» ген оказался явно доминантным — далее по мужской линии все Лисицыны выделялись такими же скульптурными лицами и были «очень носовиты»⁶.

В «Автобиографии» Пётр Иванович указывает, что отец «родился в конце 30-х или начале 40-х годов прошлого столетия (т.е. XIX в. — *О.Е.*) в семье штукатура»⁷. Названо и место рождения — село Берёзово Лихвинского уезда Калужской губернии (ныне Суворовский район Тульской области). Кажется странным, что Пётр Иванович не указывает — или не знает — точной даты рождения отца. Возможно, «Автобиография» написана без обращения к семейным хроникам. Между тем, в Мемориальном кабинете-библиотеке П.И. Лисицына сохранились документы, позволяющие сделать необходимые уточнения⁸. К тому же уже в наши дни внук И.Ф. Лисицына Александр Петрович со своими домочадцами основательно

⁴ Лисицын А.П. Четверть века вместе // Развитие научных идей академика Петра Ивановича Лисицына / Под ред. В.В. Пыльнева, А.П. Лисицына, А.Б. Лисицына. М.: Россельхозакадемия, 2003. С. 349.

⁵ После русско-турецких войн русские солдаты нередко брали в жены болгарок, а иногда и турчанок.

⁶ Лисицын А.П. Четверть века вместе. С. 349.

⁷ Автобиография. АМКБЛ. Л. 1.

⁸ Одним из них является паспорт И.Ф. Лисицына: «Паспортная книжка № 1033 Бессрочная

Выдана: Кулешовским волостным старшиною Калужской губернии Лихвинского уезда

Тысяча девятьсот седьмого года июля месяца 31 дня села Берёзова Ивану Фёдоровичу Лисицыну.

1. Имя — Иван Фёдорович Лисицын. 2. Звание — крестьянин. 3. Время рождения — 75 лет. 4. Вероисповедание — православный. 5. Место постоянного жительства — село Берёзово. 6. Женат. 7. Отношение к воинской повинности. 8. Документы, на основании которых выдана паспортная книжка: по личной просьбе». АМКБЛ.

пополнил семейные запасники документами из калужского архива. Эти документы очень помогли детально проследить историю жизни Ивана Фёдоровича. Вот строчки из рукописной книги («Книга записи рождения детей»), которую он вел долгие годы: «Сам я родился 3 сентября 1832 г. Отец и мать родились в 1801 г.»⁹. Дату подтверждает выписка из церковной метрической книги:

«1832 г., сентябрь, 3-й день. У Лихвинского слобожанина Фёдора Алексеева и жены его Пелагеи Ивановой родился сын Иван»¹⁰.

Таким образом, мы знаем точную дату рождения Ивана Фёдоровича — 3 сентября 1832 г.; известны также имена и год рождения его родителей: Фёдор Алексеевич и Пелагея Ивановна Лисицыны, родились в 1801 г. Можно сделать некоторые предположения и относительно жизненного пути Алексея — старейшины лисицынского рода. А.П. Лисицын пишет:

«По семейному преданию (его невозможно проверить) отец (или дед) (речь идет об отце или деде Ивана Фёдоровича. — *О.Е.*) погиб под Бородино»¹¹.

Действительно, архивные материалы повествуют о скоропостижной кончине солдатской вдовы, о сиротстве детей, которых по законам того времени взяли под опеку¹²: по решению местного

⁹ Книга записи рождения детей. АМКБЛ.

¹⁰ Выписка из метрической книги церковного прихода. АМКБЛ.

¹¹ Лисицын А.П. Четверть века вместе. С. 349.

¹² Скорее всего, делами сирот Лисицыных занимался Сиротский суд. Сиротский суд — городское сословное учреждение дореволюционной России, заведовавшее делами опеки над имуществом купцов, мещан, ремесленников и личных дворян. Возглавлялся городским головой. Сиротские суды возникли в 1775 г. В 1818 г. им была предоставлена опека над сиротами беспоместных личных дворян. С конца XIX в. заведовал и опекунскими и сиротскими делами купцов, мещан и цеховых, а также личных дворян и разночинцев. Ответственность сиротского суда охватывала город и уезд, где он был учрежден. К ведомству сиротского суда принадлежат следующие дела: попечение о малолетних сиротах и вдовах, об их имении и делах; заведование «секвестрованными по казенным взысканиям» имениями; дела по опекам над малолетними детьми евреев, поселенных на владельческих и собственных землях; ревизия опекунских отчетов; представление губернатору о продаже и залоге, в указанных законом случаях, имущества лиц, состоящих под опекою. См.: Сиротский суд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXX. СПб.: Издат. дело Брокгауз—Ефрон, 1900. С. 123—124. О Сиротском суде в связи с возможной поддержкой этой структурой обучения Петра и его братьев будет идти речь в главе III. Как крестьянам Лисицыным удалось заручиться поддержкой Сиротского суда? Возможно, для отдельных представителей крестьян (сельские писари и др.) могли делаться исключения.

сельского схода отдали в обучение¹³. Судя по датам рождения, речь идет о малолетнем тогда Фёдоре и его братьях: лишившиеся отца в 1812 г., вскоре оказавшиеся круглыми сиротами, они были воспитаны на казенный счет.

Калужская губерния известна своими традициями частных благотворительных организаций и учреждений. Так, в 1805 г. в Калуге на средства помещиков Хлюстиных была основана больница для сирот и неимущих. «Хлюстинская богадельня» прошла «боевое крещение» в 1812 году, когда в Калугу, тыл русской армии, доставлялось большое количество раненых. Городской голова И.Н. Торубаев после войны пожертвовал свой особняк больным и нищим, потерявшим кров¹⁴. Детский приют, учебные заведения для сирот содержались на средства братьев Малютиных; специальные заведения для бедных детей и сирот были основаны Женским благотворительным обществом Калужской губернии¹⁵. В одном из таких учреждений, вероятно, жил и обучался Фёдор Лисицын.

Итак, уже дед Петра Ивановича Лисицына был грамотным. Есть и свидетельство о том, как получил образование его отец:

«Когда ему (Ивану Фёдоровичу. — *О.Е.*) было 7 лет, появился указ Николая I о наборе из крестьянских детей писарских учеников для подготовки к должности волостных писарей. Берёзовский сельский сход решил послать учиться детей Лисицына (бедная семья и отца нет дома, он в отхожем промысле)¹⁶. В те времена такое решение носило характер тяжелого осуждения, и трех мальчиков (мой отец и два его брата¹⁷) провожали всем сходом как обреченных. Их мать голосила

¹³ Возможно, в историко-военных архивах сохранились записи о солдате Отечественной войны с достаточно редкой фамилией Лисицын. Но пока мы можем ориентироваться лишь на косвенные сведения.

¹⁴ Император Александр I оценил благородство Торубаева, направив ему послание: «За ваше известное нам усердие и труды вознаградили мы вас золотой медалью. Но вы и после того к упокоению калужских неимущих, престарелых и больных пожертвовали двухэтажный дом свой. Признавая кое усердие ваше к общему благу похвальным, изъявляем вам наше благоволение». Цит. по: *Семешкина Г.* История становления социальной политики в Калужской области. <http://www.admoblkaluga.ru/sub/semya/Ministerstvo/History/>.

¹⁵ Например, Дом трудолюбия «для дочерей самых бедных семейств, лишенных всяких способов к существованию». Там же.

¹⁶ Напомним, что Фёдор Алексеевич был на отхожих промыслах, работал шпугатуром, т.е. подолгу не появлялся дома.

¹⁷ Сведений об их жизни не сохранилось.

и билась в пыли дороги. Все они кончили Лихвинское городское училище»¹⁸.

Образование, владение грамотой определили жизненную стезю Ивана Фёдоровича. Вероятно, около 1855 г. он занял должность волостного писаря в селе Кулешово Лихвинского уезда. Об этом говорит в уже упомянутой «Автобиографии» Пётр Иванович: «Отец пошел писарем в волостное правление, в состав которого входило и его родное село Берёзово»¹⁹. В 31 год Иван Лисицын женится на Наталье Смирновой:

«Свидетельство 25 января 1863 г. государственный крестьянин Иван Фёдоров Лисицын, служащий Перемышельского уезда Полянской волости волостным писарем, повенчан на девице Наталье Васильевой, дочери священника Лихвинского уезда села Берёзова Василия Степанова Смирнова»²⁰.

Они наверняка знакомы с детства — оба родились и выросли в Берёзове. Но для сына простого крестьянина взять в жены «поповну» было редкой удачей. Требовались выдающиеся качества жениха. Очевидно, волостной писарь Лисицын таковыми обладал. Молодая семья живет в Кулешове²¹, по месту службы Лисицына. В 1867 г. он был избран волостным старшиной²²; при этом

¹⁸ Лисицын П.И. Автобиография. АМКБЛ. Л. 1. Вероятно, речь идет об указе Св. Синода от 20 октября 1836 г., который утвердил «Правила касательно первоначального обучения поселянских детей». В документе, в частности, говорилось о привлечении духовенства к открытию школ для обучения грамоте крестьянских детей с последующей возможностью занимать некоторые должности в волости и уезде. ПСЗ. Собр. II. Т. XVII. СПб., 1843. Ст. 14409.

¹⁹ Лисицын П.И. Автобиография. АМКБЛ. Л. 1.

²⁰ Книга записи рождения детей. АМКБЛ. Л. 1.

²¹ Можно предположить, что между началом карьеры в Кулешово и возвращением туда через Поляну спустя почти 15 лет была служба и в других уездах.

²² Волостной старшина — выборное старшее должностное лицо волости, административной единицы крестьянского самоуправления в Российской империи после крестьянской реформы 1861 г. Избирался волостным сходом на три года из крестьян, утверждался в должности и подчинялся с 1861 по 1874 гг. мировому посреднику, с 1874 г. — уездному по крестьянским делам присутствию, а с 1889 по 1917 г. — земскому начальнику. «Удаление от должности» зависело от уездного съезда. Волостной старшина отвечал за сохранение «общего порядка и спокойствия» в волости: доводил до населения законы и распоряжения правительства, наблюдал за исполнением паспортных правил и судебных приговоров, принимал меры к поимке преступников. Кроме полицейских, на нём лежали и административные обязанности: он созывал и распускал волостной сход, приводил в исполнение его приговоры, наблюдал за исправным содержанием путей сообщения, за отбыванием повинностей, заведовал волостными суммами. См.: Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / Под ред. К.А. Софроненко. М.: ГИЮЛ, 1954.

активно занимался решением спорных крестьянских вопросов, явно выходящих за рамки должностных полномочий. Далее следует покупка хуторского хозяйства в Телятинках Лихвинского уезда (около 1875 г.), где И.Ф. Лисицын с семьей прожил долгие годы, посвятив себя сельскому хозяйству. Некоторое время он оставался на службе, а затем, уже вне должности, продолжал помогать крестьянам. Вероятно, это способствовало его избранию земским гласным Лихвинского уездного земства в конце 1880-х — начале 1890-х гг.

Обратимся снова к «Автобиографии» Петра Ивановича. Вот что он пишет о службе и общественной деятельности отца:

«Крестьяне нашей волости со времен Екатерины занимались отхожим промыслом. Среди них исстари появились подрядчики. Получилось расслоение, в результате которого рядовые крестьяне попали в кабалу к подрядчикам. Для борьбы с подрядчиками в 60-х годах отец организовал одно из первых в России ссудо-сберегательное товарищество (Берёзовское). Устав этого товарищества был принят министерством финансов как нормальный устав. Кроме того, он построил две школы (Берёзово и Телятинки) и одну больницу (Кулешово) <...> По доносу одного из помещиков — адмирала Полуэктова, лично знакомого с царем, отец был посажен в одиночное заключение. После выхода из тюрьмы (в конце 70-х годов) он, конечно, был лишен права служить писарем, но авторитет его среди крестьян волости был уже настолько велик, что его выбрали волостным старшиной, а от старшины — членом Лихвинской земской управы <...> Трехлетний период старшинства и участия в земстве был единственным периодом в жизни отца, когда он мог легально участвовать в общественной жизни <...> Будучи старшиной, отец ликвидировал секту скопцов. Материалы по этому громкому делу можно найти в Калужских губернских ведомостях (музей краеведения, г. Калуга). К следующим выборам отец был «разъяснен», как тогда говорили, т.е. лишен избирательных прав и попал под надзор полиции. В таком состоянии он и остался до самой смерти»²³.

В приведенном фрагменте — рассказ сына, с гордостью повествующего о подвижнической деятельности отца. Рассказ яркий, сконцентрированный на общественно-политической активности

²³ Лисицын П.И. Автобиография. АМКБЛ. Л. 1—2.

Ивана Фёдоровича, который был не совсем обычным волостным писарем. Он создал ссудо-сберегательное товарищество, принимал участие в строительстве школы и больницы²⁴. Подвергался аресту по политическим мотивам, был поражен в правах, избежал отлучения от церкви. Избирался волостным старшиной и земским гласным; в земстве открыто противостоял «партии помещиков». Лишившись места, оставался выразителем крестьянских интересов, боролся за их имущественные права²⁵.

И все же в рассказе П.И. Лисицына, в целом событийно верном, смещена хронологическая последовательность, неверно акцентированы отдельные эпизоды. Никаких личных записок²⁶ или писем, относящихся к годам службы И.Ф. Лисицына, в семейном архиве нет. Тем не менее, важные фактические сведения, позволяющие скорректировать биографические сведения о И.Ф. Лисицыне, нам удалось обнаружить в иных источниках. Речь идет о делопроизводственных документах местных полицейских и гражданских чиновников, а также об ответных объяснительных записках И.Ф. Лисицына. Исходно тенденциозные рапорты уездного исправника и станového пристава, докладные записки губернатора, обращенные к министру, призваны были разоблачить «политическую неблагонадежность крестьянина Лисицына». Однако, детальное изучение этих документов и сопоставление их с ответами «неблагонадежного крестьянина» позволило выявить немало подробностей и новых фактов в биографии И.Ф. Лисицына, установить некоторые ключевые даты, в том числе приведенные выше при кратком описании его карьерного пути.

Рапортов Лихвинского уездного исправника (в то время эту должность занимал коллежский советник П.М. Лавров²⁷) было несколько. По сути, в них изложена практически полная история службы и общественной активности Ивана Фёдоровича. Первый — № 120 от 23 сентября 1889 г. — адресован Калужскому губернатору. В нём

²⁴ Вероятно, вместе с другими принимал участие в строительстве: свободных крупных денежных сумм в семье Лисицыных не было.

²⁵ В виде пересказа приведенного фрагмента, т.е. исключительно на основе «Автобиографии» Петра Ивановича, информация о его отце вошла в немногие ранее упомянутые нами биографические исследования.

²⁶ Судя по рассказам членов семьи, Иван Фёдорович никогда не вел дневника и не описывал события своей жизни. Единственное свидетельство личного характера — уже упоминавшаяся «Книга записи рождения детей».

²⁷ Адрес-календарь Калужской губернии на 1890 г. Личный состав казенных, общественных и частных учреждений. Калуга: Изд. губернского статист. ком-та, 1891. С. 39.

приведены сведения, «собранные Приставом 1 Стана и частично мною (исправником. — *О.Е.*) о личности землевладельца крестьянина Кулешовской волости, села Берёзова Ивана Фёдорова Лисицына, состоящего земским гласным»²⁸. Таким образом, мы можем с точностью сказать, что в 1889 г. Лисицын — гласный уездного Лихвинского собрания. Основа рапорта — подробный отчет о ведении Лисицыным ряда давних крестьянских дел (порядка пяти-шести), которые он выиграл. Описания составлены таким образом, что по ним мы можем проследить ранние этапы «адвокатской» деятельности Ивана Фёдоровича. Так, первое из выигранных дел относится к 1855 г. Это спор крестьян трёх деревень — Косолапой, Горох и Новой Слободки Песковатской волости Лихвинского уезда из-за земельных участков, состоявших в общем неразделенном владении. Лисицын «хлопотал за косолаповских крестьян, отбив в пользу их у Гороха и Новой Слободки все заливные луга»²⁹. Иными словами, в 1855 г. Лисицын уже служил волостным писарем в Кулешове и занимался крестьянскими делами; «адвокату» в то время 23 года. Далее, в 1877 г. при поддержке Лисицына, в то время — уже волостного старшины, крестьяне деревни Зелениной Тарасьевской волости «воспротивились переселению на отведенные им новые земли»; дело также выиграно. Новые даты и новые дела: в 1886—1887 гг. Лисицын хлопотал за крестьян уже известных Гороха и Новой Слободки, «обещая отбить в пользу их у крестьян деревни Косолапой все общие леса»³⁰.

Наконец, следует дело, которое и послужило непосредственной причиной для рапорта исправника. Речь идет о событиях середины 1889 г. — «самоуправных действиях общества крестьян деревни Гущинной Рождественской волости по сломке самовольно построенного дома односельчанина крестьянина Трифона Иванова Болтова, в котором участие Лисицына доказано». В это время Лисицын — земский гласный. Как следует из рапорта, Лисицын отстаивал право крестьян самим распоряжаться своим имуществом, если решение земских властей их не устраивало. В документе отмечено: «некоторые из крестьян отказались давать объяснения уряднику», т.е. не стали свидетельствовать против своего «адвоката». Так, староста деревни заявил, что «может что-либо сказать лишь тогда, когда переговорит с обществом». Однако обвинение было подкреплено

²⁸ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 13. Д. 4721. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 4—4об.

свидетельством коллеги по земству землевладельца В.А. фон Вернера³¹, утверждавшего, что Лисицын советовал крестьянам:

«Не смотрите на присутствие (имеется в виду земское присутствие по делам крестьян. — *О.Е.*) Ломай. Это новое дело. Пристутствие не имеет права вмешиваться в ваше же хозяйство»³².

К делу о «гушинских самоуправствах» подверстали другие, давние дела, перечисленные выше; всё вместе заявлено как «серьезные преступления». В ответ Лисицын в октябре того же 1889 г. отправил объяснительное письмо на имя губернатора. Легко предположить, что любой другой, оказавшийся в ситуации подобного обвинения — и в прошлом уже лишенный права нести государственную службу, — в послании высокому начальству начнет с покаянных слов и оправданий, попытается ретушировать свои действия и т.д. А если посмеет обратиться с просьбой — то лишь о том, чтобы бумагам не дали ход. Но не таков Лисицын; вот фрагмент его объяснительной:

«В обществе распространяются слухи, что Пристав 1-го Стана Лихвинского уезда производит разного рода дознания по обвинению меня в очень важных преступлениях... Кроме того, что всякая неправда должна возмущать человека, подобные слухи подрывают и то доверие, которым я, как гласный пользуюсь в обществе, а враждебная мне земская партия, от которой я уже много пострадал, этого только и добивается; оно то, как известно, и вызывает такие полицейские дознания с единственной целью зачернить меня в глазах моих избирателей и лишить права голоса...

Я обратился к Становому Приставу с просьбой объявить мне: по какому поводу производятся им означенные дознания и выдать копии с доносов, которые, несомненно, должны быть; но Пристав отказал мне в этом, объяснив, что он не имеет никакого права. Тогда я обратился с подобной же просьбой к Г-ну Исправнику, но и он сказал то же. После этого что же мне делать? <...> Было бы удивительно считать меня каким-то отверженным, лишенным права прибегать к покровительству законов!

³¹ Фон Вернер — земский гласный или служащий; симпатизировал курии крупных землевладельцев («партии помещиков», в терминологии Лисицына), к которой Иван Фёдорович всегда был настроен оппозиционно.

³² ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 4721. Л. 406—5.

Иван Фёдорович Лисицын, 1860-е гг.

№ 205 1879 г. Св. 2 бр. 1211
 У Митрофановского священника Водяного
 Костела и Митрофановского Пастора Митрофановского
 Крестов Митрофановского.
 Водяного священника, священника Александра Митрофановского
 и Митрофановского священника Митрофановского
 Крестов Митрофановского. Митрофановского
 Митрофановского

Копия записи в церковной книге о рождении И.Ф. Лисицына

ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА.
 Без срока давности

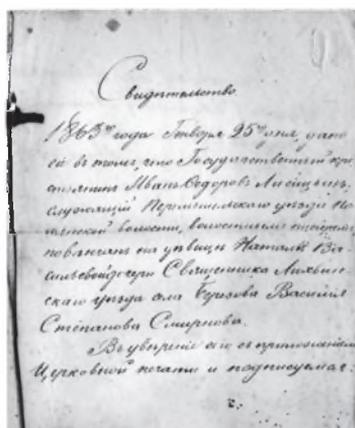
Выдана Кулашовскими
 Волостными стар
 миша Кулашовской
 губернии Александровской
 уездной Александровской
 волости сего года
 1903 года
 31 дня
 в селении Водяного
 Митрофановскому
 Митрофановскому

№ 1033

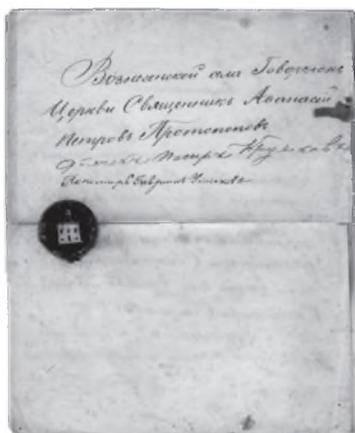
Цена книжки 15 копеек.

15

Паспортная книжка И.Ф. Лисицына

Иван Фёдорович Лисицын,
1893 г.

Свидетельство о венчании,
1863 г.

Наталья Васильевна Лисицына,
1893 г.

«Родовое гнездо» Телятинки, фасад дома, 1880-е гг.

Усадебный дом, вид со стороны парка, 1910-е гг.

Телятинки, мельница, 1910-е гг.

Телятинки, рига и сеновал, 1910-е гг.

Телятинки, конный двор, 1910-е гг.

Телятинки, коровник, 1910-е гг.

Телятинки, новый дом в стадии строительства, так и не завершено, 1910-е гг.

Телятинки, старая и новая людские, 1910-е гг.

Телятинки, конный сарай и молочня, 1910-е гг.

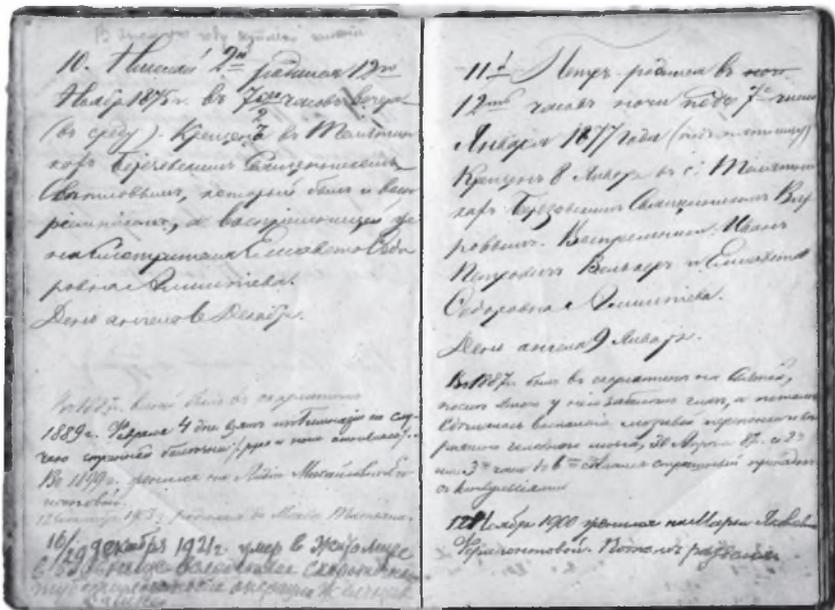
Телятинки, общий вид имения, 1910-е гг.

Телятинки, аллея в парке, 1910-е гг.

Телятинки, пруд в парке, 1910-е гг.

Книга записи рождения детей: «11й — Петр родился в 12 часов ночи под 7 число января 1877 г. (под пятницу); крещен 8 января в Телятинка»

Пётр Лисицын (второй справа) с матерью и братьями, 1893 г.

Выпускник Калуж-
ской гимназии,
1896 г.

Тетрадь ученика 6-го класса
Калужской гимназии Петра
Лисицына, 1893 г.

2)

А. Конс. Мещ

Всѣ Московскій Императорскій
Университетъ

Заче

Крѣстьянинъ Капустинъ изъ, Сергеевскаго
уезда, Кривовесскій волости, село Бурегола
Петръ Павла Лисицынъ
Россійскіе

✓

Желая продолжать образование въ Московскомъ
Университетѣ по юридическому факультету прошу
лестно принять о зачислении моемъ на особый факультетъ.

При семъ прилагаю следующие документы:

Аттестатъ зрѣлости за № 486, полученный въ Санктъ-Петербургѣ 17 числа 186 года и Аттестатъ Кривовескаго Волостнаго
Собранія за № 449 о томъ, что призывающій насъ о разсудительномъ
образованіи, два брата, старшій капитанъ и младшій во вѣдѣ
снѣхъ деурисковъ. 17 числа 11 года 1897 года

Петръ Лисицынъ.

Им. ил. Лисицынъ
 1897

Прошение о зачислении на Юридический факультет Московского университета, 1897 г.

П.И. Лисицын, студент
Физико-математическо-
го факультета Москов-
ского университета,
1898 г.

В лаборатории Н.Н. Худякова
во время работы над дипломной работой по бактериологии, 1901 г.

П.И. Лисицын (стоит третий справа) с группой студентов Московского университета, 1902 г.

В агрономической (почвенной) лаборатории Калужского губернского земства, 1900-е гг.

П.И. Лисицын (стоит третий справа) с сотрудниками почвенной лаборатории и агрономами Калужского губернского земства, 1900-е гг.

П.И. Лисицын (справа) и Л.Л. Ножин во время обследования почв Калужской губ., начало 1900-х гг.

Все вышеизложенное заставило меня обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой сделать распоряжение о выдаче мне копий с тех доносов, по которым производятся полицейские дознания и оградить меня от таких приемов при производстве дознаний, которые унижают достоинство полиции»³³.

«Объяснительная» удивляет и поражает. За текстом угадывается человек, «горящий свободой», с поразительной жадой справедливости, с твердым гражданским самосознанием. И.Ф. Лисицын убежден, что правоохранительные органы должны ограждать человека от «очерняющей его неправды». Иными словами, справедливость можно и нужно отстаивать — на какой бы ступени социальной лестницы ни находился добивающийся «покровительства законов». Удивительно, что Лисицын рассуждает и о достоинстве полиции, которое, по его мнению, унижено противоправными действиями местных чиновников... В первую очередь ему важно сохранить доверие крестьян, которым он пользуется как земский гласный, выразитель интересов «крестьянской курии». Можно развить эту позицию глубже. Возможно, сознание своей принадлежности к земству, этому весьма значимому в провинции общественному институту, укрепляло гражданскую позицию Ивана Фёдоровича, давало силы бороться против произвола. Как не раз отмечали историки, именно земство — со всеми сложностями взаимоотношений с центральной властью, недостатком полномочий, внутренними сословными противоречиями — служило важнейшим механизмом «саморазвития» на местах, способствуя не только аграрной модернизации провинции, но и формированию гражданского общества в деревне.

Никаких «разъяснений» в отношении уездных полицейских чинов сделано не было; копий доносов Лисицын не получил. Более того — результат его письма оказался прямо противоположным: из канцелярии Калужского губернатора под грифом «секретно» в январе 1890 г. поступило обращение на имя министра внутренних дел с предложением «лишить Лисицына права проживать в некоторых уездах Калужской губернии». Однако и этот документ, составленный исключительно с целью продемонстрировать все ипостаси «вредной деятельности» Лисицына, содержит немало интересных характеристик и важных подробностей. Так, губернатор начинает свое письмо следующими словами:

³³ ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 4721. Л. 6—6об.

«Будучи в должности Кулешовского волостного старшины с 1867 года Лисицын приобрел между крестьянами особенную популярность удачным ведением частных крестьянских дел»³⁴.

Итак, уже на «губернаторском уровне» признано: Лисицын давно «удачно ведет крестьянские дела», он популярен в этой среде. Кроме того, мы получаем еще одну точную дату: волостным старшиной Лисицын избирался с 1867 г. Далее следуют важные подробности «криминальной» биографии Ивана Фёдоровича. Например, мы узнаем про последовавшее в 1877 г. «устранение от должности»

«за неуважение власти ... и вообще за неправомерные действия по должности... По постановлению Лихвинского уездного по крестьянским делам присутствия, состоявшегося 20 мая 1877 г., Лисицын был предан суду по этому делу, а постановлением 20 сентября 1877 г. окончательно устранен от должности...»³⁵

Что это была за история, результатом которой стали суд и отстранение от должности волостного старшины — после десяти лет успешной работы, т.е. трех переизбраний? Письмо губернатора проясняет детали: речь идет об упомянутой выше деревне Зелениной, жители которой при поддержке Лисицына отказались от переселения, и случившимся тогда инциденте с подполковником Полуектовым (Полуэктовым в письме губернатора. — *О.Е.*). Этот эпизод и стал формальным основанием для укрощения строптивого старшины: посредством суда, приговора к двум месяцам тюрьмы, увольнения.

В семье Лисицыных бытовала такая версия: наряду с «подстрекательством крестьян к неповиновению властям» И.Ф. Лисицына обвинили в «оскорблении Его Величества». По свидетельству же уездного исправника, все было совсем иначе: Иван Фёдорович сам был осужден «за возведенную на землевладельца подполковника Полуектова³⁶ клевету в произнесении будто бы им 13 июля 1877 г. дерзких слов против особы Государя Императора»³⁷. При таких разночтениях письмо губернатора помогает разобраться в сути происходившего:

³⁴ ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 4721. Л. 8об.

³⁵ Там же. Л. 8об.

³⁶ Возможно, речь идет о Дмитрие Григорьевиче Полуектове. См.: <http://officers.wardoc.ru/officers.php?id=34>.

³⁷ ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 4721. Л. 2об — 3.

«По делу, по обвинению крестьянами деревни Зелениной Лихвинского уезда, землевладельца того же уезда подполковника Дмитрия Полуэктова, в произнесении им 13 июля 1877 года дерзких слов против Особы Государя Императора, высочайше повелено: настоящее дело прекратить, выдержав крестьян Птахина и Лисицына, как главных виновников возведенной на Полуэктова клеветы, в одиночном тюремном заключении каждого в течение двух месяцев. В этом деле Лисицын настолько был признаваем вредным подстреканием крестьян дер. Зелениной против землевладельца Полуэктова, что тогда еще бывший Калужский губернатор Шевич³⁸ в представлении от 11 октября 1877 г. № 431 ходатайствовал перед Министром внутренних дел об удалении Лисицына из его места жительства — но ходатайство это, равно как и произведенное по делу подполковника Полуэктова дознание разрешилось приведенным наказанием Птахина и Лисицына, хотя вслед за предложением по этому делу от 3 февраля 1878 г. № 346, последовало другое за № 347, которым предлагалось губернатору, в виду вредного вообще влияние поименованных на ... окрестных жителей уведомить — “какое впечатление произведет на крестьян заключение Птахина и Лисицына в тюрьму”, а также какие могут быть приняты действенные меры для упреждения на будущее время вредного влияния Птахина и Лисицына на крестьянские поселения, если такое будет обнаруживаться и после освобождения их из тюремного заключения...”³⁹

Текст несколько проясняет историю с оскорблением, но оставляет множество вопросов. Оказывается, это зеленинские крестьяне обвинили Полуэктова в произнесении «дерзких слов против царя»; уездным властям удалось «доказать» при помощи свидетельств самого Полуэктова, что среди зачинщиков — Птахин (вероятно, крестьянин деревни Зелениной. — *О.Е.*) и Лисицын. «Будучи уличены во лжи», они были приговорены к двум месяцам тюрьмы в одиночной камере; при этом власти боялись связанных с приговорами «общественных возмущений». Так что же могло произойти между

³⁸ Речь идет о Калужском губернаторе Иване Егоровиче Шевиче (1871—1882), действительном тайном советнике, сенаторе. См. о нем: *Иванов В.А.* Шевич Иван Егорович // Калужская энциклопедия: Сб. материалов. Калуга, 1995. Вып. 2; о назначении губернатором см.: ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 1673. Л. 1, 20.

³⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 4721. Л. 8—12об.

волостным старшиной Лисицыным и подполковником Полуектовым? Скорее всего, Полуектов никаких критических слов в адрес государя не произносил. Но он, несомненно, был среди тех, кто настаивал на переселении крестьян; П.И. Лисицын вспоминал, как в детстве с братьями помогал отцу переписывать бумаги, в том числе «о перенесении деревни Зеленино на новое место по распоряжению помещика Полуектова»⁴⁰: Иван Фёдорович способствовал тому, чтобы крестьяне на законных основаниях смогли от этого отказаться. Налицо конфликт между Лисицыным (как представителем крестьян) и помещиком Полуектовым, настаивавшем на переселении. Возможно, в пылу разбирательств крестьяне что-то не так поняли, поддались желанию обвинить обидчика «в самом страшном», а Лисицын поддержал своих подзащитных и оказался обвиненным «в клевете». При заинтересованном свидетельстве Полуектова властям не составило труда «доказать» крамолу.

Полвека спустя эта история трансформировалась в семейный рассказ о том, что «дерзкие слова» произносил сам И.Ф. Лисицын. Так утверждает в «Автобиографии» его сына П.И. Лисицына. Но едва ли Иван Фёдорович критически высказывался о царе-освободителе, давшем стране реформы, прежде всего — отмену крепостного права и введение земского самоуправления, высоко ценимые крестьянином Лисицыным. К тому же предположить, что введивые приставы в своих пространных полицейских дознаниях *пропустили* такой выгодный для обвинения факт, как оскорбление императорской особы, кажется невероятным. Объяснение может быть такое: для Петра Ивановича в 1930-е гг. история с отцом, «оскорбившим царя», была своего рода политической защитой. Так или иначе, Ивану Фёдоровичу «зеленинская драма» стоила карьеры.

Но вернемся к письму губернатора о «вредной деятельности крестьянина Лисицына», адресованному министру. Губернатор отмечал, что его предшественник на высоком посту в 1877 г. пытался — но безуспешно — на основании «дела Полуектова» удалить Лисицына из губернии. Да и сам он уже в 1890 г. добивается того же:

«В виду вышеупомянутого и в предупреждении дальнейшей вредной деятельности крестьянина Ивана Фёдорова Лисицына, крайне нежелательной в среде местного крестьянского населения... я полагал бы воспретить Лисицыну пребывание в Лихвинском и соседних с ним уездах Калужской губернии,

⁴⁰ Лисицын П.И. Автобиография. АМКБЛ. Л. 2.

о чем считаю долгом представить на усмотрение Вашего Высокопревосходительства»⁴¹.

Правосудие и в этом случае сработало не на местном или губернском, а только на министерском уровне: просьба второго по счету губернатора относительно наказания Лисицына удовлетворена не была. Иван Фёдорович и далее беспрепятственно проживал в Лихвине и других местах Калужской губернии и продолжал хлопотать «по крестьянским делам», добираясь до самого высокого из доступных ему властных кабинетов. Об этом свидетельствует очередное «прошение», направленное губернатору 28 марта 1890 г. Очевидно, Лисицын на тот момент ничего не знал о резонансе, который вызвало в канцелярии губернатора его дело, о январском письме губернатора министру с привлечением «старых обвинений», об угрозе высылки. Его волновало лишь дело о «гушинских самоуправствах», в котором Лисицын отстаивал право крестьян деревни Гушинная самим распоряжаться своим имуществом (в частности, сносить или не сносить дома), не подчиняясь указаниям земских властей. В деле открылись «новые обстоятельства»: на Ивана Фёдоровича написан донос коллегой по земству В.А. фон Вернером:

«Вследствие последовавшего на меня в Лихвинское уездное полицейское управление от агента взаимного земского страхования г. фон Вернера доноса о том, что будто бы я возбуждаю крестьян против платежа страховых денег, г. Пристав 1-го Стана производил дознание. Я вполне убедился, что дознанием ничего не могло быть открыто, как только то, что донос г. фон Вернера сожжен. А так как подобный донос может быть не первый и не последний, то я просил г-на Лихвинского Уездного Исправника выдать мне копию с него, чтобы я мог со своей стороны принять меры к ограждению себя от подобных повторений; но г. Исправник мне в том отказал. Этим дан мне повод думать, что г. фон Вернер не только ограждается от всякой ответственности за подобные поступки, но и находится под каким-то покровительством.

Не допуская мысли, чтобы в интересах нашего правительства было бы поощрять ложные доносы, я обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой приказать г-ну Лихвинскому Уездному Исправнику выдать мне

⁴¹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 4721. Л. 12об.

копию с доноса г. фон Вернера, а также и с произведенного по оному дознания.

Крестьянин Иван Лисицын»⁴².

Фон Вернер обвинял Лисицына в настраивании гушинских крестьян против уплаты земских страховых платежей. Число обвинений росло. Но Лисицын не пытался защищаться; он продолжал настаивать на том, что доносы — неприемлемая для государства форма отправления правосудия. Уверенность крестьянина Российской империи конца XIX в. в своем праве добиваться справедливости — и в этой борьбе ставить себя в один ряд с «нашим правительством»! — не может не удивлять и не восхищать⁴³.

Нам кажется уместным в связи с этим остановиться на профессиональных и личностных качествах Ивана Фёдоровича, особенностях его мировоззрения и политических взглядов, которые проступают сквозь казенные строки рапортов, донесений и прочих «разоблачающих» документов. Например:

«Умный (здесь и далее выделено нами. — О.Е.) и проницательный, он хорошо изучил свое дело и приобрел большую известность удачным ведением крестьянских частных дел...

Не получивший никакого образования, но много начитавшись, Лисицын пришел к крайним убеждениям в религиозном отношении, при высказывании которых умеет, однако, быть неуловимым, и вообще считается атеистом.

Свою политическую неблагонадежность он особенно проявил при ведении крестьянских дел там, где под влиянием его крестьяне целыми обществами возбуждались к самоуправным действиям, и под разными видами судебного волокитства не подчинялись никаким убеждениям и требованиям должностных лиц» (из рапорта уездного исправника от 23 сентября 1889 г. за № 120)⁴⁴.

Если читать рапорт, «просеивая» информацию и помня цель автора — продемонстрировать собранный «компромат», очевидны следующие профессиональные характеристики И.Ф. Лисицына: ум, знание своего предмета, высокая результативность в «адвокатской» работе, как следствие — признание и популярность. При этом не-

⁴² Там же. Л. 7.

⁴³ Отметим при этом, что доносы фон Вернера, вероятно, все-таки сделали свое дело: на очередном собрании Лисицын не был переизбран в земские гласные.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 4721. Л. 1, 2об.

гативное «пронырлив» в сочетании с отмеченным следом «умен» — несомненное признание высоких деловых качеств «поднадзорного». Личностные особенности: все тот же ум, начитанность, компенсирующая недостаток образования. Действительно, как будет видно из дальнейшего повествования, Иван Фёдорович — книгочел, всесторонне образованный человек. Интересно, что именно с начитанностью урядник связывает мировоззренческую позицию Лисицына, отношение к религии, которое называет «крайними убеждениями» и даже атеизмом (ниже, обсуждая личностное формирование П.И. Лисицына, мы будем подробно говорить о религиозных и нравственных воззрениях, последовательном толстовстве его отца, едва не отлученного от церкви). Обратим внимание и на такое: «умеет быть неуловимым» в высказываниях, т.е. вдвойне умен: будучи радикалом, не дает оснований для официального преследования. В результате проступающий сквозь обвинительный пафос рапорта портрет Ивана Фёдоровича оказывается очень близким ностальгическому образу отца из воспоминаний Петра Ивановича: «крестьянский самородок» — много читающий, думающий, стремящийся к знаниям, открытый для новых нравственных учений; «радетель о крестьянах» народнического толка, и после отстранения от должности продолжавший свое дело.

Что касается политических взглядов И.Ф. Лисицына, они нуждаются в отдельных комментариях. Вполне понятны слова исправника: разумеется — «неблагонадежен», раз внушает целым «крестьянским обществам» мысли о «самоуправных действиях». Но вот что понимает под «неблагонадежностью» отца его сын П.И. Лисицын:

«О связи его с политическими партиями ни у кого ... сведений нет. С с.-рами у него были враждебные отношения. Их идеологию он называл “расплывчатой, непонятной и глупой”. Но в период моего детства у нас появлялись время от времени какие-то неизвестные лица, обыкновенно в черных шляпах. Эти шляпы больше всего нас и интересовали. Они проживали или в лесной сторожке, или на мельнице, в двух глухих местах, и мы их встречали или в поле, или в лесу... По-видимому, у отца была какая-то связь с петербургскими рабочими организациями, потому что иначе нельзя объяснить появления у нас этих людей <...> Из изложенного видно, что мой отец был в свое время незаурядной личностью и конечно оставил сильное влияние на своих детей»⁴⁵.

⁴⁵ Лисицын П.И. Автобиография. АМКБЛ. Л. 2—3.

Трудно комментировать эти свидетельства, написанные в те времена, когда каждый интеллигент стремился найти в биографии своих родителей какой-нибудь «пролетарский» штрих, подобный укрывательству питерских рабочих от полиции. Как полагает внук И.Ф. Лисицына, «люди в черных шляпах» могли быть скорее толстовцами.

Иван Фёдорович был, без сомнения, одним из передовых людей своего времени и ярким представителем того лучшего, что было в крестьянской среде. Поиски справедливости, защита крестьянских интересов привели его, человека, много читавшего и искавшего знаний, к учению Л.Н. Толстого. Он общался с толстовцами; как и все они, помогал распространять нравственно-философские труды писателя. За это, согласно семейным воспоминаниям, ему даже угрожало отлучение от церкви⁴⁶.

Будучи сторонником учения Л.Н. Толстого, Иван Фёдорович не разделял революционных настроений; сложно предположить, что для революционных «питерских рабочих» было сделано исключение.

И о последнем периоде жизни Ивана Фёдоровича. После революции 1917 г. он продолжал жить в родовом гнезде; Телятинки стали называться «коммуной». Но «проверяющие органы» не заставили себя ждать: в коммуну прислали комиссаров, ничего не понимающих в крестьянских делах. Глава семьи пытался спорить и убеждать, но тщетно: коммуну закрыли, землю изъяли; процветающее хозяйство вскоре пришло в запустение. Иван Фёдорович перебрался к родственникам в Лихвин; он умер в 1923 г. и был похоронен в родном селе Берёзове Лихвинского уезда⁴⁷.

Многие штрихи к портрету Ивана Фёдоровича Лисицына добавятся в следующем разделе, посвященном детским годам его сына Петра. В центре сюжета будут не только «отцы и дети» Лисицыны, но и место обитания большой крестьянской семьи: «родовое гнездо» — хутор Телятинки, примерно в 30 км к юго-востоку от Лихвина. С Телятинками связаны и счастливые, и трагические события в жизни рода Лисицыных.

Семья. Телятинки

Телятинки Ивану Фёдоровичу помогла приобрести семья тещи — Василия Степановича Смирнова, давшего деньги в долг. Смирновы — потомственные священнослужители; представители семьи

⁴⁶ Подробнее мы скажем об этом в следующем разделе.

⁴⁷ *Лисицын А.П.* Четверть века вместе. С. 350.

несли службу во многих уездах Калужской губернии. Сам В.С. Смирнов — священник Введенской церкви в селе Берёзове; там же он обвенчал свою дочь Наталью с И.Ф. Лисицыным. Мы не знаем, где именно поселилась молодая семья сразу после свадьбы. По косвенным данным — месту крещения первого ребёнка в 1865 г. — это был Перемышль. Вероятно, через год-два переехали в Кулешово: с 1867 г. там зарегистрировано крещение второго и последующих детей. Очевидно, покупка Телятинок пришлось на начало 1875 г.: там был крещен родившийся в ноябре этого года Николай.

Имение купили у разорившегося купца (в семейных хрониках почему-то значится — «англичанина», но свидетельств об этом нет). Получив ссуду в крестьянском банке, Иван Фёдорович приобрел⁴⁸ дополнительно 700 (по другим данным 250) десятин земли. Рассрочка заканчивалась в 1918 г.; до конфискации земли большевиками семья как раз успела выплатить последний взнос...

Потомки Ивана Фёдоровича, посетившие родовые места, считают явным преувеличением называть Телятинки *имением*; по мнению его внука А.П. Лисицына, это был хутор⁴⁹. Но сами счастливые обладатели Телятинок — и родители, и дети — предпочитали называть обретенное «родовое гнездо» имением. Поэтому мы будем использовать оба названия.

В усадебной части стоял дом с мезонином, «построенный из каких-то очень корявых бревен»⁵⁰, окруженный садом. На первом этаже, ближе к входу, располагался кабинет Ивана Фёдоровича. Достопримечательностью кабинета было чугунное кресло, которое отлили в подарок Лисицыну на заводе в Черепети⁵¹. На первом этаже

⁴⁸ Возможно, взял в бессрочную аренду.

⁴⁹ *Лисицын А.П.* Четверть века вместе. С. 349.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ История Черепетского чугунолитейного завода началась еще в 1727 г., когда местный землевладелец А.И. Шулепов построил близь Лихвина при впадении реки Черепеть в Оку «железный завод»; в 1747 г. там значились 4 криничных горна и водо-действующий молот. Со временем завод был сдан в аренду, а затем выкуплен тульским купцом И.И. Поповым. Тот построил домну для переплавки чугуна в железо и еще один водо-действующий молот (на строительство были взяты деньги у знаменитого промышленника П.А. Демидова). В 1777 г. Попов умер, завод перешел к Демидову; с 1800 по 1880 гг. им владел род Билибиных, впоследствии — сменялись многие арендаторы и владельцы. Летом завод не работал, так как рабочие были из крестьян близких деревень и имели свои наделы, которые было нужно обрабатывать. См. об этом: <http://chssh.ucoz.ru/index/0-23>; <http://www.oposcuu.com/chekalin.htm>. Мы не знаем, как именно И.Ф. Лисицын был связан с заводом. Возможно, работавшие там крестьяне — подопечные Ивана Фёдоровича — преподнесли ему такой подарок.

находились также просторная гостиная, столовая и спальни родителей. Спальни детей — две большие комнаты, для мальчиков и для девочек, занимали второй этаж (возможно, со временем они были разгорожены на несколько помещений).

Обратимся к специальному разделу уже упомянутой «Книги записей», которую вел Иван Фёдорович. Перед нами — полная хронология растущей семьи, причем отмечены не только рождения 13 детей, но и потери:

«1-й — Николай, родился 29 ноября 1863 г. Умер от воспаления легких в 1868 г.

2-й — Иван, 18 января 1865 г., крещен в Перемышленской Николаевской церкви.

3-я — Софья — 19 апреля 1866 г. в Кулешове, там же крещена.

4-й — Яков — 2 января 1868 г. в Кулешове.

5-й — Фёдор — родился 16 июня 1869 г. в Кулешове.

6-й — Константин — 20 февраля 1870 г. в Кулешове. Умер в 1874 г.

7-й — Леонтий — 21 мая 1872 г. Умер в 1873 г.

8-й — выкидыш.

9-я — Любовь — 25 мая 1873 г.

10-й — Николай — 12 ноября 1875 г., крещен в Телятинках.

11-й — Петр — 7 января 1877 г. в Телятинках.

12-й — Михаил — 5 сентября 1878 г.

13-й — Леонтий — 30 мая 1880 г.

14-й — Константин — 8 декабря 1881 г.

15-й — Лидия — 17 февраля 1884 г.

16-й — Василий — 5 января 1886 г.

17-й — Надежда — 3 августа 1889 г.»⁵²

На протяжении 25 лет — 17 беременностей, из них 16 родов и выкидыш; смерти детей от воспаления легких, скарлатины. Вполне традиционная для XIX в. доля русской женщины — будь она крестьянка или дворянка. К сожалению, специальных записок о матери, каких-либо особых документов, связанных с ее жизнью, в семье не сохранилось (или не имелось). Тем не менее, выявляя и объединяя разрозненные сведения, мы можем сказать о Наталье Васильевне следующее. У нее было много сестер («в семье священника Смирнова было, кажется, 10 девочек»); все получили неплохое до-

⁵² Книга записи рождения детей. АМКБЛ.

машнее образование. Наталья Васильевна, как и Иван Фёдорович, увлекалась чтением. И во всем остальном более чем соответствовала своему активному, прогрессивно настроенному мужу. Детей она любила безмерно: в семье сохранилась ее часто повторяемая фраза: «Дети — благословение Божье». Наталья Васильевна интуитивно понимала важность родительской поддержки и похвалы для формирования детской самооценки. Так, еще одна ее излюбленная фраза звучала одобрением (и даже восхвалением!) некоторых особенностей семейной внешности (возможно, не совсем желанных для «девичей» половины семейства): «Чем носовитей, тем красовитей!»⁵³. Наталья Лисицына, как это было принято в то время, отвечала за воспитание дочерей. Днем занимались шитьем, вышиванием: девочки должны были следить за сохранностью одежды мужской половины семьи. В семье было девять братьев, так что девочки не сидели без дела.

Семья жила землей. Хозяйство было крупным⁵⁴, отлаженным и сбалансированным; сеяли озимую и яровую рожь, овес, ячмень, лен, коноплю. В числе пропашных культур значились картофель, свекла, а также зерновые — гречиха и просо⁵⁵. Были заведены огород и большой фруктовый сад. Все продукты шли прежде всего на продажу. Со временем была выстроена и собственная водяная мельница (на плотине речки Серебрянки), что оказалось крайне значимо для повышения доходности хозяйства. Держали несколько лошадей и коров, птицу; для их прокорма имелись луговые угодья. Нелегкий крестьянский труд лежал главным образом на плечах самих Лисицыных: повседневный быт складывался из бесконечных сельскохозяйственных работ, которыми вместе с отцом занимались подросшие сыновья. В их обязанности входило обихаживать сад и огород, трудиться на покосах. От работы не принято было отлынивать. Хозяйствовали хотя и тяжело, но вполне успешно; для многих видов работ привлекались наемные работники (в дни страды за обеденный стол садились до 50 человек). Тем не менее, денег, которых

⁵³ Лисицын А.П. Четверть века вместе. С. 349.

⁵⁴ 250 дополнительных десятин, т.е. примерно столько же гектар (не говоря уже о возможных 700) — это очень большая площадь для крестьянина-единоличника, значительно превышающая рекомендации земских агрономов (15—20 десятин на мужскую душу) и вполне сопоставимая с предложениями А.В. Чайнова по площади для ведения кооперативного хозяйства (400 десятин). См.: *Gerasimov I.V. Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia. Rural Professionals and Self-Organisation, 1905—1930.* London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 236.

⁵⁵ Эти культуры перечисляет Пётр Иванович в «Автобиографии».

хватало бы обычной крестьянской семье, Лисицыным было явно недостаточно. Надо было расплачиваться с банком. И, главное, родители поставили перед собой крайне амбициозную и сложную цель: дать всем детям образование. Причем не просто гимназическое, но непременно высшее, университетское. Это не кажется удивительным, если вспомнить, что глава семьи был писарем, всю жизнь занимался самообразованием; культ знаний, установленный в семье Иваном Фёдоровичем, разделяла и поддерживала получившая домашнее образование Наталья Васильевна. Так что число собственных рабочих рук в семье неуклонно убавлялось: в Телятинках трудились лишь те, кто еще не учился, а также гимназисты и студенты, приехавшие домой на каникулы.

«Культ знаний» в случае семьи Лисицыных — не громкие слова. В Телятинках была собрана большая библиотека; выписывали многочисленные журналы и газеты (из упомянутых в документах — «Неделя» и «Русь»). В 1897 г. глава семьи обращается в редакцию «Недели» с просьбой «высылать ее по приложенному адресу: Лисицыну Ивану Фёдоровичу, крестьянину, в Лихвин, Калужской губ.»⁵⁶ (корреспонденция приходила в Лихвин)⁵⁷. В доме имелась собственная (как утверждали — первая в губернии!) пишущая машинка. История ее появления объясняется сложностями, с которыми сталкивались последователи Л.Н. Толстого: необходимостью распространять некоторые его труды, запрещенные к печати. Как и многие другие толстовцы, Иван Фёдорович перепечатывал нравственно-философские статьи Толстого для дальнейшего их «хождения в народ». Вероятно, это и могло послужить поводом для возбуждения ходатайства об отлучении от церкви, о чём мы упоминали выше.

Для детей чета Лисицыных видела будущее, непременно связанное со знаниями, с образованием. Было сделано всё возможное и невозможное: добились бесплатного обучения в гимназии; небольшой семейный бюджет почти весь шел на оплату университетских курсов. Именно тогда возникла «общая касса», которую затем многие годы вел глава семейства: сначала родители, а впоследствии каждый из детей Лисицыных, где бы он ни находился, вносил посильный вклад. Нуждающиеся могли обратиться за семейной «субсидией» на безвозмездной основе: необходимо было

⁵⁶ Обращение И.Ф. Лисицына в редакцию еженедельника «Неделя». 20 янв. 1897 г. АМКБЛ.

⁵⁷ По прочтении некоторые выпуски пересылались старшим сыновьям. Об этом: Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. Лисицыну от 20 января 1897 г. АМКБЛ.

только представить убедительное обоснование. Так Иван Фёдорович культивировал традиции взаимовыручки и самоорганизации, которые позволяли не только ощущать постоянное присутствие семьи и опираться на ее поддержку, но и формировали чувство личной ответственности за коллективное дело.

Все Лисицыны получили гимназическое образование, многие окончили университеты и другие высшие школы. В классических народнических традициях учились сами — и учили других. В одном из писем читаем: «Люба учит нескольких деревенских детей грамоте. У них появилось сильное желание учиться»⁵⁸.

В детские годы Петра, среднего ребенка, большая семья Лисицыных уже имела в своих рядах и гимназистов, и студентов. По его детским воспоминаниям, в Телятинках всегда было многолюдно. За стол садились обычно 20—30 человек (семьи старших братьев и сестер), не считая работников. Летом, по праздникам, когда все Лисицыны собирались вместе — возвращались гимназисты из Калуги, студенты из Москвы и Петербурга со своими друзьями, — получалось и полсотни.

Время проводили разнообразно и весело. С ранних лет Иван Фёдорович приучил сыновей к охоте, которая всегда оставалась главным увлечением мужской половины. Кроме охоты, устраивали долгие, километров за двадцать, походы на Оку. Там детей-Лисицыных интересовали «славянские курганы», которые они раскапывали в поисках артефактов⁵⁹. Бывало, подшучивали над бабушкой (если не сказать — хулиганили): притаскивали домой скелеты и до смерти пугали набожную старушку. Другая «шутка» была более гуманной, хотя тоже не слишком доброй. Мальчишки, потихоньку заменив старинную икону на портрет почитаемого отцом Толстого, забавлялись, наблюдая, как подслеповатая старушка кладет земные поклоны и молится на критиковавшего церковь «старца». Но эти немногие детские шалости были лишь небольшой частью жизни Телятинок. Главные воспоминания — совсем другого характера, и тоже из числа любимых.

Например — о том, что вечерами непременно собирались в гостиную. Устраивали концерты: в семье все были музыкальны,

⁵⁸ Письмо неустановленному лицу из Телятинок. Декабрь 1898 г. АМКБЛ.

⁵⁹ Вероятно, речь идет о курганах вятичей, известных на Верхней Оке. В мужских погребениях находили орудия труда (нож, топор, скобель); в женских — серпы, украшения. Некоторые из них являются племенным признаком вятичей: семилопастные височные кольца, решетчатые перстни и др.

«был свой хор, который выступал по деревням и в г. Лихвин и даже свой домашний оркестр (Пётр владел скрипкой, Костя — виолончелью)». Был приобретен и кабинетный рояль, на котором играла Лида⁶⁰.

Музыкальное образование детей — также заслуга отца. Иван Фёдорович не просто любил музыку, он был абсолютно убежден в важности музыкальной культуры для образованного человека:

«По моему мнению, знакомство с музыкой так же необходимо, как всякая полезная наука, как изучение, например, своего родного языка»⁶¹.

Иногда организовывали домашние спектакли. Пьесы сами ставили (часто по своим сценариям), сами играли. Сотрудничали с учителями окрестных школ, которых приглашали на отдельные роли. Зрители реагировали восторженно; представления проходили при большом стечении публики, с готовностью оплачивавшей билеты. При этом «театральная антреприза» Лисицыных была родом благотворительности: выручку от спектаклей направляли в пользу бедных учеников. Случалось, однако, что спектакли запрещал местный исправник. Так произошло с пьесой А.Н. Островского «Не так живи, как хочется...». В уведомлении, присланном исправником, говорилось:

«Спектакль не разрешается по следующим причинам: 1) неизвестна цель, с которой он будет поставлен; 2) учителя не имеют разрешение от управы на участие в спектакле; 3) репетиции будут в Кулешове и Телятинках, где я не имею возможности наблюдать...»⁶²

Чтобы оценить атмосферу, царившую в семье, ценности, которые культивировались в «родовом гнезде» и путешествовали дальше по миру вместе с его питомцами, обратимся к письмам, дневникам и журналам детей-Лисицыных. Так, Николай, будучи студентом, с нежностью и любовью расспрашивает отца о делах домашних, о младших детях: «Как поживают ребята? С кем спорит Костя? Что задумал сотворить Миша? Все так же ли основателем Лёня? Вася, вероятно, всю русскую грамматику наизусть знает. Лида как

⁶⁰ Лисицын А.П. Четверть века вместе С. 344.

⁶¹ Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. и Н.И. Лисицыным. Без даты. АМКБЛ.

⁶² Троицкая Т.Н. Пётр Иванович Лисицын. М.: Агропромиздат, 1988. С. 13.

подвизается?»⁶³ Как было принято, многие вели дневники, выпускали рукописные журналы. Один из самых ранних — «Ключи» — начат 12 июля 1894 г. и «издавался по мере насыщения материалом». Приведем яркое и глубокое введение к номеру первому, в котором заявлены историко-литературные цели журнала (подготовлено анонимным редактором-издателем — как считается в семье, Яковом):

«Милостивые Государыни, милостивые Государи! Перед Вами первый номер журнала “Ключи”, после долгих и неустан-ных усилий увидавший, наконец, свет Божий. У многих из Вас является, несомненно, вопрос: „Что такое: журнал? Почему журнал? Зачем журнал? Какие “ключи”?“ Поэтому редакция считает своим нравственным долгом дать ответы на запросы вашего ума. ... Итак, зачем же нужен нам журнал? (курсив и выделения оригинала здесь и далее сохранены. — О.Е.)

Нескончаемый ряд веков жили люди, умели говорить, умели кое-как (а может быть и хорошо) размышлять, наблюдая природу и накапливая знания, но не умели записать все эти наблюдения и мысли. Знаем ли мы что-нибудь о том времени? ... Нет, мы ничего о них не знаем, кроме нескольких сказок и предположений...

Но вот появились письменна, грамота, буквы. Это было великим открытием, великим благодеянием человечеству — гораздо большим, ... чем изобретение Гутенбергом книгопечатания. С изобретением письма для человечества исчезли препятствия к знанию... Учиться стало можно, будучи за тысячу верст и за тысячу лет от учителя. Мы теперь читаем мысли человека, жившего за 2000 лет до нашего времени (например, Сократа или Демосфена). Пример нашей родины — России — лучше всего показывает значение грамоты. Мы знаем о своем народе, о его жизни и нравах только с тех пор, когда к славянам пришла грамота. Но спросите ... гимназиста о русской жизни 400 лет назад. Он назовет вам имя тогдашнего князя и больше ничего не скажет. Почему это так? Ответ простой: греки 2400 лет назад были все грамотны, а у нас 400 лет назад из 10.000 один умел писать; у греков тогда было много писателей и историков, а у нас 400 лет назад считалось не более трех писателей за 300 лет. Вследствие этого

⁶³ Письмо Н.И. Лисицына к П.И. Лисицыну из Вязьмы в Калугу. 12 сент. 1895 г. АМКБЛ.

у греков были такие умные люди, мысли которых до сих пор удивляют нас, а из русских мыслителей, живших 400 лет назад, ни одного мы теперь не знаем.

Итак, всё дело в том, чтобы в России не было ни одного безграмотного, и чтобы грамотные умели излагать свои мысли на бумаге. К этому должен стремиться всякий человек: неграмотный должен учиться грамоте, а грамотный — помогать другим учиться и сам стараться привыкнуть держать перо в руках. Вот первая мысль журнала — приучить своих сотрудников излагать мысли на бумаге. ... Читая чужие сочинения или возражения на свои мысли, человек приучается правильно думать, приучается исправлять свои ошибки и защищать правду. Вот вторая цель журнала — развить своих сотрудников, научить их думать. Журнал позволит говорить свои мысли без стеснения, потому что никто, кроме редакции, не будет знать, кем написана та или другая статья, а на скромность редакции положиться можно. Есть еще две цели у журнала “Ключи”. 1) Он будет служить сборником местных обычаев, нравов, песен, сказок и т.п. 2) журнал будет хранить воспоминания своих сотрудников.

Как приятно будет через 20 лет посмотреть свою прежнюю жизнь, прежнего себя и вспомнить тех, с которыми была связана эта жизнь. ... Внук достопочтенной Татьяны Фёдоровны и правнук многоуважаемого Василия Ивановича с равной пользой и приятностью познакомятся с теми ... “ключами”, которыми были отперты душа и ум их знаменитых прадедушек, и с тем светлым ключом, который бил из-под Телятинской почвы. Пусть же бьет этот светлый и обильный родник»⁶⁴.

Вот, например, оглавление десятого номера, составленного из сочинений анонимов, скрывавшихся за всевозможными псевдонимами:

- «1. Исторические сведения о Лихвинском уезде (копии жалованных грамот Доброму монастырю).
2. Современные сведения о Лихвинском уезде. Уездное земское собрание (от нашего корреспондента).
3. Медведица (рассказ). И.Л.
4. Письма из-за границы. Л-я.

⁶⁴ Рукописный журнал «Ключи». № 1. АМКБЛ. Л. 1—8.

5. Письма из Крыма. Н-я.
6. Из Москвы.
7. Ветрогон № 1.
8. Баллада — стихотворение Буки.
9. “Кто он” и “Загадка” — стихотворения Костыляшкиной.
10. В альбом “Ей” — стихотворение Аз»⁶⁵.

В журнале помещались отчеты о важнейших событиях в уезде и губернии, исторические заметки, эссе о природе края, стихи, рассказы — нередко с иллюстрациями авторов. Писали все, кто хотел себя выразить. Петр, которому ко времени начала издания журнала исполнилось 17 лет, был активным его участником. Впоследствии, когда дети стали старше, на смену «Ключам» пришел журнал «Искренность» (подшивка пропала во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — *О.Е.*) — нравственно-философского и литературно-критического направления. На его страницах Лисицыны размышляли на темы морали, гражданского долга, спорили, отстаивая литературные вкусы и пристрастия. Такая постоянная литературная деятельность, без сомнения, наложила отпечаток на стиль научных и научно-популярных трудов Петра Ивановича. Он умел и любил писать, владел разными жанрами — от эссеистики до стихотворного, навсегда сохранил любовь к критическому разбору трудов, литературных и научных.

Особенно информативным оказался периодический опус «Семейные новости». Его начали выпускать перед Первой мировой войной, когда многие дети-Лисицыны (к тому времени уже вполне взрослые!) жили далеко от Телятинок. Вела журнал Люба, составляя резюме многочисленных писем братьев и сестер домой. И перепечатывала итоговые выпуски на той самой «толстовской» машинке, в тех же традициях — в нескольких экземплярах, которые рассылались всем участникам «хроник»⁶⁶.

Но связь с Телятинками не ограничивалась письмами. Даже для молодых гимназистов, увлеченных учебой и романами, дом, Телятинки оставались необычайно притягательны. Туда стремились при каждой удобной возможности. Со временем Телятинки стали местом сбора теперь уже трех поколений Лисицыных: родителей, детей и внуков. И те, кто жил в столицах, и те, кто построился в родных местах, — все со своими чадами и домочадцами непременно

⁶⁵ Рукописный журнал «Ключи». 1898. № 10. АМКБЛ. Л. 1—2.

⁶⁶ Эти записи мы будем использовать впоследствии для восстановления отдельных фактов биографии Петра Ивановича.

проводили лето в Телятинках. Нельзя не упомянуть лето 1912 г., когда отмечали двойной юбилей — 80-летие Ивана Фёдоровича и золотую свадьбу родителей. Тогда за столом на открытом воздухе собрался весь лисицынский клан — более 100 человек. Как можно заключить из прекрасного фотографического отчета и многих посвященных этому событию писем, праздновали несколько дней. Разумеется, были охота, пикники. Устроили долгий поход на Оку с посещением любимых с детства курганов. Заходили на мельницу, в те времена находившуюся под управлением Фёдора... Этот грандиозный праздник оказался последним собранием Лисицыных перед мировой войной и революцией.

Глава III

УЧЁБА В КАЛУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ. ВЫБОР ПРОФЕССИИ

Обучение детей легло нелегким бременем на семью Лисицыных. Известно, что Ивану Фёдоровичу удалось добиться субсидий на гимназию от некоего фонда, который в семье называли сиротским (вероятно, речь идет о Сиротском суде). Как при живых родителях, имеющих доход с собственного хозяйства, получили финансирование именно по линии попечительства над сиротами? Возможно, И.Ф. Лисицын смог связать прошение с малым достатком или давней линией опекуновства над крестьянской семьей, ведущей начало со времен гибели его деда в Отечественной войне 1812 г.

Калужская гимназия

Петра отдали в Калужскую мужскую Николаевскую гимназию (сегодня в здании гимназии помещается Калужский госуниверситет им. К.Э. Циолковского)¹, которую до него окончили старшие братья Яков и Фёдор². Такой выбор не случаен: выпускники гим-

¹ История развития гимназии берет свое начало в 1786 г., когда по указу Екатерины II было создано Главное народное училище, в старшем, четвертом, классе которого готовились учителя для уездных училищ. В 1804 г. училище было преобразовано в Николаевскую мужскую гимназию; восьмой, выпускной, класс гимназии также был педагогический. Гимназия помещалась в трехэтажном здании, выстроенном на средства Калужского дворянского собрания. На ее содержание (библиотека, ремонт дома и др.) казной ежегодно выделялось 6150 руб., еще 3350 руб. — приказом общественного призрения. Здание гимназии многократно перестраивалось и расширялось, особенно в 1900—1902 гг. Об учебных заведениях Калуги см.: ГАКО. Ф. 165 (Дирекция Народных училищ Калужской губернии). Оп. 1. Д. 843.

² Гимназию окончили Яков, Фёдор, Пётр, возможно, Михаил (есть сведения лишь о годах учебы), также Леонтий, Константин и Василий. Николай, судя по письмам, сначала учился в Калуге, но потом был переведен и окончил Андреевскую мужскую гимназию в Вязьме.

назий имели право на поступление в университеты³. Для представителей «непервенствующих» сословий — купцов, мещан, цеховых, казаков и крестьян — гимназический аттестат зрелости был пропуском к высшему образованию, прежде всего университетскому. Его получение открывало реальную перспективу по мере служебного продвижения достигнуть личного и даже потомственного дворянства. Неудивительно, что представители этих сословий теснили в гимназиях дворянских отпрысков: если в 1899 г. первых было 46%, то к 1913 г. уже 61,7%⁴. Легко предположить, что, отдавая детей именно в гимназию, Иван Фёдорович рассчитывал на получение ими в дальнейшем университетского диплома.

Скажем несколько слов о гимназическом образовании тех лет.

С 1870-х гг. в России звучало много критики средней школы, «бездушно-бюрократического дисциплинарного режима классической гимназии, охраняемого внутренней полицией-инспекцией»⁵. Однако при всей справедливости критики всё обстояло не так однозначно. Во-первых, статистика свидетельствовала о растущей популярности гимназий: в 1894 г. в Российской империи действовало 177 гимназий, в которых обучалось 55 тыс. чел.; к 1914 г. значилось уже 441 гимназия с общим числом учеников порядка 148 тыс.⁶ Во-вторых, мемуары бывших гимназистов второй половины XIX в. свидетельствуют о том, что далеко не все считали «кошмаром» годы обучения⁷. К сожалению, нам не удалось найти за-

В 1875 г. в Калуге было создано реальное училище, где в 1896—1897 учебном году работал учителем математики К.Э. Циолковский. Именно это училище окончил старший, Иван.

Младшие сестры Лидия и Надежда — выпускницы женской гимназии (открыта в 1860 г. как женское училище, впоследствии — Калужская женская гимназия). Вероятно, гимназию окончили и старшие сестры Софья и Любовь, однако об этом сведений нет.

³ Кроме зачисления в высшие учебные заведения, выпускников гимназий брали на государственную службу канцелярскими служащими I разряда с преимущественным правом производства в чины Табели о рангах. Об этом, например, см.: *Христофорова Н.В.* Российские гимназии XVIII—XX вв. М.: «Греко-латинский каб.» Ю.А. Шичалина, 2002; *Беловинский Л.В.* Российский историко-бытовой словарь. М.: Студия «ТРИТЭ»; РИО «Российский архив», 1999. С. 94.

⁴ *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. С. 26.

⁵ *Иванов А.Е.* Студенчество. С. 22.

⁶ Приведено по: *Иванов А.Е.* Студенчество. С. 21. См. также: *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в.* М., 1976. С. 525.

⁷ В качестве примеров А.Е. Иванов приводит мемуары композитора Н.Н. Черепнина, писателя К.Г. Паустовского и др.

писок выпускников Калужской гимназии. Но известно, что она выделялась достаточно либеральными традициями. В.В. Вересаев в своих воспоминаниях, говоря о годах, проведенных в Тульской гимназии, упоминал одного из учителей, от «садиистой строгости и беспощадных требований» которого не одному ученику «пришлось перевестись в Орел или Калугу»⁸. Выпускниками Калужской гимназии были министр внутренних дел В.К. Плеве, религиозный философ С.Н. Трубецкой, сельскохозяйственный деятель Ф.А. Баталин (отец известного ботаника А.Ф. Баталина) и др.

Пётр поступил в гимназию в 1887 г.⁹, одновременно или несколько позднее старшего его на два года Николая. Мальчикам сняли «угол» у Натальи Сергеевны Смирновой, родственницы со стороны матери (возможно, бабушки детей); за полный пансион платили 5 р. в месяц¹⁰. Вероятно, на такую трату решили пойти, видя тяжелое существование старших детей в «сиротском доме». Как вспоминал Пётр, сироты и дети бедных родителей содержались там бесплатно, «но зато драли их нещадно»¹¹. С Н.С. Смирновой поддерживали тесные отношения; она приглядывала за мальчиками, следила за их тратами, пока они не возмужали¹². Именно ей адресованы денежные переводы раннего периода обучения Петра. Большую часть гимназического периода — до перевода Николая в Вязьму в старших классах — Пётр и Николай провели вместе¹³.

Перед Рождеством отец на санях отправлялся в Калугу и забирал детей домой на каникулы; путь занимал весь световой день. Сложней обстояло дело осенью или на Пасху; распутица — частая тема писем в эти периоды. Вот одно из них: «Вчера часу во вто-

⁸ *Вересаев В.В.* Воспоминания. М.: Правда, 1982. С. 357.

⁹ *Лисицын П.И.* Автобиография. АМКБЛ. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Постоянная тема переписки с Н.С. Смирновой — денежные дела; например, Письмо И.Ф. Лисицына к Н.С. Смирновой и Н.И. Лисицыну от 13 ноября 1893 г. АМКБЛ.

¹³ Как следует из писем, в годы окончания Петром гимназии Николай по каким-то причинам учился в Вязьме, в Андреевской мужской гимназии (одной из первых в России, созданных местным земством). Можно предположить, что причина переезда — плохая успеваемость (первое время и в Вязьме Николай учился плохо: в письме от 22 ноября 1895 г. он сообщает, что «получил три двойки, ... последний ученик в классе»). Переписка датируется 1895—1897 гг. По некоторым косвенным замечаниям — о самоубийстве товарища по гимназии, которого «Яша знает» (письмо Н.И. Лисицына П.И. Лисицыну от 22 ноября 1895 г. АМКБЛ) — можно предположить, что Яков также когда-то учился (или работал?) в Вязьме.

ром дня мы выехали домой из Калуги с ребятами и приехали почти ровно в 12 ночи. Такой убийственной дороги я давно не видал, она сплошь изрыта ухабами и развалами, так что каждую секунду приходится то спускаться под крутую гору, то подниматься на высокую, как на печь, другую гору»¹⁴.

К Калужскому периоду, особенно старшим классам в гимназии, относится самая обширная часть переписки Петра (с отцом, братьями и сестрами). О ранних гимназических впечатлениях свидетельствуют только горькие строки из «Автобиографии» П.И. Лисицына:

«Из-за плохой одежды дирекция гимназии запретила нам ходить по главной улице Калуги — Никитской. В гимназии нам постоянно подчеркивали наше происхождение и старались отдалить от нас главную массу гимназистов — детей привилегированных сословий. Иногда ухитрялись натравливать на нас эту массу, и тогда происходили бои. Мой брат Николай считался первым силачом гимназии и под его руководством мы не давали себя в обиду. За то, что мы не могли платить за учение, мы все должны были петь в церковном хоре. Из-за того, что ни у кого из своих “привилегированных” товарищей мы не могли бывать в домашней обстановке, мы не могли получить никакого внешнего лоска, не умели держать себя в обществе и оставались нелюдимыми, настороженными и дикими... В старших классах установились более человеческие отношения»¹⁵.

Действительно, со временем ситуация меняется, психологический груз «инакости» становится не таким тяжелым; у Петра появляются приятели. Главный из них — Александр Лебеяднцев, будущий известный агрохимик¹⁶. С ним у Петра завязалась тесная дружба,

¹⁴ Письмо И.Ф. Лисицына к неустановленному лицу (Петру?) от 9 ноября 1896 г. АМКБЛ.

¹⁵ Лисицын П.И. Автобиография. АМКБЛ. Л. 4.

¹⁶ Лебеяднцев, Александр Никандрович (1878—1941) — агроном и агрохимик, организатор отечественной сельскохозяйственной науки. Родился в Калуге в дворянской семье. Его дед А.А. Лебеяднцев — помощник правителя канцелярии губернатора; отец — земский деятель, участковый начальник в Калуге. По окончании с отличием Калужской гимназии поступил в Московский университет, где специализировался по физиологии растений у К.А. Тимирязева и по органической химии у Н.Д. Зелинского. По окончании университета с дипломом 1-й степени (1902 г.) поступил в Московский с.-х. институт; углубленно занимался микробиологией на кафедре Н.Н. Худякова. По окончании МСХИ со званием агронома 1-го разряда оставлен при кафедре частного земледелия Д.Н. Прянишникова для

которую несколько не омрачали сословные различия (Лебеядцев — из калужских дворян); впоследствии Лисицына и Лебеядцева долгие годы связывали не только дружеские отношения, но и совместная работа на Шатиловской станции. Разъезжаясь на каникулы, друзья, как это было принято в то время, вели переписку¹⁷. Но основные корреспонденты Петра — отец, братья и сестры. К сожалению, его собственные письма не сохранились. Голос

подготовки к профессорскому званию. В 1906 г. принял приглашение возглавить Шатиловскую сельскохозяйственную опытную станцию, директором которой оставался до 1925 г. (до 1927 г. заведовал Отделом агрохимии). В 1924—1931 гг. — профессор кафедры агрономической химии, заведующий лабораторией агрономической химии физико-математического факультета МГУ. Позже работал во ВНИИ удобрений, агротехники и агропочвоведения (1934—1935 гг.), ВНИИ свекловичного полеводства (1935—1941 гг.).

Основным направлением работ А.Н. Лебеядцева были агрохимия (применение удобрений) и агротехника (приемы обработки почвы). На Шатиловской станции установил возможность эффективного применения фосфоритной муки в северной части черноземной зоны, продемонстрировал значительное повышение плодородия чернозёма под влиянием высушивания. Проводил изучение месторождений отечественных фосфоритов и сравнение их с главными мировыми месторождениями в отношении их усвояемости, выявил значение тонкого помола фосфоритной муки (1920—1925 гг.). С 1925 г. в организованной им при ВНИИ удобрений «Сети географических опытов» установил южные границы применения фосфоритной муки. В совокупности с проведенными ранее исследованиями это позволило выделить особую «зону фосфоритирования» (по Д.Н. Прянишникову — «лебеядцевскую зону»), в которой обеспечение сельскохозяйственных культур фосфором могло быть осуществлено применением дешевого фосфорного удобрения — фосфоритной муки. В дальнейшем определил сравнительную эффективность разных видов и форм минеральных удобрений (23 формы) на различных почвах СССР. Установил новый фактор, обуславливающий растворение фосфорита почвой — процесс нитрификации, что позволило ранжировать месторождения отечественных фосфоритов. Автор новых методов агрохимических исследований (методика исследования нитрификационных процессов в почве; нефелометрический метод определения фосфора в почве, растении и удобрениях; способ сожжения растительных веществ для определения фосфора; методика определения влажности в растительных веществах и разработка нового типа термостала; методика определения жира в семенах масличных культур и др.).

Кавалер ордена св. Станислава III степени (1911 г.), св. Анны III степени (1914 г.). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1929 г.). Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Наиболее полная биография: *Журбицкий З.И.* Жизнь и научная деятельность А.Н. Лебеядцева // А.Н. Лебеядцев. Избранные труды. Москва: Сельхозгиз, 1960. С. 5—14; *Небытов В.Г., Мазалов В.И., Боровлёв А.А.* Основоположники и организаторы Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Александр Никандрович Лебеядцев (1878—1941 гг.). Орёл: ООО Полиграф. фирма «Картуш», 2009.

¹⁷ В этой дружеской гимназической переписке сохранились только письма Лебеядцева к Петру.

самого Петра той поры мы почти не слышим и можем ориентироваться только по «отраженному эху» в письмах домашних. Правда, братья Фёдор, Яков, Николай (в период обучения в Вязме) и Леонтий, сестра Люба писали главным образом о себе, о личных переживаниях. А вот Иван Фёдорович делился в письмах философскими размышлениями, семейными новостями, переживаниями о финансовых проблемах¹⁸ и «сложных» детях. Письма отца — самая интересная и информативная часть семейного эпистолярного фонда. Переписка началась в 1893 г.; в начале Иван Фёдорович писал редко; ближе к окончанию гимназии, в 1895—1897 гг., письма становятся более регулярными. Может показаться, что все мысли Ивана Фёдоровича связаны с гимназией — оплатой обучения, успеваемостью Лисицыных (в то время в Калуге учились также Михаил, Леонтий, Константин, Лидия и Василий). Действительно, помимо вечной нехватки денег, ему не дают покоя «проблемные» дети, которым требуется срочная помощь, братская поддержка или суровые родительские наставления. Так, об одном из сыновей, разленившемся и схватившем несколько двоек, Лисицын-старший писал Петру:

«Я просто ошалел, когда получил известие, что Ленька получил пять двоек... Целую ночь не спал. Что же это он задумал? Почему с ним плохо занимались старшие? ... Ведь нельзя вытерпеть, чтобы не наказать лентяя. Пусть лучше на глаза мне не показывается, а для этого лучше бы он не приезжал к празднику. ... Он ничего не хочет делать, зачем же ему отдых. Пусть бы он не мог учиться, а то виною одна проклятая лень... Такое положение наводит меня на самые грустные размышления, потому что я не вижу, чем можно извинить такое полнейшее нежелание учиться. Его нельзя считать таким маленьким, что он будто еще не знает, какие тяжелые невзгоды ожидают невежд, не желающих, подобно ему, трудиться. Жалка участь подобных людей»¹⁹.

В письме к Н.С. Смирновой, у которой квартируют Пётр и Николай, Иван Фёдорович просит передать сыновьям: «Пусть ребята подгоняют Леньку»²⁰. С помощью старших нерадивого брата быстро

¹⁸ Прежде всего — о деньгах: их всегда не хватало; обсуждали, как тратить каждую копейку.

¹⁹ Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. Лисицыну от 3 ноября 1893 г. АМКБЛ.

²⁰ Письмо И.Ф. Лисицына к Н.С. Смирновой и П.И. Лисицыну от 13 ноября 1893 г. АМКБЛ.

перевоспитали. И уже через пару лет самого Леонтия вместе со всегда успевающим Петром призывают помочь отстающим²¹. А Иван Фёдорович опять в тревоге — теперь плохи дела у Миши; отец готов на любые меры, даже на приглашение платного репетитора:

«Неудовлетворительные баллы, полученные Мишей, заставили меня задуматься и вызвали вопрос: что же делать? Единственное средство — помочь Мише со стороны, если у него недостаток сил... Если тебе некогда (обращение к Петру. — *О.Е.*), и Лёня не может оказать помощь, то нельзя ли найти кого-нибудь из учащихся? Я за все расплачусь, сколько потребуется... За Лидой тоже следовало бы наблюдать»²².

Из писем Ивана Фёдоровича следует, что Пётр в те годы неприятностей родителям не доставлял. Действительно, у мальчика с детства была исключительная память. Даже тяжелейшие осложнения на мозг после скарлатины, которой переболели почти все дети в 1887 г.²³, не сильно ее ослабили: Пётр учился хорошо. Поэтому он — активный помощник в подтягивании и перевоспитании братьев и сестер. Более того: он стал своего рода моральной опорой для отца; именно с Петром Иван Фёдорович делился своими размышлениями на темы нравственного и интеллектуального развития. Для нас же важно то, что по комментариям отца мы можем судить о формировании мировоззренческих установок сына.

Иван Фёдорович имел все основания излагать и даже навязывать сыновьям своё жизненное кредо: для крестьянина он достиг необычайных высот, отправив детей учиться в гимназии и университеты. По его словам, это стало возможным благодаря постоянному самообразованию, мощному гуманистическому и интеллектуальному заряду толстовства, способствовавшим духовному росту, расширению познавательных горизонтов. И в цитируемых письмах сквозь гневные упреки с очевидностью проступает главная причина беспокойства Ивана Фёдоровича: протест и недоумение вызывают не столько оценки, сколько лень, нежелание умственно трудиться, недостаточный интерес к знаниям. Образованность, тру-

²¹ Леонтий теперь в числе «успешных». Более того — он детально анализирует собственные достаточно высокие оценки, объясняет несправедливость единственной тройки по физике, сетует, что у Кости и Васи тройки преобладают: например, в письме от 14 декабря 1895 г. (АМКБЛ) он сообщает об оценках братьев за полугодие.

²² Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. Лисицыну от 9 ноября 1896 г. АМКБЛ.

²³ Книга записи рождения детей. АМКБЛ. Л. 7.

долюбие, взаимовыручка — вот те базовые ценности, к которым, по мнению отца, должны стремиться дети. Их отсутствие, считал Иван Фёдорович, — главное из страшных зол, подстерегающих молодых. Так, по его мнению, абсолютно непростительно «манкировать чтением»:

«...Коля далек от знакомства со своим языком: если он и теперь чуждается чтения, как прежде, то ему легко предсказать, что он по окончании курса... будет замечательным уродцем и посмешищем людским. Не думает ли он, что его научит одна грамматика! Я скажу прямо, что грамматика никогда ничему не поможет, если он не возьмется перечитать всех лучших авторов, и перечитать с толком и смыслом. Без этого ему придется вести разговор, не боясь осрамиться, разве только что с Харитоном или с Николкой, а от порядочного общества лучше бежать... Охота никуда не уйдет, а вот саморазвитие никогда не воротись, если пропустишь удобное время»²⁴.

Судя по комментариям в тех же письмах, Пётр полностью разделяет позицию отца.

Из очередного письма Лисицына-старшего следует, что за успешную учебу Петра освободили от платы за обучение²⁵. Но вместо слов похвалы отец мгновенно переходит к обсуждению нового замысла: дать детям еще и музыкальное образование! Вот как он предполагал потратить «освободившиеся» — но такие нужные в семье! — средства:

«Я думаю дать этим деньгам полезное назначение. Вам необходимо заняться с Колей развитием своих музыкальных способностей. Если есть в Калуге школа для преподавания музыки — ходите в эту школу, а если нет, найдите какого-нибудь старичка-артиста, который бы за небольшую плату согласился бы преподавать первоначальные знания. Само собою разумеется, для этого нужны инструменты. За этим не должно быть остановки: на первое время можно приобрести недорогие скрипку или гитару»²⁶.

²⁴ Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. и Н.И. Лисицыным. Без даты. АМКБЛ.

²⁵ Это означает, что какую-то плату за гимназический курс семья вносила. Возможно, освобождение (или оплата какой-то благотворительной организации) распространялось только на первые годы обучения.

²⁶ Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. и Н.И. Лисицыным. Без даты. АМКБЛ.

Музыка, с точки зрения Ивана Фёдоровича, ценна не только сама по себе. Он пишет о нравственной, духовной составляющей музыкальной культуры, тонко подмечая вдохновляющее и даже врачующее ее воздействие:

«Вам придется проходить еще суровую школу жизни. Здесь вам предстоит борьба, и иногда такая суровая и непосильная, что доводит до упадка духа... И вот в эти-то тяжелые минуты музыкальный инструмент является часто другом-утешителем. По моему мнению, знакомство с музыкой так же необходимо, как всякая полезная наука, как изучение, например, своего родного языка»²⁷.

Эти строки — человеческая характеристика, прежде всего, самого Ивана Фёдоровича. Но они говорят и о том, что сын-подросток — не просто адресат деловых посланий отца, но в первую очередь собеседник, способный проникнуться идеями всестороннего совершенствования личности, которые Иван Фёдорович воплощал всю свою жизнь и сумел передать детям.

Нет необходимости говорить о том, что и «музыкальное пожелание» отца было выполнено. К гимназическому курсу добавились занятия музыкой: Пётр начал брать частные уроки и впоследствии стал неплохим скрипачом. Что касается классических предметов, которые он изучал в гимназии, — латыни, греческого, немецкого, русского, математики, физики и географии, они давались Петру легко. Так, брат Яков, который тогда учился в университете, обращается к Петру с просьбой-предложением заняться латынью с сестрой его товарища-студента, причем не просто дать пару уроков, но начать регулярные платные репетиторские занятия²⁸.

О том, что именно изучали в то время гимназисты в рамках данных предметов, можно узнать из обширной мемуарной и исторической литературы — от дневников и воспоминаний Н.Г. Чернышевского до исследований по истории гимназического образования²⁹. Проиллюстрируем содержание учебных дисциплин картиной

²⁷ Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. и Н.И. Лисицыным. Без даты. АМКБЛ.

²⁸ Письмо Я.И. Лисицына к П.И. Лисицыну. 30 октября 1895 г. АМКБЛ.

²⁹ В 1864 г. был утверждён устав о семилетних классических и реальных гимназиях и четырёхлетних прогимназиях (последние давали незаконченное среднее образование). В классических гимназиях уставом 1864 г. вводилось усиленное преподавание древнегреческого и латинского языков, а также математики.

В реальных гимназиях преподавали математику, естественную историю с химией, физику с космографией, «живые» иностранные языки и рисование с черчением. Программы и планы классических гимназий видоизменялись в сторону

«одного дня из жизни гимназиста Петра Лисицына» (8 класс, последний год обучения). Для этого обратимся к письму его друга Александра Лебедянцева от 5 апреля 1897 г., адресованному Петру в Телятинки. Александр подробно описывает домашнее задание (возможно, данное на Пасхальные каникулы или при пропуске Петром занятий). В частности, мы узнаем, что по латыни проходили Горация: заданы «Сатиры», книга I, сатира IX, с. 1—25; по греческому Лебедянец перечислил конкретные номера упражнений и пояснил, что «советовали заняться переводами и грамматикой»; по русскому был задан разбор ранее написанного сочинения на тему «Созерцание природы имеет важное значение для духовной жизни человека». Тема сочинения говорит о многом: приобщение к природе как одной из основ духовного развития человека — вполне классическая для того времени. Из письма следует, что между друзьями продолжается спор относительно методов познания природы: созерцание или изучение? Гуманитарные науки, философски осмысливающие природу и человека, или естественные, изучающие их? На этот ключевой для себя вопрос пытался ответить гимназист выпускного класса Пётр Лисицын, выбирая будущую профессию.

Выбор был сделан в пользу «созерцания»: Пётр остановился на юридическом факультете Московского университета. Вероятно, сделал он это под влиянием брата Якова, окончившего юридический несколько лет назад. Авторитет Якова среди братьев Лисицыных был всегда крайне высок; он прекрасно писал, придумывал и осу-

усилия языковой подготовки, при которой, тем не менее, учитывалась будущая специализация гимназистов. Так, поступавшим на физико-математические факультеты университетов можно было довольствоваться элементарными знаниями по латинскому языку; для медицинских и историко-филологических факультетов были необходимы более основательные знания. То же относилось и к юридическому факультету. О гимназиях и обучении в них см.: *Чернышевский Н.Г.* Дневники. Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 414; *Воронов М.А., Воронов И.А.* Мое детство. Саратовская гимназия в 1851—1859 гг. // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. Саратов, 1958. С. 146—151; *Галахов А.Д.* Записки человека / Вступ. сл., сост. В.М. Бокова. М.: НЛЮ, 1999; *Христофорова Н.В.* Российские гимназии XVIII—XX вв. М., 2002; *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы в России во второй половине XIX в. М.: ГУПИ, 1954; *Ганелин Ш.И.* Классические гимназии. Реальные училища // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 127—131; *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX века до Февральской революции 1917 года. М.: ГУПИ, 1947.

шествовал семейные (хроники, журналы, спектакли), а впоследствии и общественные (издание газет) проекты, работал в конторе одного из самых авторитетных адвокатов того времени Ф.Н. Плевако³⁰.

Кроме того, Яша — опытный охотник, что для младших Лисицыных представляло особую ценность. Здесь самое время сделать отступление и рассказать о «внешкольной» жизни Петра гимназического периода... В одном из приведенных выше писем Иван Фёдорович, упрекая сына в отлынивании от учебы, замечал: «охота никуда не уйдет». Упоминание охоты не случайно: вся мужская половина семьи — заядлые охотники. Подростка Петю охота занимает всецело; неудивительно, что менее способных детей она еще и отвлекала от занятий. Сохранилась «Тетрадь ученика 3 класса Петра Лисицына». 1891 год, Пете 14 лет, он проводит летние каникулы в Телятинках. И пишет рассказы (или гимназические сочинения на свободную тему, судя по наличию исправленных ошибок). Тема у всех пяти произведений одна — охота. Возможно, написаны они для кого-то из братьев, надолго оторванных от дома: об этом свидетельствует «Заключение», в котором мальчик подводит итоги лета:

«В общем, моя охота в прошлую вакацию была плохая. В начале я промахивался, а под конец дичи стало мало. Убил я только: две кряковых утки, одного черенка, тетерку, кулика, сойку, двух дроздов и двух ястребов. Итак, я загубил 9 душ. Не знаю, как будет на Рождество. Да и ружьецо-то мое теперь развалилось... После Рождества напишу вам про все, а теперь будет мне писать. Прощайте! Пётр Лисицын.

P.S. Рождественская охота будет написана во II тетради. А если охоты не будет, то просто на листе. А во II тетради будет написана Пасха»³¹.

Охота в понимании сегодняшнего городского жителя — занятие если не аристократическое, то по крайней мере исключительно «для взрослых». Русское искусство вписало свою страницу в мировую книгу охотничьих полотен, и литературных, и живописных — от тургеневского «Хоря и Калиныча» до «Охотников на привале»

³⁰ Плевако Фёдор Никифорович (1842—1909), адвокат, юрист, судебный оратор, действительный статский советник. Выступал защитником на крупных политических процессах. Известен как один из лучших адвокатов Москвы, часто не только помогавший бедным бесплатно, но порой и оплачивавший непредвиденные расходы своих нищих клиентов.

³¹ Тетрадь ученика 3-го класса Петра Лисицына. 1891 г. АМКБЛ.

В.Г. Перова. И всегда это — описания «взрослой» охоты. Кажется странным, что у четырнадцатилетнего подростка такой большой опыт походов «на зайцев», «на тетеревов», «на куропаток» и даже «на волков». При этом Петя охотится не с отцом. Герои рассказов «Похождения летом», «Лисица», «На волка», «С гончими», «Рыболов» — братья Лисицыны: главный и самый старший 23-летний Яша, Федя, Коля, сам Петя и Лёня (которому всего 11 лет!). Охотятся либо все вместе, либо вдвоем-втроем. И отправляются вовсе не на ближайшую опушку: Петя описывает чуть ли не экспедиции с лодочной переправой, долгой пешей ходьбой до заветных лесов. Иногда охота складывается спонтанно. Так, в рассказе «На волка», случайно заметив «серого», по его следу смело идут совсем еще дети Петя и Лёня. Петя знает и использует особую терминологию, понятную только охотникам: он живо описывает детали, например, как в начале сезона «давал пуделей»³². Порой описания охоты становятся поэтическими, как в рассказе «Лисица»:

«Лес кончился, я вышел на опушку. Передо мной лежало поле. Рожь уже убрали и кое-где торчали сжатые стебельки... Я осторожно стал выходить из кустов. И вдруг увидел шагах в 200-х от себя какое-то животное. Я сразу догадался, что это лисица. Она не заметила меня и продолжала прыгать за жуками и рыть мышей. Красота и грация ее поразили меня. Я загляделся на нее, но потом вспомнил, что у меня ружье»³³.

Под статью и заключение: красота должна уцелеть. Хотя Петя все-таки включается в преследование и гонит лису на братьев, охота не удается. Судя по настроению заключительной фразы: «Похохотав и подтрунив над [промазавшим] Колей, мы отправились домой и благополучно достигли его в 9 часов вечера», — такой финал Петю даже радует.

В тетради немало забавных рисунков: вот Петя стреляет из своей двустволки по летящей утке и «пуделяет»; рядом на дереве сидит стилизованная смерть-скелет; что-то вроде подписи: «Сегодня добычи не было»³⁴.

³² «Пуделять» — (устар., в речи охотников) стрелять мимо, делать промахи в стрельбе по кому-чему-нибудь. «Начал частенько Мазай пуделять» (Некрасов). См.: Современный толковый словарь русского языка / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2000.

³³ Тетрадь ученика 3-го класса Петра Лисицына. 1891 г. АМКБЛ.

³⁴ Там же.

Охотой занимались не только в Телятинках, но и вдалеке от дома. Николай пишет из Вязьмы, где он учится: «Я ходил несколько раз на тягу. Результат плачевный... Затем прекратил совсем ходить»³⁵. Но Телятинки — главный центр охотничьих страстей; об этом ясно говорит «охотничья тетрадь». Вот и Николай пишет братьям, приглашая их принять участие в намеченной семейной охоте: «На Рождество недурно было бы устроить генеральную на зайцев»³⁶. «Если я не приеду, — откликается Фёдор, — Миша может охотиться с моим ружьем, конечно, обращаясь с ним осторожно»³⁷. Целую поэму-письмо об охоте на зайцев, лис и птицу прислал Петру в 1898 г. из Телятинок неустановленный автор из числа братьев Лисицыных (возможно, Леонтий); он же сообщил, что «охотится с Петькиной двустоволкой»³⁸. Вероятно, передавать ружья «в хорошие руки» на период учебы или просто длительного отсутствия — обычная практика среди братьев.

Однако со временем гимназические традиции и интеллектуальное возмужание берут свое: увлечения меняются и расширяются. Охота, разумеется, остается — всю дальнейшую жизнь Пётр Иванович отдавал дань этой давней страсти. Но теперь главными становятся книги, музыка, театр. Перемены уловили в семье; младший брат Леонтий пишет Петру и Николаю:

«Меня поражает различие, которое я встречаю в вас в нынешнем году от прошлогодних. Вас уже не забавляют мечты об охоте, которые вы лелеяли в часы забавы и праздной скуки»³⁹.

И тут же добавляет — с юношеской горячностью от предвкушения важного события: «Замечательная новость! В Среднем лесу всё это время были волки; в Берёзове они съели двух коров! То-то будет охота!»⁴⁰

А Пётр всё больше времени проводит с гимназическими друзьями. Затеваются совместные путешествия. Так, из письма Николая

³⁵ Письмо Н.И. Лисицына П.И. Лисицыну в Калугу из Вязьмы 27 апреля 1986 г. АМКБЛ.

³⁶ Письмо Н.И. Лисицына к П.И. Лисицыну из Вязьмы в Калугу. 4 декабря 1895 г. АМКБЛ.

³⁷ Письмо Ф.И. Лисицына к П.И. Лисицыну и Н.И. Лисицыну из Москвы в Калугу. 18 февраля 1894 г. АМКБЛ.

³⁸ Письмо неустановленного лица П.И. Лисицыну из Телятинок. Декабрь 1898 г. АМКБЛ.

³⁹ Письмо Л.И. Лисицына к П.И. Лисицыну и Н.И. Лисицыну. 14 декабря 1895 г. АМКБЛ.

⁴⁰ Там же.

узнаём, что намечалась поездка на ярмарку в Нижний Новгород, в ней должны были участвовать, кроме Николая и его друзей, Пётр с Лебедянцевым, а также брат Яков; в письме оговаривались необходимые суммы взносов, обсуждались детали проводимого Яковом «общего планирования»⁴¹.

О круге чтения Петра мы скажем в свое время.

Музыка и театр — общие увлечения всех подросших братьев и сестер, постоянная тема переписки. Все, в том числе и Пётр, участвовали в гимназических спектаклях. Сохранились афиши некоторых концертов в Калуге и Москве, которые посещали гимназисты. Но главное — домашние спектакли, обязательно украшавшие Рождественские каникулы.

Каникулы — это всегда Телятинки, куда все приезжают при первой возможности. Отсутствие таковой — особенно на Рождество, Масленицу, Пасху — воспринималось как наказание. Вот пишет на зимние каникулы из Вязьмы Николай, по каким-то причинам оставшийся (или оставленный) в городе:

«Вам вполне можно позавидовать, что вы так хорошо провели время в незаменимых Телятинках... Скучать особенно не скучал, но на Рождество в Телятинки очень хотелось!»⁴²

Фёдор, студент Московского университета, просит Петра и Николая: «Когда приедете из Телятинок с Масленицы, опишите все подробнее»⁴³. Такое же отношение к Телятинкам и у Петра. Рождество дома — тема гимназических мечтаний: «Вспоминаю нашу совместную жизнь, когда мы временами усаживались в одной комнате по кроватям и стульям и начинали мечтать о предстоящих каникулах, преимущественно рождественских»⁴⁴.

Тональность писем братьев Лисицыных не просто дружеская. Братья бесконечно внимательны друг к другу, по-настоящему заботливы, волнуются и переживают, если долго не получают писем. Семья для них необычайно важна; живут ее интересами иногда в большей степени, чем собственными. Николай пишет: «Проси,

⁴¹ Письмо Н.И. Лисицына к П.И. Лисицыну в Калугу из Вязьмы 27 апреля 1886. АМКБЛ. Сведений о том, состоялась ли эта поездка, не сохранилось.

⁴² Письмо Н.И. Лисицына к П.И. Лисицыну из Вязьмы в Калугу. 13 января 1896 г. АМКБЛ.

⁴³ Письмо Ф.И. Лисицыну к П.И. Лисицыну и Н.И. Лисицыну из Москвы в Калугу. 16 января 1890 г. АМКБЛ.

⁴⁴ Письмо Н.И. Лисицыну к П.И. Лисицыну из Вязьмы в Калугу. Декабрь 1895 г. АМКБЛ.

чтобы ребята каждый написали мне по письму. И сам пиши больше»⁴⁵. В другом письме: «Какие дела у ребят? С кем теперь ведет философские ругательства Костя? Что под подушкой у Миши? Как поживает кассир (Яков. — О.Е.) и в каком состоянии касса? Сколько раз подавился Вася?»⁴⁶ Всё сказанное в полной мере относится и к Петру. Напомним, что все процитированные выше и адресованные ему письма домашних Пётр бережно хранил. Для подростка, затем юноши Петра Лисицына связь с домашними была действительно бесконечно важной частью жизни. А отсутствие ответов писем Петра в семейном архиве отнюдь не свидетельствует об ином отношении к письмам — и близким — в Телятинках. Так, послания домой Петра поры его работы на Шатиловской станции сохранились в виде «Семейных хроник»: напомним, что в 1910-е гг. вся корреспонденция уже взрослых детей «перерабатывалась» в это уникальное издание. Скорее всего, значительная часть семейной переписки более раннего периода была утрачена на рубеже 1920-х гг., когда Лисицыны вынуждены были покинуть Телятинки. Уцелевший семейный архив до поры мог храниться у Фёдора, лихвинского земского доктора, всю жизнь проведшего в родных местах. Позднее архив переместился к Петру и прошел с ним весь его жизненный путь (хотя, в силу профессии, Пётр много переезжал); дальше был сохранен уже его потомками. Внимание и уважение к семье и ее истории — еще одна важная составляющая лисицынского мировосприятия. Сейчас эту традицию продолжает патриарх семьи Александр Петрович Лисицын, который бережет память об отце и всем большом клане Лисицыных.

Вернемся, однако, к разговору о «внегимназической» жизни Петра. В какой-то момент в ней появились и совсем взрослые увлечения: в Калуге у Петра завязались романтические отношения с Марией Яковлевной Ферапонтовой. Девушка была сестрой Семёна Яковлевича Ферапонтова, мужа старшей сестры Петра — Софьи. Вероятно, бывала в Телятинках, где могло состояться знакомство; скорее всего, училась в женской гимназии в Калуге. Об их романе в последний гимназический год (1897 г.) мы узнаём из письма Николая: тот пишет, что дома «ничего не скажет о том, что знает» и извиняется за резкие слова, высказанные в предыдущем (не сохранившемся) письме, «потому что я имел совсем неправильное

⁴⁵ Письмо Н.И. Лисицына к П.И. Лисицыну из Вязьмы в Калугу. 13 января 1896 г. АМКБЛ.

⁴⁶ Письмо Н.И. Лисицына к П.И. Лисицыну из Вязьмы в Калугу. Б.г. АМКБЛ.

представление о положении М.Я. и ваших делах»⁴⁷. Похоже, Николай извиняется за какое-то легкомысленное суждение о романе, на самом деле оказавшемся длительным и серьезным.

Окончив гимназию в 1897 г.⁴⁸, Пётр подал документы на Юридический факультет Московского университета⁴⁹. Начинается новый, московский период его жизни. Заметим, что выпускникам классических гимназий (за исключением «лиц иудейского исповедания» и неблагоприятно аттестованных гимназической администрацией) гарантировались места в университетах вне конкурса⁵⁰.

Как уже отмечалось, на выбор повлиял старший брат Яков, безусловный авторитет для Петра.

Отец не слишком одобрял выбор сына: он явно отдавал предпочтение естественным наукам и медицине как более значимым в познавательном и общественном смысле. Вот его комментарии в связи с этим:

«Мне кажется, юридический факультет меньше может удовлетворить нашему уму, чем медицинский. Прежде всего, требуется человеку изучить или познать самого себя, а к этому всего ближе подходит медицинский, и юристы в затруднительных случаях часто обращаются к медикам, особенно в вопросах вменяемости и невменяемости. Поэтому, я думаю, Коля благую часть избрал, хотя более трудную»⁵¹.

Ответы Петра не сохранились. Но из контекста писем Ивана Фёдоровича понятно, что сын не согласен с настроем отца рассматривать как истинную, «материальную» профессию исключительно медицину. Начинается спор на тему роли науки в жизни человека и общества. Вот позиция Ивана Фёдоровича:

«Если тебе кажется, что я жду от науки только материальных благ, то ты ошибаешься... Весь смысл письма состоял

⁴⁷ Письмо Н.И. Лисицына к П.И. Лисицыну из Вязьмы в Калугу. 1897 г. АМКБЛ.

⁴⁸ Выпускные гимназические оценки Петра таковы: по всем языкам и логике — «уверенная тройка», по остальным предметам (Закон Божий, история, география, математика) — четверки. ЦИАМ. Ф. 418 (Московский университет). Оп. 311. Д. 546 (Лисицын Пётр Иванович). Л. 3—3об.

⁴⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Д. 546. Л. 2.

⁵⁰ *Иванов А.Е.* Студенчество. С. 82. Автор отмечает уставы Юрьевского и Варшавского университетов, где формально было заложено право экзаменовки, которое, однако, на практике не применялось.

⁵¹ Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. Лисицыну. 12 сентября 1897 г. АМКБЛ.

в том, чтобы разрешить вопрос: какая наука нам указывает ближе путь к самопознанию — медицина или другая, а может никакая, этого я не знаю. На медицинские науки я указал в том предположении, что они исключительно заняты распознаением устройства человека и без сомнения касаются и устройства духовной стороны. Яша и Федя получили каждый свое научное развитие, и каждый может быть дойдет своим путем до самопознания. Ведь ни одному Сократу требовалось познать себя, но я думаю, у каждого мыслящего человека появляется вопрос: “Что я за скважина такая во вселенной?” ... Ты говоришь, что ничего не стоит изучить физическую организацию человека, стоит только изучить анатомию, физиологию и пр. и конец. Как это легко сказано. По-твоему, выходит, как будто достаточно посмотреть на тот кусок мяса, который называется сердцем, на ту кашу, которая называется мозгом, и все тут. Хорош будет ученый! А, по моему мнению, медицина должна изучать деятельность каждого органа, результаты этой деятельности, взаимное отношение этих органов между собой и т.д., а это нелегкая задача. Теологи наши ломают голову над тем, чтобы разрешить вопрос, в каком органе сидит наша душа. Я думаю, физиологи им скажут вернее и выведут их из затруднения. Ну, а скажи пожалуйста, на какие вопросы может ответить Римское право — эта дряхлая старина. Разве на то, кого и как получше обобрать или кого и как получше побить. Медики и дома могут наслаждаться своей наукой — кто с химией, кто с микроскопом, а юрист едва ли может иметь кабинетный труд... Во всяком случае, я думаю дело не в том, кто и где учился, а в том, к чему люди должны стремиться. Я думаю, слова Сократа «познай себя» относятся не к обществу, а к каждому человеку, потому что общество состоит из людей, и чем больше в обществе людей нормальных, тем более будет совершенно и само общество»⁵².

Иван Фёдорович в своих умозаключениях приходит к однозначному выводу: медицина превыше всех других наук. Он считает ее важнейшей во всех отношениях: и в практическом, и в познавательно-философском. В условном «противостоянии» Якова (ставшего юристом) и Фёдора (медика) отец, безусловно, на стороне

⁵² Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. Лисицыну. 1 октября 1897 г. АМКБЛ.

последнего. Он явно не одобряет выбор Петра. Но, и это важно подчеркнуть, не требует, чтобы сын во что бы то ни стало подчинился воле отца (хотя можно представить и такое — ведь за учебу Петра приходилось платить семье). Напротив — старается рассуждать объективно, взвешивая все «за» и «против», предлагая пройти схожий путь логических умозаключений и Петру.

Петр, очевидно, считает, что отец рассматривает выбор профессии исключительно в контексте достижения «материальных благ». Что ж, отчасти он прав — было бы странно, если бы Иван Фёдорович, с таким трудом тянувший на своих плечах воз образования детей, не думал о дальнейшей их финансовой успешности (на основании этого можно предположить, что юрист Яков вряд ли много зарабатывает⁵³). О деньгах думали все и постоянно, прежде всего Иван Фёдорович. И в письме отца однажды прозвучал упрек в расточительности: он уверен, что сын должен вернуть какую-то «лишнюю» сумму денег. Вероятно, Пётр был крайне задет и обижен; он никогда не позволял себе чрезмерных трат; все дети Лисицыны знали счет деньгам и были крайне бережливы. Возможно, иногда кто-то мог потратить лишнее. Но не Пётр! Напротив, именно благодаря его отличной учебе удавалось «сэкономить» семейные средства, выучить его и Николая музыке. Упреки он отменяет как несправедливые. И отец спешит с примирительным ответом:

«Так и быть, пусть деньги остаются у вас (вероятно Пётр и в Москве делит квартиру с Николаем. — *О.Е.*)⁵⁴, а я тут буду разживаться, только тратить их нужно с большой осторожностью. Мне даже показалось логичным и то, почему бы тебе не пользоваться студенческой столовой, ведь там, говорят, дешевле. Покормите иногда и Яшку, если у него окажется нужда. Свидетельство о болезни (вероятно, продолжают осложнения после скарлатины. — *О.Е.*) Федя тебе послал»⁵⁵.

Но все-таки в следующем письме отец напоминает Петру: несдержанность в отношении трат недопустима, как и излишняя обидчивость, склонность к спорам. Трудно сказать, являлись ли эти

⁵³ Вероятно, в дальнейшем Яков (учитывая его общественную деятельность в Лихвине и Калуге в 1900-е гг.), продолжая традиции помощи малоимущим своего наставника Плевако, выбрал путь провинциальной «социальной адвокатуры», что во все времена не приносило больших денег.

⁵⁴ Адрес Петра в Москве: Божедомка, Семинарский тупик, дом Кудрявцева, квартира Масленикова.

⁵⁵ Письмо И.Ф. Лисицына к П.И. Лисицыну. 12 сентября 1897 г. АМКБЛ.

упреки справедливыми или носили, скорее, предупредительный характер. Возможно, Пётр полагал, что заслужил право самостоятельно распоряжаться деньгами и решать, как и где обедать. Впрочем, это обычные замечания отца сыну — одному из самых близких по духу.

Колебался ли сам Пётр в правильности университетской специализации? Несомненно! Затруднения при выборе факультета — частая проблема гимназистов конца XIX — начала XX в. Известный специалист по истории российского студенчества А.Е. Иванов называет этот вопрос «психологически наиболее трудно решаемым»⁵⁶. В популярном в то время руководстве для абитуриентов профессора Н.И. Кареева говорилось: «...Резко выраженное и рано установленное призвание все-таки редкость. В подобных случаях это есть или проявление особенно развитой индивидуальности ... или, наоборот, результат постороннего внушения (совета или примера)»⁵⁷. Многие выпускники гимназий многократно меняли принятое решение вплоть до дня подачи прошения о зачислении. Но, даже став студентом, молодой человек продолжал терзаться сомнениями. В течение первого месяца после поступления студенты имели право перехода на другой факультет — и нередко им пользовались. Были и такие, для которых выбор профессии превратился в «тягостное блуждание по высшей школе»: А.Е. Иванов приводит пример С.Т. Шацкого, последовательно перепробовавшего естественный и медицинский факультеты Московского университета, а затем окончившего МСХИ, но признававшегося, что будь у него в юности «подходящая музыкальная среда», он выбрал бы своей профессией музыку⁵⁸. Как свидетельствовали авторитетные специалисты, трудности выбора факультета недавними гимназистами имели объективные основания — недостатки общеобразовательной подготовки: «Для большинства гимназистов, вступающих в университет, большая часть наук, с коими им здесь приходится иметь дело, бывает раньше неизвестна. Особенно это следует сказать о факультетах юридическом и медицинском»⁵⁹.

Итак, колебания в выборе факультета — удел не одного Петра. Можно не сомневаться, что вопрос будущей профессии он не раз обсуждал и со своим другом Лебедянцевым, который еще в гим-

⁵⁶ *Иванов А.И.* Студенчество. С. 30.

⁵⁷ *Кареев Н.* Выбор факультета. Руководство для учеников высших классов средних учебных заведений. Изд. 3. СПб., 1897. С. 7.

⁵⁸ *Иванов А.Е.* Студенчество. С. 31—32.

⁵⁹ *Кареев Н.* Выбор факультета. С. 25.

назии сделал безусловный выбор в пользу естествознания. Как бы то ни было, письменные беседы с отцом попали на благодатную почву. Сомнения, а, возможно, и разочарования в факультете («самом дворянизированном и буржуазированном в университете»⁶⁰, что не могло не претить Петру как представителю крайне либерально и демократично настроенного клана Лисицыных) перевесили. Ровно через год, в июле 1898 г., Пётр перевелся на естественное отделение физико-математического факультета⁶¹. Лисицын и Лебедев снова оказались вместе; тесная дружба продолжалась.

⁶⁰ *Иванов А.Е.* Студенчество. С. 35.

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Д. 546. Л. 6.

Глава IV

УНИВЕРСИТЕТ И МОСКОВСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ. ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Естественное отделение физико-математического факультета Московского университета на рубеже веков славилось блестящим профессорским составом: там преподавали Д.Н. Анучин (антропология), В.И. Вернадский (минералогия), И.Н. Горожанкин (морфология и систематика растений), Н.Д. Зелинский (органическая химия), В.В. Марковников (теоретическая органическая химия и синтез), М.А. Мензбир (зоология и сравнительная анатомия), И.Ф. Огнев (гистология и эмбриология), А.П. Павлов (геология и палеонтология), Д.Н. Прянишников (химия растений), А.Н. Сабанин (агрономия, агрономическая химия), К.А. Тимирязев (анатомия и физиология растений), Н.Н. Худяков (микробиология) и др. Петру многие из этих имен были хорошо знакомы: они звучали в беседах старших братьев, обучавшихся в естественно-научных ВУЗах: в Лесном институте в Петербурге (Иван), на медицинском факультете Московского университета (Фёдор).

В автобиографическом очерке «Как я стал селекционером» П.И. Лисицын вспоминал о том, как в детстве увлекался миром растений, особенно сельскохозяйственных: «Поле и растения больше всего интересовали меня, позднее я занялся прививками яблони к дичкам, посматривая изредка на рожь и овес»¹. Со временем его стали занимать книги по естествознанию, популярные в то время не только в среде специалистов, — достаточно вспомнить о всеобщем интересе к теории происхождения видов. Особенно любимыми были труды К.А. Тимирязева: «Жизнь растений», «Чарльз Дарвин и его учение». Брошюра «Дарвин как образец ученого» (опубликованная публичная лекция), испещренная юношескими комментариями Лисицына, хранится в Мемориальном ка-

¹ Лисицын А.И. Как я стал селекционером // Избр. соч. В 2 т. Т. 1. М.: Госсельхозиздат, 1951. С. 177.

бинете². Когда именно Пётр погрузился в эту тематику серьезно? Если еще в гимназические годы, то выбор юридического факультета кажется странным. Возможно, знакомство со специальной литературой, в том числе работами Тимирязева, произошло уже в университете³. Как бы то ни было, став в 1898 г. студентом естественного отделения, Лисицын получил возможность прослушать курс так увлекавшего его К.А. Тимирязева. Петра интересовали также лекции и практические занятия по бактериологии, которые вел профессор Н.Н. Худяков, курс агрономической химии профессора А.Н. Сабанина. Вероятно, Лисицын посещал и лекции по химии растений приват-доцента Д.Н. Прянишникова.

Известно, что Климент Аркадьевич Тимирязев имел особое влияние на студентов. Пропагандист дарвинизма, знающий ботаник и физиолог, он был блестящим оратором, захватывал слушателей своими лекциями — содержательными, образными. Выбор для Петра был очевиден: он стал специализироваться по кафедре анатомии и физиологии растений⁴. Тимирязев известен и тем, что одним из первых российских профессоров начал привлекать студентов к самостоятельной работе в лаборатории. По словам Лисицына, Тимирязев поражал не только профессионализмом, но и человеческими качествами, демократизмом в общении со студентами. Проверая их работы на практических занятиях, он с каждым раскланивался и здоровался за руку. Когда дошла очередь до Петра, тот долго не мог собраться и ответить профессору подобающим образом.

Знаменит Тимирязев был и своими «левыми» убеждениями, что также влияло на его авторитет среди студентов. В сентябре 1901 г. он подал прошение об отставке, отказавшись подписать обращение группы профессоров к университетской молодежи с призывом прекратить политическую активность. 18 октября студенты, среди которых был и Лисицын, собрались в Большой университетской аудитории на стихийный митинг в знак протеста против отставки любимого преподавателя. Выступали с речами, зачитывали адреса.

² Тимирязев К.А. Дарвин как образец ученого // Избранные сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1949. С. 49—83.

³ Смена юридического на физико-математический — нередкое явление в пореформенную эпоху, отмеченную всеобщим интересом к естественным наукам. Так, И.Н. Горожанкин в 1865 г. подал прошение для поступления на юридический факультет Московского университета и был зачислен без экзаменов. Но с 1867 г. он — студент первого курса естественного отделения.

⁴ Лисицын пишет о себе в автобиографии, как об ученике К.А. Тимирязева. Лисицын П.И. Автобиография. АМКБЛ. Л. 4.

М.Я. Лисицына (Ферапонтова) с детьми Анастасией, Андреем и Борисом,
1910 г.

Диплом об окончании
Московского университета,
1903 г.

П.И. Лисицын — студент
Московского сельскохозяйственного института,
1904 г.

П.И. Лисицын (в центре) с однокурсниками, 1906 г.

У стен Института. П.И. Лисицын (третий слева) с группой студентов, 1907 г.

П.И. Лисицын с группой товарищей в парке Института (стоят слева направо: неустановленное лицо, Обухов, Попов, Танеев, Лисицын, Шмидт; сидят слева направо: Шестаков, Бочаров, Михайлов-Сытин, Бруновский, Лебеяднцев, Гумбург), 1907 г.

На военной службе.
Солдат 11 пехотного
полка П.И. Лисицын,
Нижний Тагил,
1907–1908 гг.

Иван Фёдорович
Лисицын, 1912 г.

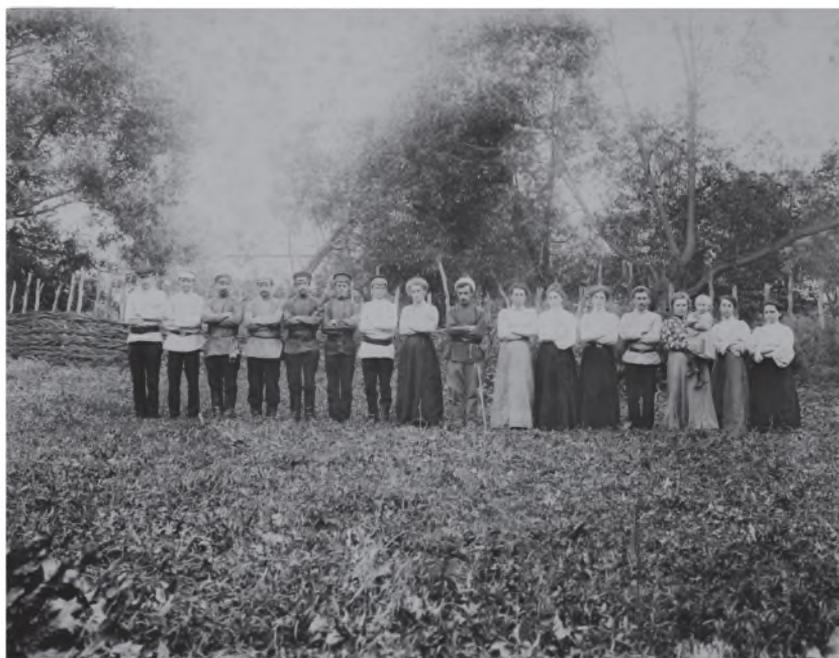
Наталья Васильевна
Лисицына, 1912 г.

Иван Фёдорович и Наталья Васильевна Лисицыны
в дни празднования двойного юбилея, 1912 г.

Лисицыны. Семья в сборе, 1912 г.

Сестры и братья Лисицыны с чадами и домочадцами, 1912 г.

Братья Лисицны на охоте, 1912 г.

На фоне парка в Телятинках, 1912 г.

Иван Иванович Лисицын,
1912 г.

Яков Иванович Лисицын, 1913 г.

И.И. Лисицын с семьей, 1912 г.

Софья Ивановна Лисицына (Ферапонтова) с семьей, 1912 г.

Фёдор Иванович Лисицын с семьей, 1912 г.

Яков Иванович и Леонтий Иванович Лисицыны в годы мировой войны, декабрь 1914 г.

Николай Иванович Лисицын, 1912 г.

Н.И. Лисицын с семьей, 1912 г.

Пётр Иванович Лисицын,
1911 г.

П.И. Лисицын с семьёй,
1914 г.

Любовь Ивановна
Лисицына, 1912 г.

Михаил Иванович
Лисицын, 1912 г.

Константин Иванович
Лисицын, 1912 г.

Лидия Ивановна Лисицына,
1912 г.

Василий Иванович Лисицын,
1914 г.

Надежда Ивановна Лисицына,
1913 г.

В ответном обращении Тимирязев произнес впоследствии хорошо известные слова: «Три движущих силы руководили мною в жизни: вера, надежда и любовь. Я люблю науку, верю в прогресс и надеюсь, что вы пойдете по пути этого прогресса»⁵. По словам Лисицына, эти слова стали и его жизненным девизом; всю жизнь он хранил фотографию Тимирязева, подписанную этим знаменательным днем: «На добрую память от сердечно признательного К. Тимирязева, 18 октября 1901 г.»⁶ Для студента Лисицына позиция почитаемого профессора была особенно значима: один из лучших слушателей факультета, он принадлежал именно к тем активистам протестного движения, которых поддержал Тимирязев. Еще в 1899 г. Пётр участвовал во всероссийской студенческой забастовке, за что был удален из университета⁷.

Документ, засвидетельствовавший этот факт, любопытен. В нем говорится не об исключении, как пишут в связи с событиями февраля—марта 1899 г. некоторые биографы Лисицына. Напротив, Пётр уволился. «Увольнение» было болезненным по многим причинам: кроме неопределенности дальнейшей ситуации с обучением, оно подразумевало запрет на проживание в Москве. Тем не менее такая формулировка предоставляла провинившимся студентам возможность «одуматься» и «восстановиться в звании». Правда, для этого приходилось прилагать немало усилий по составлению «правильных» письменных прошений. Пётр дважды безрезультатно обращался к руководству университета с просьбой о повторном зачислении, и только на третий раз был восстановлен⁸.

Таким образом, остаток второго, весенне-летнего семестра 1899 г. проходил «в изгнании»⁹, в Телятинках. О событиях этого и последующего периода свидетельствует новый цикл переписки с Лебеяднцевым (письма 1899—1908 гг. выявлены нами в фонде А.Н. Лебеяднцева в Российском государственном архиве экономики). Большим везением оказалось то, что основной блок переписки — послания Лисицына. Впервые мы в таком объеме услышали голос самого

⁵ Лисицын П.И. Воспоминания о Клементе Аркадьевиче Тимирязеве // Избр. соч. Т. 2. М.: Сельхозгиз (Госсельхозиздат), 1953. С. 554—558; цит.: с. 557.

⁶ Портрет К.А. Тимирязева. АМКБЛ. В 1898—1902 гг. он читал курс внештатно.

⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Д. 546. Л. 8. О забастовке см.: Иванов А.Е. Студенчество. С. 250—260.

⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Д. 546. Л. 9—11.

⁹ По данным Троицкой, которые мы не можем подтвердить, Пётр арестовывался также и в 1901 г. как участник студенческой сходки, обсуждавшей расстрел демонстрации рабочих в С.-Петербурге 1 мая. См.: Троицкая Т.Н. Петр Иванович Лисицын. С. 15. Однако достоверно известно только, что Лисицын участвовал в первой всероссийской студенческой забастовке в феврале—марте 1899 г.

Петра, что позволило узнать «из первых рук» о его мироощущении, переживаниях, размышлениях о будущей профессии. Столь большая откровенность не удивительна: «тонкие движения души» иногда легче доверить не семье, а другу; а если друг одновременно еще и коллега, то именно с ним хочется обсудить вопросы специализации. Письма обнаруживают и особенности характера Петра Лисицына, которые сформировались в годы студенчества.

Для исследователя переписка Лисицына и Лебедянцева имеет лишь один существенный недостаток: отправитель не помечал многие письма точными датами. Вероятно, они были позже датированы Лебедянцевым или другим неустановленным лицом. Эти датировки в отдельных случаях некорректны, поскольку не соответствуют описываемым событиям. Поэтому, приводя их, мы будем указывать предположительные даты, выведенные на основании текстуального анализа писем.

Итак, «телятинская ссылка». Пётр делит время между хозяйственными заботами и занятиями по университетской программе, пытаясь не отстать по основным предметам. Учёба идет трудно: сказывается психологический надлом, к тому же много усилий уходит на устройство «на научной основе» нового огородного производства, на котором молодой хозяин рассчитывает заработать. 3 июля 1899 г. он пишет Лебедянцеву:

«Я здесь так замуровался, что ничего ни о ком не знаю. Всё, что напечатано в “Курьере” (университетская газета тех лет. — *О.Е.*), мне неизвестно. Почти два месяца как я занимаюсь химией. Прошел все 5 групп металлов, но сделал только 10 задач. Сведения вынес пока очень поверхностные, потому что деревенская жизнь совершенно убивает всякое желание к мозговой деятельности... Иногда сидя под окном, так залюбуешься солнечным закатом..., что того и гляди запоешь что-нибудь *a la* Жуковский или Батюшков... Напиши в нескольких словах, какая система ваших занятий по химии, что особенно требуется и много ли задач нужно делать на группу. Моя капуста идет хорошо. Рублей на 100 можно рассчитывать, если дела пойдут так же, как шли. Огурцы плохи. Вероятно, почва не подходит или посадили не вовремя. Но первый блин всегда идет комом, что мне простительно. Пиши о товарищах, я ничего о них не знаю»¹⁰.

¹⁰ Письмо П.И. Лисицына из Телятинок А.Н. Лебедянцеву 3 июля 1899 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391 (А.Н. Лебедянецев).

Одновременно одно за другим отправляются прошения о восстановлении в университете. Наконец, разрешение получено: с осени Пётр может приступить к учебе. Он понимает, что отстал от своих однокурсников и нуждается в дополнительных занятиях. Об этом говорит и Лебедев. Например, он предупреждает Петра о сложностях курса Зелинского:

«Кажется, я забыл тебе сказать, что надо подготовиться немало к лекциям Зелинского, без этого их трудно слушать. Читает он очень хорошо и лекции его ценны своей обстоятельностью и подробностью. Но без подготовки легко запутаться и тогда трудно разобраться, тем более что порядок у него совсем своеобразный. Его лекции особенно хороши для работающих. Каждый препарат, который делают в лаборатории, представляет пункт, из которого исходит Зелинский при разборе различных классов соединений. Для подготовки рекомендую Ремсена¹¹ или Реформатского»¹².

Учебный 1899/1900 год проходит, вероятно, без особых осложнений.

Осенний семестр 1900 года отмечен важнейшим событием: в ноябре — т.е. в возрасте 23 лет — Пётр женился! По тем временам для столь молодого человека это поступок экстраординарный: считалось важным, даже обязательным сначала определиться с карьерой, приобрести возможность содержать семью. Удивительным это событие представляется и в виду недавнего исключения, после которого следовало бы сконцентрироваться на занятиях. Поэтому можем предположить лишь самое очевидное: чувства молодых людей оказались сильнее жизненных обстоятельств. Действительно, невестой Петра стала Мария Яковлевна Ферапонтова, его давняя избранница. Гимназический роман, как видим, продолжался почти четыре года.

Не смутило Петра и бюрократическое препятствие — запрет на женитьбу, существовавший для студентов. Требовалось подавать специальное прошение, ожидать разрешения. Фотографическая копия составленного Лисицыным обращения приведена в книге.

¹¹ Ремсен, Айра (1846—1927) — американский химик и педагог немецкого происхождения. Учился в Мюнхене и Тюбингене. Предложил искусственный заменитель сахара. Автор многочисленных учебных руководств по химии. См.: *Леенсон И.А.* От прожженных штанов к сахарину // *Химия и жизнь*. 2003. № 9. С. 89—91.

¹² Письмо А.Н. Лебедева П.И. Лисицыну из Калуги в Лихвин (Телятинки) 20 июня 1900 г. АМКБЛ.

К прошению необходимо было приложить сведения о невесте — о ее происхождении, имущественном цензе, «благонадежности». Последнее вполне объяснимо: многие из студенческих браков тех времен заключались «политически активными» молодыми особами, которые благодаря замужеству получали возможность скрыть своё имя и, соответственно, прошлое. Далее, требовалось согласие родственников или опекунов невесты, разрешительное письмо от собственных родителей. Эти документы позволяют узнать некоторые подробности биографии Марии Яковлевны. Она — из крестьян Тамбовской губернии; родители невесты умерли, ее опекуном стал брат Семён (напомним — муж одной из сестер-Лисицыных), который не возражал против брака с Петром¹³. «Благонадежность» избранницы подтверждена губернатором¹⁴. Письмо от родителей Петра также носило согласительный характер.

Последовало искомое разрешение от университета; все препятствия были преодолены. (Заметим, что администрация учебных заведений обычно удовлетворяла подобные прошения; во всех университетах и институтах учились женатые студенты¹⁵.)

После венчания, которое состоялось 12 ноября 1900 г., молодая семья поселилась в родительском доме в Телятинках. Жена приезжала к мужу-студенту в Москву; Пётр снимал квартиру. Со временем появились дети: Анастасия (1902 г.), Андрей (1906 г.) и Борис (1908 г.). Всё свободное время — летом и зимой на каникулах, в перерывах между занятиями — Пётр проводил в Калужской губернии. Он не только продолжал хозяйствовать, но и устроился подрабатывать — землемером в почвенной (агрономической) лаборатории Калужского земства. Приходилось разрываться между работой, хозяйством и учебой. К примеру, в мае 1901 г. Пётр обсуждает ход экспериментов в лаборатории бактериологии у профессора Н.Н. Худякова, сдачу экзаменов и сетует на жизненные неурядицы:

«Наши уксуснокислые бактерии как раз забродили. Не радуется только в 12 колбах, но это, по словам Генерозова¹⁶, не имеет значения. Через месяц можно приступить к отгонкам. Я назначил время работы 16—22 мая, потому что раньше буду завален экзаменами... Сдал зоологию, впереди минералогия и физика (16 мая). Последний экзамен (ботаника) — 16 мая. Заниматься особенно напряженно не приходится, потому

¹³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Д. 546. Л. 24.

¹⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵ См. подробнее: *Иванов А.Е.* Студенчество. С. 260—264.

¹⁶ А.В. Генерозов — предположительно сотрудник лаборатории Худякова.

что я уже ко всем готов. Чувствую, что все начинает страшно надоедать... 16 мая я бросаю квартиру и на время работы в Петровском остаюсь между небом и землей. Мария Яковлевна уедет в первых числах мая. Бросаю квартиру потому, что жаль платить за нее деньги с одной стороны, и хочется набрать их побольше для химии с другой»¹⁷.

Дома у него, судя по письмам, также немало научно-экспериментальных забот: к примеру, сделать химический анализ почв Телятинок, для чего экономятся деньги. Пётр обращается к другу с просьбой выяснить, как берутся образцы для анализов. Он собирается проводить их в лаборатории у профессора А.Н. Сабанина. Но уже в следующем письме разочарованно сообщает:

«Я был у Сабанина со своими анализами в конце четвертой недели. Он дал мне записку для инспекции, довольно долго говорил со мной и, оказывается, через несколько дней все это забыл. Теперь я дома, занимаюсь пчелами и готовлю лабораторию. Через несколько дней думаю начать занятия»¹⁸.

Так мы узнаем, что в Телятинках кипит не только хозяйственная (огородничество, разведение пчёл и пр.), но и опытная работа: Пётр оборудует домашнюю лабораторию для химических анализов. Летом 1902 г. Лисицын поздравляет друга с окончанием университета (Лебедев завершил полный курс раньше Петра) и спрашивает, будет ли тот поступать в Петровскую академию. Про себя сообщает, что «погряз в пчеловодстве, так что распрощался (конечно, на время!) даже с химией». Кроме того: «Посеял на свой страх и риск 11,5 десятин льна. Осенью буду пожинать плоды». И главное:

«Я, кажется, тебе не говорил, что у меня осенью ожидается ребенок. Это потребует лишних расходов, а у отца я брать не хочу. Из-за сей последней причины мне может быть придется раскланяться с заветной мечтой поступить в Петровское»¹⁹ и по окончании университета вооружиться спиртомет-

¹⁷ Письмо П.И. Лисицына к А.Н. Лебедевцу 15 мая 1901 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391. Кроме неточной датировки, о которой уже говорилось, письма не имеют архивной постраничной маркировки, что также затрудняет их атрибуцию.

¹⁸ Письмо П.И. Лисицына к А.Н. Лебедевцу из Телятинок 16 апреля 1902 г. Там же.

¹⁹ Очевидно, на решение Лисицына и Лебедева глубже изучить аграрные проблемы, продолжить образование в сфере сельского хозяйства повлияли К.А. Тирязев и Д.Н. Прянишников, сами когда-то прошедшие подобный путь.

ром для служения царю и отечеству. К удивлению, меня это не волнует — вероятно от давления телятинской каши. Купил себе Энгельгардта и с удовольствием прочитал»²⁰.

Студент Лисицын стремительно вступил в совсем иную, взрослую жизнь — с серьезными обязательствами, непростыми отношениями с близкими (Иван Фёдорович не в восторге от его ранней женитьбы). Остается стремление к продолжению учебы, самообразованию, домашним экспериментам для реализации себя как естествовника с крестьянскими корнями. Но жизнь заставляет работать в земстве, трудиться на собственных полях и пасаках для поддержания семьи. В результате Пётр с горечью предполагает, что из-за семейных обстоятельств придется распрощаться с мечтой получить дополнительное агрономическое образование. При этом он не намерен просить денег у отца, рассчитывает только на свои силы и способности.

Лебедянец по-своему пытается помочь — например, предлагая Петру частные занятия. Об этом можно судить по ответному — иронично-горькому — посланию Лисицына:

«Нет, брат, ни за что!!!! Барышню? По минералогии? Ездить в пансион для благородных девиц? Да ты, должно быть, шутишь со мной?! Прежде всего, у меня нет надлежащих брюк. Этого одного уже достаточно для того, чтобы бросить всякие мечты и предположения. Можно явиться к барышне без воротничка, без манжет, даже без галстука, но, согласитесь сами, без брюк... не того... Моя тужурка (единственная) с некоторого времени тоже лишилась приличного вида и для барышни ни в каком случае не годится — я не буду пользоваться доверием, необходимым в данном случае... Да, наконец — заниматься по минералогии... Разве ты не знаешь, что заниматься по минералогии заставляют за непочтение к родителям, как за самый тяжкий грех. Я скорее соглашусь заниматься изящным искусством, сравнительным языкознанием, только не минералогией... Увидимся на Худякове»²¹.

Как видим, наличие или отсутствия приличных брюк — серьезный аргумент в шутовом по форме размышлении о возможности дополнительного заработка. В то же время комментарий о единст-

²⁰ Письмо П.И. Лисицына к А.Н. Лебедянцеву из Телятинок. Июнь 1902 г. Там же.

²¹ Письмо П.И. Лисицына к А.Н. Лебедянцеву. 19 февраля 1902 г. Там же.

венной тужурке красноречиво свидетельствует о финансовом состоянии Петра. Что касается его отзыва о минералогии, едва ли занятия «с барышней» по этому нелюбимому предмету хуже работы в земской лаборатории.

Склонность к иронии, самоиронии и даже сарказму, которую мы будем встречать во многих письмах — одна из важных черт характера Лисицына. Вероятно, наметившаяся еще в Калуге, когда Пётр должен был самоутверждаться в сложных социально-психологических обстоятельствах гимназической учебы. И, несомненно, закрепившаяся в студенческие годы, когда так важно было сохранять стойкость под ударами уже взрослой жизни, которых к тому времени было — и ещё будет — немало...

Самокритичность, строгость к себе, постоянная рефлексия — еще одна важная черта, выработанная Петром Лисицыным в период студенчества. К примеру, в последний университетский год (после ухода Тимирязева) Пётр серьезно увлекся бактериологией: лекции и опыты в лаборатории у Н.Н. Худякова — постоянно обсуждаемая тема. Но Лебедев упрекает друга в том, что тот, несмотря на явное желание, работой занимается мало, «отчаялся в своих силах». Как выясняется, дело в другом. Прежде всего — в данном когда-то обещании специализироваться по агрономической химии у профессора А.Н. Сабанина, которое связывает Петра:

«Может быть, даже, наверное, Сабанин тут же и забыл не только о моем обещании, но и о всем моем существовании, но это нисколько не меняет существа дела с моей стороны... С точки зрения формальной логики и здравого смысла я конечно вправе не исполнить обещания потому, что я в университете, а не в гимназии и не в департаменте, поэтому должен (подчеркнуто автором. — *О.Е.*) заниматься только тем, что интересуется... Но я обещал — и должен исполнить»²².

Но есть и другие причины: сомнения в собственной академической состоятельности, желание приобрести знания, а не «вызубрить» университет. Пётр полагает, что занятия у Худякова могут этому помешать. Поэтому — серьезный упрек себе:

«...Вот уже четвертый год, как я состою студентом естественного отделения, а я еще ни одного года на нем не учился(!).

²² Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедеву. 20 [б.м.] [1904 г.?]. Там же. Написано не позднее 1903 г., т.к. описываются события университетской жизни.

То я сидел у Огнева, то у Марковникова, то у Худякова. Я даже плохо знаю своих однокурсников, потому что почти не работал с ними... Нужно дать время лекциям и книгам, чтобы со-знательным перевариванием фактов хоть отчасти отклонить зубрежку»²³.

В конце письма опять сетует на семейные обстоятельства, которые «не дают возможности выехать раньше 20-го сентября».

Излишне жесткую оценку обучения в университете надо принимать с поправками на особенности натуры Лисицына. Да, действительно, студенты, вынужденные по объективным причинам пропускать занятия, часто оказывались в числе отстающих. В случае Петра все обстояло иначе: обремененный семьей и необходимостью постоянной работы, он имел достаточно высокие оценки и завершил университетский курс со средним баллом «весьма удовлетворительно». Его диплом первой степени мы приводим в фотографическом блоке.

Московский сельскохозяйственный институт

В 1903 г. университет был закончен; Пётр получил звание «действительный студент»²⁴ и диплом первой степени²⁵ (в биографической литературе ошибочно указывается степень «кандидата» по специальности «физиология растений»²⁶). И, несмотря на все материальные сложности, вслед за Лебедянцевым поступил в Московский сельскохозяйственный институт (бывшую Петровскую сельскохозяйственную академию²⁷). Как выпускников университета их приняли сразу на третий курс; Лебедянцев и здесь оказался старше на год.

²³ Там же.

²⁴ Степень *действительный студент* давалась выпускникам университетов, успешно прошедшим обучение и получившим университетский диплом. При этом было оговорено, что студент, проходящий курс обучения, — т.н. *обучающийся студент*, еще не имеет действительной студенческой степени. См.: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. М.: Наука, 1988.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 228 (МСХИ). Оп. 3 (Студенческие дела). Д. 3406 (П.И. Лисицын). Л. 11.

²⁶ Отличительной особенностью ученой степени *кандидат* являлось то, что она присуждалась лицам, достигшим значительных успехов в овладении университетскими курсами и написавшим диссертации. В 1884 г. эта степень была упразднена. Вместо нее выдавался диплом 1-й степени. Кандидатская степень сохранялась до 1918 г. только в Варшавском и Юрьевском университетах.

²⁷ Ныне — Российский государственный аграрный университет — Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева.

Сохранилось заявление с просьбой о приеме:

«Его Превосходительству господину Директору МСХИ

От окончившего курс по естественному
отделению физико-математического факультета
Импер. Московского Университета
Петра Ивановича Лисицына

Желая для продолжения образования поступить в МСХИ, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о приеме меня в Институт.

На основании Высочайше утвержденного Положения Института, обязуюсь во все время пребывания моего в нем подчиняться правилам и постановлениям институтским. При сем прилагаю временное свидетельство об окончании курса в Университете. Остальные документы обязуюсь представить немедленно.

Москва. 7 июля 1903 года
Пётр Иванович Лисицын»²⁸.

МСХИ первого десятилетия XX в. известен представительным преподавательским составом: курсы читали В.Р. Вильямс (общее земледелие), И.А. Иверонов (геодезия), И.А. Каблуков (неорганическая химия), Н.М. Кулагин (зоология, энтомология), К.Э. Линдеман (сравнительная анатомия и эмбриология животных), А.П. Павлов (геология и минералогия), М.И. Придорогин (зоотехния), Д.Н. Прянишников (частное земледелие, учение об удобрениях), С.И. Ростовцев (ботаника), Д.Л. Рудзинский (селекция растений), Н.Н. Худяков (физиология растений, бактериология).

Как и в университете, Петра привлекали занятия у Худякова в лаборатории бактериологии, где он, в частности, выполнял самостоятельные исследования по уксуснокислому брожению²⁹ (Лебедев там же изучал брожение мочевой кислоты³⁰), а со временем стал «работником у Н.Н. Худякова с вознаграждением по 100 в месяц». Первая оплачиваемая работа по специальности! Об этом Лисицын с гордостью сообщал Лебедевцу, шутливо намекая на дружескую зависть:

²⁸ ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 3406. Л. 7.

²⁹ Это исследования Лисицын продолжал дома, в своей оборудованной еще в университетские годы лаборатории. Там же был выполнен цикл работ по расщеплению крахмала диастазой. Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедевцу. 7 июня 1904 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391.

³⁰ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедевцу от 22 мая 1904 г. Там же.

«Работаем над техническим способом получения масляной кислоты брожением. Из этой масляной кислоты будет готовиться кетон ($\text{CH}_3\text{COCH}_2\text{CH}_3$), которым будет денатурироваться спирт (премия 50 000 р.). Работы на два месяца, что дает сумму 200 р. (ну вот видишь, как ты завидуешь) и, кроме того, возможность избавиться от необходимости оболванивать какого-нибудь болвана или протирать ... стулья в какой-нибудь канцелярии... Но самое главное в этой работе, господа, это то, что она не выходит из границ моей специальности и дает возможность таким образом ловить двух зайцев»³¹.

Оставался и интерес к физиологии растений; например, обсуждалась возможность перевода какого-то зарубежного учебника в этой области. Но друзья согласились, что для «перевода серьезной книги у нас не хватит, прежде всего, достаточного знания языка, а затем и знания физиологии»³². Появились и новые интересы: с особым увлечением Пётр начал заниматься агрохимией под руководством профессора Д.Н. Прянишникова. Известно, что он ставил опыты с одним из популярных в то время удобрений — глауконитом³³, участвовал в большом цикле исследований Прянишникова по круговороту азота³⁴. Неудивительно, что вслед за Лебеядцевым Лисицын выбрал специализацию по кафедре частного земледелия у Д.Н. Прянишникова. Об этой кафедре и ее замечательном профес-

³¹ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебеядцеву. 19 августа [1903]. Там же. Мы предполагаем, что описываемые события относятся к августу 1904 г.

³² Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебеядцеву. 5 ноября 1903 г. Там же.

³³ Глауконит — сложный калийсодержащий водный алюмосиликат, природный минерал из группы гидрослюд. Известен с 1828 г. по работе Керферштейна, давшего ему название. Глауконитовые пески привлекали низкой стоимостью продукта, высоким содержанием калия (до 9%), способностью высвобождать калий в виде легкоусвояемых растениями соединений на протяжении длительного времени. Положительный эффект использования глауконитов для повышения урожайности сельскохозяйственных культур отмечен в работах Д.Н. Прянишникова. Указывал на возможность использования глауконитов в качестве калийных удобрений и А.Н. Энгельгардт. Глауконитовые пески исследовались как многофакторное удобрение, позволяющее не только обогащать почву калием, фосфором, магнием и микроэлементами: марганцем, медью, цинком, бором и др., но и улучшать ее структуру, препятствовать выносу питательных веществ, сохраняя влагу, стимулировать рост, снижать заболеваемость растений. Кроме того, как было установлено, глаукониты оказывают влияние на миграцию и распределение токсичных элементов между почвой и растениями, заметно снижая тем самым их концентрацию в продуктах питания.

³⁴ Письма П.И. Лисицына А.Н. Лебеядцеву. 1903—1904 гг. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391.

соре необходимо сказать подробнее. Именно Дмитрий Николаевич Прянишников в конечном счете определил будущую профессиональную жизнь Лебедянцева и Лисицына.

Главное достижение кафедры Прянишникова — возможность полевой экспериментальной работы на знаменитом опытном поле и в вегетационном домике, который в то время находился под началом его кафедры. Заложенное еще в 1865 г. по проекту И.А. Стебута опытное поле, согласно уставу академии, задумывалось как «учебно-вспомогательное пособие при кафедре общего земледелия»³⁵. В 1868 г. там были поставлены первые демонстрационные опыты по сравнительной эффективности суперфосфатов и костяной муки. В дальнейшем с переносом опытного поля на новое место и увеличением площади его программа значительно расширилась³⁶. К 1872 г. там была собрана внушительная коллекция сортов сельскохозяйственных растений³⁷.

С преобразованием академии в институт опытное поле реорганизовали. Оно по-прежнему формально существовало как «вспомогательное пособие по общему и частному земледелию, а также ботанике», но с приходом новых научных сил ситуация начала меняться. В 1880-е гг. молодой тогда профессор ботаники К.А. Тимирязев построил на поле небольшой вегетационный домик для опытов. Именно этот домик в дальнейшем оказался в ведении профессора кафедры частного земледелия Д.Н. Прянишникова. С середины 1890-х гг. Прянишников начал читать специальный курс по удобрениям и ввел для студентов-агрономов летние практические занятия с опытами по изучению действия удобрений на урожайность различных культур. В 1896 г. Прянишникову удалось расширить техническую базу опытного поля, заполучив новый вегетационный домик — гордость Нижегородской выставки (той самой, на которую собирались братья Лисицыны и их друзья-гимназисты). Он был специально выстроен по собственному проекту Тимирязева

³⁵ Опытное поле при Московском сельскохозяйственном институте // Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России / Сост. А.Г. Дояренко. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1912. С. 18—21.

³⁶ Она включала: «опыты над производительностью здешней почвы» (без удобрений и удобренной навозом, опилками, известью, чилийской селитрой, гипсом, поташом и пр.); опыты «над всхожестью семян» (бобов и горохов), «кушением озимых», «посадкой картофеля по способу Гюлиха» и другими приемами агротехники. Там же. С. 19.

³⁷ Баутин В.М., Казарезов В.В. Петровская (Тимирязевская) академия: начало (1865—1873). Т. 1. М.: Росинформагротех, 2005. С. 173—175.

для этого смотра агропромышленных сил России. Как вспоминал Прянишников, «...эта теплица почти столетия служит для развития и углубления той связи между физиологией растений и земледелием, на значение которой так горячо указывал всегда К.А. Тимирязев»³⁸. Профессор МСХИ А.Г. Дояренко также отмечал важность вегетационных исследований для программной работы опытного поля: «...с первых моментов существования опытного поля ... в основу его работ положено стремление изучить приемы культур, пользуясь различными методами исследования (полевым, вегетационным и лабораторным)»³⁹. К работам в вегетационном домике, а также полевым агрохимическим исследованиям были приобщены все студенты кафедры. Впоследствии многие из них специализировались в области агрохимии и остались коллегами и соратниками Прянишникова на долгие годы; среди них А.Н. Лебедев, Б.А. Голубев, И.И. Гунар и др.⁴⁰

В МСХИ существовала еще одна полевая площадка, также важная для всесторонней научной подготовки будущих агрономов. Речь идет о коллекционном питомнике (также ботанический сад, музей⁴¹) опытного поля. В 1898 г. пополнение коллекции сельскохозяйственных растений было поручено курировать ассистенту кафедры общего земледелия Дионисию Леопольдовичу Рудзинскому. Постепенно эта работа «...путем изучения морфологических и физиологических типов, всё более и более приближалась к деятельности сортовода, и в 1902 г. был заложен первый селекционный питомник, в котором высевались пшеница озимая и яровая и овес»⁴². Селекционный питомник на момент своего основания был отно-

³⁸ Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1957. С. 158.

³⁹ Дояренко А.Г. Опытное поле. 50 лет высшей сельскохозяйственной школе в Петровском-Разумовском. М., 1917. С. 141.

⁴⁰ Петербургский А.В. Д.Н. Прянишников и его школа. М.: Советская Россия, 1962.

⁴¹ Баутин В.М., Казарезов В.В. Петровская (Тимирязевская) академия. С. 174.

⁴² Опытная станция по семеноводству при Московском сельскохозяйственном институте // Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. С. 16. Заметим, что в подавляющем большинстве работ о селекционной станции годом ее основания назван 1903 г.; на эту дату указывал и сам Рудзинский. Мы полагаем, что здесь нет противоречий: исходным материалом для селекционного питомника послужили образцы сортов сельскохозяйственных растений, семена которых были привезены Рудзинским из Германии и Швеции (из Свалёфа). Поездка завершилась летом 1902 г.; по крайней мере, озимую пшеницу Рудзинский должен был высевать еще в 1902 г. И уже затем коллекции «пополнились после специальной поездки... по русским хозяйствам в различные районы для собирания материалов». Там же.

нительно небольшой — 1550 кв. саженей, но к 1912 г. имел уже площадь в 7,5 десятины (которые прирезали, забрав частично землю от опытного поля, частично — от институтской фермы). В 1908 г. после долгих согласований в руководстве МСХИ и министерстве питомник получил статус селекционной станции — первого из числа государственных селекционных учреждений России.

У нас нет данных о том, выполнял ли Лисицын какие-то самостоятельные практические работы в селекционном питомнике. Но исследованиями Рудзинского Пётр активно интересовался, был хорошо осведомлен о последних достижениях в новой тогда области селекции; об этом свидетельствуют его письма более позднего периода.

Скажем и о других сторонах студенческой жизни Лисицына в МСХИ, относящихся к бытовой сфере. Прежде всего — о плате за обучение, что по-прежнему оставалось проблемой. Приведем любопытный документ, который был составлен при поступлении:

«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь согласно требованиям ст. 20 Высочайше утвержденного Положения о МСХИ за освобождение меня от платы, с выдачею особой стипендии или без таковой выдачи, прослужить на государственной службе по одному году за каждый год, если мне, при окончании курса, будет заявлено, что правительство встречает надобность воспользоваться моими специальными познаниями.

Пётр Иванович Лисицын»⁴³.

Понимая, что дополнительное образование после университета будет для него, человека семейного, непосильным бременем и, возможно, придется опять прибегать к помощи родителей, Пётр стремился облегчить этот груз, обязуясь «отработать» бесплатное обучение. Вероятно, это прошение полностью удовлетворено не было; в апреле 1904 г. согласно квитанции № 259 «принято от г. Лисицына за учение и содержание во 2-й половине 1903/04 г. 200 р.», получатель — МСХИ⁴⁴. Но Пётр прекрасно учится, что открывает возможность частичной компенсации затрат: с отличием сдав экзамены в первый год обучения, он просит «о назначении казенной стипендии на 1904—1905 учебный год». Прилагается справка о «баллах студента Лисицына в 1904 г.» (все — «отлично»), интересная еще и тем, что перечисляются предметы, которые изучали

⁴³ ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 3406. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Л. 19.

студенты третьего курса: сельскохозяйственный анализ, общее земледелие, учение об удобрении, почвоведение, сельскохозяйственные машины и орудия, бактериология, патология растений, зоогиена, геодезия. В конце документа резолюция: «назначить», подпись — Н. Кулагин⁴⁵. Стипендия выдавалась два раза в год — по 50 руб.; это был существенный вклад Петра в траты на его образование⁴⁶.

Еще одна значимая сторона студенческой жизни — «увольнения в отпуск». Имея семью, Лисицын стремился больше времени проводить дома, чаще других отлучался из института⁴⁷. Отпускной порядок был для студентов следующим: по каждой «семейной необходимости» на все каникулы и праздники необходимо было подавать прошение в особую инспекцию⁴⁸. Если студент ничем не запятнал себя в глазах надзорных органов, следовала резолюция чиновника инспекции: «Препятствий к отпуску не встречаю». Студенту выдавался особый «увольнительный билет» вместе с талоном на льготный проезд (взамен сданных как бы в залог «входного билета» и «свидетельства на жительство»); билет предписывалось «предъявлять... во время пути на учреждениях в городах, заставах и шлагбаумах, по прибытии на место отпуска — местной полиции»⁴⁹. На периоды учебы выдавались «входные билеты на посещение лекций и практических занятий в МСХИ» — в каждом полугодии новый⁵⁰.

Поскольку Пётр покидал институт довольно часто и каждый раз — беспрепятственно, можно сделать достаточно неожиданный вывод: если в университете студент Лисицын оказался в числе «бун-

⁴⁵ Там же. Л. 32.

⁴⁶ Мы не располагаем данными о том, получал ли Лисицын стипендию в четвертый год обучения. Заметим, что некоторые предметы продолжались (сельскохозяйственный анализ, общее земледелие, почвоведение, сельскохозяйственные машины и орудия, геодезия и зоогиена); к ним добавились политическая экономия, статистика, энтомология.

⁴⁷ Об этом говорят значительно более частые — по сравнению с другими студентами — прошения об отпуске. ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 3406. Л. 12—28.

⁴⁸ Инспекция осуществляла контроль за исполнением студентом специальных правил (установленных для каждого учебного заведения), которым он должен был неукоснительно следовать. Таким образом, инспекция осуществляла контрольно-охранительные функции внутри учебного заведения, которые координировались с наружным полицейским наблюдением. В частности, студент был ограничен в праве на передвижение по России. Даже посещение родителей в каникулы могло состояться только с разрешения инспекции. См.: *Иванов А.Е.* Студенчество. С. 243—244.

⁴⁹ ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 3406. Л. 12—17об.

⁵⁰ Там же. Л. 18—22.

тарей», то в МСХИ он отнюдь не считался «неблагонадежным». Вероятно, получение новой, явно увлекающей его профессии, а скорее всего — семья, остепенили вчерашнего возмутителя спокойствия.

Наконец, самая важная сторона жизни российского студента — отсрочка от службы в армии. С 1874 г. в Российской империи существовала всеобщая воинская повинность; студенты подпадали под одну из многочисленных категорий военнообязанных, которым предоставлялись отсрочки⁵¹. Среди документов, которые каждый абитуриент — и Пётр в том числе — должен был предоставить для зачисления в высшее учебное заведение, свидетельство о приписке к призывному участку. После этого можно было рассчитывать на отсрочку на период студенчества. Положение Петра осложнялось тем, что годы обучения в МСХИ захватывали возраст «сверх 27 лет» — на который, согласно уставным документам, студенческая отсрочка не распространялась. Напомним, что этого возраста Пётр должен был достичь уже через год, в 1904 г. Поэтому необходимо было обращаться с особым прошением о дополнительной отсрочке; именно об этом пишет только что зачисленный в МСХИ Лисицын:

«Покорнейше прошу Совет Московского сельскохозяйственного института ходатайствовать о продлении мне отсрочки по отбыванию воинской повинности сверх 27 лет до окончания образования.

Сентябрь 19-го дня 1903 года
Пётр Лисицын»⁵².

В октябре было получено важное для запуска механизма свидетельства за подписью директора института:

«Дано сие от Совета МСХИ окончившему курс в Императорском МУ по естественному отделению физико-математи-

⁵¹ Всеобщая воинская повинность как метод комплектования Вооруженных сил страны была введена в Российской империи манифестом Александра II от 1 января 1874 г. взамен существовавшего со времен Петра I комплектования армии методом рекрутского набора. Тогда же был введен Устав о воинской повинности (504 основных статьи и 1504 дополнительных с разъяснениями), который регламентировал практически все случаи отсрочки от призыва или полного освобождения от военной службы. Отметим следующее положение: среди тех, кому предоставляется отсрочка — «Лица, обучающиеся в высших учебных заведениях с 4-летним сроком обучения — до возраста 27 лет». Устав о воинской повинности см.: ПСЗ. Собр. II. Т. XLIX. СПб., 1880. Отд. 1. № 52983.

⁵² ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 3406. Л. 9.

ческого факультета с дипломом первой степени из крестьян Калужской губ. Лихвинского уезда Кулешовской волости села Берёзова Петру Ивановичу ЛИСИЦЫНУ, родившемуся 7 января 1877 года, православного вероисповедания, для представления в надлежащее Присутствие по воинской повинности на предмет исходатайствования отсрочки по отбыванию воинской повинности сверх 27-летнего возраста, — в том, что он Лисицын, в настоящее время, с 1 июня сего года, состоит студентом МСХИ и полный институтский курс, вместе с обязательными для него по пар. 26 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным 6 июня 1894 г. Положения об Институте дополнительными практическими занятиями в частном имении, окончит не ранее 1-го января 1906 года и что он, Лисицын, по своему прилежанию и поведению заслуживает отсрочки по отбыванию воинской повинности сверх 27-летнего возраста для окончания курса в Институте. В вышеизложенном удостоверяю подписью и приложением казенной печати»⁵³.

Далее начинает работать государственная машина: МСХИ связывается с Лихвинским уездным по воинской повинности присутствием, которое в свою очередь запрашивает Кулешовское волостное правление на предмет «свидетельства о приписке к призывному участку студента Лисицына»; затем документы переправляются в Министерство внутренних дел, которое, согласовав их с Военным министерством, принимает окончательное решение, направляя его в земледельческое ведомство для пересылки в МСХИ. Конечный документ, позволивший Петру получить агрономическое образование, выглядит так:

«Министерство земледелия и государственных имуществ
Департамент земледелия
Отделение V,
Стол 2
7 сентября 1904 г.
№ 20214

Г-ну Директору Московского
сельскохозяйственного института

Департамент Земледелия имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что МВД, по согласованию с Военным Министерством, признало возможным предоставить допол-

⁵³ Там же. Л. 11.

нительные отсрочки по отбыванию воинской повинности студентам вверенного Вам института ... и Петру Лисищину до 1 октября 1906 г.»⁵⁴

Итак, Пётр получил искомую отсрочку на период обучения — на три года, до октября 1906 г. Мы останавливаемся на этой истории с отсрочкой так подробно потому, что в связи с его призывом в 1906 г. на действительную воинскую службу возникло немало домыслов и мифов. Далее об этом будет сказано подробно.

Последний курс (для Петра это 1905—1906 гг.) традиционно отводился на проведение самостоятельной практической работы в частном имении, предполагавшей как научно-агрономическое изучение хозяйства, так и управленческую деятельность. Из материалов студенческого дела мы узнаем, что Пётр намеревался изучать частновладельческие хозяйства Юга России⁵⁵; однако поездка по каким-то причинам не состоялась. Вероятно, Пётр предпочел пройти практику в родной губернии, где «частным имением» стали Телятинки. Так, в начале осени он увлечен работой по устройству там нового сада:

«Занимаюсь следующим: устраиваю промышленный сад на 6—7 десятин. Сделал опушку из березы и дуба и приготовил ямы на двух десятинах, всего около 800 штук, на что потратил около 55 р.»⁵⁶

Но в октябре 1905 г. Лебеяднцеву отправляется письмо на совсем иную тему:

«Что такое делается в Москве!? Чем вызваны неожиданные забастовки, демонстрации, и что собственно заварило всю эту уличную кашу? Я тут в том же положении, что и Прянишников — ни черта не понимаю. Должно быть, нужно было жить это время в Москве, чтобы понять все там происходящее. Несчастье моего положения усугубляется отсутствием газет, а вы ведь упорно молчите... Сейчас услышал, что к народу присоединились два полка солдат. Неужели и это верно? В таком случае надо готовить заряды и снаряды? Неужели при таких обстоятельствах возможны занятия в университете и институте?»

⁵⁴ Там же. Л. 24, 26, 28, 29, 30.

⁵⁵ Там же. Л. 36.

⁵⁶ Письмо П.И. Лисищина А.Н. Лебеяднцеву. 2 октября 1905 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391.

Я в Телятинках, т.к. в Калуге пока делать нечего. Обнинский утвердил смету по лаборатории⁵⁷, и до мая мы, во всяком случае, обеспечены»⁵⁸.

Страну накрыла первая революция. Лисицын же продолжал жить вдалеке от московских волнений, между Телятинками и Калугой. Дома его встречают любимые семья, хозяйство, собственные научные исследования; в городе — не слишком любимая, но финансово необходимая работа в земстве. Возможно, душой он рвется «готовить снаряды». Но из писем следует, что в Телятинках все спокойно, несмотря на бытующий миф о том, что семья Лисицыных не осталась в стороне от революционных событий⁵⁹; «укрывала преследуемых полицией питерских рабочих» и в результате «последовали аресты»⁶⁰. Разберем последовательно составляющие его «факты».

Предположу, что если кто-то из посторонних и жил в Телятинках, то это могли быть только народники-толстовцы, с которыми водил знакомство Иван Фёдорович: к любого рода революционной деятельности, как говорилось выше, он относился отрицательно и не допустил бы в доме «демонстрации». А поскольку в те времена не только просветительство (вспомним невинные домашние спектакли, запрещенные урядником из-за предполагаемой крамолы), но само следование толстовскому учению вызывали подозрение властей (не забудем, что значительное число произведений Толстого на социальные и религиозные темы находилось под запретом), не удивительно, что семья Лисицыных и их гости в период революции находились под пристальным вниманием полиции.

Что касается арестов, которые действительно имели место, их причина, которую называл впоследствии Пётр Иванович, такова: братья и он сам в 1905 г. «принимали участие в работе среди крестьян»⁶¹. Что это была за работа? Дело в том, что в этот период вместе с братьями Пётр занялся столь чтимой в семье журналистикой, но уже не на уровне домашних записок. Василий, Константин, Пётр и вдохновитель проекта Яков начали издавать в Калуге газету. За год переменялось несколько названий: «Калужанин», «Земляк», «Ока». К сожалению, эти уникальные выпуски пока не удалось найти

⁵⁷ Речь идет о почвенной лаборатории Калужского губернского земства.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Троицкая Т.Н.* Пётр Иванович Лисицын. С. 19.

⁶⁰ *Лисицын П.И.* Автобиография. Л. 4. АМКБЛ.

⁶¹ Там же.

даже в калужских архивах и музеях. Важной темой была пропаганда передовых методов хозяйствования, информация об агрономических новшествах. Но едва ли попытки модернизации и агитации за передовые методы хозяйствования могли повлечь «обвинения в революционной пропаганде»⁶²: не настолько «дремучими» были чиновники Калужской губернии, где в то время успешно работали многочисленные сельскохозяйственные опытные учреждения, занимавшиеся именно аграрной модернизацией. На самом деле «крамольной» была сочтена общественно-политическая часть газеты, в которой Лисицыны освещали внутригубернские дела: ситуацию в земстве, выборы гласных, коррупцию, низкий культурный уровень и безответственность местного чиновничества.

О традициях работы и положении дел в уездном Лихвинском земстве Лисицыны знали не понаслышке. В 1880-е гг. Иван Фёдорович избирался там земским гласным. Теперь и Пётр, находясь на службе в качестве «третьего элемента» (как называли земских наемных служащих. — *О.Е.*) в Калужском земстве, решил попробовать себя в качестве выборного гласного: включился в выборную земскую кампанию в уездном Лихвине. Возникла своего рода «партия» мелких собственников, по убеждениям близкая к кадетам и противостоявшая дворянскому большинству. На уездных выборах в марте 1906 г. в земское собрание были достигнуты определенные результаты. Лисицын сообщал своему другу Лебедевцу:

«Мы очень довольны своим дебютом. На выборах от мелких собственников нам удалось подобрать партию из 13 человек. ... Дворяне и черносотенцы едва набрали 16 человек. Для этого им понадобилась мобилизация всех сил. Притащили чуть не с кладбища. Не способных передвигаться везли на саях и вносили по лестнице на руках (я не шучу)»⁶³.

Но результат оказался вполне предсказуемым. Вот едкие комментарии Петра о новых членах управы: «Прошли Салов и Сухотин. Первый — кадет, второй — царепорядец. В общем, следовательно — ноль»⁶⁴. При этом мы узнаем, что предлагались также кандидатуры Ивана Фёдоровича и брата Якова, которых, как и самого Петра, «прокатали». Все эти события становились темой статей и фелье-

⁶² Троицкая Т.Н. Петр Иванович Лисицын. С. 19.

⁶³ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедевцу. Март 1906 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391.

⁶⁴ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедевцу. 16 марта 1906 г. Там же.

тонов для издаваемой братьями газеты. Учитывая острый слог Петра, можно только догадываться об их тональности...

Был и еще один род деятельности, который мог рассматриваться как предосудительный: продвигая идеи модернизации в практику, Пётр создал крестьянский союз. Осенью 1905 г. — в период революционных волнений в Москве — он пишет Лебеяднцеву:

«Организовал группу крестьянского союза. Теперь она уже растет. Публика есть очень подходящая, да и вопросы так назрели, что не трудно объединить всех поголовно. Только сейчас кончилось третье собрание, и все разошлись с намеренными в голове новыми кандидатами»⁶⁵.

Таким образом, и без «революции» активность молодых членов издавна «неблагонадежной» семьи Лисицыных была слишком заметной, чтобы остаться без последствий. Как писал Пётр Иванович, возможно слегка приукрашивая происходившее, «зимой 1905—1906 гг. в Телятинки была прислана полусотня казаков, чтобы нас арестовать. Двое из нас, в том числе и я, успели скрыться, а двое были арестованы»⁶⁶. Эти двое — Василий и Константин. Василий отбывал тюремное заключение в г. Медыни Калужской губернии. О том, что это была за «отсидка», можно судить по семейным рассказам: в камере Юхановской тюрьмы он играл в шахматы с комендантом⁶⁷. Константин был сослан в г. Кадников Вологодской губернии. Арестовали и сестру Софью, к тому времени — Феррапонтову. Двум другим «активистам» — Якову и Петру — удалось на время скрыться. Вероятно, претензий к ним было все-таки меньше: уже через месяц Пётр и не думал о скрытном проживании, продолжая работать в земстве в Калуге и «проходить практику» в Телятинках.

Прояснилась ли для Петра за это время его будущая научная специализация? В своем известном эссе «Как я стал селекционером» П.И. Лисицын говорил о ранней любви к полям, наблюдению за колосками⁶⁸. В некоторых биографических работах значение этой лирической истории преувеличивается, «призвание с молодых ногтей» чрезмерно акцентируется. В результате складывается впечатление, что детское увлечение плавно переросло в профессиональное

⁶⁵ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебеяднцеву. 2 октября 1905 г. Там же.

⁶⁶ Лисицын П.И. Автобиография. Л. 4. АМКБЛ.

⁶⁷ Там же. Л. 5.

⁶⁸ Лисицын П.И. Как я стал селекционером // Избр. соч. Т. 2. С. 177—180.

занятие селекцией. Между тем выбор места в сельскохозяйственной науке происходил значительно сложнее; Пётр пробовал себя в разных областях агрономии — почвоведении, агротехнике, агрохимии, селекции растений, организационной работе, но ни на чем конкретном не останавливался. Напомним, что в университете и МСХИ его чрезвычайно интересовала бактериология и физиология растений; впоследствии добавились агрохимия, изучение удобрений.

Работая в земстве, он на практике познакомился с почвоведением, которое показалось «безусловно интересным». Но и почвоведение не стало призванием. Поначалу Пётр был всецело увлечен новым делом, с готовностью погрузился в почвенные обследования Малоярославского уезда. Он недоволен принятой в губернии классификацией подзолов: для этого не проводилось должных полевых наблюдений, лабораторных морфологических исследований. Более того: в Калуге опирались на классификацию, выполненную для хорошо изученной в почвенном отношении Орловской губернии. Между тем соседние губернии, как считал Пётр, климатически и геологически сильно отличаются. Это-то и заставило отправиться в «малоярославские дебри». Во время экспедиции Пётр ведет длительные дискуссии с коллегами о необходимости выработать собственную классификацию на основании полевого и лабораторного изучения почв. В результате его позиция победила: «в полученном вчера письме начинают склоняться к тому же»⁶⁹; Петру поручено выполнить исследования образцов подзолов. Однако он признается Лебеянцеву, что почвоведение, вероятно, не его стезя:

«Меня не тревожит теперешняя путаница в голове и появляется интерес к работе. Безусловно, интересная работа! Но я никогда не буду смотреть на нее как на научную. Это чисто практическая работа. Так что для удовлетворения своих научных наклонностей я, во всяком случае, буду заниматься не почвоведением. Таскаясь по полям, я все-таки мечтаю об опытах с глауконитом или о круговороте азота. Физиологические работы, которыми я занимался до сих пор, стоят так высоко, что после них заниматься почвоведением просто невозможно»⁷⁰.

В письмах весны 1906 г. впервые встречается упоминание о селекции. В марте Пётр просил Лебеянцева купить ему пробирки

⁶⁹ Тетради П.И. Лисицына. АМКБЛ.

⁷⁰ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебеянцеву. 20 июля 1905 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391.

для семян и выяснял, почему тот до сих пор не прислал «смету на павильон» (речь идет о вегетационном домике. — *О.Е.*)⁷¹, а в апреле писал:

«Не можешь ли ты достать у Рудзинского его книжку о селекции. Спроси при этом вообще о литературе по этому вопросу. В одном из прежних писем ты, между прочим, говорил, что [неразб.] выслал мне что-то о сортах и семенах. Что это? Студенческие таблицы или какая-нибудь книга?»⁷²

Но затем его мысли надолго занимает устройство «образцового хозяйства» для кого-то из местных землевладельцев. Об этом свидетельствует переписка мая—июля 1906 г. Мы не знаем, являлось ли это частью его институтского задания по «изучению частных хозяйств» или работа выполнялась ради заработка. Так или иначе, именно тогда Петру и в теории, и на практике довелось основательно познакомиться с агротехникой — одной из областей агрономии, которой он впоследствии занимался на Шатиловской станции. Так, 31 мая Пётр пишет другу:

«Ты, кажется, начинал вырабатывать план хозяйства в Верховом (родовое имение Лебеяднцевых. — *О.Е.*). Вероятно, у тебя сохранился материал по этому вопросу. Твой сосед Козлов думает устроить в своем имении маленькое хозяйство (на 40 десятин) и, по-видимому, это не блажь, а мысль серьезная. Я совершенно не знаю местных условий и поэтому был бы весьма признателен за всё относящееся к этому. Думаю, у тебя найдется как факультетский материал, так и ряд соображений. Интересно знать систему севооборотов, род орудий, методы обработки и прочее зависящее от тяжести ваших суглинков»⁷³.

В Телятинках продолжались и занятия агрохимией: Пётр исследовал влияния удобрений (фосфоритов) на рожь и овес. 1 сентября 1906 г. он просит Лебеяднцева: «Узнай у Вильямса или Прянишников — какими ситами определяют они степень измельчения фос-

⁷¹ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебеяднцеву. 20 марта 1905 г. Там же. Лебеяднцев отвечает, правда, довольно нескоро: сумма огромная — от 500 до 1200 руб., плюс дополнительное оборудование. Вероятно, это останавливает планы: Письмо А.Н. Лебеяднцева П.И. Лисицыну. 28 февр. 1906 г. Там же.

⁷² Речь идет о книге Д.Л. Рудзинского «Лекции по вопросам теории и практики семеноводства» (1904 г.).

⁷³ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебеяднцеву. 31 мая 1906 г. Там же.

форитов. Узнай номер, фирму и цену»⁷⁴. Агрохимические опыты ждали его и в лаборатории МСХИ. Но Пётр, явно заинтересованный в их результатах, вынужден был отказаться от самостоятельного завершения работ⁷⁵:

«Интересно знать, в каком положении мой опыт с каменным углем. Мне не хотелось бы ехать из-за него в Москву, поэтому передай Дояренко⁷⁶ мою просьбу закончить его без меня — как они обыкновенно кончают все студенческие работы»⁷⁷.

Еще одно направление работ Петра в период 1905—1906 гг. — опытно-организационное: проект земской сельскохозяйственной опытной станции для Калужской губернии. Идеи районной, или областной, организации сельскохозяйственного опытного дела с земским участием находили в России начала XX в. множество сторонников. В письме от 9 июня 1906 г. Пётр писал об итогах губернского агрономического совещания:

«Совещание постановило предложить Губернскому Собранию ходатайствовать перед Министерством об открытии районной опытной станции. Доклад поручено составить мне. <...> Внимание [следует] обратить на районные особенности Калужской губернии, могущие послужить основанием для открытия особой станции»⁷⁸.

К возложенной на него миссии Пётр подошел чрезвычайно серьезно. Устройство опытной станции в родных краях, возможность в дальнейшем работать на ней — прекрасная перспектива для молодого агронома, обремененного семьей. Он собирает материалы по сельскому хозяйству губернии, выясняет, какие направления исследований должны быть представлены. Известно, что предполагался доклад по вопросу устройства станции очередному губернскому собранию. Но дело заглохло, и в очередном письме читаем:

⁷⁴ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедянцеву. 1 сентября 1906 г. Там же.

⁷⁵ Из переписки весны—лета 1906 г. следует, что занятия в МСХИ не входят в планы Петра, только сдача выпускных экзаменов: «Я учиться там больше не буду, а к экзаменам можно готовиться и в Калуге». Он даже предлагает Лебедянцеву распорядиться записанным за ним институтским номером.

⁷⁶ А.Г. Дояренко — в то время ассистент на кафедре частного земледелия Прянишникова.

⁷⁷ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедянцеву. 1 сентября 1906 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391.

⁷⁸ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедянцеву. 9 июня 1906 г. Там же.

«В Бабаеве едва ли удастся ее (опытную станцию. — *О.Е.*) устроить, т.к. собрание единогласно высказалось против»⁷⁹.

Проект станции был похоронен, едва родившись. Однако именно организации опытного дела в Калужской губернии посвящена первая научная работа П.И. Лисицына⁸⁰. Это — тот самый доклад губернскому земскому собранию, который, как надеялся Пётр, убедит в необходимости открытия станции.

И еще один важный комментарий из июльского письма Петра: «Когда будешь говорить с Прянишниковым о станции, то имей в виду и меня — мы поедем вместе!»⁸¹ Появилась перспектива работы еще на какой-то станции, о чем предстояли переговоры с Прянишниковым — вероятно, для получения рекомендации. Как можно предположить, речь идет о Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции в Тульской губернии. Вероятно, получив весной 1906 г. приглашение возглавить станцию, Лебедев сомневался, стоит ли ради этого бросать университет, где он был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

При обсуждении этого предложения Пётр удивляет зрелой, сформировавшейся позицией:

«Мы с тобой достаточно говорили для того, чтобы в вопросе о значении и роли опытного дела я о тебе мог говорить с той же уверенностью, как о самом себе. Я думаю, что после того, как мы решили, что *это* (здесь и далее выделено П.И. Лисицыным. — *О.Е.*) дело, и *только это*, должно лежать в основе осмысленной агрономии, что после того, как мы до конца продумали всю зависимость созидательной работы от результатов опытных исследований, я думаю, что после этого отказ от такого лестного предложения был бы не только малодушием, но прямо ложью. Ложью перед собой и мной. ... Я считаю, что во всю жизнь не был так близок от заветной цели как в настоящую минуту, хотя и теперь отделен от нее годом времени, сомнительностью и тысячами верст».

За время «шатаний по полям» 1905—1906 гг. Пётр, так и не выбрав конкретной области агрономии, тем не менее, четко определил для себя приоритеты иного порядка: работа «на земле», опытное

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Лисицын П.И.* О мероприятиях по улучшению сельского хозяйства (об организации опытного дела в Калужской губернии). Доклад 42-му губернскому собранию, сельскохозяйственный отдел. Калуга, 1906.

⁸¹ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедеву. 9 июня 1906 г. Там же.

дело — вот та «заветная цель», к которой надо стремиться. Он твердо убежден: «созидательная», творческая и результативная, агрономическая работа может состояться только на опытной станции. Конкретная специализация не так важна; разговор о ней на время отложен, поскольку речь идет о принципиальном выборе. Пётр призывает друга сделать этот выбор в пользу станции, напоминая, что они единомышленники в вопросах «значения и роли опытного дела».

Окончание МСХИ пришлось на лето 1906 г. В биографических публикациях о П.И. Лисицыне события этого периода описываются с большими искажениями и домыслами. Так, в очерке о П.И. Лисицыне Т.Н. Троицкая пишет, что окончание «совпало с революционными событиями» и этим объясняет отсутствие у Лисицына степени кандидата (вероятно, имея в виду *магистра*, а не эту давно упраздненную степень) сельского хозяйства. На самом деле выпускники МСХИ получали лишь звание *агронома* I или II разряда; для степени магистра требовалась дополнительная подготовка и сдача экзаменов. Но и диплома агронома у Лисицына не было: ни в семейном архиве, ни в студенческом деле никаких документов, подтверждающих его получение, нет! Мы предполагаем, что Пётр вообще не получил диплома об окончании, т.е. остался «студентом». Подчеркнем при этом: весь институтский курс лекций и практических занятий был пройден с отличием. Скорее всего — и об этом говорит характер его последних обращений в МСХИ — он не представил отчет о годовой практике — результатах «занятий в частном имении». И уж точно Пётр не проходил магистерские испытания. Причем не из-за революционного «брожения умов»; история гораздо «академичнее». Дело в том, что МСХИ, возникший на месте Петровки, был задуман как институт с четырехгодовичным курсом обучения, выпускавшим «агрономов» и «агрономов-техников», или «инженеров по землеустройству» (и те, и другие — I или II разрядов, в зависимости от прохождения экзамена/предоставления дипломной работы). Однако главное завоевание агрономической школы — право присуждать ученую степень магистра, которое имела академия, институт в силу ряда особых причин утратил⁸². Сдать экзамены и получить степень магистра агрономии можно было только в университете. Как отмечал Д.Н. Прянишников, «получилась какая-то

⁸² Последним из числа ее получивших был Василий Робертович Вильямс (диссертация «Опыт исследования в области механического анализа почвы»). ЦИАМ. Ф. 228 (МСХИ). Оп. 2. Д. 316 (формулярный список 1914 г.). Подробнее о причинах утраты МСХИ права присуждать ученые степени см.: *Елина О.Ю.* Научная агестация в области сельского хозяйства в России во второй половине XIX — начале XX веков // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 592—604.

злая насмешка и над институтами, и над университетами: отнятие права давать степени у Совета академии превратилось в запрещение агрономам получать ученые степени по агрономии в России»⁸³.

Перспектива сдать магистерский экзамен в 1900-е гг. была крайне призрачной не только для Лисицына. Пётр же со своими семейными проблемами и необходимостью зарабатывать деньги явно и не претендовал на подобное. Про Лебедянцева, напротив, известно, что он успешно сдал магистерский экзамен в университете и был оставлен на кафедре частного земледелия у Д.Н. Прянишникова для подготовки к профессорскому званию⁸⁴. Пути Лисицына и Лебедянцева на время разошлись, хотя на горизонте появилась перспектива работы на опытной станции.

Военная служба

У Петра, между тем, подходил срок окончания отсрочки от армии; осенью 1906 г. он должен был отправиться на военную службу⁸⁵. Годы службы — еще один обросший мифами этап биографии П.И. Лисицына. Он не был «отправлен царской охранкой в ссылку на Северный Урал во время выпускных экзаменов»⁸⁶, как пишут некоторые исследователи. На самом деле отбывание воинской повинности — закономерное, вполне объяснимое событие в жизни Петра Лисицына.

⁸³ Прянишников Д.Н. Наглядные несообразности // Русские ведомости. 1912. 29 июня. № 187. С. 5

⁸⁴ В Совет МСХИ поступило обращение от Д.Н. Прянишникова, который лично ходатайствовал «об оставлении при кафедре окончившего Университет и МСХ Институт А.Н. Лебедянцева, в предположении, что таковое оставление с 1 января 1905 г. будет совместимо с интересами других кафедр». ЦИАМ. Ф. 228 (МСХИ). Оп. 3. Д. 3404 (Лебедянцев). Л. 42.

⁸⁵ Согласно «Уставу о воинской повинности» от 1 января 1874 г., для лиц с высшим образованием срок службы в войсках был 6 месяцев. См.: ПСЗ. Собр. II. Т. XLIX. № 52982. Этот же срок указывает А.Е. Иванов. См.: *Иванов А.Е.* Студенчество России. С. 258. Начало срока службы устанавливалось следующим образом: прибывшие на сборный (призывной) пункт с 1 октября до 31 декабря считались на действительной службе с 15 февраля. Таким образом, П.И. Лисицын должен был провести на Урале практически весь 1907 г. Однако есть и некоторые разночтения. Приведем фрагмент из того же «Устава о воинской повинности» в трактовке «Сборника правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности»: «Лица, закончившие учебные заведения первого и второго разряда во всех родах войск служат 18 лет, из которых 3 года действительная служба и 15 лет в запасе (из них 7 лет в запасе первого разряда, остальное время в запасе второго разряда)». См.: Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. Т. 1. СПб., 1874. С. 9—63.

⁸⁶ Троицкая Т.Н. Пётр Иванович Лисицын. С. 19.

Обратимся к его прошению на имя директора МСХИ от 4 июля 1906 г. в связи с предстоящей службой:

«В виду того, что осенью 1906 г. я обязан отбыть воинскую повинность и так как никаких отсрочек получить не могу, покорнейше прошу Ваше Превосходительство вычеркнуть меня из числа студентов Института и все принадлежащие мне документы выслать по нижеприведенному адресу. Полученный мною на днях отпускной билет, нужный мне для срочной поездки на юг России по поручению Калужского Губернского Земства, я обязуюсь возвратить в канцелярию Института не позднее конца июля сего года.

Июля 3 дня 1906 г.

Калуга, Одитриевская ул., дом Всесвятской
Студент Пётр Иванович Лисицын»⁸⁷.

Как видим, проблема — в возрасте (напомним, что в 1906 г. Петру уже исполнилось 29 лет) и отсутствии каких бы то ни было новых отсрочек или освобождений от службы. Подчеркнем: единственным основанием для новой возможной отсрочки могло бы стать «приготовление к профессорскому званию»⁸⁸; но это не случай Петра. В результате последовало процитированное выше: «вычеркнуть из числа студентов»⁸⁹.

Итак, Лисицын готовился к военной службе. Он именно готовился: предпринял усилия, чтобы служить вольноопределяющимся⁹⁰.

⁸⁷ ЦИАМ. Ф. 228 (МСХИ). Оп. 3. Д. 3406 (Лисицын). Л. 57.

⁸⁸ См.: Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. С. 48—51.

⁸⁹ Это обращение Лисицына еще раз подтверждает, что он вышел из института «студентом», так и не получив агрономического звания.

⁹⁰ Вольноопределяющийся — военнотрудовой, добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования и несший службу на льготных условиях. Институт вольноопределяющихся существовал в российской армии с XVIII в. После введения в 1874 г. вместо рекрутских наборов всеобщей воинской повинности (с бессловесным призывом в армию по жеребьевке) для обеспечения армии дополнительными офицерами в случае мобилизации потребовались офицеры запаса. Это привело к реформе института вольноопределяющихся: его основным предназначением стала подготовка офицеров запаса. Новые условия службы для вольноопределяющихся позволяли лицам с образовательным цензом заменить призыв на службу (по жребию, с большим сроком службы и на худших условиях) добровольным поступлением на службу (с меньшим сроком службы и на лучших условиях) с последующим присвоением офицерского звания. Для выпускников университетов с 1886 г. срок службы вольноопределяющихся — 1 год, 9 лет в запасе (срок службы на общих основаниях — 2 года, 13 лет в запасе); производились в офицеры по выслуге обязательного срока службы.

На примете был какой-то артиллерийский полк, в который его «отказались принять за неимением вакансий». Далее, Пётр «отправляет бумаги» в Калугу, в расквартированный там 9-й пехотный Ингерманландский Императора Петра Великого полк⁹¹, что было бы крайне удобно территориально. Пишет об этом Лебедевцеву:

«Мое “военное положение” до сих пор не выяснено. Хлопочу в 9-м полку, но препятствий такая масса, что глаза на лоб выкатываются: сначала требовали рекомендаций от офицера, потом свидетельство от губернатора... Думаю, что, в конце концов, погибну в дебрях этих рекомендаций»⁹².

Проблемы возникают из-за «неблагонадежности» семьи Лисицыных. Но в конце сентября, наконец, наступает ясность. Пётр пишет другу подробное письмо — целое эссе, по-лисицынски живое и ироничное — о том, как неожиданно устроилась его военная служба:

«Наконец-то выяснил вопрос о моей повинности... В 9-м полку приняли мои бумаги, уверили в обилии вакансий и через 3 недели отказали и там “за неимением вакансий”. Мне показалось это подозрительным, и я решил отправиться к начальнику дивизии для личных объяснений. Этот тот самый Орлов, который проиграл сражение⁹³. Добродушный, плохосоображающий толстяк. Он начал с того,

Преимущество службы вольноопределяющимся состояло, прежде всего, в том, что он служил на год меньше, чем призванные. Во-вторых, если он сдавал экзамен на офицера, то выигрывал еще полгода. В-третьих, основной целью приема на службу в качестве вольноопределяющихся была все же цель подготовить молодых людей как офицеров, а значит, отношение со стороны офицеров полка к ним должно было быть более внимательным. И, в-четвертых, в зависимости от успехов по службе вольноопределяющийся быстро производился в унтер-офицерские чины, что значительно облегчало жизнь в казарме. См.: Сборник законоположений по отбыванию воинской повинности вольноопределяющимися и охотниками / Сост. М.В. Андрушкевич. Кутаис: Типо-лит. М.И. Гамрекели, 1899.

⁹¹ Сформированный 19 июля 1703 г. по указу Петра I, полк прославился во многих сражениях (в Северной войне, Отечественной войне 1812 г., русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и др.), считался привилегированным. См.: *Понов В.И.* История 9-го пехотного Ингерманландского... полка. 1703—1903. Калуга, 1903.

⁹² Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедевцеву. 1 сентября 1906 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391 (А.Н. Лебедевцев).

⁹³ Вероятно, речь идет о генерал-лейтенанте Николае Александровиче Орлове (1855—1917), который в 1906—1910 гг. командовал 3-й пехотной дивизией, в состав которой входил 9-й Ингерманландский полк. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг., с ноября 1904 г. исполнял дела дежурного генерала 1-й Маньчжурской армии. 25 сентября 1905 года был произведен в генерал-лейтенанты. Во время военных действий был ранен и контужен.

что отказался играть со мной в прятки, т.к. слишком мало времени в моем распоряжении, а потому сказал, что отказали мне не по недостатку вакансий, а потому, что губернатор не желает дать мне свидетельство о благочинности... “Губернатор считает Вас самым вредным жителем города Калуги (дословно!), и поэтому не желает, чтобы Вы служили здесь”. Поэтому он советует мне бросить хлопоты в Калуге и уехать хлопотать в другие города. “А время где? Ведь они по закону будут держать мое прошение два месяца”. Задумался генерал, задумался адъютант, задумался и я. Пауза. Затем генерал повернулся ко мне и громким, с расстановкой, голосом спросил: “Вы даете мне слово не делать глупостей в этом году?” — “Даю”. — “Так катайте его в 11-й полк” (также входивший в состав дивизии под командованием Орлова. — *О.Е.*). Этот полк стоит в Нижнем Тагиле, Пермской губернии, на сибирских отрогах Урала. Езды туда 5 или 6 дней. Но я доволен таким назначением больше, чем назначением в какую-нибудь Вязьму. По крайней мере, проживу целый год на Урале. За это, брат, платят деньги. Решив таким образом вопрос, генерал кинулся утешать меня рассказами об охотах и красотах видов. Адъютант, заикаясь, помогал ему. “Ну а как со свидетельством, ведь губернатор и туда мне не даст его?” — “А уж это не Ваше дело. Я берусь все устроить. Я подействую на него, и он даст”.

Поступок губернатора со мной считаю мстью нашей фамилии. На свое назначение в Сибирь я смотрю как на ссылку и иду в нее добровольно потому, что это для меня выгоднее, чем служить рядовым 2 г. 8 мес., что, безусловно, ожидало бы меня, если бы генерал не взялся «подействовать» на губернатора. Теперь не увидимся год... Кошкарев (начальник Лисицына по лаборатории. — *О.Е.*) ... сейчас же сообразил, что раз [неразб.] меня из Калуги, губернатор уже ни за что не пустит меня в нее, и поэтому сам предложил мне вместо увольнения взять годовой отпуск. Пиши, если успеешь. Иначе — жди адреса»⁹⁴.

Итак, «хлопоты» закончились «ссылкой в Сибирь», как с горькой иронией назвал выстраданную службу в 11-м полку Лисицын. Вероятно, отсюда — фразы о *реальной* ссылке в автобиографии

⁹⁴ Письмо П.И. Лисицына к А.Н. Лебедевцу. 16 сентября 1906 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391 (А.Н. Лебедевцев).

Петра Ивановича, перекочевавшие впоследствии в биографические очерки о нем⁹⁵. Подчеркнем еще раз: Лисицын не стал дожидаться призывной кампании и выхлопотал себе службу вольноопределяющимся. Отметим удивительную несгибаемость, уверенность в себе просителя: получая отказы, зная об отношении губернатора к его семье, Лисицын, тем не менее, отправился к военному руководству для «личных объяснений». Твердая гражданская позиция, вера в торжество справедливости — как тут не вспомнить семейные установки, заложенные Иваном Фёдоровичем.

Выхлопотанное «вольное» назначение имело массу преимуществ: кратковременность службы, возможность быстрого производства в офицерский чин. Да и 11-й пехотный Псковский полк⁹⁶, расквартированный после русско-японской войны в Нижнем Тагиле, считался одним из привилегированных. Тем не менее, порядки воинской части, в которой оказался Пётр, окружавшие его люди вызвали резкое отторжение. В одном из его первых писем с Урала он сообщает Лебедянцеву:

«Сижу за решеткой в темнице сырой». Иначе свое положение определить не могу. Без разрешения, которое мне почти никогда не дается, никуда выходить не должен... Питаюсь главным образом чаем с сухарями. Обедаю из солдатского котла (щи и сухая каша). Но все это ерунда. Главное — условия духовного существования. Эта сторона невыносимо скверна. Живу в ротной канцелярии. С писарем, конторщиком и вольноопределяющимся. Маленькая комната набита с утра до вечера народом. Часов до 12 ночи фельдфебель сидит за разными счетами, наполняя комнату сквернословием. Грубая, дикая жизнь. Невозможно ни читать, ни думать. Берешься за книги, пробуешь сосредоточиться, но сутолока, крик, запах, грубый оклик, толчея — заставляют безнадежно махнуть рукой. Полковой командир подверг форменному неделикатному допросу. Не скрывает, что я нахожусь под надзором. Книги все изгажены надписями ротного командира, письма

⁹⁵ Лисицын П.И. Автобиография. Л. 4. АМКБЛ.

⁹⁶ Псковский 11-й пехотный фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полк был сформирован 25 июня 1700 г. в Москве. Боевые отличия: 1) георгиевское полковое знамя за переход через Балканы в 1877 г.; 2) знаки на шапках за отличия, оказанные в 1812 и 1813 гг.; 3) георгиевские трубы за отличия в войнах 1807, 1814 и 1877 гг.; 4) поход за военные отличия в Польской войне 1831 г. См.: Псковский 11-й пехотный полк // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. 82 и т. 4 доп. СПб., 1890—1907.

не только имеют право, но даже обязаны (выделено автором. — *О.Е.*) вскрывать и прочитывать. Хоть оно от жены. Наконец вчера получил приглашение надеть на шею крест. По-военному! Крест купить согласился, но заявил, что надеваю его как форму, так же как, например, мундир и т.д. Начинают обнаруживаться и другие стороны, очень любопытные. После непродолжительного разговора как-то на днях ротный с одним полковником взяли у меня “*De Profundis*” Уайльда. Почитать. Приносят через два дня и плачут от восторга. Подполковник даже заявил [неразб.]. Но эта книжка, конечно, не затронула главного, не ошарашила, как говорится. Думаю дать им Мережковского, чтобы заставить задуматься, а потом ошарашу Шестовым. Интересно, что выйдет! Мои книги и здесь останавливают на себе внимание, несмотря на среду и условия... Газеты совершенно не читаю, поэтому пиши мне общий обзор главных событий и настроений»⁹⁷.

Жесткие беседы, надзор, перлюстрация. Безусловно, это — наследие личной и семейной «неблагонадежности» Петра Лисицына. В добавление к этому — «грубая, дикая жизнь», навязывание чуждой Лисицыну показной религиозности. Но одновременно — «эксперименты» с чтением для офицеров, которые «плачут от восторга». И возможность много читать самому, хотя и отягощенная посторонним присутствием, нелепыми пометками в книгах. Разумеется, не институтская лаборатория, в которой проводит время Лебедевцев. Но и не ссылка в полном смысле этого слова⁹⁸. Тем не менее, у Петра мрачное настроение: он боится, что выпадет из научного процесса:

«Мои дни идут однообразно. Думать ничего невозможно. За этот год я еще больше отстану»⁹⁹.

⁹⁷ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедевцеву. 4 октября 1906 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391 (А.Н. Лебедевцев).

⁹⁸ Из русской литературы у читателя складывается впечатление, что вольноопределяющимися обычно были дворянские дети, сыновья богатых родителей, которые по каким-то причинам оказались не в состоянии укрыться от солдатчины в университетах, не пожелали поступать в юнкерские училища. Числясь вольноопределяющимися, они очень непродолжительное время «болтались без дела» в полку в погонах рядовых, на короткой ноге с офицерами, в ожидании приказа о присвоении офицерского звания. Как мы видим, социальный статус, причины поступления на службу и жизнь вольноопределяющихся была на самом деле иной.

⁹⁹ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедевцеву от 11 октября 1906 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391 (А.Н. Лебедевцев).

Судя по письмам, Лисицын живет не в казарме с солдатами, а делит комнату с низшими офицерскими чинами. Разумеется, такое общежитие тяготит:

«Живу, точнее, влачу существование [неразб.] и мечтаю о квартире. Занимаюсь Достоевским. Поразили меня его “Зимние заметки о летних впечатлениях” и “Записки из подполья”. ... Какое же одиночество пережил этот человек! И что за дерзость мысли. Жду дальнейших известий»¹⁰⁰.

В прошении о квартире отказано... Но зато «известия» не заставили себя долго ждать. Причем оказались крайне воодушевляющими: Прянишников окончательно рекомендовал Лебедянцева на должность директора Шатиловской опытной станции. Тот в свою очередь оговорил условием своей работы назначение в качестве помощника Лисицына. Дмитрий Николаевич этот план одобрил. Лисицын спешит ответить:

«Я не думал, что Прянишников так умеет выбирать людей. Тот факт, что на Шатиловскую станцию он порекомендовал тебя — делает ему честь. Я лично думаю, что лучшего выбора в нашем институте сделать нельзя... В свою очередь твоё предложение мне тоже удачно. Помощник и вообще чернорабочий науки из меня выйдет хороший, если конечно из-за [неразб.] активности и независимости я не уйду в практику. Я очень признателен тебе за приглашение и, безусловно, на него согласен, но боюсь, что во-1-х письмо мое опоздало, во-2-х, Министерство не согласится на ожидание до осени 07 года и в 3-х не от заведующего зависит выбор помощника. Во всяком случае, ты (я уверен) похлопочешь за меня и сделаешь всё от тебя зависящее, чтобы устроить меня, раз я даю согласие занять место помощника. В случае же неудачи теперь, имей меня в виду в будущем. Не знаю, насколько продолжительно будет наше сотрудничество (в больших дозах мы друг друга не выносим), знаю только, что эта совместная работа сначала (NB) (выделено в оригинале. — *О.Е.*) будет нам обоим очень полезна. Чертова военщина нагадила мне, надеюсь все-таки на лучшее будущее.

Советую хорошенько разузнать о намерениях Винера¹⁰¹ относительно Шатиловской станции, чтобы наше появление

¹⁰⁰ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебедянцеву от 9 ноября 1906 г. Там же.

¹⁰¹ Владимир Владимирович Винер — агроном, ученый-опытник, заведующий Шатиловской с.-х. опытной станцией с 1899 по 1906 гг. См. о нём гл. VII.

среди русских ученых не носило оттенок некорректности. Для этого лучше всего было бы тебе списаться с самим Винером, если ты не догадался сделать это»¹⁰².

Складывается ощущение, что роли поменялись: «старший», более опытный, способный принимать ключевые решения теперь не Лебеядцев (напомним: и в университете, и в МСХИ именно тот давал советы Петру), а Лисицын. Это можно понять и объяснить: работа в земстве, хозяйствование в Телятинках, опыт военной службы привели к быстрому возмужанию. Уверенность в своих силах, самоуважение, самодостаточность — так можно определить это новое состояние духа. В частности, Пётр абсолютно убежден в правильности выбора в пользу опытного дела. Теперь «полевой» практический опыт Лисицына, а не институтские лабораторные навыки Лебеядцева первостепенны для друзей. Можно с определенностью сказать, что вера Лисицына в «созидательную ценность опытной работы» повлияла на Лебеядцева: он принял приглашение и с конца 1906 г. (формальное вступление в должность — 1907 г.) возглавил государственную Шатиловскую сельскохозяйственную опытную станцию в Тульской губернии. А Пётр, который с радостью отправился бы с другом «осваивать опытное дело», в это время вынужден думать о совершенно иных материях.

Судя по косвенным данным, Лисицын получил младший офицерский чин (подпоручика), что являлось одной из привилегий выпускников университета. Однако военная карьера никогда не интересовала Петра; негативное отношение к «казарме» сохранилось на всю жизнь. Долгие полтора года, проведенные на службе, разумеется, ничего не добавили в плане научного развития. Но закалили Петра морально, дали возможность развиваться интеллектуально. И хотя он не устал повторять: «казарменный гвалт убивает душу», «для духовной жизни тишина необходима»¹⁰³, мы видели: Пётр не только выстоял, но и много приобрел. Ушел в чтение; в этом надо отметить помощь Лебеядцева, регулярно отправлявшего на Урал книги: Уайльд, Мережковский, Шестов, А. Толстой, Достоевский, особенно созвучный настроениям одиночества, несправедливой выключенности из жизни. Впоследствии Лисицына-учёного выделял тонкий художественный вкус, глубокое знание литературы.

¹⁰² Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебеядцеву. 11 октября 1906 г. РГАЭ. Ф. 121. Оп. 1. Д. 391 (А.Н. Лебеядцев).

¹⁰³ Письмо П.И. Лисицына А.Н. Лебеядцеву. 28 декабря 1906 г. Там же.

Лисицын писал другу, что боится возвращения в большую жизнь, полагая, что отстал профессионально. Но он подумывает о том, чтобы закончить МСХИ и, возможно, получить степень магистра: «придется заняться экзаменами в Институте для обновления знаний (магистерский держать прямо [неразб.] и нагло)»¹⁰⁴. Разумеется, главные устремления Петра связаны с предстоящей работой на Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции; об этом он то и дело задает вопросы Лебеяднцеву. «Ссылка» закончилась в самом конце 1907 г.¹⁰⁵ Лебеяднцев сдержал обещание и добился для друга места младшего помощника заведующего Шатиловской станцией, которую он уже несколько месяцев возглавлял. 1 февраля 1908 г. Пётр приступил к долгожданной работе по специальности. Его приход на опытную станцию — закономерное завершение непростого десятилетия выбора научных приоритетов 1898—1908 гг.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Вероятно, была возможность при наличии специального приглашения на государственную должность не отбывать полный срок службы.

Глава V

ПЕРВЫЕ ГОДЫ РАБОТЫ НА ШАТИЛОВСКОЙ СТАНЦИИ (1908—1912)

Предыстория «Шатиловки»

Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция, на которую пришел работать Пётр Иванович Лисицын, — одно из первых «казенных» опытных учреждений, основанных в рамках государственной программы региональной организации сельскохозяйственного опытного дела. Как уже отмечалось в главе I, сама программа — важнейший проект Министерства земледелия и государственных имуществ, созданного вместо Министерства государственных имуществ после кризиса начала 1890-х гг. Непосредственным разработчиком программы был директор Департамента земледелия МЗиГИ, выдающийся почвовед и агрохимик Павел Андреевич Костычев (1845—1895).

Сын крестьянина, Костычев — редкое исключение в рядах дворянского руководства министерства. Выпускник Земледельческой школы в Москве, Костычев с ранних лет ученичества освоил полевые агрономические работы. Незаурядные способности позволили экстерном сдать экзамены за гимназический курс и поступить в Земледельческий институт в Петербурге. Там произошла встреча с профессором А.Н. Энгельгардтом, определившая круг интересов Костычева¹. В 1880-е гг. он поступил на службу в Департамент земледелия по ведомству соответствующего министерства. Работа предполагала поездки по российской глубинке со специальными экспертными заданиями, дала возможность познакомиться с проблемами степного земледелия, в том числе заняться изучением

¹ В то время Энгельгардт был увлечен изучением действия минеральных удобрений. Исследования удобрительной ценности фосфорных соединений, условий их поглощения растениями стали главными и для Костычева. См.: Кузнецов Н.П. Вклад П.А. Костычева в развитие русской агрономической науки и сельскохозяйственного образования России. М.: Родник, 1995.

черноземов². В результате у Костычева сформировались представления о региональном характере российского земледелия. Поэтому, оказавшись во главе Департамента³, Костычев начал с программы регионального развития опытной агрономии.

В основе программы было заложено

«...сильнейшее проявление правительственной инициативы в насаждении сельскохозяйственных опытных учреждений, особенно в устройстве опытных станций; эти последние, предназначаясь для научного разрешения вопросов сельскохозяйственной практики, должны отличаться разносторонностью преследуемых ими задач общеимперского и областного характера и соответствующей полнотой оборудования»⁴.

Впервые в России должен был осуществиться научный подход к организации учреждений опытной агрономии — их порайонное устройство. Предстояло выделить основные земледельческие районы — в зависимости от почвенных, климатических, экономических и иных особенностей; в каждом должна была действовать хорошо оборудованная, призванная решать разнообразные научно-практические задачи «казенная» опытная станция. Предполагалось и создание центрального агрономического института. На первом этапе планировали открыть восемь станций на территории Евро-

² В результате многолетних исследований сложились представления Костычева о биологической сущности процесса образования черноземов в условиях синтеза и разложения органических веществ. См.: *Костычев П.А.* Почвы черноземной области России: их происхождение, состав и свойства. Ч. 1. Образование чернозема. СПб., 1886.

³ В решении занять высокий пост, возможно, сыграли роль и иные мотивы. Дело в том, что давняя встреча с Энгельгардтом повлияла не только на выбор научной проблематики, но и на убеждения Костычева. В годы окончания института, совпавшие с прокатившимися по высшим учебным заведениям студенческими волнениями, Костычев, как и его учитель, был арестован за участие в политических акциях и оказался в числе узников Петропавловки. Энгельгардта выслали из столицы; его лучшего ученика изгнали из института. И тот и другой убеждений не изменили. Костычев на всю жизнь сохранил верность демократическим взглядам, был дружен с Н.А. Некрасовым, М.Е. Салтыковым-Щедринным, художниками-передвижниками, особенно с Н.Н. Ге, написавшим известный портрет ученого. По свидетельству супруги Костычева, принимая предложение работать у Ермолова, Павел Андреевич связывал с новым назначением и ожидания, далекие от опытного дела: Костычевы рассчитывали через Ермолова оказывать помощь многим своим друзьям, находящимся в ссылке. *Крупеников И.А., Крупеников Л.А.* Павел Андреевич Костычев (1845—1895). М.: Молодая гвардия, 1955.

⁴ Там же. С. 367.

пейской России: четыре в нечерноземной полосе — в С.-Петербургской, Московской, Смоленской и Вятской губерниях; четыре в Черноземье — в Тульской, Самарской, Екатеринославской и Херсонской губерниях.

Программа предусматривала также устройство опытных полей — по несколько на каждую из земледельческих губерний. Перед опытными полями ставились значительно более узкие задачи приложения к местным условиям сведений, полученных опытными станциями; расходы на содержание опытных полей правительство должно было поделить с местными общественными учреждениями.

Из этой программы удалось осуществить лишь часть — открыть три государственные опытные станции: Шатиловскую в Тульской губернии (Новосильский уезд), 1896 г., на суглинистых черноземах; Валуйскую (с 1901 г. — Костычевскую) в Самарской губернии (Новоузенский уезд), 1894 г., на каштановых почвах с переходом к солонцам; Энгельгардтовскую, или Батищевскую, в Смоленской губернии (Дорогобужский уезд), 1896 г., на серых суглинках и подзолах⁵. Место агрономического института в 1894—1895 гг. при Ученом комитете ДЗ были организованы научные бюро: прикладной ботаники, энтомологии, зоотехнии, земледелия и почвоведения, метеорологии. На этом программа прекратила свое существование.

Неудачу реализации программы создания казенных опытных станций связывают со скорой кончиной Костычева (он ушел из жизни в 1895 г.), а также с финансовыми трудностями: кредиты, выдаваемые МЗиГИ, «...были далеко не достаточны для выполнения той задачи, которая возложена на преобразованное министерство основателем его, императором Александром III»⁶. В дальнейшем по инициативе правительства к созданию государственной опытной сети были привлечены «общественные силы» — частные лица, научные и сельскохозяйственные общества, земства с их значительными финансовыми возможностями. В результате уже в XX в. опытные учреждения создавались объединенными усилиями общественных структур (прежде всего земств) и ведомства земледелия.

Итак, Шатиловская станция должна была стать частью большой государственной сети опытных учреждений, построенных по региональному (районному, или областному) принципу. Но это —

⁵ Кроме того, в 1894—1896 гг. были созданы государственные Ташкентская опытная станция (Туркестан, Сырдарьинская область), Сухумская и Сочинская садовые опытные станции на Кавказе, Бессарабская винодельческая опытная станция в Кишиневе.

⁶ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности. С. 19.

события грядущих лет. Пока же Шатиловская станция, одна из «костычевской тройки», предназначенная для Северного Черноземья, только готовилась к открытию. Так почему же из огромной территории, на которой залегали суглинистые черноземы, был выбран именно Новосильский уезд, чем привлекло Моховое, где возникла станция?

О том, как в Департаменте земледелия принимали решение относительно месторасположения будущей станции, позволяют судить архивные документы. При рассмотрении конкретных участков, рекомендованных экспертами для создания там опытного учреждения, ориентировались на наличие рядом «высококультурного», «образцового» хозяйства⁷. Таким образом, даже сугубо государственное агрономическое начинание в России так или иначе опиралось на частные инициативы. Из трех открытых по плану станций лишь Костычевская возникла «на пустом месте». Энгельгардтовская станция, например, — прямая наследница «образцового имения» Батищево, где опытные поля с лабораторией организовал еще А.Н. Энгельгардт; имение было выкуплено у его наследников.

Шатиловы, «образцовые хозяева» и меценаты

Шатиловская станция получила свое имя от старинного дворянского рода Шатиловых; об этом мы узнаём из доклада МЗиГИ «о наименовании опытной станции в имении Моховое Тульской губернии “Шатиловской”»⁸.

По официальным документам дворянский род Шатиловых известен с конца XVI в.⁹ Именно в Новосильском уезде находились главные экономии семьи, «жалованные от государей в 1616 и других годах»¹⁰. Родовым гнездом считалось Моховое, славившееся

⁷ РГИА. Ф. 1293. Оп. 9. Д. 146 (о постройке сельскохозяйственной опытной станции близ имения «Моховое» в Тульской губернии. 1896 г.).

⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 150 (всеподданнейший доклад Министра земледелия и государственных имуществ о наименовании опытной станции в имении Моховое Тульской губернии «Шатиловской». 1896 г.).

⁹ Сами Шатиловы прослеживали свою родословную от литовского рода Шатило, восходящего к XI в. По семейному преданию в 1070 г. Я. Шатило был воеводой в Кракове; один из его внуков перешел из Великого княжества Литовского на службу к Московскому князю. Его потомки в XVII в. после воцарения Романовых были «вёрстаны поместными окладами и именьями» в Тульской, Калужской, а после завоевания Крыма в XVIII в. и Таврической губерниях. См.: *Орлов В.И.* Агроном и лесовод И.Н. Шатилов. Тула: Приокское кн. изд-во, 1986.

¹⁰ Шатиловым принадлежали также значительные владения в Крыму и в Калужской губернии.

плодородными землями и красивым ландшафтом. По соседству располагалось большое имение Паньково. В семье не было принято дробить родовые угодья между наследниками; владели имениями совместно. В начале XIX в. Моховое и Паньково принадлежали братьям Николаю Васильевичу и Ивану Васильевичу Шатиловым.

Как и Батищево Энгельгардта, Моховое имело долгую агрономическую историю. Оно было известно, прежде всего, благодаря Шатиловскому овсу, полученному в 1850-е гг. управляющим имением Францем Христиановичем Майером (1783—1860)¹¹. Выходец из Восточной Пруссии, Майер приехал в Россию совсем молодым человеком. Со временем он приобрел глубокие практические знания, проявил явные научные способности. В 1817 г. Н.В. и И.В. Шатиловы наняли Майера управлять Моховым. Францу Христиановичу были предоставлены условия и для творческой научно-исследовательской работы: его поселили в специально построенном просторном доме, где, в частности, он мог держать библиотеку в несколько тысяч томов. Окружавший дом редкий лес был впоследствии превращен Майером в прекрасный парк. Именно здесь, в Моховом, в полном объеме проявились его «многообразные способности в улучшении сельского хозяйства»¹². Труды Майера по научным вопросам организации хозяйства и разным агрономическим дисциплинам были выпущены трехтомным изданием¹³.

Главное достижение Майера, сделавшее известным его самого и прославившее имя его хозяев, — Шатиловский овес. Об истории его получения и происхождении было немало споров. Сошлемся на комментарии главного специалиста — Петра Ивановича Лисицына¹⁴. Рассматривая историю вопроса, Лисицын упоминает заметку в «Московских ведомостях» за 1855 г. (№ 36), где сказано следующее: «Тульской губернии, Новосильского уезда, села Мохового вотчинная контора, стараясь об улучшении в имении овса, употребляла английские и других названий тяжеловесные овсы. Все они на черноземе перерождались и делались легче, один только,

¹¹ Лисицын П.И. Сорты, рекомендуемые Шатиловской опытной станцией // Труды Шатиловской опытной станции. Сер. IV. Селекционный отдел. Вып. 3. Орел: Труд, 1927. С. 8.

¹² Небытов В.Г. Прославленный агроном и лесовод (к 225-летию со дня рождения Ф.Х. Майера) / В.Г. Небытов, В.И. Мазалов // Земледелие. 2008. № 7 (окт.). С. 47—48; Советов А.В. Майер Франц Христианович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII. СПб., 1896. С. 369.

¹³ Майер Ф. Полное собрание сочинений. В 3 т. М., 1850.

¹⁴ Лисицын П.И. Сорты, рекомендуемые Шатиловской опытной станцией. С. 10.

под названием французский, оказался удовлетворительным»¹⁵. Как полагал Лисицын, историю Шатиловского овса следует начинать именно с этих лет¹⁶. Об этом косвенно свидетельствовал и известный лесовод Н.И. Анненков, посетивший Моховое в 1850 г. и не оставивший никаких комментариев в связи с овсом¹⁷. Поэтому, заключил П.И. Лисицын, утверждение И.Н. Шатилова, что его управляющий получил несколько горстей французского овса еще в 1830 г. и что «с тех пор семена овса не покупались», возможно, не соответствует действительности¹⁸. Отметим, что в торговле овес Шатиловский активно присутствовал с 1870 г. Спрос на него рос, и с 1880-х гг. его стали размножать в хозяйстве специально для продажи на семена. Главными потребителями были центральные губернии, Украина, Крым и даже Сибирь.

В числе агрономических достижений Ф.Х. Мейера кроме Шатиловского овса, упомянем «улучшения в наши незатейливые сельскохозяйственные орудия»: сконструированные управляющим скоропашки, центробежную швырялку для сортировки семян, сеялки и т.д. При этом, по всеобщему мнению, немец Майер выступал в своих произведениях «в чисто русском духе»¹⁹: он крайне негативно высказывался о слепом копировании иностранного опыта, ратовал за создание системы хозяйства, отвечающего местным условиям.

Наконец, Майер приобрел известность как практик-лесовод: в Моховом и его окрестностях он создал большие лесные плантации ели, пихты, сибирского кедра, лиственницы и других видов. Активно занимался лесными питомниками, помогая насаждать хвойные леса в Тульской и соседних губерниях. Заметим: в то время считалось, что на черноземе могут расти исключительно сосны²⁰.

¹⁵ [б.а.] Московские ведомости. 1855. № 36.

¹⁶ Лисицын П.И. Сорта, рекомендуемые шатиловской опытной станцией. С. 8.

¹⁷ Анненков Н.И. Отчет о поездке в Моховое // Записки Лебедянского общества сельского хозяйства. Т. 7. М., 1850. С. 31.

¹⁸ Шатилов И.Н. Происхождение и культура Шатиловского овса // Земледельческая газета. 1888. № 52.

¹⁹ Советов А.В. Майер Франц Христианович. С. 369.

²⁰ В Моховом Майер устроил превосходный питомник, который служил «для удовлетворения потребностей лесоразведения» имений соседних губерний. До 1860 г. питомником было отпущено в разные места более миллиона хвойных пород, до 800 000 лиственных, до 200 000 садовых кустарников; всего выращено, считая и употребление на собственные культуры, до 1,5 млн хвойных, 900 000 лиственных и более 200 000 садовых кустарников. Майера поэтому справедливо можно считать основателем нашего степного лесоразведения.

К Францу Христиановичу в пору своих яснополянских хозяйственных увлечений приезжал консультироваться Лев Николаевич Толстой²¹.

В 1864 г. имение перешло к сыну Николая Васильевича Иосифу Николаевичу (1824—1889). В Моховом прошли его ранние годы; впоследствии И.Н. Шатилов вспоминал, как в детстве любил заходить в коттедж Майера, где управляющий-энциклопедист с удовольствием раскрывал перед любознательным мальчиком увлекательные книги о природе. Однако в юности Иосиф Николаевич на долгие годы был оторван от родных мест. Перемещения, типичные для молодого человека его круга, но интересы значительно шире традиционных: в Италии — не только искусство Возрождения, но и занятия у известного натуралиста Г. Оскуланти и сбор коллекций насекомых; в Петербурге — не только учеба в Корпусе инженеров путей сообщения, но тайное посещение лекций по зоологии в университете. За этим последовала сдача экзаменов экстерном в Харьковском университете; служба в Крыму, позволявшая заниматься любимым естествознанием, к которому добавилась археология; знакомство и дружба с известными учеными — Х.Х. Стевенон, М.И. Бларенбергом, Г.И. Радде.

И вот, наконец, настал черед вступить во владения наследственными экономиями — сначала крымскими²², а с 1864 г. калужскими и тульскими. Поселился И.Н. Шатилов, разумеется, в Моховом. В эти же годы его, к тому времени уже известного натуралиста и «образцового хозяина», выбирают президентом Московского общества сельского хозяйства, а затем в течение 25 лет каждое трехлетие успешно переизбирают! (Заметим, что Шатилов состоял еще в 30 российских и зарубежных сельскохозяйственных обществах²³.) Полный сил и энтузиазма, Иосиф Николаевич развернул на посту президента МОСХ широкую активность: пореформенная Россия была открыта для сельскохозяйственных инноваций. При нем стали

²¹ В записной книжке Толстого сохранилась запись о беседе с Майером и впечатления о самом Майере. См. об этом: Орлов В.П. Поездка Л.Н. Толстого к Ф.Х. Майеру // Сб. научно-исслед. работ Орловской ГОСХОС. Вып. 3. Орел, 1966. С. 370—371.

²² В Крыму, где И.Н. Шатилов обосновался с 1852 г., он в полной мере реализовал свой давний интерес к зоологии. С помощью приглашенного ученого Г.И. Радде собрал ценнейшую коллекцию птиц Тавриды, впоследствии переданную Зоологическому музею Московского университета. Увлечение изучением диких лошадей тарпанов привело к ряду публикаций об этих животных в центральных журналах, вызвавших оживленные споры в научном сообществе. См.: Орлов В.П. Агроном и лесовод И.Н. Шатилов. С. 11—16.

²³ Там же. С. 23.

регулярно проводятся съезды МОСХ; Шатилов был одним из основателей Комитета по акклиматизации МОСХ (впоследствии — Общество акклиматизации животных и растений). Он много сделал для развития сельскохозяйственного образования и распространения агрономических знаний. Принимал участие в работе многочисленных комиссий, занимавшихся реформированием Петровской земледельческой и лесной академии. В частности, по предложению Шатилова университетских выпускников стали принимать в Петровку без экзаменов — чем впоследствии воспользовался герой нашего повествования²⁴. Разнообразна и далекая от сельского хозяйства общественная деятельность Шатилова — от поддержки этнографических выставок до участия в Комитете грамотности (в качестве председателя).

Много сил и времени И.Н. Шатилов уделял научному ведению хозяйства в собственных экономиях. Шатилов — автор более 50 статей по вопросам агрономии и рациональной организации сельского хозяйства²⁵. Л.Н. Толстой, вторично посетивший Моховое уже в период хозяйствования там Иосифа Николаевича, делился впечатлениями:

«Это, наверное, самое замечательное хозяйство в России, и он сам (И.Н. Шатилов. — *О.Е.*) один из самых милых по простоте, уму и знанию людей. Он принял нас прекрасно, и эта поездка еще более разогрела меня в моих хозяйственных предприятиях»²⁶. «Это удивительное хозяйство, образцовое; или счастье таким людям, или необычайное умение. У него всё живет, всё процветает; порода скота замечательная»²⁷.

Действительно, имея все возможности использовать последние достижения агрономической науки, И.Н. Шатилов вел хозяйство «образцово», «рационально». Например, в Моховом на самом высоком уровне было поставлено семенное дело: имелись семяочистительные линии, которые поддерживали в необходимой чистоте Шатиловский овес.

Иосиф Николаевич осознавал важность для подъема сельского хозяйства страны организации специальных опытных учреждений.

²⁴ Шатилов И.Н. Мнение члена комиссии по преобразованию Петровской академии. М., 1883. С. 4, 6—7.

²⁵ Для подробной библиографии трудов Шатилова см.: Историческая записка о 30-летней деятельности Императорского Московского Общества сельского хозяйства и его президента И.Н. Шатилова / Сост. А.П. Перепелкин. М., 1890.

²⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М.: Гослитиздат, 1936—1953. Т. 61. С. 95.

²⁷ Цит. по: Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула: Приок. кн. изд-во, 1973. С. 376.

При этом, исходя из личного опыта, он считал необходимым создание таких учреждений в частных поместьях:

«Нельзя не указать и на пользу в каждом благоустроенном хозяйстве определения известного небольшого количества земли под опытные посевы»²⁸. «В сельском хозяйстве применимость нововводимого орудия или приема обуславливается не только их непосредственным достоинством, но и тем, насколько эти орудия и приемы соответствуют почвенным и климатическим условиям. Поэтому в сельском хозяйстве более чем во всяком другом промысле производство основательных опытов является необходимым. Особенный же характер сельскохозяйственных опытов состоит в том, что ... опыты эти могут быть доказательными не иначе как повторенные в течение нескольких лет»²⁹.

Следуя заветам отца, младший сын И.Н. Шатилова Иван Иосифович передал часть земель экономии Моховое (59,8 десятин, примерно 65 га) «в дар казне» для устройства станции. Участок был расположен в 19 км от железнодорожной станции Хомутово, в 100 км от ближайшего губернского города Орла.

Начало деятельности станции

Итак, выбор места для организации Шатиловской станции далеко не случаен: его определили близость «образцового хозяйства» Шатиловых и щедрый дар семьи — земля, почти 60 десятин, из которых для устройства опытных полей был выбран участок в 33 десятины. За первые два года существования станции, в 1896—1898 гг., провели почвенное обследование территории станции и прилегающих земель Новосильского уезда; образцы анализировали в Москве (МСХИ) и Киеве (Университет Св. Владимира). Начало работ на станции иногда датируют 1897 г., когда только что вступившие в должность сотрудники заложили опыты с минеральными удобрениями на Курдяевском хуторе и Крюковском поле Моховской экономии. Но поскольку «первый опыт на участке опытной Станции был поставлен в 1898 г. (опыты с минеральными удобрениями на месте будущего третьего поля восьмипольного оборота)», имен-

²⁸ Шатилов И.Н. Что должны делать русские сельские хозяева для получения посевных семян. Речь на засед. 26 дек. 1870 // Труды Второго съезда сельских хозяев. М., 1871. С. 15.

²⁹ Шатилов И.Н. Речь председателя съезда. Засед. 21 дек. 1870 // Труды Второго съезда сельских хозяев. М., 1871. С. 2.

но 1898 год считался и считается началом деятельности³⁰. Постоянный научный персонал тогда был представлен заведующим, двумя помощниками и лаборантом (наблюдатель при метеостанции); на лето приглашались практиканты — студенты высших учебных заведений³¹. В период обустройства выручало соседство с Шатиловыми: жили в Моховом, оттуда же брали инвентарь, тягловую силу и пр. Иван Иосифович Шатилов состоял членом Совета станции³².

Практически сразу, в 1897 г., начались строительные работы³³. Для старшего персонала возводились два каменных (кирпичных) дома (для заведующего и двух помощников); деревянный дом с мастерской для конторщика и мастера; «рабочая изба» на 8 человек с кухней при ней и квартирой полевого смотрителя довершали план жилых построек³⁴. В 1898—1899 гг. были выстроены также: кирпичное двухэтажное здание лаборатории с рабочими комнатами отделов и пристроенной сушильной для растительных проб; многочисленные хозяйственные постройки: конюшня на 12 (по другим данным — 20) стойл, амбар, сарай для орудий (машинный сарай) с кладовой для разборки проб, молотильный сарай, сарай для молотбы урожая больших делянок и обмолота пробных снопов, сноповый навес («навес для кладки хлеба»), навес для весов, рубленый амбар (рига) под соломенной крышей, ледник, баня. Эти постройки были закончены к весне 1899 г. и стоили вместе с оборудованием 38 тыс. руб.³⁵ В 1901 г. был устроен ботанический сад³⁶. Название может быть понято неправильно; на самом деле речь идет об опытном участке с делянками для изучения приемов культуры сельскохозяйственных растений, входящих в ассортимент стан-

³⁰ *Лебедянец А.Н.* Очерк развития опытного дела в Области // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции / Опытные учреждения Северо-Черноземной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ. С. 5—14; цит.: С. 6.

³¹ Позже время от времени к станции прикомандировывали заведующих опытными полями Орловского губернского земства (для изучения методик).

³² [б.а.] Организация Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции и ее задачи в будущем // *Хозяин*, 1900. № 40—41.

³³ РГИА. Ф. 398. Оп. 69. Д. 23972—23975 (об устройстве сельскохозяйственной опытной станции в имении «Моховое»).

³⁴ РГИА. Ф. 382. Оп. 2. Д. 1565 (о пособии на устройство и содержание опытной станции в имении «Моховое»).

³⁵ Данные приведены по: *Лебедянец А.Н.* Очерк развития опытного дела в Области. С. 6.

³⁶ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1912 год. В связи с кратким очерком состояния и деятельности ее за первые 15 лет существования (1897—1911 гг.). Орел: В.С. Зайцев, 1914.

ции. Далее появились метеостанция (введена в действие в конце 1901 г.); домик для вегетационных опытов на каменном фундаменте (1902 г.).

Строительство и оборудование станции производили «исключительно на средства Министерства земледелия»³⁷. Так, строительные расходы за первые 15 лет составили немалую сумму — 72 057 руб.; 42 800 руб. ушли на первоначальное оборудование³⁸.

Доходная часть бюджета складывалась из казенных ассигнований ДЗ МЗиГИ и традиционных для всех опытных учреждений средств от продажи продуктов. По сведениям А.Н. Лебеяднцева, «до лета 1901 г. определенного бюджета станции не существовало, так как учреждение не было санкционировано в законодательном порядке; Департамент земледелия ... едва набирал ничтожные средства на ее содержание»³⁹. По его данным, после утверждения штатов в 1901 г. бюджет выражался небольшой суммой в 6850 руб.⁴⁰ По другим источникам, уже в 1899 г. станция получала ежегодно примерно 7200 руб.; но бюджет 1901 г. и здесь называется равным 6850 руб.⁴¹ 1903 г. все источники отмечают как переломный: заметна прибавка к бюджету почти на треть. Далее происходили небольшие колебания с тенденцией к увеличению вплоть до 1912 г., когда началась реформа станции (см. в следующей главе):

- 1903 г. — 10250 руб.
- 1904 г. — 7951 руб.
- 1905 г. — 8555 руб.
- 1906 г. — 7757 руб.
- 1908 г. — 8128 руб.
- 1909 г. — 8524 руб.
- 1910 г. — 9562 руб.
- 1911 г. — 11 086 руб.⁴²

³⁷ РГИА. Ф. 382. Оп. 2. Д. 1650 (о пособии на устройство и содержание опытной станции в имении «Моховое»).

³⁸ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской станции за 1912 год. С. 10. При закупке оборудования и приборов больше всего средств — 6706 руб. — было потрачено на химическую лабораторию; немногим дешевле обошелся хозяйственный инвентарь и оборудование опытного поля. Есть также данные о затратах станции «к концу первого периода своего существования» (январю 1906 г.): Шатиловская станция располагала капиталом в постройках в 54 000 руб.; стоимость движимого инвентаря (научного и хозяйственного оборудования) выражалась цифрой 20 440 руб. См.: *Лебеяднцев А.Н.* Очерк развития опытного дела в Области. С. 7.

³⁹ *Лебеяднцев А.Н.* Очерк развития опытного дела в Области. С. 6.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской станции за 1912 год. С. 18.

⁴² Там же.

Много это или мало — можно сказать лишь в сравнении с другими опытными станциями. Например, селекционная станция в Харькове, созданная на общественные средства, при своем открытии в 1908 г. получила бюджет в 25 тыс. руб.⁴³ Тем не менее, к середине 1900-х гг. Шатиловская станция производила впечатление

«одного из наиболее благоустроенных опытных учреждений России и по оборудованию резко отличалась даже от лучших в то время старых земских опытных учреждений, как например Полтавского и Херсонского опытных полей. Пишущему эти строки особенно бросилось это в глаза, когда после объезда опытных учреждений Юго-Западной России летом 1906 г. ему пришлось вслед за этим попасть на Шатиловскую станцию»⁴⁴.

Бюджетные ассигнования, получаемые Шатиловской станцией, распределялись по отдельным статьям следующим образом (на примере 1901 г. с бюджетом в 6850 руб.):

— 3250 руб. — на содержание личного состава (зарплата заведующего — 1500 руб., старшего помощника — 1000 руб., младшего помощника — 750 руб.);

— 3600 руб. — на операционные хозяйственные расходы: 600 руб. на поддержание лаборатории и музея, 600 руб. на приобретение семян, удобрений и орудий и пр.; прочие расходы.

Существовала также дополнительная статья: текущие расходы. К ним, например, относилось издание трудов опытного учреждения, участие в выставках, приглашение практикантов и сезонных специалистов (счетчиков, агрономов и т.д.). С отдельными перерывами (1905—1906 гг.) по этой статье Шатиловская станция получала ежегодно примерно 3500 руб.

Первым заведующим Шатиловской станцией в 1896—1898 гг. был назначен Глеб Филиппович Нефёдов⁴⁵; весной 1899 г. его сме-

⁴³ См. об этом: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 1. С. 281—282.

⁴⁴ *Лебедянец А.Н.* Очерк развития опытного дела в Области. С. 7.

⁴⁵ Нефёдов, Глеб Филиппович (1869—1941) — агроном, почвовед, организатор сельскохозяйственной науки. Окончил Петровскую землед. академию (1893 г.). В 1896 г. назначен заведующим только что организованной Шатиловской станцией. Провел обследования почв Новосильского уезда, на основании которых создал почвенные карты. В 1896—1898 гг. провел первые опыты по изучению элементов, недостающих местному чернозёму; установил первоочередную нехватку фосфора, изучил формы фосфорных удобрений и дозы их внесения. Под его руководством началось строительство первых зданий (жилые постройки, лабора-

нил известный впоследствии организатор опытного дела Владимир Владимирович Винер⁴⁶. После ухода Винера в 1906 г. временно исполнял обязанности заведующего С.Г. Топорков, уполномоченный

тория и пр.) на станции. В 1897 г. изучал плодородие пахотного и подпахотного слоев в имении Шатиловых Моховое, разработал методы повышения плодородия подпахотного слоя. В 1899 г. перешёл на работу в Тамбовскую губ. управу, где провел обследование почв, занимался опытами с удобрениями в имениях Моршанского уезда. С 1911 г. — в Саратовской губ., организовал там опытное поле (Кузнецкая опытная станция, сейчас Пензенская обл.) и проводил на нём изучение влажности, движения и конденсации воды в грунте. С 1919 г. заведовал отделом почвоведения Кузнецкой станции. С 1929 г. руководил коллективными опытами с минеральными удобрениями под коноплю и лён. Принадлежал к критикам Докучаевской школы почвоведения, имел собственные взгляды на методику почвенной картографии. Разделял взгляды неомальтузианцев, выступал за ограничение рождаемости на селе, ведущую к обезземеливанию крестьян («Закон народонаселения и Россия», «Аграрный вопрос и закон народонаселения», 1900-е гг.). Член ВЭО, МОСХ, Российского общества почвоведения. См.: *Небытов В.Г., Мазалов В.И.* Основоположники и организаторы Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. С. 68—85.

⁴⁶ Винер, Владимир Владимирович (1872—1937) — агроном, организатор сельскохозяйственной науки, государственный деятель. По окончании Петровской земл. академии (1893) работал ассистентом по кафедре частного земледелия у Д.Н. Прянишникова. В 1899 г. назначен заведующим Шатиловской опытной станцией. Составил первую научную программу станции, продолжил строительство и оборудование. Организовал на станции метеорологические наблюдения. Принимал участие в выставках и съездах в Туле, Орле, Курске. В 1906 г. назначен специалистом по опытному делу Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. В 1908 г. разработал проект построения сети опытных учреждений России с учётом ее природно-климатических условий. Организатор и основной докладчик Всероссийского съезда по опытному делу (1908). Научная деятельность включала вопросы агротехники и агрохимии: севообороты, обработка почвы, удобрения (в том числе томасшлак и фосфоритная мука), возделывание озимой ржи, озимой пшеницы, овса, гречихи, картофеля и др. (всего 18 культур). Проводил испытание пахотных агрегатов. Результаты этих работ использовал в составленных им руководствах по общему земледелию («Общее земледелие», вып. 1—3, 1923—1924). После революции 1917 г. координировал опытную работу в северозападном областном бюро Наркомзема, состоял членом Бюро Всероссийских съездов по опытному делу. С 1920 г. вел педагогическую и научно-исследовательскую работу в сельскохозяйственных учреждениях Белоруссии (профессор Горецкого сельхозинститута — Белорусской сельхозакадемии), Казани и Ленинграда. Автор известного историко-аналитического обзора «Сельскохозяйственное опытное дело» (1922). В 1925 г. арестован; после освобождения руководил каф. Растениеводства Казанского сельхозинститута, с 1930 г. — профессор Ленинградского сельхозинститута. В 1937 г. арестован, приговорён к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1992 г. См.: *Небытов В.Г., Мазалов В.И., Боровлёв А.А.* Основоположники и организаторы Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Владимир Владимирович Винер (1872—1937 гг.). Орёл: ООО Полиграф. фирма «Картуш», 2009.

по сельскохозяйственной части Тульской губернии. С декабря 1906 г. (по некоторым источникам — с 1907 г., дате действительного вступления в должность) станцию возглавил Александр Никандрович Лебедянец⁴⁷.

Среди старших помощников заведующего назовем Г.З. Тер-Степанова (работал в 1898—1901 гг.), выпускника Московского сельскохозяйственного института, С.И. Жегалова (1907—1909), также окончившего МСХИ. На должность младшего помощника, по нашим сведениям, первым был назначен в 1908 г. П.И. Лисицын, далее в 1909—1911 гг. ее занимала К.В. Галунова, выпускница Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов⁴⁸.

Ежегодно приглашалось от трёх до пяти практикантов. В начале это были преимущественно студенты МСХИ. Практикантов-мужчин вскоре потеснили женщины, массово хлынувшие в агрономию. На Шатиловскую станцию приезжали преимущественно слушательницы Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов (Санкт-Петербург) и Голицынских высших сельскохозяйственных курсов (Москва). Например, в 1907 г. летнюю практику проходили четыре студентки Стебутовских курсов⁴⁹. Подробнее о приходе женщин в сельское хозяйство России можно узнать из публикаций автора⁵⁰.

Первая программа работ, составленная В.В. Винером в 1899 г., включала следующие вопросы:

- 1) изучение удобрений;
- 2) изучение главных типов севооборотов (трехпольный, плодосменный, травопольный); приемы паровой обработки, посева и посадки растений;
- 3) испытание сельскохозяйственных машин;
- 4) испытание отдельных приемов культуры различных растений;
- 5) испытание сортов культурных растений⁵¹.

⁴⁷ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской станции за 1912 год. С. 18—20.

⁴⁸ Там же. С. 20.

⁴⁹ Там же. С. 21.

⁵⁰ См. об этом: *Елина О.Ю.* Путь в науку женщин-агрономов, конец XIX — начало XX вв. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2010. М., 2011. С. 323—326. *Elina O.* How Russian Intellectual Women Could Contribute to Agriculture? Circulation of Ideas in Education and Career Development of Women Agronomists, late 19th — early 20th century // The Circulation of Science and Technology: Proceedings of the 4th International Conference of the ESHS. Barcelona. 18—20 November 2010 / Roca-Rosell A. (ed.). Barcelona: SCHST-IEC, 2012. P. 217—224.

⁵¹ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской станции за 1912 год. С. 23—58.

В 1899 г. были разбиты пять севооборотов с числом полей от пяти до десяти и чередованием культур, начались исследования по агротехнике согласно намеченной программе⁵².

В последующих программах перед станцией была поставлена амбициозная цель: «разработка научных основ полеводства и проверка основных положений агрономии в условиях северной черноземной полосы». Были сформулированы конкретные задачи:

- 1) исследовать процессы накопления питательных соединений в почве, зависимости их от метеорологических условий;
- 2) разработать приемы обработки и удобрения почвы;
- 3) изучить особенности использования питательных соединений почвы главными культурными растениями;
- 4) исследовать основные сельскохозяйственные культуры Северного Черноземья: овес, озимую рожь, гречиху, клевер и пр.⁵³

Предполагалось, что Шатиловская станция станет областным учреждением с широкими задачами по разработке агрикультурных мероприятий для значительной территории близлежащих губерний. Однако средств для проведения такой широкой программы исследований явно не хватало: требовались дополнительные земельные участки, новые штатные единицы. Главная проблема — земля; уже к 1905 г. весь участок удобной земли был использован под опыты, что тормозило дальнейшее расширение исследований. То же самое относилось и к научному персоналу: штат из заведующего с двумя помощниками, подкрепляемый на лето практикантами, не давал возможности обслуживать намеченные в программе различные отрасли агрономии, работать всеми необходимыми для этого методами. Фактически опытная станция разрабатывала лишь вопросы полеводства (преимущественно полевой метод) и вела метеонаблюдения. Химический метод при отсутствии необходимой базы использовался в эти годы более чем скромно; другие методы вовсе не были представлены. Всё это служило поводом для многочисленных обращений руководителей станции в Департамент земледе-

⁵² Проводились опыты с озимой пшеницей, овсом, просом, гречихой, яровой пшеницей, горохом, чечевицей, бобами, клевером, викой и др. См.: Зарянова З.А. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 12.

⁵³ Последнее являлось основной задачей опытного поля: разработка приемов возделывания культуры сельскохозяйственных растений (озимые рожь и пшеница, гречиха, просо, яровая пшеница, горох, чечевица, клевер, вика, картофель и пр.). Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция // Сборник сведений по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. С. 245.

лия; в частности, В.В. Винер не раз безрезультатно просил «увеличить ассигновки»⁵⁴. В результате стесненная в деньгах Шатиловка вынуждена была работать в режиме строгой экономии; например, с 1906 г. станция прекратила печатать отчеты «из-за отсутствия средств на издательскую деятельность»⁵⁵.

Возглавив Шатиловскую станцию, Александр Никандрович Лебедянецв начал с перестройки работы опытного поля, усиления химических и вегетационных исследований. Веяния перемен стали особо ощутимы после совещания по организации опытного дела 1908 г., на котором была принята государственная программа создания сети опытных учреждений. На новом уровне возрождались идеи П.А. Костычева о региональной опытной организации: в стране создавались многопрофильные районные станции «высшего порядка», финансируемые земствами и центральным правительством, и подчиненные им внутрирайонные станции и опытные поля. О реформе опытного дела 1908—1912 гг. речь пойдет в следующей главе. В этот период надежд и преобразований на станцию в качестве младшего помощника заведующего пришел Пётр Иванович Лисицын.

**На все руки мастер:
«официально я занимался вопросами агротехники»**

Картина, которую Лисицын застал на Шатиловской станции, была им неоднократно описана в рассказах близким; она запечатлена на фотографиях. Бескрайние, почти степные просторы Тульской губернии, одинокие станционные строения посреди только что заложенных опытных полей. До ближайшей железнодорожной станции — только на подводе; распутица и зимние заносы делали это расстояние непреодолимым. Единственный «оазис» культуры — соседнее Моховое с его гостеприимными, крайне расположенными к соседям-агрономам хозяевами. Сотрудники станции — горстка энтузиастов опытного дела.

Должность помощника заведующего, предполагавшая в подчинении хотя бы небольшой штат сотрудников, в практической работе оказалась лишь громким названием. Два помощника и сам заведующий — все научные силы Шатиловки. Неудивительно, что до Лисицына наблюдалась постоянная текучка кадров:

⁵⁴ РГИА. Ф. 382. Оп. 2. Д. 1650 (о пособии на устройство и содержание опытной станции в имени «Моховое»).

⁵⁵ Там же. Л. 23.

«Лица, ее занимавшие (должность помощника. — *О.Е.*), сменялись через короткое время. Причиной этому, по-видимому, были: отсутствие специализации в научных работах и, вследствие этого, недостаточная самостоятельность научной деятельности помощников; отсутствие среднего и низшего персонала для выполнения хозяйственных работ, ложившихся значительным бременем на помощников, малые оклады их жалования и плохое оборудование станции, создававшие тяжелые условия и для личной жизни, и для работы»⁵⁶.

Старшим помощником в то время, когда Пётр Иванович приступил к работе на станции, был Сергей Иванович Жегалов, также выпускник МСХИ. Он начинал на станции еще в 1905 г. практикантом, далее с 1907 г. работал в должности помощника, но вскоре после прихода Лисицына в начале 1909 г. покинул Шатиловку⁵⁷. Пётр Иванович занял освободившееся место старшего помощника.

Роли и ответственности распределялись так: Лебедев вел агрохимию: заведовал химической лабораторией и теплицей (основным методом агрохимических исследований были вегетационные опыты); Жегалов занимался сортоиспытанием. Лисицыну была поручена агротехника — он отвечал за опытное поле; ему же досталась вся административно-хозяйственная часть, а после ухода Жегалова — и сортоиспытание.

Первый цикл работ, с которого начал Пётр Иванович — изучение севооборотов с занятыми парами⁵⁸. Занятый пар — один из типов пара, когда поле во время парования засеяно какой-либо культурой с коротким периодом вегетации (парозанимающей). В качестве парозанимающих культур Лисицын испытывал вику, горох, клевер, картофель и др. При этом стал мастером на все руки: сам шел за лошадью при вспашке, сам сеял, разбрасывая семена из лукошка, сам проверял содержание влаги в почве на различных делянках и т.д.

⁵⁶ *Троицкая Т.Н.* Пётр Иванович Лисицын. С. 17.

⁵⁷ Там же. С. 20.

⁵⁸ Севооборот — научно обоснованное чередование сельскохозяйственных культур и паров (полей, свободных от возделываемых культур в течение определенного периода) во времени и на территории. В агротехнике известны следующие занятые пары: сплошные занятые — парозанимающие культуры сплошного рядового способа посева (викоовсяная и горохоовсяная смеси, клевер, эспарцет, викоржаная смесь и др.); пропашные занятые — парозанимающие культуры широкорядного способа посева (картофель, кукуруза и др.); сидеральные — парозанимающая культура используется на этом же поле в качестве зеленого удобрения (люпин, сераделла и др.). В некоторых местах в качестве сидеральной культуры используются донник белый или даже клевер и люцерна.

И так — в течение нескольких лет, без перерывов и поблажек. Строгие требования к себе вытекали из особой установки: Лисицын настаивал на проведении опытов с «однообразием факторов», т.е. при крайне жестком равенстве всех факторов кроме испытуемого. Например, каждый год Пётр Иванович начинал вспашку перед посевом озимой ржи в одно и то же время — 20 августа; измерения и наблюдения также жестко фиксировались по времени. Лишь погодные условия вносили свои коррективы.

Так, осень 1909 г. отличалась исключительной сухостью. Посевы ржи дали редкие всходы, которые загустели только после дождей в первых числах ноября. Наступившие холода задержали развитие злаков. Но мягкая зима дала возможность слабым всходам выжить и весной «дружно приняться». Следующая осень (1910 г.), наоборот, оказалась дождливой. Влажность верхнего слоя почвы достигла 41 процента; чернозем легко уплотнился и оседал. Эти августовские осадки определили весь осенний период развития ржи.

В 1911 г. Лисицын подвел первый предварительный итог этого цикла работ: общего заключения о применении занятых паров быть не может. Выгодно или невыгодно их иметь следует решать в каждом отдельном случае. Занятые пары уменьшают урожаи озимых, что особенно заметно в недостаточно увлажняемых районах и в засушливые годы. Например, картофельный пар следует признать непригодным для данной местности. Однако в отдельных случаях занятые пары помогают получить существенную суммарную прибавку к урожаю⁵⁹.

Кроме исследований занятых паров, в области агротехники работы велись по следующим направлениям: изучение особенностей культуры главных для района хлебных злаков — овса, озимой ржи и озимой пшеницы, в том числе времени и густоты посева, глубины заделки семян и пр.

Остановимся на работах по изучению густоты посева овса.

Занимаясь этой исторически значимой для Шатиловской станции культурой, Лисицын обнаружил, что такие важные показатели, как кустистость и масса ста растений, «не работают» при оценке урожайности овса. Для него «вклад» боковых стеблей в урожайность играет второстепенную роль; главную долю урожая обеспечивают основные стебли. Боковые же, хотя и дают некоторое увеличение количества зерна, способствуют главным образом общему актив-

⁵⁹ Лисицын П.И. Занятые пары по данным Шатиловской опытной станции // Вестник сельского хозяйства. 1911. № 24—28.

ному развитию растения, что удалось доказать с помощью крайне трудоемкой работы по подсчету числа метёлок на главных и на боковых стеблях. С подсчетами помогали практиканты — в частности, слушательница Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов С. Оводова, которая маркировала тушью стебли растений в период кушения. Возникло предположение о возможности и преимуществе узкорядного посева овса. Действительно, выяснилось, что именно при узкорядном посеве выметывание метелок заканчивается в среднем за 8 дней, при разбросном — за 15, при широко-рядном — за 17. Установленное преимущество узкорядных посевов овса подвело Лисицына к разработке новой конструкции сеялки с размещением сошников в три ряда (узкорядной)⁶⁰.

После ухода Жегалова с должности старшего помощника (1909 г.) к Лисицыну перешли и работы по сортоиспытанию. Программа в этой области была намечена внушительная: испытание небольших коллекций известных сортов овса, озимой ржи, озимой пшеницы, проса, гречихи, картофеля, свеклы, моркови и др.; испытание больших коллекций овса (90 сортов) и яровой пшеницы (40 сортов); изучение возможности культуры кукурузы, в частности, сортов, вызревающих в южной части района действия станции⁶¹. Не хватало всего: рабочих рук, земли для селекционных делянок, помещений для хранения и обмолота, лаборатории и т.д. Но Лисицын верил в скорые перемены: в это время уже обсуждался вопрос о создании селекционного отдела.

Тогда же (или несколько раньше, как иногда указывал Лисицын — с 1908 г.) начались работы по сортоиспытанию лугового (красного, в терминологии того времени) клевера⁶². Интерес Петра Ивановича к этой культуре вполне объясним: в ведущих европейских аграрных странах клевер традиционно выращивался как цен-

⁶⁰ С предложением о конструировании узкорядной сеялки Лисицын обратился на завод «Эльворти» в Харькове. Был создан опытный образец такой сеялки, однако дальше дело по каким-то причинам не пошло. Разумеется, узкорядный посев применим не ко всем культурам и не на всех агрофонах. О деталях этих опытов см.: *Троицкая Т.Н.* Пётр Иванович Лисицын. С. 24—26.

⁶¹ Там же. С. 27—31.

⁶² Клевер луговой имеет народнохозяйственное значение, прежде всего, как ценнейшее кормовое растение. В его зеленой массе содержится до 25% протеина и до 5,6% жира, причем протеин в легкоусвояемой форме. Как зеленая трава, так и сено клевера богаты каротином (провитамином А). Охотно поедается всеми домашними животными, в том числе птицей, а также травоядными зверями и птицами дикой фауны.

нейшее кормовое растение⁶³; культура начала изучаться как важный азотфиксатор⁶⁴. Однако для средней полосы России красный клевер оставался практически неизвестным и неиспытанным, хотя и вводился в передовых хозяйствах в многопольные севообороты⁶⁵. Лисицына — ученого и сельского хозяина — возмущало такое бесхозяйственное отношение к отечественным лугам: «Во всей России луга нельзя назвать культурной площадью. Мы собираем с лугов сено так же, как бабы ягоды и грибы в лесу»⁶⁶. По его мнению, развитие научного луговодства, столь необходимого стране, бесконечно запаздывало. Клевер — одна из главных луговых культур — стал основой его работы в этой области.

Лисицын начал собирать исходный материал, выписывая семена из зарубежных семенных фирм, отправляя запросы в разные области России через губернские земства, сельскохозяйственные общества, частных хозяев. В результате на станции образовалась коллекция клеверов: несколько разновидностей германского и французского, клевера из Англии и США, много отечественных — по-

⁶³ По данным, приведенным Лисицыным, клевер луговой введен в культуру не позднее XIV в. Считается, что разведение клевера лугового началось в Италии и в Нидерландах. Известно про посевы клевера в 1550-е гг. в Брешии. В 1556 г. появилась книга К. Торелло, в которой развивалась идея многопольного севооборота с посевом клевера. См.: *Лисицын П.И.* Вопросы биологии красного клевера // Избр. соч. В 2 т. Т. 1. М.: Сельхозгиз, 1951. С. 34—35. См. также: *Бекетов А.Н.* Клевер, растение из семейства бобовых // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. 29. СПб., 1895.

⁶⁴ Корни клевера несут на себе особое рода вздутия, или клубеньки (как и у многих других бобовых), внутри которых живут бактерии (*Rhizobium leguminosorum* или *Bacillus radicola*), способные связывать азот, содержащийся в воздухе почвы, и передавать его растению в удобной для ассимиляции форме. Этим процессом, получившим название *азотфиксация*, объясняется накопление азота в почве, где рос клевер или другие бобовые. Азотфиксирующее свойство клевера используется и в процессе сидерации — запахивания в почву зелёной массы растений (зелёного удобрения) с целью её обогащения азотом и органическими веществами. Изучение азотфиксирующих свойств клевера началось еще в середине XIX в. См.: *Дудченко Л.Г., Козьяков А.С., Кривенко В.В.* Пряно-ароматические и пряно-вкусовые растения. Киев: Наукова думка, 1989; *Твердовский В.П.* Предисловие // П.И. Лисицын. Избр. соч. В 2 т. Т. 1. С. 5—11.

⁶⁵ Уже в конце XVIII в. в России клевер луговой под названием «клевер красный» разводили в передовых хозяйствах, где он являлся важнейшей культурой травопольных севооборотов (обычно занимал в смеси три поля из 7—10). Лисицын называл этот период в клеверосеянии «любительским», датируя его начало 1766 г. — выпиской первых семян «Ишманского красного клевера (дятловина, кашка), Английского трифолеум» по инициативе ВЭО. См.: *Лисицын П.И.* Вопросы биологии красного клевера. С. 35—41.

⁶⁶ Там же. С. 40.

лученных из Орловской, Тульской, Костромской, Тамбовской, Уфимской и других губерний, из Украины и Прибалтики. Задача состояла в том, чтобы выделить популяцию, которая давала бы лучшие показатели на тульских полях. В процессе испытаний были установлены различия между южными скороспелыми, двуукосными клеверами и северными, позднеспелыми, одноукосными⁶⁷. Эти различия были положены в основу разработанной Лисицыным методики апробации клевера, которая не потеряла своего значения и в настоящее время.

В результате исследований были отобраны одноукосные позднеспелые орловский и схожий с ним тульский клевер из Елецкого уезда. Они были признаны достаточно зимостойкими и наиболее урожайными (даже по сравнению с двуукосными). И хотя химический анализ показал, что одноукосные клевера беднее белком, за счет высокой урожайности с гектара его получалось на 1,5—2 центнера больше. Лисицын выделил как наиболее урожайную и устойчивую к неблагоприятным условиям тульскую популяцию, из которой в дальнейшем был отобран клевер, получивший название Среднерусского, или Шатиловского⁶⁸.

Занимаясь отбором клеверов по хозяйственным признакам, Пётр Иванович пришел к выводу о необходимости серьезной работы по изучению биологии этой культуры:

«Вопросы зимостойкости, сухоустойчивости, болезней и т.д. сами по себе интересны, для селекционера обязательны. Прошло время селекционера-ремесленника, теперь селекционер должен быть биологом в широком смысле этого слова»⁶⁹.

До собственно селекционных работ, гибридизации, было еще далеко. Клевер — крайне сложное в биологическом отношении растение. Напомним его важную особенность: устройство цветков клевера таково, что их могут опылять только шмели и медоносные пчелы⁷⁰.

⁶⁷ Лисицын П.И., Лебединцев А.Н., Жегалов С.И. Испытание сортов культурных растений и различных видов кормовых трав // Отчет Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 6. Отд. IV. Орел, 1910.

⁶⁸ Лисицын П.И. Культура клевера // Отчет Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 6. Отд. III. Гл. II. Орел, 1910.

⁶⁹ Лисицын П.И. Как я стал селекционером. С. 179.

⁷⁰ Из-за длинной узкой трубки венчика не все насекомые могут осуществлять опыление, а лишь длиннохоботковые, например, шмели. Медоносные пчелы также активно посещают цветущий клевер, собирают с него нектар и пыльцу, но опыляют в основном лишь относительно мелкие цветки, которые развиваются, в частности, в засушливые периоды. См.: Лисицын П.И. Вопросы биологии красного клевера. С. 353—360.

Предметом дискуссий оставались и детали устройства корневой системы — естественного генератора плодородия почвы, снабжающего ее азотом. Ученые разных стран высказывали о клевере совершенно противоположные взгляды. Оставался открытым вопрос о происхождении русских клеверов. О том, как именно Пётр Иванович занимался биологией и селекцией клевера — в том числе в ходе зарубежной командировки — мы будем говорить ниже.

П.И. Лисицыну приходилось выполнять поручения «сверху», которые Шатиловка получала как государственная станция. В частности, было предписано проверить наделавший много шума метод «грядковой культуры хлебов» Н.П. и Б.Н. Демчинских (в основе метода — пересадка молодых кустов хлебных зерновых культур в гряды с последующим окучиванием)⁷¹. Явно поддержанный в мнистерских кругах и получивший изрядную популярность в среде сельских хозяев, этот метод был полностью забракован Лисицыным в результате тщательных исследований. В статье с критикой метода, написанной для «Вестника сельского хозяйства», Пётр Иванович не удержался от язвительных комментариев (вполне уместных в данном случае):

«В заключение не могу не остановиться на моральной стороне работы. Мне кажется (и с этим, вероятно, согласятся все принимавшие непосредственное участие в постановке опытов по Демчинскому), что пересадка может служить идеальным видом каторжной работы. Демчинский при всей своей энергии, с которой он успел заинтересовать грядковой культурой не одно ведомство, сделал грубую ошибку, не заинтересовав своей грядковой культурой тюремное ведомство. Там его культура имела бы громадную будущность. Пересадкой можно с успехом отравить изломанное существование самому тяжкому преступнику»⁷².

Удалось наметить первые шаги и в области агрономической помощи окрестным крестьянам: понемногу в округе начали применять минеральные удобрения, хотя еще несколько лет назад с трудом признавали пользу традиционного навоза.

Все эти трудоемкие циклы работ (учитывая мизерный штат!) требовали абсолютной отдачи сил и энергии от Лебедянцева и Лиси-

⁷¹ О Демчинских и грядковой культуре хлебов см.: *Елина О.Ю.* Русская научная сказка: Демчинские и грядковая культура хлебов // История социокультурных проблем науки и техники. Сборник трудов. Вып. 1. М., 2002. С. 94—104.

⁷² *Лисицын П.И.* Некоторые данные о грядковой культуре хлебов по Демчинскому // Вестник сельского хозяйства. 1908. № 46.

цына. Каждый из них был — в прямом и переносном смысле — «и швец, и жнец»: из-за нехватки технического персонала все виды работ выполняли сами. Однако Пётр Иванович любил эту изнуряющую работу в одиночестве, с удовольствием «целые дни проводил в поле». Вот что он писал о своих «полевых бдениях»:

«Особенно тянуло туда в безветренный дождливый день. В такую погоду поля пустыньны, никого из людей нет, и чувствуешь себя в поле одним, без свидетелей, непосредственно перед природой. Тихий и ровный шелест капель по плащу является аккомпанементом... Когда уходишь, то чувствуешь, что чего-то не дослушал, не понял всего, что творится в этом храме природы. Какой-то гигантский вопросительный знак начертан в душе природы, и этот знак уносишь с собой»⁷³.

Справедлива для него была и последняя часть поговорки: «и на дуде игрец»! В короткие часы отдыха Пётр Иванович брался за скрипку. Музыка, как и предполагал когда-то его отец Иван Фёдорович, стала для сына «другом-утешителем в тяжелые минуты». Иногда складывались вечерние концерты: А.Н. Лебедев не плохо играл на рояле; нередко к друзьям подключались обитатели Мохового.

Зарубежная командировка

Как мы увидели, исследовательские интересы Петра Ивановича неуклонно смещались в сторону селекции.

Клевер — одна из культур, которая занимала Лисицына с точки зрения возможностей его улучшения селекционным путем. Так, в мае 1911 г. он писал братьям:

«Я поставил громадную программу с клеверами, собрал коллекцию со всей Европы, Англии и Америки. 5 граммов имею знаменитого клевера Мартинэ⁷⁴ № 944, доступного простым пчелам (Мартинэ оказался так любезен, что поделился со мной материалом, который можно ценить как первый грамм радия). Вот уже всё посеяно, растёт и требует наблюдения. Больше того — за весну я нашел способ бесполого размножения клевера. Я установил, что клевер можно размножить черенками, что его можно прививать. У меня есть черенки

⁷³ Лисицын П.И. Как я стал селекционером. С. 178.

⁷⁴ Мартинэ — швейцарский агроном и селекционер, специалист в области селекции клевера. Работал в Лозанне.

и прививки, это имеет громадное значение для скрещивания и селекции»⁷⁵.

Действительно, Пётр Иванович достиг важных результатов в работе с клевером: весной 1911 г. ему удалось разработать методику вегетативного размножения клевера черенкованием.

Опыт выстраивался следующим образом: черенки высаживались в грунт в цинковых сосудах в условиях теплицы при комнатной температуре 15—25 градусов на рассеянном свете; укоренение происходило весьма активно — наплывы, выступы будущих корешков появлялись уже на четвертый-пятый день. Но неожиданно оказалось, что такие искусственные условия далеко не обязательны.

Как-то раз для срезанных черенков в теплице не хватило места: Лисицын временно поместил их во влажный песок в сосуды на вагонетке и оставил без всякого прикрытия. Заканчивался апрель; стояли прохладные, пасмурные дни с перепадающими дождями (любимая «лисицынская погода»!). И через пять суток, 3 мая, Пётр Иванович с удивлением обнаружил, что несколько ростков дали корни. Через две-три недели корни проросли во всю длину сосуда, торчали из отверстий дна. Чтобы извлечь растение, достаточно было перевернуть сосуд, обхватив черенок пальцами, легким ударом «отделить» ком песка от стенок и тотчас же опустить его в воду, чтобы не развалился и не повредил корни. После «вымывания» песка черенок с чистой корневой системой высаживался в грунт. Простая, как казалось, методика; повторяя опыты, Пётр Иванович добился крайне высоких показателей — 96% укоренения, что подтверждало ее эффективность. Однако, читая зарубежные статьи по этой теме, Лисицын понял, что ему чрезвычайно повезло: успехом он обязан своей любимой пасмурной погоде. Дело в том, что до него многие ученые пытались размножить клевер черенкованием, но получали отрицательные результаты. И главным образом из-за погодных условий — как, например, английский селекционер Г. Вастерс, который ставил опыт в июне в теплице, т.е. при высокой температуре, и не достиг желаемых результатов. Именно поэтому бытовало мнение, что клевер не поддается вегетативному размножению. Лисицын шутил в связи с этим:

«Если бы Вастерс в такое время черенковал ракиту или иву, то он и их бы признал неподдающимися вегетативному размножению»⁷⁶.

⁷⁵ Письмо П.И. Лисицына. Б/д. АМКБЛ.

⁷⁶ Там же.

Тем не менее, знаний, которые позволили бы пойти дальше, заняться направленной гибридизацией, основанной на понимании биологических особенностей той или иной разновидности, Лисицыну явно не хватало.

Как мы уже говорили, отечественная селекция находилась в то время в состоянии формирования — с весьма динамичным дисциплинарным строительством, обещающим в дальнейшем бурное развитие. Однако для желающих учиться селекции «здесь и сейчас» Россия была явно неподходящим местом. В самом деле, в стране не было ни авторитетных селекционеров с опытом работы и научными результатами, ни достаточного количества учебных руководств. Практически не занимались изучением биологии, эмбриологии селективируемых культур. Для обучения обычно ездили за границу: в Англию, Францию, Германию, Австрию, Швецию. О подобной командировке мечтал и Лисицын. Хотелось прослушать курс лекций в каком-нибудь университете, где сложились устойчивые традиции академического обучения селекции, где наличествовала долгая практика опытной селекционной работы. Традиционным центром притяжения была Западная Европа. Но Пётр Иванович думал и об Америке, где в то время всеобщее внимание привлекал селекционер-самородок Лютер Бёрбанк⁷⁷:

«Поехать бы к Бербанку, я уже начал с ним сношения через Крыштофовича»⁷⁸.

⁷⁷ Бёрбанк (Бербанк), Лютер (Burbank, 1849—1926) — американский селекционер, садовод. Создатель ценных сортов картофеля, яблоки, груши и других культур. Одним из наиболее известных достижений Бёрбанка стало выведение в 1872 г. сорта картофеля Burbank (вариация сорта под названием Russet Burbank в начале XXI в. составляет около 50% производства картофеля в США). Вывел несколько необычных форм растений — бесколючковый кактус, бескосточковую сливу и др. Последовательно придерживался дарвинизма, признавал наследование приобретённых признаков по Ж.-Б. Ламарку. В России, а затем в СССР имя Лютера Бёрбанка получило широкую известность. О Бёрбанке см.: *Dreyer P. A Gardener Touched with Genius: The Life of Luther Burbank*. Berkeley: University of California Press, 1985; *Гарвуд А.* Обновленная земля / В сокр. изложении К.А. Тимирязева. М., 1919; *Тимирязев К.А.* Два дара науки. Соч. Т. 9. М., 1939; *Молодчиков А.И.* Лютер Бербанк. Садовод «чудотворец». М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1937.

⁷⁸ Крыштофович, Фёдор Фёдорович — представитель Екатеринославского земского сельскохозяйственного агентства в США. Возглавлял земское агентство в Миннеаполисе, в задачи которого входило изучение американского сельского хозяйства, обмен селекционными семенами и другими материалами, налаживание научно-практических контактов в области агрономии между двумя странами. В том числе занимался посредничеством между российскими научными (преимущественно земскими) кругами и американскими опытными учреждениями. См. о нём подробнее: *Елина О.Ю.* От царских садов до советский полей. Т. 1. С. 334—361.

Однако для такой поездки необходимы были большие деньги — более двух тысяч рублей. Разумеется, о подобной сумме не могло быть и речи; Лисицын собирался хлопотать в ведомстве земледелия о традиционной европейской командировке.

Но и с этим пришлось повременить: выяснилось, что предстояли учебные военные сборы⁷⁹. Объявлено о сборах было, видимо, неожиданно: к Петру Ивановичу только что приехала жена с детьми; семье пришлось возвращаться в Телятинки. А Лисицыну — отложить и хлопоты о командировке, и работы на станции.

Напомним, что по нашим предположениям после прохождения действительной службы Лисицын получил младший офицерский чин. Подтверждением этому служит рассказ о том, как Пётр готовился к учебным сборам: отправился к брату Николаю, у которого хранились его «военная форма и шашка (атрибут офицерского обмундирования. — *О.Е.*⁸⁰), однако, брата не застал, спешно экипировался и явился на место сбора»⁸¹.

Жизнь в военном лагере, вероятно, длилась не более положенных полутора месяцев: уже упоминавшийся рукописный журнал «Семейные вести» информирует нас, что в июле 1911 г.

«Пётр отбыл учебный сбор и после него побывал в Телятинках. Из лагерей ездил в Петербург и получил заграничную командировку на два года. От августа на шесть месяцев и в будущем году еще на четыре месяца. Будут платить по 200 руб. в месяц сверх жалованья. В августе думает на месяц приехать в Москву — подучиться немецкому языку, а затем поедет в Вену»⁸².

Итак, мы видим, что военные сборы в результате отнюдь не помешали Петру Ивановичу съездить в Петербург, в Департамент

⁷⁹ После действительной службы Лисицын, как и другие военнообязанные, служившие вольноопределяющимися, состоял в запасе в течение девяти лет. Состоящие в запасе могли призываться дважды в течение срока службы на учебные сборы продолжительностью до шести недель каждый.

⁸⁰ Булчи первоначально заимствована у адыгов (черкесов) терскими и кубанскими казаками, в XIX в. шашка была принята на вооружение в Российской армии как уставной тип холодного оружия всех кавалерийских частей, артиллерийской прислуги и офицерского корпуса. См.: *Подшибякин А.С.* Холодное оружие. 3-е изд. М.: Центр Юринфо, 2003; *Попенко В.Н.* Холодное оружие: энциклопедический словарь. М.: АСТ; Астрель, 2005.

⁸¹ Письмо П.И. Лисицына. [б.д.] АМКБЛ.

⁸² Семейные вести. АМКБЛ.

земледелия тогдашнего Главного управления землеустройства и земледелия, добиться командировки. Пётр пишет в Телятинки:

«Сейчас еще нельзя сказать с уверенностью, что осенью поеду в Вену, так как деньги еще не в моих руках, а Департамент имеет много сукна, под которое кладет дела»⁸³.

И все-таки он активно готовился к поездке. Необходимо подтянуть немецкий: по нему у гимназиста Петра Лисицына была «твердая тройка», в университете и МСХИ заниматься им не довелось (в непрофильных высших учебных заведениях языки в то время не изучали). В результате он почти до конца сентября 1911 г. жил в Москве, учил язык.

Наконец, разрешение и деньги были получены: Департамент земледелия командировал Лисицына «в сельскохозяйственные высшие институты и на опытные станции Австро-Венгрии, Германии, Швеции и Англии» на два года, 1911 и 1912. При этом предполагалось, что Пётр Иванович будет продолжать и начатые работы по селекции ржи, овса, клевера, возвращаясь на весну-лето в Россию.

Итак, началась долгожданная жизнь и учеба в Вене. Напомним: именно там читался один из старейших курсов научной селекции, начатый К. Фрувиртом⁸⁴ в 1892 г. Разумеется, первые zahraniчные впечатления совсем не о науке:

«Ввалился в Вену и обнаружил, что почти ничего не понимаю. Нашел комнату с кофе и обедом за 95 крон, недалеко от университета. Завтра иду в университет. Был на почте и в банке. Объясняюсь с трудом, но не унываю. В первую же голову видел Франца Иосифа, как у Сейкина купцы старались увидеть «римского папу». Сегодня он именинник и приехал в Собор св. Стефана на четырех клячах всех мастей. О лошадях придворных и говорить нечего — как в старину у нас была Мавра»⁸⁵.

⁸³ Письмо П.И. Лисицына. [б.д.] АМКБЛ.

⁸⁴ Фрувирт Карл (Fruwirth, 1862—1930) — австрийский ботаник и селекционер. Профессор (учение о растениях) Сельскохозяйственной академии в Гогенхайме. Вернувшись в Австрию, преподавал в Высшей технической школе в Вене, где читал курс селекции растений. Основные труды в области селекции культурных растений. Автор фундаментального труда «Селекция сельскохозяйственных культурных растений» (1910, в русском переводе «Селекция колониальных растений»). Основал журнал «Селекция растений» (1913).

⁸⁵ Семейные вести. 20 сентября 1911 г. АМКБЛ.

Между тем время идет, и следующие письма уже дают полную картину жизни и обучения. Прочитав их достаточно полно — подобные документы служат ценным источником информации о «повседневной жизни» и особенностях обучения российских стажеров в вожделенной Европе (которая, к слову, для многих достаточно быстро начинала терять привлекательность). Чрезвычайно важны эти письма и для личностной характеристики Лисицына: мы видим, как из неопытного, неуверенного в себе «молчаливого русского» он в результате активного погружения в изучение языков, самообразования и не менее активных занятий в университете и лаборатории превращается в уважаемого, авторитетного исследователя.

Итак, 27 октября 1911 г. Пётр Иванович отправляет подробный отчет о своих делах:

«Скоро месяц, как я живу в Вене. Скверное знание немецкого, усиленное еще венским жаргоном, благодаря которому и знающему язык трудно понять его в первое время, ставило меня в крайне затруднительное положение. ... Получение денег в банке составило целое событие, отнявшее как у меня, так и у банковских чиновников целые два дня. Потели одинаково и я и они. Мы буквально не понимали друг друга. Даже такого слова как «сегодня» я не понимал в их произношении, а они в моем. ... Потом, когда всё кончилось, и я научился называть булки, сахар и пр., я замолчал. И молчу целый месяц. Я устроился в университет. И в Высшей школе⁸⁶. Закупил книг, читаю их с утра до вечера, имею абонемент в симфонические концерты, делаю все ежедневные мелочи, но молча. ... С русскими ... избегаю знакомиться: будет ... соблазн обойтись без немецкого языка... Мое положение можно сравнить с положением Робинзона, в тот период, когда у него еще не было Пятницы, однако я до сих пор читаю исключительно по-немецки. ... Прочитал, конечно, очень мало, потому что незнание языка и тут является громадным тормозом. Но усовершенствование идет довольно быстро: начал с 10 страниц в день, теперь читаю по 40, и к концу этого месяца надеюсь еще удвоить. ... В первый месяц устроил все свои дела, посещал лекции, читаю с утра до вечера, дома, а по праздникам осматриваю Вену и ее окрестности, причем

⁸⁶ Речь идет о Сельскохозяйственной высшей школе (Сельскохозяйственном институте) Вены, где Лисицын предполагал работать у Э. Чермака.

набрал даже клевера... Эта часть, т.е. теоретические занятия, пойдет без изменений до самого конца. Во второй месяц прибавятся еще два дела: 1) лабораторная работа по методике у Молиша⁸⁷, которой я отвожу по 10 часов в неделю и 2) уроки французского на курсах Берлица, которым будет в этот месяц отведено по 2 часа в неделю, а в остальные по 3 часа. ... Жизнь здесь действительно чертовски дорога и исключительно из-за питания. В довершение этого меня подвели книги, которые оказались еще дороже. В результате придется или кредитоваться, или уезжать отсюда раньше времени, что будет совсем нежелательно. Университет силен только медицинским факультетом, а остальные ничего особенного не представляют, и если бы не Чермак⁸⁸, то я уехал бы отсюда в Берлин или Галле»⁸⁹.

Учеба, как видим, идет полным ходом. «Молчание» дает свои результаты: немецкий значительно улучшен.

Работа у Ганса Молиша по эмбриологии красного клевера особенно важна для молодого ученого:

«Со второго месяца, как и предполагалось, я начал работать в лаборатории проф. Молиша по эмбриологии красного кле-

⁸⁷ Молиш, Ганс (Molisch, 1856—1937) — австрийский физиолог растений. Окончил Венский университет. В 1909—1937 гг. — директор Института физиологии растений Венского университета. В 1897 г. совершил кругосветное путешествие (посетил Яву, Китай, Японию, Сев. Америку). Основные научные работы посвящены изучению устойчивости растений к низким температурам, физиологии возрастных изменений, биологического свечения, фотосинтеза, исследованию периода покоя и способов его нарушения, а также анатомии, микробиологии и химического взаимодействия растений. Одним из первых высказал (1897) мнение о том, что гибель растений при низких температурах происходит в результате образования в межклетниках кристаллов льда. Изучал тропизмы растений. Экспериментально доказал (1893), что рост пыльцевых трубок регулируется хемотропизмом. Предложил (1909) метод теплых ванн для выведения почек древесных растений из состояния покоя. В работах по хемосинтезу железобактерий оспаривал точку зрения С.Я. Виноградского об автотрофности этих бактерий. Автор ряда популярных книг по физиологии растений.

⁸⁸ Чермак, Эрих (Tschermak-Seysenegg, 1871—1962) — австрийский генетик. Сын австрийского минералога Густава Чермака. В 1895 г. окончил университет в Галле. Наряду с Хуго де Фризом и Карлом Корренсом Чермак повторно открыл законы Менделя, но работал в этой области недолго. Занимался изучением сельскохозяйственных и садовых растений, в том числе гибридизацией. Работал в университете Вены и Сельскохозяйственном институте.

⁸⁹ Семейные вести. 27 октября 1911 г. АМКБЛ.

вера. Устроился там совершенно случайно, так как места все были заняты».

Сначала профессор крайне скептически отнесся к желанию русского стажера вникнуть в столь серьезную проблему. Предложил собрать литературу по предмету. Лисицын, проведя несколько дней в библиотеке, вынужден был сообщить, что по данной теме практически никаких публикаций нет: «к его и моему удивлению по этому вопросу нет на одной строчки». Оказалось, что достаточно хорошо изучены родственники клевера, другие бобовые, прежде всего горох: именно он стал объектом, на котором были установлены знаменитые законы Г. Менделя, называемые иногда «гороховыми». А клевер как трудный, неблагодарный материал, отпугивал исследователей. Эту «неудобность» объекта ощутил в полной мере и сам Пётр Иванович: работа не ладилась, за месяц не удалось закончить исследование. Возникло подозрение, что привезенные из России образцы слишком старые. Лисицын загорелся идеей найти свежий красный клевер. Что вызвало дружное недоумение ассистентов Молиша: в декабре такое невозможно! Но упорный русский все-таки разыскал на дальних полях свой «объект» и принес в лабораторию букетик цветущего растения. Вот «авторское» описание этих событий:

«Что он (клевер. — *О.Ю.*) действительно трудный — это теперь и я могу сказать, т.к. за целый месяц работы я не мог приготовить ни одного препарата. Думая, что привезенный мною материал не годен, т.к. неправильно приготовлен, я предложил нарвать свежих цветов клевера. Профессор и ассистент вытаращили на меня глаза: “в декабре хотеть найти цветущий клевер?” На следующий день я, к великому конфузу местных ботаников, явился с целым букетом свежего клевера и начал всю работу вновь»⁹⁰.

Целеустремленность и трудолюбие стажера сделали свое дело: Молиш стал интересоваться работами Лисицына, просил показать материалы и фотографии. Оба ученых мыслили в сходном направлении; в частности, считали важными (но пока необъяснимыми) белые отметины на листьях клевера. Профессор предлагал остаться на лето, гарантировал диссертацию. Тем не менее, Лисицын отказался, объясняя принятое решение так:

⁹⁰ Семейные вести. 9 декабря 1911 г. АМКБЛ.

«У Молиша — книжечка. В эту книжечку он записывает все случайно пришедшие в голову диссертационные темы. Он начал уговаривать меня остаться у него на лето, гарантируя к осени диссертацию. Я отказался, отговариваясь тем, что связан стипендией, главным же образом потому, что мне не нравятся ни его лаборатория, ни его ассистенты, ни он сам. ... Я думаю, что при желании диссертацию не трудно будет написать и на станции, но сначала нужно еще много учиться. Должен сознаться, что ученая Вена меня совершенно не удовлетворила...»⁹¹.

Из другого письма:

«Моя работа по эмбриологии клевера начинает обещать интересные результаты, но дьявольски трудно. Я целый месяц не мог получить ни одного сносного препарата. За последнее время, благодаря усовершенствованию, получил много очень интересных срезов, по которым видно, что строение эмбриосака⁹² у клевера не похоже на пшеничное. Буду продолжать»⁹³.

Есть описание венской жизни и другого плана: опера, концерты, другие развлечения. В письмах к брату Николаю Пётр признается:

«Ты напрасно думаешь, что в Вене можно “вкусить” что-нибудь новое жителю Москвы. Здешний “Максим”, параллель нашему “Яру”, никуда не годится. Венцам нужно брать пример, как в Москве кутить, а не наоборот. Венки плохи, грубы, не женственны»⁹⁴.

Неизбежно возникают и серьезные проблемы — так хорошо знакомое Лисицыну по годам ученичества отсутствие денег: жизнь оказалась слишком дорогой. Экономить на еде — привычное дело; но нельзя же, в самом деле, отказаться от уроков языка или от книг,

⁹¹ Письмо А.П. Лисицына. [б.д.] АМКБЛ.

⁹² Эмбриосак, или зародышевый мешок — центральная часть семяпочки цветковых растений, в которой развивается яйцеклетка и происходит двойное оплодотворение. По происхождению и функции — женский гаметофит. Состоит из яйцеклетки, двух клеток-спутниц, трёх клеток-антиподов и центральной двуядерной клетки.

⁹³ Семейные вести. 19 декабря 1911 г. АМКБЛ.

⁹⁴ Семейные вести. Ноябрь 1911. АМКБЛ.

которые так важны для образования. И Пётр Иванович решается обратиться в домашнюю кассу взаимопомощи, которая активно функционирует. Но на тот момент вовсе не так «богата» — ко всем членам семьи летят призывы: «Просим поскорее выслать членские взносы и проценты, а также на жалование приказчику»⁹⁵. А Пётр Иванович, как свидетельствуют «Семейные вести», уже и так задолжал немалую сумму — 311 руб. ... И все-таки он просит Николая помочь, подробно рассказывая о своих планах:

«Нужны деньги 150 руб. чтобы прожить здесь весь зимний семестр... Но сможешь ли ты мне достать эту сумму? Деньги совершенно необходимы. Свой дальнейший маршрут я изменил: весной, в период цветения овса и ржи, я еду на 2—3 недели в Швецию, Вену и Саратов для изучения методики скрещивания. На будущую зиму в Берлин, и если удастся выхлопотать на третью зиму, то или опять в Берлин, или в Англию. В дополнение к уже отпущенным 800 руб. буду просить прибавки на наступающий год в 400 руб., на третий год полной ассигновки в 1200 руб. Кроме специальной работы и чтения беру ежедневно уроки немецкого языка, три раза в неделю английского и с Нового года начинаю французский. На это и еще на книги идет больше всего денег. Но иначе я не представляю себе пользы проживания за границей. Незнание языков — главный тормоз для всех дальнейших занятий и планов, и поэтому я уделяю им всё больше и больше времени и внимания. Относительно поездки в Англию я еще не все выяснил и занимаюсь английским потому, что на нем написано много ценнейших работ. Меньше всего на французском, и поэтому его я начну позднее»⁹⁶.

В планах — активное изучение языков, без которых невозможно ни общение, ни работа, ни чтение литературы — важнейшая составляющая подготовки высококлассного специалиста. Далее в центре внимания Лисицына — работа у Чермака в Вене, а также посещение во время цветения хлебных злаков знаменитой Свалёфской селекционной станции в Швеции — «Мекки» селекционеров всего мира. Следующей зимой — Берлин, где Пётр собирался пройти основной учебный курс. Но все это только при условии, что найдутся средства, чтобы прожить зимний семестр.

⁹⁵ Семейные вести. 12 ноября 1911. АМКБЛ.

⁹⁶ Семейные вести. 3 декабря 1911. АМКБЛ.

Наконец деньги от родных получены: удивительная семья Лисицыных опять пришла на помощь тому, кто в данный момент особенно нуждался! Подчеркнем: нуждался не в хлебе насущном, а уже который раз — в дополнительном образовании.

Пётр Иванович мог вздохнуть спокойно: завершение семестра в Европе гарантировано. Он планирует весеннюю поездку в Швецию; точно представляет себе детали дальнейшей работы с клеверами, для которой необходимо привезти из России новые образцы. Не забывает и о «присутствии докладами» на отечественных съездах:

«Работа у Молиша не закончена из-за материала — московский испорчен, местный — ненормально развитая завязь. Нужен микротом. Методику изучил в совершенстве и мог бы быстро окончить работу дома, если бы имел микротом. Я думаю, что лаборатория Молиша не замедлит заняться эмбриологией клевера и если мне не удастся достать микротом, то немцы меня предупредят. ... Я уже примирился с мыслью, что подарю свою работу немцам... На селекционный съезд в Петербурге 20—25 января написал два доклада. Первый на тему о массовом и быстром улучшении клевера в северной половине России, второй на тему о желательном направлении работ по селекции клевера. Оба уже отправлены в распорядительный комитет, и мне остается только ждать сообщения, на сколь мелкие клочья разорвут меня там истинные ригористы-селекционеры. В своих докладах я шагал через все селекционные предрассудки и не снимал шапки перед авторитетами, указывал путь, каким можно ближе всего подойти к практическому результату. ...Изучил всю литературу о клевере и нашел, что ни в Европе, ни в Америке с клеверами еще ничего не достигнуто и что биология клевера еще совершенно не изучена. Поэтому принципы, которые я кладу в основу своего плана селекции, получены или мною самим на Шатиловской станции, или Киевским ботаником Хитрово⁹⁷ (который, между прочим, предлагает мне с будущего лета начать совместную работу с клевером). В смысле изучения биологии мы ушли вперед»⁹⁸.

⁹⁷ Хитрово, Владимир Николаевич (1878—1949) — русский геоботаник, специалист по луговой растительности. См. о нем и взаимоотношениях с П.И. Лисицыным главу IX.

⁹⁸ Семейные вести. 21 января 1912 г. АМКБЛ.

Поясним, что это за «селекционный съезд в Петербурге», куда Лисицын отправляет «революционные» доклады. Как мы помним, селекция в России в начале века находилась в стадии активного становления; одна из примет этого процесса — общественные инициативы в деле продвижения новой дисциплины. В главе I мы уже писали о Первом всероссийском селекционном съезде, проведенном Харьковским обществом сельского хозяйства. В 1912 г. в Петербурге прошел Областной съезд по селекции; его организатором выступало Северное общество сельского хозяйства. Участвовали в съезде не только «питерцы» и члены общества: среди имен встречаем «москвичей» Д.Н. Прянишникова, Д.Л. Рудзинского, С.И. Жегалова, «Шатиловца» А.Н. Лебеяднца и др.

Что касается докладов, представленных Лисицыным, они действительно были «взрывными»: речь шла о новых подходах к селекции сельскохозяйственных растений. Доклады назывались: «Желательное направление работ по селекции красного клевера» и «О массовом улучшении клеверов северной полосы России». А.Н. Лебеяднец представил также важный, прежде всего с точки зрения привлечения внимания к проблемам селекции, доклад «О положении селекции на Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции».

Итак, Лисицын продолжает зимний семестр в Вене, ждет возможности попасть к Чермаку, планирует поездку в Швецию. Однако основательно поработать у Чермака не удалось — и не только из-за необходимости вернуться в Россию, но и в силу внутренних проблем, о которых речь пойдет далее. Как бы то ни было, в феврале 1912 г. следует срочный вызов из ГУЗиЗ: там положительно решился вопрос о преобразовании Шатиловской станции в областную с созданием селекционного отдела. Лисицыну предложено написать проект, составить план работ, принять дела (разумеется, именно он возглавит новое подразделение). Он спешно возвращается на Родину, занимается организационными работами. Пока собирается остаться лишь до осени; в планах — продолжить стажировку:

«5 марта был в Петербурге, “вымаливая” у Департамента земледелия деньги на покупку микротомы, нужного для продолжения работ по биологии красного клевера. ... Добившись всего... и намозолив глаза чиновникам, выехал в Москву. На съезде селекционеров читались ... мои доклады о клевере, но благодаря тому, что “читатель” не имел голоса и карт-виз, никто ничего не расслышал, и резолюция съезда поведана, что содержание докладов не было никому известно. Заканчивается она пожеланием продолжения моих “плодо-

творных” работ. Ухватился за это и просил в Департаменте дать мне денег для поездки по северу России за клеверами. Обещали дать, но при условии, если станция отведет мне земли для селекции клевера, и если я буду ей заниматься. Это связало бы меня, и я решил ... подождать. Между прочим, в Департаменте предложили мне взять в заведование Вятскую опытную станцию, но я отказался, так как это расстроило бы все мои планы за границу. По плану — Вена, Чермак и Свалёф. Но Чермак, как назло, встретился со своим другом Рюмкером и так с ним напился, что серьезно заболел и теперь едет на Ривьеру, а из Свалёфа до сих пор нет ответа»⁹⁹.

Итак, «между прочим» Лисицын говорит о том, что ему предложена директорская должность, и далеко не последняя: Вятская станция, открытая местным земством, — одна из старейших и уважаемых. Однако на тот момент для Лисицына явным приоритетом была зарубежная стажировка — трамплин для продвижения в делах селекции.

Ожидая ответа из министерства, Пётр Иванович активно ведет селекционные работы на Шатиловской станции, занимается важнейшим на тот момент делом — организацией специального отдела. И, как это ни удивительно, успевает думать и о Телятинках: налаживает там многопольный севооборот. Предлагает домашним рассмотреть проект семипольного севооборота, объясняя:

«Переход на семиполье может быть сделан совершенно незаметно для хозяйства. Каждый должен немедленно прислать свой отзыв о проекте и предложить свой проект»¹⁰⁰.

В апреле начинают поступать отзывы на семиполье. Яков предлагает свой севооборот: рожь, сборное яровое, овес, клевер 3 года, пар. Он считает, что на такой севооборот можно «перейти незаметно», перенеся один овес на год в 5-е и 6-е поля. Люба пишет из дома:

«О плане семиполья пришлю на днях отзыв. Надо разобраться, сколько места будет под паром ежегодно для пастбища. Тимофеевки здесь нигде нет. Папаша не советует сеять тимофеевку, так как она дает укос только на третий год»¹⁰¹.

⁹⁹ Семейные вести. Март 1912 г. АМКБЛ.

¹⁰⁰ Семейные вести. 13 марта 1912 г. АМКБЛ.

¹⁰¹ Семейные вести. 2 апреля 1912 г. АМКБЛ.

Пётр отвечает 8 апреля:

«Переход от нашего бесполья к семипольному севообороту можно только приветствовать. Жаль только, что в Семейном вестнике не приведен тот севооборот, к которому хозяйство “незаметно” перейдет. Возможны два типа. Первый: 1) пар; 2) рожь; 3) картофель; 4) овес и клевер; 5) клевер; 6) клевер; 7) яровое (сборный). Второй: 1) пар; 2) рожь; 3) овес с клевером; 4) и 5) клевер; 6) сборный; 7) овес. Главными хлебами сборного клина может быть картофель и гречиха. Высказываясь за переход к новому севообороту, я подчеркиваю, что это не конец, а только начало дела... До сих пор полевое хозяйство Телятинок давало убыток до тысячи руб. в год. Будет оно давать его и дальше до тех пор, пока вместе с севооборотом не будет изменено само хозяйство»¹⁰².

Известно, что семипольный севооборот был в Телятинках успешно введен. В какой «редакции» — Петра или Якова, — в семейных хрониках не уточняется.

Между тем Пётр Иванович к началу июня должен быть в Москве, чтобы 7 июня выехать в Саратов и Харьков. Это — известные центры селекции; и в Саратове, и в Харькове успешно работают старейшие в России селекционные станции, созданные местными обществами сельского хозяйства и земствами. В Саратове должна состояться встреча с Александром Ивановичем Стебутом (сыном знаменитого И.А. Стебута), уже известным селекционером, учеником Чермака. Напомним, что А.И. Стебут — автор замечательной книги «Сортоводство» о селекции сельскохозяйственных растений, в свое время крайне высоко оцененной Лисицыным. В Харькове, вероятно, планируется посещение Харьковской селекционной станции; возможен и визит в Киев к Н.В. Дурново. Таким образом, Пётр Иванович всё лето проводит в поездках по России и работах на станции.

Из летних поездок Лисицын прислал в Телятинки фотографию клевера, размноженного черенками. Черенки взяты от двух растений: один от сильного облиственного, другой — от безлистого, грубого, хотя и высокорослого, но хозяйственно малоинтересного. Оба растения в трех вариантах выращивания: без удобрения, с полным минеральным, с навозом; лучшие результаты были полу-

¹⁰² Семейные вести. 8 апреля 1912 г. АМКБЛ.

чены в последнем случае. Но слабооблиственный клевер при всех вариантах выращивания представлял собой почти безлистные былинки; облиственный, напротив, был слишком густым. Домашние пишут:

«Интересно бы знать, нельзя ли нам в Телятинках теперь же выделить черенками наиболее пышные растения, получить от них семена и тем улучшить клевер. Ждем ответа от Петра. Фотографию Пётр просит наклеить на его экземпляр “Вестей”»¹⁰³.

Пётр незамедлительно отвечает целой «повестью» на тему селекции — рассказом обо всех перипетиях и успехах работы с овсом, клевером и другими культурами, которыми он занимался последние годы. Вот это необыкновенное послание:

«Вы перепутали. Поместить фото — в юбилейный альбом на лист, отведенный для моей персоны. Чтобы характеризовать снимками период своих работ по биологии клевера.

Не писал, летние месяцы — моя страда. Этот год особенно ценен потому, что я получил возможность заниматься своим делом, сдал все хозяйство, поле, колеса, метлы и пр. специально нанятому человеку и весь ушел в свои работы. Сделаю со своими практикантами больше, чем за все прошлые четыре года. ...

Начата селекция овса. Из местного Шатиловского я в прошлом году выбрал в поле 129 колосьев, бросившихся мне почему-либо в глаза. Весной зерна каждого колоса посеяны отдельно и теперь дали рядки растений, по которым можно судить об удаче отбора. Это так называемый индивидуальный отбор. Все, кому приходится смотреть мой питомник, думают, что я испытываю различные сорта: есть рядки с громадным широколистным гигантским овсом, рядом рядки низенького, узколистного, жидкозеленого, одни закончили выметывание метелки, другие еще не начинали и т.д. Почти все 129 различны между собой. И это из одного образца местного овса! Так называемого Шатиловского, который еще называют сортом. В нем десятки сортов, одни из которых веками тянули урожай кверху, другие книзу. Получалась золотая середина. Если выкинуть одни отрицательные формы, и то можно

¹⁰³ Семейные вести. Апрель 1912 г. АМКБЛ.

поднять урожайность, а если все высокоурожайные разбить между собой (что и достигается индивидуальным отбором), то можно среди них выбрать первый, самый урожайный, и тогда урожайность поднимется уже значительно.

Есть в нашем овсе недостаток — склонность к полеганию. Чтобы ее устранить, я скрещиваю Шатиловский со шведским и с диким овсом, так называемым овсюгом. На этом я теперь и сижу с утра до вечера. Перед опылением приходится кастрировать цветок овса. Эту операцию он выносит чрезвычайно скверно и поэтому считается очень капризным. Опыт прошлого года убедил меня в этом.

В свою поездку в Саратов и Харьков я познакомился с приемами кастрации, принятой у Чермака в Вене (в Саратове селекционер Стебут, бывший ученик Чермака), и обнаружил, что все они сходны с моими прошлогодними.

Теперь я выработал свои приемы и добился того, что моя хирургическая операция совершенно не влияет на здоровье цветка. Нет необходимости кутать его в ватку или убирать в пробирку, как это принято. Мои кастраты живут в знойную погоду и сухой ветер на свободе без всякой защиты. Таким способом я приготовил 50 метелок (около 600 зерен), посадил четырёх девиц за собирание пыльцы и начал опыление.

Тут опять затруднение: “Не принимает”. Сколько ни опыляю — оплодотворения нет! Полезу вглубь, изучу пыльцу, ее жизненность, условия произрастания и добыюсь, все-таки добыюсь того, что овес не будет капризным. Не в этом, так в будущем году. “Капризен” — это значит, что мы чего-то не понимаем, не знаем.

Из селекционных работ еще начинаю немного вику отбирать на скороспелость и укосную массу. ... Осенью произведу отбор у ржи и пшеницы.

С клеверами работаю в громадном масштабе. Собственно селекционную работу я только начинаю, и она займет немного места, зато биология клевера поставлена широко. В этом году решается вопрос о возможности самоопыления у различных видов клевера (у меня их до 12) и о возможности скрещивания их между собой. Практическое значение имеет скрещивание культурного с диким. Оба совершенно не изучены. Очень может быть, что дикий малорослый и скороспелый гадит наш культурный, но как и в какой степени — совершенно не известно. Нужно это изучить. В теп-

лице поставлены опыты с наследственностью у клевера, влиянием внешних факторов и пр. Все эти вопросы необходимо решить для селекции клевера. На предложение Яши произвести отбор на облиственность в Телятинках — сложно размножается черенками, не нужно... Клевер — растение только перекрёстноопыляющееся, то есть каждое растение есть сложный гибрид. Это забывают все селекционеры. Если высадить ценные формы, взять семена и посеять — опять произойдет расщепление форм, и явятся опять все те скверные формы, среди которых отобранные вами жили сотни лет. В этом — трудность селекции клевера. На Петербургском съезде предложил совсем другую систему, которую теперь и осуществляю. Она трудна, требует массу времени, но единственно возможна. ... До сих пор биология клевера не изучена, и ничего с ним не сделать, пока не изучить ее, как изучили овес, рожь, пшеницу и т.д. Особенно ярким примером зависимости практики от теоретического изучения..., а я не надоел со своей селекцией? ...

Ну, договорю — является кукуруза. Селекция сделала с ней громадные успехи только после того, как была изучена ее биология. ... На днях я рассылаю по своему району более 300-х обращений к хозяевам и крестьянам с просьбой выслать образцов ржи и овса»¹⁰⁴.

Здесь нужны подробные комментарии.

Во-первых, о юбилейном альбоме, куда Пётр Иванович просит поместить фотографию клевера в качестве своей «визитной карточки». Речь идет о подготовке объединенного юбилея родителей (80-летие Ивана Фёдоровича, 70-летие Натальи Васильевны и их «золотая свадьба», 50-летие совместной жизни), о котором говорилось в главе II. «Дети» — и уже взрослые сыновья и дочери, и внуки — готовили Лисицыным-старшим замечательный подарок: огромных размеров кожаный альбом, куда должна была поместиться вся история рода. Этот альбом и сейчас хранится в семье Лисицыных. Здесь и фотографии детей и внуков, и поздравительные адреса, и телеграммы, и «творческие отчеты» разного времени (именно здесь навечно закреплена тетрадь ученика 3-го класса Пети Лисицына с охотничьими рассказами). Как видим, Пётр Иванович полагал, что на его странице будет вполне уместна фото-

¹⁰⁴ Семейные вести. 12 декабря 1912 г. АМКБЛ.

графия черенков клевера — портрет его главного научного объекта, свидетельство исследовательского успеха! И хотя последнее еще было главным образом впереди, будущий автор знаменитого труда «Биология красного клевера» в «неотвратимости» этих событий, судя по выбранной «визитке», не сомневался.

Во-вторых, отмечено важное событие рабочей жизни Лисицына: он больше не занимается агротехникой и тяготившей его хозяйственной частью. Теперь его усилия сосредоточены только на селекционных исследованиях; в распоряжении Петра Ивановича, правда, только практиканты — сотрудники будут позже, когда заработает и получит финансирование отдел. Но и сейчас возможность сосредоточиться на селекции — крайне важное для него событие, признание его успехов в этой области.

Третий момент: селекционер Лисицын погружается в общение с коллегами-селекционерами, и не только за границей. Он ездит по России, посещает ведущие селекционные станции, встречается с «новым поколением ученых» — теми, кто назвал себя селекционерами, кто знает теорию и практики селекции «из первых рук», с кем интересно и полезно общаться. Так, А.И. Стебут знакомит его с приемами кастрации, разработанными у Чермака в Вене (Лисицын еще до Чермака не доехал); обнаружилось, что они сходны с лисицынскими.

Между тем пребывание на Шатиловке опять прервано: в сентябре пришло подтверждение о выделении денег на продление командировки. Предстоит очередной срок в Европе; поездки заранее спланированы и согласованы. Бромбергская опытная станция (сейчас Быдгощ, Польша) показалась Лисицыну академией — настолько широко там были развернуты исследования, практическая работа. Под Берлином Лисицын посетил поместье знаменитого селекционера Фердинанда фон Лохова, автора одного из популярнейших сортов озимой ржи Пектус и создателя оригинальной методики сортовыведения¹⁰⁵. В Свалёфе он потрясен работой фабрики очистки зерна. И везде Пётр Иванович фотографирует: наряду с лабораторными тетрадами, научными докладами это — дополнительный отчет о командировке и важный источник для организационных нововведений на Шатиловке. А Пётр Иванович и в поездке про-

¹⁰⁵ Фон Лохов, Фердинанд (von Lochow, 1849—1924) — агроном, селекционер, автор сортов ржи. Владелец поместья Пектус, где методом педигрии-селекции он вывел одноименный сорт ржи. См.: *Aufhammer G. Lochow, Ferdinand von // Neue Deutsche Biographie. Bd. 15. Berlin: Duncker & Humblot, 1987. S. 5.*

должает заниматься делами организации селекционного отдела; готовит также завершающую статью о занятых парах для печати.

И успевает в ноябре 1912 г. снова побывать в России — его вызвали на срочное совещание Совета станции по вопросу создания отдела селекции. Эта задача сейчас — главная.

Вот его впечатления от короткой заграничной поездки и станционных делах:

«Станция (речь идет о Свалёфе. — *О.Е.*) оставила очень приятное впечатление... Приняли приветливо, целый день давали объяснения по отделам, показали фабрику очистки зерна, через которую проходят все семена, известные у нас под названием шведских. От удивления начесал на затылок целый струп. Бродил по шведским полям, около шведских деревень. Хотелось хоть одним глазком заглянуть в их житье, но без языка это трудно. ... Шведки хороши, женственны. В Германии ездил в Бромберг для осмотра станции, близкой по организации к нашим областным. Все приспособления, самое тщательное и законченное оборудование, прямо академия. У нас обычно дают деньги на чиновников и забывают дать на дело. Тут как раз наоборот.

По возвращении в Берлин был вызван в Орел на заседание Совета станции 18 ноября по вопросу об открытии селекционного отдела при Шатиловской станции. Мой проект не встретил возражений по существу. Только представитель Департамента земледелия заметил, что сумму в 66 тысяч рублей, нужную мне одновременно, Департамент не найдет. Для подкрепления постановления Совета он предложил провести мой проект через Орловское и Тульское земские губернские собрания. Обещают успех, но не знаю, насколько это верно. Если земство войдет в Департамент с ходатайством об открытии селекционного отдела, то он отнесется ко всему совершенно иначе и постарается найти денег. После Орла — еду в Калугу на несколько дней, и в Англию»¹⁰⁶.

Очень важный момент, отмеченный в письме Петра Ивановича: проект Лисицына одобрен, но для его финансирования представитель министерства предлагает привлечь местные земства. Как мы увидим в следующей главе, подобное объединение усилий центральной власти и земств при создании и реформировании опыт-

¹⁰⁶ Семейные вести. Февраль 1912 г. АМКБЛ.

ных станций — яркая характеристика состояния опытной агрономии в России, которая своим успешным развитием до 1917 г. была обязана именно «общественному вспомоществованию».

Крайне полезная поездка в Англию состоялась в конце декабря — начале января. Есть сведения о том, что Лисицын побывал на опытной станции в Гастингсе, затем работал в Институте садоводства в Мертоне под руководством Уильяма Бэтсона, одного из основателей теории наследственности, автора термина «генетика» и будущего учителя Н.И. Вавилова¹⁰⁷. Судя по письмам, Пётр Иванович был доволен своей работой. Но прорывалось и некоторое раздражение — от невозможности оказаться сразу в двух местах: осваивать столь важный опыт и знания за границей и заниматься селекцией дома, на Шатиловке. В конце января Лисицын пишет:

«Весна... Просыпается в душе голос подзалистой супеси лихвинского человека, начинает злить английское общество. Оно уже так далеко ушло по пути прогресса, что перестало чувствовать красоту природы... Говоришь о природе — лицо собеседника становится похоже на морду кошки, которая от голода готова съесть на огороде огурец...»¹⁰⁸.

У Чермака, к которому так стремился Лисицын, основательно поработать, вероятно, не удалось. Вскоре Пётр Иванович окончательно возвращается на Шатиловку¹⁰⁹.

Лисицын к этому времени — сложившийся ученый-селекционер, который работает над несколькими селекционными программами: с овсом, клевером, рожью. Его имя известно и в России, и в европейских научных кругах: через год к нему приедут шведы — знакомиться с работами по биологии клевера. И, разумеется,

¹⁰⁷ Бэтсон, Уильям (Batson, 1861—1926) — английский биолог, один из основателей генетики. Предложил её название (в 1907 г.). В 1884—1886 гг. в своих работах описал филогению хордовых животных. Окончив Кембриджский университет, в 1908—1910 гг. стал профессором в этом же университете. В 1910 г. вместе со своим учеником Р. Пеннетом основал посвященный генетике журнал «Journal of Genetics» в Англии. С 1910 г. стал директором Института садовых культур (садоводства) в Мертоне. Отстаивал идею о невозможности наследования благоприобретенных признаков, прерывистую изменчивость организмов, учение о чистоте гамет. В 1905 г. предложил теорию «присутствия—отсутствия».

¹⁰⁸ Письмо П.И. Лисицына. Весна 1913 г. АМКБЛ.

¹⁰⁹ В 1912 г. Пётр Иванович был в командировке в общей сложности примерно полгода: с 1 января по 15 февраля и с 1 сентября по 31 декабря. См.: Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской станции за 1912 год. С. 46.

Пётр Иванович занимается теперь уже не «бумажной», а непосредственной организацией селекционного отдела. Это — важнейший структурный элемент обновленной Шатиловской станции.

Поскольку реформирование Шатиловки — часть новой волны государственного строительства агрономии, начавшегося в 1900-е гг., мы считаем полезным подробнее остановиться на этой теме. Поэтому следующая глава будет полностью посвящена институционализации сельскохозяйственной науки, взаимоотношениям земледельческого ведомства, общественных организаций и создающихся опытных учреждений.

Глава VI

СОЗДАНИЕ ОБЛАСТНЫХ ОПЫТНЫХ СТАНЦИЙ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ, РАЗВИТИЕ СЕЛЕКЦИИ

После Костычева: идея «объединенного вспомоществования»

На рубеже XIX—XX вв., после неудачи реализации Костычевской программы «казенных» опытных станций, Министерство земледелия и государственных имуществ выбрало иную тактику. Ближайшей задачей стало слияние частных, общественных и казенных опытных учреждений в единую государственную сеть, объединение «усилий правительства и земств». Один из первых шагов в этом направлении — обращение к земским учреждениям с предложением высказаться «об очередных нуждах сельского хозяйства и мерах их удовлетворения». В разосланном земствам министерском циркуляре говорилось: «Деятельность Министерства будет тем плодотворнее, чем большую оно получит возможность опираться на инициативу и содействие местных сил и идти навстречу местным потребностям и запросам»¹.

Работа по созданию единой сети опытных учреждений требовала решения ряда организационных проблем, с которыми Департамент земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ ранее не сталкивался. Например, подготовить юридическую основу для объединения. Поэтому в МЗиГИ решено было создать специальный орган, на который были бы возложены задачи разработки программ, правового и финансового обеспечения, непосредственного руководства опытными учреждениями. В результате в 1896 г. при Ученом комитете была образована Постоянная комиссия по сельскохозяйственному опытному делу, целью которой явилась «выработка общих оснований устройства “казен-

¹ Цит. по: Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности. С. 218.

ных” опытных учреждений и субсидирование учреждений, устраиваемых земствами и сельскохозяйственными обществами»². По мнению Комиссии, дальнейшая работа по созданию единой опытной сети требовала в качестве первого шага принятия законодательного документа, который регламентировал бы деятельность всех существовавших к тому времени опытных учреждений разного ранга и разной подчиненности. Главными разработчиками документа были Комиссия по сельскохозяйственному опытному делу и ДЗ. Участвовал в обсуждениях и Сельскохозяйственный совет — «общественный орган по надзору за сельским хозяйством», созданный в 1894 г. для «содействия установлению тесной и живой связи между Министерством и практическими деятелями в области сельского хозяйства»³.

Результатом почти пятилетней работы стало «Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях», Высочайше утвержденное 28 мая 1901 г.⁴ «Положение» явилось крупным событием в истории опытного дела, успешным шагом правительства к упорядочению деятельности опытных учреждений в стране, дальнейшему объединению государственных и общественных усилий. Впервые было дано определение опытных учреждений, регламентированы основные их типы, определены задачи. В пункте 2 «Положения» говорилось:

«Опытные учреждения имеют целью производство научных и практических опытов и исследований в области агрономии и сельского хозяйства, в видах изыскания наилучших приемов ведения хозяйства и распространения их среди населения, а также для изучения местных геологических и климатических условий, имеющих влияние на сельское хозяйство»⁵.

Учреждения подразделялись на: а) опытные станции (двух разрядов); б) опытные хозяйства, поля и участки; в) показательные хозяйства и участки. Для каждого типа были прописаны структура, необходимое оборудование, круг задач, порядок назначения заведующих, система отчетности и т.д. Так, станции 1-го разряда «...произ-

² Агрономическая помощь в России. С. 372.

³ См. об этом: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 2. С. 60—61.

⁴ Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях // Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России, происходившего при ГУЗиЗ 14—20 ноября 1908 г. СПб., 1909. Приложение III. С. 391—394.

⁵ Там же. С. 391.

водят исследования в области основных вопросов агрономической науки и методики опытной агрономии»; станции 2-го разряда «преследуют разрешение научными приемами вопросов, вызываемых практикой местного хозяйства»⁶. Им поручалось также удовлетворять запросы учреждений и частных лиц. Станции обоих разрядов должны быть снабжены «лабораториями, кабинетами, библиотеками и другими вспомогательными учреждениями, соответствующими исследованиям, для коих станции предназначаются». Заведовать ими могли исключительно лица с высшим образованием⁷. Отметим, что Шатиловская станция была отнесена к станциям 1-го разряда. Опытные поля, хозяйства и участки «имеют целью проверять в условиях данной местности... применяемость на практике добытых научным путем улучшенных приемов сельскохозяйственной культуры растений и животноводства»⁸. Показательные хозяйства и участки предназначались для «ознакомления населения с проверенными опытными полями новыми приемами сельскохозяйственной техники, а равно и новыми культурами... и вообще всеми полезными в области сельского хозяйства нововведениями»⁹.

Специальные параграфы определяли статус и взаимоотношения с государством частных и общественных полей и станций. Действие «Положения» распространялось *на все без исключения* «получающие пособия от государственного казначейства общественные и частные сельскохозяйственные опытные учреждения»¹⁰. Далее, вновь создаваемые «неказенные» опытные учреждения после 1901 г. автоматически получали статус «подведомственных» МЗиГИ по разряду Департаменту земледелия. Это позволяло претендовать на правительственную поддержку, что значительно облегчало участь владельцев и патронов. Наконец, оговаривались конкретные формы содействия правительства «открываемым земствами, обществами и частными лицами опытными учреждениям»: а) назначение денежных пособий, как единовременных на устройство учреждения, так и постоянных — «на вознаграждение личного состава, на расходы по производству опытов и наблюдений и на пополнение научных пособий (библиотек, коллекций и т.п.)»; б) отвод участков казенных земель, отпуск на льготных условиях или бесплатно лесных материалов на постройки и отопление, снабжение живым и мерт-

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 392.

⁸ Там же. С. 391.

⁹ Там же. С. 391—392.

¹⁰ Там же. С. 391.

вым инвентарем, улучшенными сортами семян и т.п.; в) консультации специалистов министерства¹¹.

Еще один существенный параграф: по «Положению» 1901 г. опытные учреждения получали право беспошлинно выписывать из-за границы приборы, реактивы и иное необходимое для их деятельности оборудование.

Той же цели объединения опытных учреждений служили съезды по опытному делу 1901—1902 гг., известные как «стебутовские»; они проводились под непосредственным патронажем председателя Ученого комитета Ивана Александровича Стебута и при участии Комиссии по опытному делу.

Значимым вкладом в развитие опытного дела стал систематический сбор сведений об опытных учреждениях и их публикация в виде специальных сводок МЗиГИ — «Ежегодника русских сельскохозяйственных опытных учреждений».

Модернизация сельского хозяйства стала предметом внимания и других правительственных структур. В январе 1902 г. был выработан и подписан указ о создании Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности; его председателем стал инициатор мероприятия министр финансов С.Ю. Витте. Кроме центрального представительства были образованы губернские и уездные комитеты — 49 по числу губерний Европейской части России. Совещание действовало до 1905 г.¹² На основании изучения мнений земств и других общественных организаций был составлен перечень вопросов, на которые должно было ответить Совещание. Хотя главным стал «вопрос крестьянского быта», в первую очередь — будущего крестьянской общины, Совещание обсуждало и роль прикладной науки в решении аграрных проблем, придя к заключению о необходимости расширения сети сельскохозяйственных опытных учреждений. В итоговых документах был выделен специальный раздел, посвященный содействию сельскохозяйственному опытному делу. В частности, там говорилось: «Так как сельское хозяйство должно быть отнесено к тем видам промышленности, поступательное движение которых зиждется исключительно на почве опытных знаний, то комитеты признали *краеугольным камнем* (выделено нами. — *О.Е.*) распространения у нас опытного дела, поставленного широко и систематически. Опытными учреж-

¹¹ Там же. С. 394.

¹² Отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности, 1902—1904. СПб., 1904; Свод трудов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по 49 губерниям Европейской России / Под ред. С.И. Шидловского. В 26 т. СПб., 1905. Т. 26.

дениями высшего типа являются опытные станции... Местные комитеты, высказавшие пожелание об их распространении, указывали на необходимость наилучшего их оборудования и установления возможно тесной связи с интересами местных сельских хозяев. Опытным полям комитеты придавали особо важное значение, так как сравнительная дешевизна позволяет устраивать их в большем количестве, чем опытные станции». Говорилось также о развитии системы показательных полей, образцовых садов, огородов, пасек и пр.¹³ Рассматривались и потребности отдельных направлений сельского хозяйства и агрономии. В частности, отмечалась необходимость «устройства энтомологических станций, увеличения числа энтомологов»¹⁴.

Благодаря перечисленным мерам произошел количественный рывок в открытии новых опытных учреждений; только в 1902 г. их было создано более 30¹⁵. Таким образом, создание опытной сети впервые было признано делом государственной важности и включено в систему правительственных модернизационных мероприятий в сельском хозяйстве. Правовой акт 1901 г. узаконил существующие опытные учреждения, определил их основные типы, регламент работы, порядок финансирования. Была легитимирована неправительственная инициатива, закреплено право устройства опытных учреждений частными лицами, обществами и земствами при последующем казенном субсидировании. Тем самым правительство показало, что в деле подъема сельского хозяйства нельзя обойтись без участия науки и общественной поддержки.

Столыпинская реформа и опытные учреждения

Начиная с 1906 г. опытные учреждения были вовлечены в реализацию новой стратегии аграрной модернизации, известной как «Столыпинская реформа» — по имени ее главного движителя, главы

¹³ Там же. С. 102, 103.

¹⁴ Природные препятствия сельскому хозяйству / Сост. В.А. Скрипицын // Там же. 1903. Т. 7. С. 110.

¹⁵ Подсчеты сделаны по ряду справочных изданий: Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений. К 1 января 1915 года. Пг., 1915; Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России; Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях Российской империи. Вып. 1—2. М., 1911—1913; Справочный указатель земских сельскохозяйственных учреждений (по сведениям на 1895 г.). СПб., 1896; Справочный указатель земских сельскохозяйственных учреждений (по сведениям на 1896 г.). СПб., 1897; Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству / Сост. В.В. Морачевский. Вып. 1—2. СПб., 1911—1913; Агрономическая помощь в России.

правительства Петра Аркадьевича Столыпина¹⁶. В основе реформы — землеустроительные мероприятия и реформирование земельных отношений: переход от общинной к личной собственности. На концептуальном уровне реформу начали готовить еще до Столыпина, под руководством Витте и при участии специалистов из МЗиГИ¹⁷. Тем не менее, основные положения и детали реформы, как и ее законодательное утверждение, — заслуга команды Столыпина. Разработчиком основных механизмов землеустройства стал ближайший соратник Столыпина, датчанин Карл А. (Андрей Андреевич) Кофод, принявший российское подданство¹⁸.

Главный программный лозунг реформы — «принятие мер к улучшению и более полному использованию надельной площади». Этого собирались достичь многими мерами. В их числе — продажа крестьянских земель банкам; уничтожение внутринадельной чересполосицы — разверстание (или развёрстывание, размежевание); отрубание — создание хуторов, расселение крупных деревень; переселение на целинные земли Сибири и Дальнего Востока и т.д. Землеустроительные меры подразумевали уничтожение крестьянской общины — главного тормоза сельскохозяйственной модернизации, по мнению разработчиков реформы¹⁹.

Реформа включала в себя два важных положения — выделение хуторов и переселение, — реализация которых зависела в том числе от деятельности опытных учреждений. Необходимы были научно-практические предложения для вновь образованных крупных крестьянских хуторских хозяйств с большими обрабатываемыми площадями. В числе наиболее срочных запросов были названы введение многопольных севооборотов, улучшенная обработка и удобрение земли пр. Разработка этих приемов для конкретной местности составляла задачу опытных учреждений после 1906 г.; они же, а также земские службы агрономической помощи, должны были заняться практическим внедрением разработок. Далее, переселение на неосвоенные территории Сибири и Дальнего Востока требовало всестороннего научного исследования целинных земель, прежде всего их агрономического потенциала, определения вариантов хозяйственного использования. При отсутствии в тех

¹⁶ О П.А. Столыпине см.: Управленческая элита Российской империи. История министерства, 1802—1917 / Под ред. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина и др. СПб.: Лики России, 2008. С. 625—637; Рыбас С.Ю. Столыпин. М.: Молодая гвардия, 2014.

¹⁷ *Vitte С.Ю.* Воспоминания: В 3 т. Таллин, 1994. Т. 2. С. 508—517.

¹⁸ *Кофод К.А.* 50 лет в России, 1878—1920. М.: Права человека, 1997

¹⁹ Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: Документы. Переписка. Мемуары. М.: Русский путь, 2003.

местах земств эту задачу могли решить только государственные опытные станции и агрономы, полевые исследования, организованные из центра. Поэтому Переселенческое управление²⁰, которое возглавило работы по колонизации новых земель, стало инициатором создания в регионах опытных учреждений, проведения научных экспедиций²¹.

Крупную реорганизацию претерпело и МЗиГИ: в 1905 г. в связи реформой его преобразовали в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Активный сторонник развития опытного дела А.С. Ермолов ушел с поста министра; его место последовательно занимали сподвижники Столыпина — Б.А. Васильчиков²² (июль 1906 г. — май 1908 г.) и А.В. Кривошеин²³ (май 1908 г. — октябрь 1915 г.)²⁴, значительно больше времени уделявшие землеустройству. Центр активности ГУЗиЗ сосредоточился в землеустроительных комиссиях и Переселенческом управлении. Департамент земледелия, отвечавший за агрономические вопросы, также перестроил свою работу в соответствии с новыми приоритетами, занявшись преимущественно мероприятиями агрономической помощи.

Столыпинская реформа нарушила баланс между опытной работой и агрономической помощью, установившийся в ведомстве земледелия. Несмотря на создание новых опытных учреждений, приоритетом работы ГУЗиЗ являлось именно реформирование земельных отношений.

Всё перечисленное, к чему следует добавить революционный хаос 1905—1907 гг., обусловило «неполноту развития опытного дела». О «промедлении», «нерешительности» и даже «кризисе» в опытном

²⁰ Переселенческое управление было образовано при Министерстве внутренних дел 2 декабря 1896 г. В мае 1906 г. передано в ведение Главного управления землеустройства и земледелия. ПУ и его комиссии на местах выступили организаторами ряда опытных и опытно-показательных учреждений на Кавказе, в Средней Азии, на Урале, в Сибири. Среди них — Тулунское опытное поле Иркутской губернии, Темирское опытное поле (Темирский уезд) Уральской области и др. См.: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 2. С. 342—351.

²¹ РГИА. Ф. 391 (ПУ). Оп. 3. Д. 1274, 1943.

²² РГИА. Ф. 1162 (Государственная канцелярия). Оп. 6. Д. 71 (Васильчиков); Речь главному управляющему землеустройством и земледелием кн. Б.А. Васильчикова в комитете Государственной думы по переселенческому делу 5 декабря 1907 г. СПб.: Сельский вестник, 1907; *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 348—351.

²³ Судьба века. Кривошеины. СПб.: Изд. журн. «Звезда», 2002; *Кокцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг.: В 2 т. М.: Наука, 1992.

²⁴ С 26 октября 1915 г. Кривошеин вновь стал министром земледелия в связи с новой реорганизацией ведомства, которое из ГУЗиЗ было преобразовано в Министерство земледелия.

деле то и дело говорили на земских заседаниях и общественных съездах. Свои претензии правительству заявила и Государственная дума: группа из 34 депутатов настаивала на принятии «решительных мер в связи с ситуацией в опытном деле». Депутаты призывали к «развитию сети опытных учреждений и созданию показательных полей для ознакомления сельского населения с наилучшими и приспособленными к местным условиям приемами культуры»²⁵. В частности, ГУЗиЗ предлагалось «безотлагательно приступить к созданию на правильных основаниях сети надлежаще обставленных сельскохозяйственных опытных станций, изучающих естественные и хозяйственные условия обособленных районов России»²⁶. Бюджетная комиссия Думы при рассмотрении сметы ГУЗиЗ на 1908 г. специально отметила необходимость «соблюдения плановости в пространстве и усовершенствовании опытных станций»²⁷.

Недочеты признавали и в Главном управлении землеустройства и земледелия. Вопрос о расширении сети опытных учреждений, о «более правильной постановке опытного дела» был поднят в 1907 г. на заседании Комиссии по сельскохозяйственному опытному делу ее членами П.С. Коссовичем и П.Н. Соковниным. Проблема была вынесена на обсуждение Ученого комитета по инициативе его председателя Б.Б. Голицына. Было высказано пожелание преодолеть разногласия между Ученым комитетом и Департаментом земледелия: отношения между ними становились все более напряженными. ДЗ, традиционно отвечавший за сельское хозяйство в целом, полагал, что вопросы преодоления кризиса в опытном деле — его юрисдикция. Ученый комитет со специальной Комиссией по опытному делу считал «всестороннюю разработку возникшего вопроса» своей задачей и не собирался уступать Департаменту. Так, в январе 1908 г. Комиссия предложила меры к развитию сети опытных учреждений, в числе которых оказалось закрепление руководства опытным делом именно за Комиссией²⁸.

Однако, несмотря на инициативы Комиссии, фактическим центром разработки масштабной программы реконструкции опытного дела стал Департамент земледелия. Работу возглавил старший специалист ДЗ Владимир Владимирович Винер, пришедший на эту должность после руководства Шатиловской станцией (и не пона-

²⁵ Агрономическая помощь в России. С. 419.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 420.

слышке знавший проблемы провинциальной агрономии). Под его руководством было организовано анкетирование подведомственных ГУЗиЗ опытных учреждений для выяснения их научных достижений, финансового состояния, «общих нужд» и перспектив развития. На основании полученных опросных листов провели всесторонний анализ положения опытного дела, его недостатков и возможностей улучшения. Это стало основой для программы порайонной организации опытного дела в масштабах Империи²⁹.

Одновременно в 1907—1908 гг. на губернских агрономических совещаниях, проходивших в Полтаве, Екатеринославе и Харькове, земства самостоятельно приступили к созданию областных опытных сетей во главе с крупными станциями. На Екатеринославском съезде были разработаны примерная структура и смета областной опытной станции (с ежегодным бюджетом в 25 тыс. руб. и единовременными расходами на постройки и оборудование в 120 тыс. руб.), определены задачи подчиненных станции местных опытных полей и т.д.³⁰ Назрела необходимость взаимодействия между «центром» и регионами.

Совещание по организации опытного дела 1908 г.

В конце 1908 г., после многочисленных дискуссий в Ученом комитете, Сельскохозяйственном совете и других подразделениях ГУЗиЗ³¹, было создано Всероссийское совещание по организации опытного дела.

То, что правительство готово к диалогу с обществом, было очевидно уже при подготовке совещания. Впервые для обсуждения министерской программы было создано не межведомственное, а все-

²⁹ *Винер В.В.* Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1908; Организация порайонного изучения сельского хозяйства (извлечения из проекта, составленного по поручению Департамента земледелия старшим специалистом по сельскохозяйственному опытному делу В.В. Винером). Приложение II // Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России. С. 359—390.

³⁰ Смета областной опытной станции по законопроекту, внесенному в Государственную думу (выработана на Харьковском и Екатеринославском совещаниях) Приложение 1 // Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. С. 1, 2. Об агрономических съездах (совещаниях), созванных Черниговским земством (1907), Харьковским и Екатеринославским земствами (1908): Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России. С. 21, 22; Агрономическая помощь в России. С. 425, 426, 435, 436.

³¹ РГИА. Ф. 318. Оп. 4. Д. 4016. Л. 18—23; РГИА. Ф. 382. Оп. 9. Д. 266. Л. 1—3об.

российское совещание с участием представителей земств, научных и сельскохозяйственных обществ, региональных высших учебных заведений и отдельных сельских хозяев. При этом предусматривалась демократическая процедура голосования: право принимать решения предоставлялось не только министерским чиновникам, но всем участникам совещания, в том числе ученым. Из 89 человек, зарегистрированных на совещании, более 30 представляли региональную науку (из них 20 служили на земских и общественных опытных станциях); еще 30 участников принадлежали к ученому миру Петербурга, Москвы и других городов с агрономическими вузами (в их числе известные академики и профессора А.С. Фаминцын, В.В. Зеленский, Д.Н. Прянишников)³².

Департамент земледелия вынес на обсуждение предварительно разосланный участникам совещания проект порайонной организации опытного дела, подготовленный В.В. Винером. Центральная часть плана — разделение всей территории России на физико-географические районы на основании почвенных, геоботанических и метеорологических данных. Дальнейшее внутреннее их разделение должно было учитывать социально-экономические факторы, основываться на статистических данных, характеризующих распределение угодий, трудовых ресурсов, сельскохозяйственных культур и пр. В каждом районе предлагалось открыть крупную сельскохозяйственную опытную станцию нового типа. Согласно проекту, районные станции должны были создаваться исключительно по инициативе и на средства центрального правительства³³.

Свободный дух совещания сказался уже на первом заседании: проект подвергся серьезной критике, обсуждение сконцентрировалось вокруг вопроса, не включенного в повестку дня: в какой мере вспомоществование сельскохозяйственной науке должно быть делом центрального правительства, в какой — регионов (в первую очередь — земств)? Этот вопрос являлся ключевым с точки зрения стратегии развития опытного дела.

Основная дискуссия развернулась вокруг принадлежности крупных районных (позже — областных) опытных станций. Важность их скорейшей организации ни у кого не вызывала сомнения. Показательно, что сторонники крайних взглядов — как те, кто отрицал любое местное участие, считая создание районных станций

³² Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России. С. V—X.

³³ Винер В.В. Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства. С. 19.

государственной прерогативой, так и апологеты исключительно земской инициативы — остались в меньшинстве. Спор разгорелся внутри умеренного «центра». Одно крыло «центра» (условно — «государственники») предлагало признать первостепенным *правительственное лидерство* в создании и финансировании опытных станций при *возможной поддержке их земствами и обществами*. Среди «государственников» оказались чиновники Департамента земледелия, заведующие бюро Ученого комитета, подавляющее большинство столичных и провинциальных вузовских ученых. Их основной аргумент звучал убедительно (что признавали даже их оппоненты!): ни одна страна, даже известная своей федералистской политикой в науке Германия, не обошлась без правительственной поддержки сельскохозяйственной науки. В качестве образца для подражания указывали на США с их успешной федеральной программой организации опытных станций.

Их оппоненты (условно — «земцы») высказались за создание опытных станций *региональными силами* — земствами и обществами — при *участии правительства* в их субсидировании. В это крыло вошли земские деятели, некоторые ученые (например, Д.Н. Прянишников) и отдельные члены Ученого комитета (П.С. Коссович). В качестве образца «земцы» также ссылались на опыт США, что вызвало замешательство в рядах «центра» и забавное разбирательство на тему того, кто «правильнее» понимает суть американских законов. Оказалось, что имперским амбициям «государственников» импонируют федеральный масштаб реформы и то, что ее инициатором выступило правительство США. «Земцы» же видели в ней, прежде всего, широкие полномочия штатов в использовании федеральных ассигнований. Что касается России, позицию «земцев», по их общему признанию, блестяще выразил знакомый с опытной работой «на местах» профессор Московского сельскохозяйственного института Прянишников:

«...мысль, что Петербург может заботиться о всей России, эту мысль надо оставить: пусть в Петербурге позаботятся лишь о том, чтобы не мешать возникновению инициативы на местах»³⁴.

Действительно, в выступлениях «земцев» звучали вполне оправданные опасения, что лидерство правительства «отпугнет» местное

³⁴ Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России. С. 45.

самоуправление. «Земцы» отказывались верить в то, что государство сможет обеспечить финансирование дорогостоящих опытных станций без земских капиталов. Приводились многочисленные примеры плачевного состояния уже существующих «казенных» станций. Здесь уместно вспомнить государственную Шатиловскую станцию, долгие годы испытывавшую нехватку средств.

Итогом работы совещания стали более 30 параграфов постановлений по организации опытного дела. О компромиссе между «казенным» и «местным» говорилось обтекаемо; например, параграф 2 гласил:

«Не отрицая желательности широкой правительственной инициативы (здесь и далее выделено нами. — О.Е.) по устройству опытных учреждений, Совещание высказалось за необходимость обеспечить законом правильное субсидирование опытных учреждений, возникающих по местной инициативе»³⁵.

Суть будущего развития опытного дела определили параграфы о центральных учреждениях и районных станциях. Прежде всего, были сформулированы базовые задачи центральных опытных учреждений, призванных разрабатывать общенаучные и методологические вопросы сельского хозяйства. В частности, совещание одобрило разработанный академиком А.С. Фаминцыным проект организации Центрального института опытной агрономии³⁶. Далее, выделялись районные станции, предназначенные для разрешения научно-практических вопросов регионального масштаба, в том числе разработки методов исследований; они должны были объединять деятельность внутрирайонных опытных учреждений³⁷. Для большинства районных станций совещание признало оптимальным устройство пяти отделов: полеводства, селекции, животноводства, энтомологии с фитопатологией, химии³⁸. Наконец, следовал параграф о подчиненности этих учреждений:

«К числу учреждений, устройство и содержание которых должно быть предоставлено инициативе правительства, отнесены:

1) все учреждения общенаучного характера; 2) учреждения

³⁵ Постановления Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела, систематизированные по вопросам программы // Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России. С. 328.

³⁶ Там же. С. 329.

³⁷ Там же. С. 327.

³⁸ Там же. С. 331.

районного характера, общие и специальные, в том случае, если район их действия захватывает несколько губерний или областей... Не отвергая *желательности участия местных средств* в содержании районных станций, Совещание признает более правильным расходы по устройству и содержанию этих станций *отнести на государственные средства*³⁹.

Таким образом, было заявлено о государственной доминанте в организации центральных институтов и крупных районных станций, хотя оговаривалась возможность и даже желательность участия в финансировании деятельности станций местных капиталов.

Устройство внутрирайонных станций, опытных полей, участков и пр. должно было стать ответственностью земств; правительству предлагалось субсидировать земства. Размер субсидий оговаривался в размере 50—75% от одновременных затрат на устройство (включая стоимость участка) и 66% от ежегодных расходов⁴⁰. При этом совещание признало право творческой инициативы этих институций: наряду с выполнением прикладных и вспомогательных работ, направленных на поддержку местного хозяйства, возможность «научной разработки собранного... материала»⁴¹. Показательные и образцовые хозяйства и фермы, самая распространенная форма организации опытной работы в империи, не вошли в реестр опытных учреждений. Одним из важных решений совещания стал параграф о передаче задач по управлению опытным делом в районном масштабе особым представительским органам — областным совещаниям⁴².

Подготовка закона об опытных учреждениях 1912 г. и проект преобразования Шатиловской станции

Постановления совещания 1908 г. стали законом только в 1912 г. Столь долгое законодательное продвижение было вызвано несколькими причинами.

Одна из них — продолжающийся конфликт Департамента земледелия и Комиссии по сельскохозяйственному опытному делу. Поскольку инициатива проведения совещания 1908 г. принадлежала ДЗ, Комиссия считала себя незаслуженно обойденной. И, получив проект постановлений, надолго «задержала его прохождение»

³⁹ Там же. С. 328—330.

⁴⁰ Там же. С. 333.

⁴¹ Там же. С. 328.

⁴² Там же. С. 337.

бесконечными обсуждениями⁴³. Прежде всего, было высказано несогласие с предложенной ДЗ схемой организации опытного дела вокруг районных станций. Комиссия сочла это «ссылкой на американские образцы, которые в России могут явиться в известной степени искусственными»⁴⁴. Серьезные возражения вызвал пункт об исключительно правительственной инициативе в создании районных станций. В редакции Комиссии, крупные опытные станции предлагалось создавать с участием местных сил и средств⁴⁵. Далее, «совершенно неприемлемыми» Комиссия сочла варианты общего руководства опытным делом, которое Совещание предлагало сосредоточить в Департаменте земледелия и его особом бюро. Вместо этого Комиссия считала необходимым административно-хозяйственную часть опытного дела сохранить в ДЗ, а научно-практическое руководство предоставить Ученому комитету⁴⁶. Для этого при нем предлагалось создать «единый орган, состоящий из... научно подготовленных специалистов Ученого комитета и коллегии ежегодно созываемых представителей местных опытных организаций»⁴⁷.

Но и после достижения взаимопонимания между подразделениями ГУЗиЗ и выдвижения единого законопроекта его принятие тормозилось. Причина — подготовка ведомственной реформы Главного управления землеустройства и земледелия. В 1908—1909 гг. на разных уровнях — от Ученого комитета⁴⁸ до министра А.В. Кривошеина⁴⁹ — обсуждался проект преобразования ГУЗиЗ в Министерство сельского хозяйства. Законопроект о районных опытных станциях предполагали провести уже от реформированного ведомства. 21 апреля 1909 г. вице-директор Департамента земледелия П.Н. Соковнин обратился с письмом к председателю Ученого комитета Б.Б. Голицыну, в котором говорилось:

«На личном докладе от 18 апреля мною испрошены были указания г. Главноуправляющего относительно того направления, которое надлежит дать вопросу о развитии и улучшении постановления нашего сельскохозяйственного опытного дела. Его высокопревосходительство признал, ввиду предстоящего преобразования ведомства, необходимым отложить внесение

⁴³ РГИА. Ф. 382. Оп. 4. Д. 4016. Л. 9.

⁴⁴ Доклад Ученому комитету Комиссии по сельскохозяйственному опытному делу. СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1909. С. 2, 3.

⁴⁵ Там же. С. 8, 14.

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ Там же. С. 336.

⁴⁸ РГИА. Ф. 382. Оп. 4. Д. 4016. Л. 9—9об.

⁴⁹ РГИА. Ф. 382. Оп. 9. Д. 170. Л. 1—22, 76—90.

в законодательные учреждения проекта нового Положения о сельскохозяйственном опытном деле. Вместе с тем он приказал внести в смету Департамента земледелия на 1910 г. кредиты на увеличение штатов существующих казенных опытных учреждений, равно как на устройство всех тех новых таких учреждений, планы коих вполне разработаны»⁵⁰.

Реформа по разным причинам откладывалась, а вместе с ней и принятие закона.

Третья, и самая важная причина: после совещания в Петербурге по всей империи должны были пройти областные совещания, на которых предстояло обсудить конкретные вопросы организации областных станций. Земства настаивали на том, что окончательное утверждение законопроекта должно произойти только после обсуждения и согласования его «на местах».

Остановимся подробно на Орловском совещании, где речь шла о Шатиловской опытной станции. Совещание состоялось в мае 1909 г. и было весьма представительным: в работе участвовали чиновники ГУЗиЗ, сотрудники станции, члены земской управы и земские агрономы Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Курской губерний, руководители некоторых соседних опытных учреждений; председательствовал глава постоянного Совета станции тайный советник А.А. Шульце⁵¹. Собравшимся предстояло ответить: есть ли в регионе опытное учреждение, которое может соответствовать статусу районного? Иными словами, предстояло решить дальнейшую судьбу Шатиловской станции.

⁵⁰ РГИА. Ф. 382. Оп. 4. Д. 4016. Л. 9.

⁵¹ На совещании присутствовали: старший специалист по опытному делу при ГУЗиЗ В.В. Винер, правительственные агрономы Н.А. Руднев и П.П. Маслов, председатель Малоархангельской земской управы Д.М. Емельянов, председатель Елецкой управы А.А. Сабуров, председатель Карачаевской управы Н.А. Воронцов-Вельяминов, председатель Белевской управы Ф.Е. Арбузов, председатель Новосильской управы Ф.Д. Свербеев, управляющий Брасовским имением И.Н. Клинген, уполномоченный по сельхозчасти Орловской губ. М.М. Страховский, И.И. Шатилов, заведующий Уютненским опытным полем Ф.П. Вангенгейм, ученый агроном Болховского общества сельского хозяйства А.С. Еленевский, управляющий Орловской сельхозшколой А.А. Бари, член Кромской уездной земской управы А.В. Свиридов, помощник заведующего опытной и селекционной станцией в Дерюгине С.М. Тулайков, разъездной агроном сети опытных полей Всероссийского общества сахарозаводчиков А.К. Филлиповский, агроном Тульского губернского земства А.А. Трифонов, член Линевакской управы П.Ф. Борзенков, Севский уездный агроном П.А. Якушкин, Трубачевский уездный агроном М.М. Переславцев. См.: Журнал Губернского совещания по вопросам, связанным с организацией Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Тула, 1909. С. 1.

На ход обсуждения большое влияние оказал присутствовавший на совещании В.В. Винер, главный идеолог министерской программы. По его мнению, Шатиловская станция при ее «достройке» вполне могла соответствовать критериям, предъявляемым к районным станциям⁵². Прозвучало и альтернативное предложение: расширить тематику Шатиловской станции, добавив к ней животноводство, а районную создавать заново; однако это предложение не прошло⁵³.

Развернулась дискуссия о целесообразности открытия отдела селекции. Так, Н.А. Руднев полагал, что такой отдел на Шатиловке не нужен, поскольку Тульское губернское земство проектировало специальную селекционную станцию в Епифановском уезде. Ему возражал А.Н. Лебедев, настаивая на «неразрывной связи селекции с полеводственной районной станцией». Лебедеву поддержали И.Н. Клинген и Ф.П. Вангенгейм, заведующие земскими опытными учреждениями соседней Курской губернии, а также Винер, заметивший, что «на общерусском совещании такой отдел был признан необходимым»⁵⁴. В результате большинство присутствовавших высказались за преобразование Шатиловской станции в районную по полеводству с созданием необходимых отделов полеводства, селекции, животноводства, энтомологии с фитопатологией и химии. Предполагаемый район действия станции — от Дмитриевского уезда Курской губ. до Сапожковского уезда Рязанской губ. — определялся почвенными и географическими факторами и границами распространения культур. После принятия главного решения долго обсуждали вопрос о Совете станции — «учреждении, наблюдающем за работой, помогающем персоналу в затруднениях», согласовывали «усиление» его представителями земств; с трудом договаривались о бюджете и штатах станции; в результате «за рассмотрением этих вопросов председатель в 12 ч. 10 мин. ночи объявил совещание закрытым»⁵⁵.

Шатиловская станция, получавшая статус районной, должна была после преобразований обслуживать Северо-Черноземную область, в которую входили частично или полностью Тульская, Орловская, Рязанская, Курская и Тамбовская губернии⁵⁶. В зону ответствен-

⁵² Восточная граница — распространение культуры вики и проса; западная — развитие культуры сахарной свеклы; южная — переход к типичному чернозему и культуре овса.

⁵³ Там же. С. 3.

⁵⁴ Журнал Губернского совещания по вопросам, связанным с организацией Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Тула, 1909. С. 3.

⁵⁵ Там же. С. 26.

⁵⁶ Там же. С. 6.

ности станции включались Орловское, Ливенское, Старожиловское опытные поля.

Совещания, подобные Орловскому, были собраны во многих губерниях. Так, только в 1909 г. они прошли в Смоленске, Владимире, Пензе, Саратове, Самаре, Харькове, Тифлисе и Ташкенте. Но если на совещании в Орле легко согласились с позицией правительства (что вполне понятно, учитывая казенный статус Шатиловской станции), то во многих других местах, где обсуждалась судьба земских станций, побеждала иная точка зрения. Земские представители, недовольные главным положением будущего закона — о государственной принадлежности районных станций, считали необходимым его пересмотр. В результате земства занялись внесением поправок, лоббированием своих интересов через Сельскохозяйственный совет и другие структуры.

В частности, отстаиванием местных интересов активно занялась Государственная дума, Сельскохозяйственная комиссия которой неоднократно требовала переработки законопроекта. В 1911 г. комиссия высказала крайне негативную (и не во всем справедливую) оценку деятельности государственных опытных станций:

«Десятилетие существования казенных опытных учреждений показало всю нежизненность этих учреждений; возникая вне местной инициативы и находясь в ведении земледельческого департамента, эти опытные станции превратились в бюрократические учреждения, руководимые из центра и отторгнутые от всех запросов местной жизни; конечно, такие станции не оказали, да и не могли оказать никакого влияния на подъем сельскохозяйственной культуры окружающего района... Деятельность ведомства в деле поднятия сельскохозяйственной культуры должна преимущественно заключаться в пробуждении местной инициативы и широком субсидировании земств и других общественных организаций, на которых и должна лежать задача содействия подъему сельского хозяйства в России»⁵⁷.

Комиссия высказала пожелание, чтобы районные станции учреждались по инициативе и при непременно материальном участии (не менее 25% от общих затрат) заинтересованных земств. ГУЗиЗ вынуждено было учесть замечания и отредактировать законопроект. В частности, в новой редакции районные станции стали имено-

⁵⁷ Деятельность сельскохозяйственной комиссии 3 Государственной думы с 26 октября 1910 г. по 5 мая 1911 г. / Сост. Н.Л. Скалзубов. СПб., 1911. С. 8—11.

ваться областными. В окончательном виде закон об опытных учреждениях, Высочайше утвержденный 9 июня 1912 г., следующим образом формулировал параграфы, касавшиеся организации областных станций:

«Принять на средства казны до 3/4 единовременных и ежегодных расходов по устройству и содержанию *учреждаемых отдельными губернскими земствами или земствами смежных губерний* (выделено нами. — О.Е.), а равно и сельскохозяйственными обществами и иными общественными учреждениями сельскохозяйственных опытных станций, удовлетворяющих по своей организации требованиям, предъявляемым к опытным учреждениям, имеющим целью: 1) научное объединение деятельности сети опытных учреждений, находящихся в данном районе или губернии, и удовлетворение их научных запросов; 2) разработку методов исследования и 3) систематическое изучение данной, более или менее обширной, территории в сельскохозяйственном и естественно-историческом отношении». Все *менее крупные опытные учреждения создавались исключительно «местными властями по согласованию с местными же сельскохозяйственными обществами»*⁵⁸.

Областная станция должна была включать в себя несколько обязательных отделов, среди них: отдел полеводства, агрономической химии (химических исследований), селекции сельскохозяйственных растений (прикладной ботаники), энтомологии (борьбы с вредителями), фитопатологии и бактериологии, метеорологии⁵⁹.

Предполагались два варианта организации областных станций: устройство «с нуля» или же на основе уже действовавших станций. Преобразованию в областные подлежали некоторые из существовавших частных и государственных опытных станций: Безенчукская, Плотянская, Энгельгардтовская и Шатиловская⁶⁰. На основании принятого закона Департамент земледелия в 1913 г. получил кредит от Государственного казначейства на строительство первой очереди новых областных станций — в Екатеринославе, Харькове, Саратове и Киеве. Далее намечалось создание станций в Москве, Варшаве

⁵⁸ ПСЗ. Собр. III. СПб., 1912. № 37243.

⁵⁹ Организация порайонного изучения сельского хозяйства. Приложение II // Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России. С. 359—390.

⁶⁰ Агрономическая помощь в России. С. 458—462.

и Ростове-на-Дону. По решению сибирских областных совещаний предстояло открыть областные станции в Сибири и на Дальнем Востоке⁶¹.

С принятием закона 1912 г. земства и сельскохозяйственные общества получили искомые организационные полномочия и необходимую финансовую поддержку от правительства. «Центр» не только не подавлял, но, наоборот, — стимулировал местную инициативу. Результаты «объединения усилий» позволили даже скептикам и оппонентам центральной власти позитивно оценить действия правительства. Так, доцент МСХИ А.Г. Дояренко писал в 1912 г.:

«Опытное дело переживает в России в настоящее время момент серьезного исторического значения, характеризующийся резким подъемом интереса к нему с разных сторон и не менее ярко выраженной верой в будущее агрономического прогресса... Сделана колоссальная работа при участии правительства, общественных организаций и специалистов, но предстоит еще большая работа внутренней организации всех возникающих и преобразуемых станций...»⁶².

⁶¹ В частности, на Томском губернском агрономическом совещании в 1913 г. было принято решение об учреждении Северного опытного поля в Мариинском уезде (со сметой в 14 500 руб. на 1913 г. и 18 340 руб. на 1914 г.); совещание также обратилось с ходатайством к ДЗ о создании областной опытной станции для Западной Сибири (в качестве предполагаемого места назывался Алтайский округ, Барнаул; позже Западносибирская станция была открыта в Омске). Относительно программ опытных учреждений отмечалось, что «в разряде опытных работ видное место с самого начала должно занимать сортоиспытание... а также селекция». См.: РГИА. Ф. 382. Оп. 9. Д. 272. Л. 5. В частности, в решениях совещания говорилось: «Устройство опытной станции в Барнауле в значительной мере гарантирует соблюдение интересов большинства губерний Сибири еще и в том смысле, что г. Барнаул находится в месте, где близко сходятся все естественно-исторические районы Западной Сибири: степь, лесостепь, лес, предгорья и горы, т.е. здесь на небольшом пространстве представлены почти все хозяйственные условия, которые можно встретить в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской, Акмолинской и Семипалатинской». Предполагалось, что местные расходы на устройство станции должны составить не менее 250 тыс. руб. Там же. Д. 270. Л. 1—6; Д. 272. Л. 2—5.

⁶² Дояренко А.Г. Очередные задачи опытного дела // Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. С. XVII.

Глава VII

ВО ГЛАВЕ ОТДЕЛА СЕЛЕКЦИИ ШАТИЛОВСКОЙ СТАНЦИИ. ЧЕРЕЗ ВОЙНУ К РЕВОЛЮЦИИ

После закона 1912 г.

Для Шатиловской станции начался период ее преобразования в областную. В отчете станции за 1912 г. говорилось:

«Начавшееся расширение станции резко отразилось на всей внутренней жизни и принесло большие изменения в установившиеся ранее условия работы... Департамент земледелия приступил к преобразованию станции, вследствие чего произошло значительное увеличение ее бюджета, возникли многочисленные вопросы организационного характера, и усилилась деятельность Совета»¹.

Заметим, что к трансформации станции в областную, руководящую региональной опытной сетью, подводили не только положения закона 1912 г., но и «потребности местной агрономической

¹ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1912 год. В связи с кратким очерком состоянии и деятельности ее за первые 15 лет существования (1897—1911). Орел: Тип. В.С. Зайцева, 1914. С. V.

В 1912 г. Совет станции имел следующий состав: председатель — член Совета Главного управления землеустройства и земледелия А.А. Шульце; члены Совета — председатель Орловской губ. земской управы С.Н. Маслов, председатель Тульской губ. земской управы Н.А. Руднев, Новосильский уездный предводитель дворянства И.И. Шатилов, председатель Новосильской уездной земской управы Ф.Д. Свербеев, помощник Статс-Секретаря Государственного Совета М.Н. Головин, старший специалист Департамента земледелия Д.Д. Арцыбашев, землевладелец Новосильского уезда В.И. Шатилов, инструктор по сельскому хозяйству Тульской губ. С.Г. Топорков, инструктор по сельскому хозяйству Орловской губ. С.Л. Тейтель, зав. Шатиловской станцией А.Н. Лебеяднцев, старший помощник заведующего П.И. Лисицын, заведующий опытным полем В.А. Федоровский, заведующий метеорологической станцией А.И. Тальковский. Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1912. С. 45.

жизни»². Их определяли местные земства — Тульской, Орловской, Курской, Тамбовской губерний (и соседней Рязанской губернии Центрального района), которые на рубеже веков занялись оценкой своих земель путем их обследования в естественно-историческом и природно-хозяйственном отношениях³. Проведение «оценочных» обследований, прежде всего почвенных и ботанических, — важное направление земской естественно-научной и агрономической работы, у истоков которой стояли выдающиеся ученые В.В. Докучаев, Н.М. Сибирцев, В.И. Вернадский, П.Ф. Бараков, К.Д. Глинка и др. В свое время в почвенных обследованиях для Калужского земства принимал участие П.И. Лисицын. Оценочные работы и проекты по модернизации регионального сельского хозяйства, выдвинутые местными земствами в первые десятилетия XX в., поставили вопрос об опытных учреждениях, которые могли бы давать научные рекомендации для практической работы. Среди передовых оказалось Орловское губернское земство. В соответствии с принятой в 1909—1910 гг. программой, специально разработанной А.Н. Лебедевцевым для черноземной части губернии, были организованы Ливенское⁴ (1910 г.), Елецкое (1910, по некоторым данным⁵ — 1911 г.), Орловское (1911 г.) опытные поля⁶. Базовое положение программы состояло в организации работы земских сетей по единому плану и под научным руководством Шатиловской станции. Аналогичный

² Там же. С. 2.

³ К примеру, по постановлению Орловского губернского земского собрания в 1899 г. решено было внести в круг работ по оценке земель почвенное исследование, организация и ведение которого были поручены И.К. Фрейнбергу (по рекомендации Н.М. Сибирцева). Обследование было закончено в 1900 г. См.: Материалы по оценке земель Орловской губернии. Кромский уезд. Вып. 1. Почвы. Сост. И.К. Фрейнберг. Орел: Тип. С.А. Зайцева, 1902.

⁴ *Старицын К.А.* Ливенское опытное поле (1911—1928) // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 2. Опытные учреждения Северо-Черноземной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Орел, 1928. С. 87—90.

⁵ *Вишневский Д.К.* История возникновения и развития Елецкого опытного поля (1911—1928) // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 2. Опытные учреждения Северо-Черноземной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Орел, 1928. С. 91—96.

⁶ Труды Сети опытных полей Орловской губернии района Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 1. Основания организации опытных полей восточной половины Орловской губернии / Сост. А.Н. Лебедевцев. Орел: Тип. губ. правления, 1912. См. также: *Зарянова З.А.* Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 17—18.

план⁷ выработало Тульское губернское земство, решившее начать устройство опытных учреждений с нечерноземной части губернии и открывшее там в 1909 г. первое опытное поле (Тульское, по другим данным 1912 г.)⁸. В Тамбовской губернии имелись Моршанское (1894 г.) и Козловское (1900 г.) общественные опытные поля; в 1912 г. открылась земская Тамбовская опытная станция. Курская губерния к тому времени располагала действующими опытными учреждениями, как земскими (Корочанское, Грайворонское, Суджанское опытные поля — 1900—1901 гг.), так и частными (1895 г., Уютненское опытное поле Ф.П. Вангенгейма; 1889 г., Богородицкое опытное поле И.А. Пульмана), которые по соглашению с их владельцами перешли в подчинение земств. Сеть опытных полей наметило к созданию Рязанское губернское земство, в 1914 г. открыв первое — Старожиловское⁹.

Таким образом, все прилегающие к станции губернии к 1912 г. уже имели опытные учреждения или занимались их устройством. При этом Орловское, Тульское и Рязанское земства при построении программ своих опытных сетей руководствовались принципом объединяющего научного руководства Шатиловской опытной станции.

Был определен район действия, «обслуживания научными выводами» Шатиловской станции:

«Географически район опытной станции охватывает: восточную половину Орловской губернии (52%), северную половину Курской губернии (21%), южную половину Рязанской губернии (44%) и южную половину Тульской губернии (64%), ... небольшую часть Тамбовской губернии. <...> Район Шатиловской опытной станции представляет собой область переходных почв, лежащих в северной границе центрального чернозема и охватывает все переходы от типичных черноземов до серых лесных земель включительно»¹⁰.

⁷ История создания Тульского опытного поля уходит в 1906 г., когда Тульскому уездному земству был отведен участок земли для устройства опытного учреждения. РГИА. Ф. 398. Оп. 3. Д. 989.

⁸ Материалы по опытному делу Тульской губернии. Тульское опытное поле. Вып. 2. М.: тип. Кушнеров, 1914.

⁹ Гинзбург Я.Д. История возникновения и развития Старожиловского опытного поля (1911—1928) // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 2. Опытные учреждения Северо-Черноземной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Орел, 1928. С. 97—102.

¹⁰ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1912 год. В связи с кратким очерком состояния и деятельности ее за первые 15 лет существования (1897—1911). Орел: Тип. В.С. Зайцева, 1914. С. 5.

С точки зрения географического районирования зона действия станции представляла собой лесостепь. В поуездных границах она охватывала следующие территории: в *Тульской губ.*: уезды Новосильский, Ефремовский, Чернский, Крапивенский, Епифанский, Богородицкий и части уездов Белецкого, Одоевского, Тульского и Веневского; в *Орловской губ.*: уезды Елецкий, Ливенский, Малоархангельский, Кромской, Орловский и части уездов Дмитровского, Болховского и Карачевского; в *Рязанской губ.*: уезды Данковский, Раненбургский, Рязский, Сапожковский, Скопинский, Пронский, Михайловский и части уездов Рязанского и Спасского; в *Курской губ.*: уезды Фатежский, Шигровский, Тимский, часть уезда Львовского; в *Тамбовской губ.*: уезды Лебединский и Шацкий¹¹.

При устройстве подведомственных Шатиловской станции опытных полей прежде всего подразумевалось, что каждое из них должно обслуживать часть района станции, характеризующуюся определенной совокупностью естественно-исторических признаков. Программа опытных полей выстраивалась с учетом распределения научно-практических задач между станцией и сетью опытных полей. При опытных полях предполагалась постановка коллективных опытов «с целью возможно более полного охвата разнообразия сельскохозяйственных условий и запросов в районе каждого поля»¹². Шатиловская станция находилась в Тульской губернии, но максимальное число подведомственных ей опытных полей были открыты Орловским земством, так что в практической работе станция оказалась особенно тесно связана с Орловской губернией; этим, в частности, объяснялось прохождение совещаний и заседаний Совета Шатиловской станции в Орле. Таким образом, «местные агрономические запросы» и единая программа исследований связали государственную станцию и находящиеся в ее научном подчинении земские опытные поля.

Реформирование Шатиловской станции предполагало большие строительные работы, расширение опытных площадей. Строительство началось уже в 1912 г. Смета расходов на строительство и оборудование была составлена на огромную по тем временам сумму — 800 тыс. руб., однако в годы Первой мировой войны выплаты происходили нерегулярно, а с 1916 г. «всякие кредиты были закрыты». Тем не менее, по данным 1915 г., было выстроено почти 20 новых зданий, главным образом жилых помещений и технических построек, на общую сумму 74 тыс. руб.¹³

¹¹ *Лебединцев А.Н.* Очерк развития опытного дела в Области. С. 9—10.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1915 год. Тула: Р.Я. Кислис, 1919. С. 42—45.

Ко времени реформирования Шатиловская станция располагала землями общей площадью немногим более 65 га, из которых опытные поля занимали меньше половины (35 га), луга и неудобные для опытов территории — 19 га; около 3 га находились под усадьбой¹⁴. В 1914 г. в Департаменте земледелия удалось согласовать вопрос о покупке дополнительных 163,8 га земли. Однако война затормозила кредитование, земля так и не была приобретена¹⁵.

Реорганизация станции означала серьезные структурные изменения, создание новых отделов:

«План преобразования Опытной станции предусматривал организацию метеорологического, химического, полеводственного, прикладной ботаники (селекции), энтомологического отделов. Начали с того, зачатки чего были: метеорологический отдел, химическая лаборатория, опытное поле. В области новых методик, не представленных ранее на станции, была представлена программа селекционных работ»¹⁶.

Задачи отделов «были подробно сформулированы еще зимой 1911—1912 гг., приведены в соответствие с имеющимися у станции средствами и изложены в виде проектов программ, рассмотренных и утвержденных затем в установленном порядке»¹⁷. Программы составляли А.И. Тальковский (метеорология), А.Н. Лебедев и В.А. Федоровский (полеводство), А.Н. Лебедев (агрохимия), П.И. Лисицын (селекция). Проекты первых трех отделов были разосланы на отзыв специалистам; успешно пройдя обсуждение на заседании Совета Шатиловской станции, они были утверждены 20 марта 1912 г. Проектные документы, согласно процедуре, отправили в Департамент земледелия ГУЗиЗ, где они были рассмотрены Комиссией по опытному делу и утверждены на заседании Ученого комитета ведомства 5 мая 1912 г. 22 мая 1912 г. последо-

¹⁴ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1912 год. С. 7.

¹⁵ *Лебедев А.Н.* Очерк развития опытного дела в Области // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции / Опытные учреждения Северо-Черноземной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ. С. 11.

¹⁶ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1912 год. В связи с кратким очерком состояния и деятельности ее за первые 15 лет существования (1897—1911). Орел: Тип. В.С. Зайцева, 1914. С. 41.

¹⁷ Там же. С. 42.

вало утверждение главноуправляющим, что означало официальное начало деятельности первых трех отделов Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции.

**«Областью селекционных работ
является биология растений»:
проект и программа селекционного отдела**

Проект селекционного отдела в первый этап утверждения не попал. Можно с уверенностью сказать, что это было связано с зарубежной командировкой П.И. Лисицына, который весной 1912 г. проходил стажировку в Австрии. Но в ноябре 1912 г. Лисицын был срочно отозван из очередной заграничной командировки и вызван в Орёл на заседание Совета станции для обсуждения составленного им документа. Приведем стенографический отчет о заседании 18 ноября, на котором было принято важнейшее для Лисицына решение:

«Присутствовали: члены Совета Маслов, Шатилов, Свербеев, Топорков, Тейтель, Лебеядцев, Лисицын, Троицкий, Тальковский, начальник II отделения Департамента земледелия Б.А. Витмер. Председательствовал Маслов.

Председатель предлагает перейти к вопросу об организации селекционного отдела. Лисицын читает доклад.

...Маслов ставит на обсуждение первый тезис: считает ли Совет желательным открытие при Шатиловской опытной станции селекционного отдела в указанном масштабе. Принимается единогласно.

...Решается вопрос о селекционных растениях. Шатилов настаивает на картофеле, Топорков на просе. Результат: селекция ржи и овса решена (Лисицын). Селекция картофеля — отложить до выяснения Харьковской станции. Клевер, в виду старых работ станции (Лисицын), считать принятым.

...Решается вопрос о размере поля для селекции. Лисицын отмечает, что за границей при практической селекции занято все хозяйство, часто большое; научные же учреждения, не занимаясь практической селекцией, имеют всего 10—15 га и исключительно занимаются методикой.

...Принимается постановление: возбудить ходатайство о предоставлении средств для годового практиканта по селекции.

...Председатель вносит предложение:
признать необходимость приобретения для селекционного отдела земли в количестве 55 десятин;

признать необходимость ассигнования для организации селекционного отдела 51 607 руб.

Принимается единогласно. Однако Витмер считает, что в 1913 г. таких денег не получить. Предлагает председателям губернских земств возбудить перед земскими собраниями ходатайство о признании желательного открытия селекционного отдела при Шатиловской опытной станции. Принимается единогласно»¹⁸.

После одобрения Советом станции проект должен был пройти уже описанную процедуру утверждения в ГУЗиЗ. Но в связи с тем, что проект был отправлен позже остальных, в текущем 1912 г. надежд на его скорое рассмотрение было мало; это означало прежде всего задержку с ассигнованиями. Чтобы ускорить дело, Лисицын затевает дополнительные хлопоты:

«Представитель Департамента земледелия предложил провести мой проект через Орловское и Тульское земские губернские собрания для получения субсидий. Обещают успех, но не знаю, насколько это верно. <...> Если земство войдет в Департамент с ходатайством о скором открытии селекционного отдела, то он отнесется ко всему совершенно иначе и постарается найти денег»¹⁹.

Пётр Иванович убежден: если об открытии селекционного отдела будут ходатайствовать не только станция, но и местные земства, в Петербурге отнесутся к проекту более внимательно, вероятность ускорить дело велика. Пример с селекционным отделом — еще одна иллюстрация важной тенденции в организации агрономической науки, о которой подробно говорилось в главе VI: ведомство земледелия в своей работе всё больше прислушивалось к мнению земств и сельскохозяйственных обществ, стремилось к консолидации усилий, охотно откликаясь на общественные запросы.

Мы не знаем, выделили ли местные земства дополнительные суммы, повлияло ли их участие (если оно было) на прохождение проекта через министерские кабинеты. Известно, что проект и устав селекционного отдела были утверждены в самом начале 1913 г.²⁰

¹⁸ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1912 год. В связи с кратким очерком состояния и деятельности ее за первые 15 лет существования (1897—1911). Орел: Тип. В.С. Зайцева, 1914. С. 94—108.

¹⁹ Семейные вести. Февраль 1912 г. АМКБЛ.

²⁰ РГИА. Ф. 382. Оп. 6. Д. 5318.

В отчете Шатиловской станции за 1913 г. говорилось о четырех работающих отделах, в том числе «селекционном, заключающем в себе селекционную лабораторию, селекционный питомник и поля размножения»²¹. Отдел действительно работал, но его оснащенность — явное преувеличение: никакой специальной лаборатории не было. Все исследования проводил один Лисицын; помогали лишь приезжавшие на лето практиканты. Правда, уже в 1913 г. было удовлетворено ходатайство о выделении средств на годового практиканта (это событие станет для Лисицына поворотным не только в научной, но и в личной жизни). Борьбу за выполнение намеченной программы работ, создание *реально действующего* отдела, что включало штат сотрудников, постройку специальных помещений для лаборатории и пр., — Лисицын продолжал в течение многих лет.

Необходимо подробно остановиться на том, что представлял собой проект селекционного отдела, какую программу исследований в области «научной и практической селекции» наметил Лисицын для Шатиловской станции. Существуют два варианта проекта: сокращенный, отправленный в Департамент земледелия, и оригинальный (полный). Мы будем анализировать полный текст, впоследствии опубликованный как часть отчета о деятельности Шатиловской станции в 1913 г.²² Проект интересен, прежде всего, тем, что его первая часть посвящена значению и важности научной селекции как дисциплины. Вероятно, сегодняшнего читателя, независимо от профессиональной принадлежности, это удивит: без достижений селекции невозможно представить развитие современных науки и практики сельского хозяйства. Но в начале XX в. специфику селекции, ее положение в ряду агрономических дисциплин понимали далеко не все профессионалы-аграрии, не говоря уже о министерских чиновниках. И Лисицын начинает с вводной части, поясняя:

«Прежде чем говорить об организации селекционного отдела, необходимо определить задачи селекции и отграничить

²¹ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1913 год. Тула, 1915. С. 44.

²² Документ, составленный для ведомства земледелия, — это сухая выжимка из проекта, зачитанного Лисицыным на заседании Совета станции в ноябре 1912 г., дополненная планом конкретных селекционных работ и финансовыми сметами. Полный текст: *Лисицын П.И.* Проект организации селекционного отдела при Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции // Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1913 год. Тула, 1915. С. 85–90.

эту область экспериментальной агрономии от других областей агрономического знания»²³.

Селекция, по Лисицыну, — «создание или отыскание сортов сельскохозяйственных растений, удовлетворяющих наилучшим образом потребностям хозяйства»²⁴. В первую очередь, ее необходимо отделить от сортоведения, сортоиспытания, которое следует предоставить полеводам. Традиционное сортоведение — всего лишь далекие от науки практики, в то время как селекция — экспериментальная наука, требующая знания биологии культуры и опирающаяся на естествознание. Поэтому отдел селекции должен быть, по сути дела, *отделом прикладной ботаники*, что в понимании Лисицына означало обязательное изучение селекционерами биологии растений. Лисицын указывал на клевер, очень мало изученный биологически; этим объяснялось отсутствие селекционных сортов данной культуры. И приводил пример методически правильной — и именно потому успешной — селекционной работы с рожью, когда получению знаменитых сортов немецкими селекционерами Римпау²⁵ и Лоховым предшествовало детальное изучение ее биологии. Далеко не все специалисты в России понимают важность биологии для селекции:

«Если нашему селекционеру не всегда приходится иметь дело с вопросами биологии, то это объясняется достаточно основательной изученностью биологии главных сельскохозяйственных культур на Западе... Поэтому есть возможность пользоваться уже готовыми данными и указаниями, руководясь которыми можно достигнуть некоторых результатов»²⁶.

Но слепое использование зарубежных методик недопустимо:

«Наряду с законами биологии, остающимися неизменными во всех частях земного шара, есть категория законностей, которая может быть отнесена только к определенному географическому району... Поэтому многие решенные на Западе частные вопросы биологии, очень важные для селекционера, должны быть в каждом районе экспериментально проверены»²⁷.

²³ Там же. С. 85.

²⁴ Там же.

²⁵ Селекционер В. Римпау (Rimrau) в 1888 г. впервые при скрещивании пшеницы с рожью получил тритикале — плодовой октоплоидный пшенично-ржаной гибрид.

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Там же. С. 88.

Далее, важно правильно понимать роль сорта в земледелии: объем и качество урожая зависят не только от характеристик почвы и климата:

«Внутренние свойства отдельных сортов или рас, определяющие их производительность, играют не меньшую роль в определении конечных хозяйственных результатов их культуры»²⁸.

На это внутреннее улучшение и должна быть нацелена селекция. Способ достижения цели — расчленение «естественных смесей» на элементарные единицы, изучение и отбор лучших из них, гибридизация. Работа трудоёмкая; например, при отборе селекционер должен пропустить через свои руки целые тысячи таких элементарных единиц, чтобы получить из них 1—2 ценных сорта»²⁹.

Итак, селекция — наука и экспериментальная, и теоретическая; ее нельзя понимать исключительно как совокупность практик и отделять от биологии. Отсюда вывод:

«Отдел практической селекции без достаточной научной обстановки может существовать только временно и не может считаться законченным... Нормально организованный отдел должен располагать силами и средствами, достаточными для научного разрешения биологических вопросов, возникающих в процессе работы, а это возможно только в том случае, если сам он будет составлять часть более общего отдела, объединяющего области физиологии растений, общей ботаники, фитопатологии и сорговедения, отдела, который принято называть отделом прикладной ботаники»³⁰.

Вопрос об открытии отдела прикладной ботаники — дело времени; станция рано или поздно должна обратиться к его разрешению. Но на текущий момент, в 1912 г., речь могла идти лишь о селекционном отделе.

Таким образом, «Проект организации селекционного отдела» — развернутая перспектива, стратегия организационной работы селекционеров на годы вперед. Конкретная программа, тактика работы на Шатиловке состояла в выборе культур, которые в первую очередь должны подлежать селекционному улучшению, в определении подходов к их селекции.

²⁸ Лисицын П.И. Проект организации селекционного отдела. С. 86.

²⁹ Там же.

³⁰ Лисицын П.И. Проект организации селекционного отдела. С. 90.

Чтобы понять, на какие программные установки и методические критерии Лисицын ориентировал работу Отдела, мы будем опираться на статью, подготовленную им по итогам ноябрьского доклада на заседании Совета станции и его обсуждения. Лисицын начал свою программу с краткой характеристики культур, отобранных Советом для первоочередной селекции³¹. Это — озимая рожь, озимая пшеница, овес и клевер. Признаки, на которые велась селекция, — классические для всех хлебных злаков: высокая урожайность, качество зерна³². Четыре культуры — и только один сотрудник, который, по мнению Лисицына, мог вести от силы два направления. А Отделу предлагали заняться еще и картофелем, и просом...

Далее рассмотрены методы, которыми предполагалось вести селекцию. В мировой селекционной практике 1900-е гг. — эпоха индивидуального отбора у самоопылителей, массового отбора у перекрёстноопыляемых культур; Шатиловская станция должна была следовать этому подходу. Для работ с самоопылителями — овсом и пшеницей — исходным материалом должны были служить местные популяции, «естественные» сорта. Например, селекция овса методом индивидуального отбора должна была происходить по следующей схеме:

«Ежегодно определенное количество образцов высевается как исходный материал с таким расчетом, чтобы каждый образец был представлен не менее чем 3—5 тысячами растений... В течение всего вегетационного периода среди этих растений отмечаются все формы, отличающиеся чем-нибудь от других, без отношения к тому, отвечают ли они конечным признакам, на которые ведется селекция... В период зрелости количество ранее отмеченных растений пополняется отбором по форме колоса, цвету пленок и другим признакам, проявляющимся только в зрелом растении... Каждой из выделенных форм дается описание в так называемой племенной книге, ... в ближайшие годы она (выделенная форма. — *О.Е.*) усиленно размножается. В этот период ведется ботаническое изучение форм, и подробно отмечаются все их биологические особенности... Через три года урожай отдельных форм дает возможность приступить к конкурсному испытанию их по методике полевого опыта, и с этого времени все фор-

³¹ Лисицын П.И. План работ селекционного отдела // Избр. соч. В 2 т. М.: Сельхозгиз, 1951. Т. II. С. 188—192.

³² Лисицын П.И. План работ селекционного отдела. С. 191.

мы оцениваются уже с точки зрения тех хозяйственных признаков, на которые ведется селекция... Чтобы иметь шкалу сравнения, в период конкурсного испытания вместе с вновь выделенными формами будет высеваться Шатиловский овес и те образцы, из которых выделены формы. Через три года испытаний, или в сумме через шесть лет с того времени, как форма была выделена из естественного сорта, может быть уже получена полная оценка ее с хозяйственной точки зрения. Самые лучшие формы, вполне отвечающие задачам селекции, и определяют в конечном итоге успех отбора отдельного года»³³.

Мы воспроизвели описание метода полностью, чтобы показать читателю все детали и подробности кропотливой работы селекционера начала XX в.

Для ржи — перекрёстноопыляемой культуры — предлагался длительный массовый отбор в сочетании с семейственным («фамильным», в терминологии того времени)³⁴. Селекционная работа с рожью пойдет не так быстро, как с самоопылителями, пояснял Лисицын, поскольку в течение ряда лет «изолированное потомство одного зерна будет давать сильно различающиеся формы, так как каждое зерно является гибридом»³⁵. Должен использоваться повторный отбор: среди потомства выбранных «фамилий» ежегодно необходимо отбирать формы, идентичные первоначальной, и далее высевать только эти формы. В результате «из года в год имело место повышение процентного содержания первоначальной формы». Время, которое потребуется для получения «чистого потомства», определить трудно, указывал Лисицын³⁶. Важной стороной работы с данной культурой была методика изоляции отдельных «фамилий» ржи для предотвращения нежелательного перекрестного опыления. Простая пространственная изоляция, практикуемая за границей, в случае Шатиловской станции оказалась невозможна из-за небольших размеров земельного участка селекционного отдела. Необходимо было создавать изоляторы определенной конструкции.

Что касается клевера, то порядок селекционной работы с ним иной. Разрабатывать методику селекции этой культуры можно толь-

³³ Лисицын П.И. План работ селекционного отдела. С. 193.

³⁴ «Фамилия» той или иной культуры — исторический термин, используемый для определения потомства одного растения.

³⁵ Лисицын П.И. План работ селекционного отдела. С. 195.

³⁶ Там же. С. 194.

ко после того, как будет сделано главное: изучена биология клевера. (Лисицын уже немало сделал в этом направлении: достаточно вспомнить его венскую командировку.) Например, предстояло изучить связь морфологических признаков с хозяйственными. Уже в 1912 г. Лисицын начал исследование скороспелости у пермского и местного клеверов. В этой работе, наряду с методикой посадки³⁷, была важна методика анализа:

«Семена клеверов... обрабатывались в течение 40 минут концентрированной серной кислотой³⁸ и высевались в парник. В начале мая всходы высажены в поле на равные расстояния и начато наблюдение за цветением отдельных растений. Каждое зацветающее растение снабжалось отдельным номером, и от него брался для анализа стебель с первой цветущей головкой. Все остальные стебли сосчитывались и срезались до основания. У срезанного стебля учитывалось количество междоузлий, длина стебля, облиственность по весу и, кроме того, химическим анализом кормовое достоинство растений, цветущих в различные периоды (для последней цели растения, зацветшие в отдельные дни, соединялись в группы по двухнедельным периодам). Всего, таким образом, было обработано более 700 растений, главным образом тульского клевера. Около 600 растений пермского клевера не дошло до фазы цветения и поступят в анализ в будущем году»³⁹.

Одновременно Лисицын вегетационным методом изучал зависимость скороспелости от применения удобрений, пробовал заниматься скрещиванием различных видов клевера лугового⁴⁰. В перспективе намечалась программная селекция — на «высокую укосную массу, холодостойкость, слабую опушенность стебля, неосыпаемость листьев» и т.д.; параллельно выделялись формы двуукосных и позднеспелых клеверов. Итоги селекции клевера — «идеальные формы», обладающие ценными хозяйственными признаками, — можно было ожидать лишь в отдаленном будущем. Поэтому предлагалось вы-

³⁷ Детали пересадки таковы: растения высаживали в «обработанную плугом и смешанную с навозом землю» в гряды через 15 см с междурядьями по 30 см. Такие параметры, по мнению Лисицына, давали растению свободно развиваться. Расстояния менялись только при необходимости большего доступа к растениям. *Лисицын П.И.* План работ селекционного отдела. С. 213.

³⁸ Обработка серной кислотой — стратификация — производилась для «снятия периода покоя».

³⁹ Отчет о деятельности селекционного отдела в 1912 г. С. 214.

⁴⁰ Там же. С. 215.

давать в производство «ряд промежуточных выпусков улучшенных семян одной условной формы». Попутно Лисицын собирался искать подходящие «готовые формы»; имеющийся материал позволял надеяться, что для позднеспелых клеверов такие формы удастся найти среди пермских «дикарей»⁴¹.

Намеченная программа селекционных исследований требовала слаженных действий *коллектива отдела селекции*, развертывания работы на специальных площадках — *селекционных полях, в лабораториях* и пр. Всё это Лисицын ожидал обрести в ходе кардинальной реорганизации Шатиловской станции, начавшейся в 1912 г.

Реорганизация в действии: новые отделы

Реконструкцию станции начали с организации отделов по тем направлениям, которые давно и успешно разрабатывались на станции, — агрохимии, метеорологии и агротехники (полеводства).

Отдел агрономической химии был открыт уже в середине 1912 г.; его возглавил директор станции Александр Никандрович Лебединцев. Программа включала в себя два направления исследований: 1) изучение химии почвы, в том числе «изменения плодородия, превращений веществ в почве, суммарной потребности почвы в питательных соединениях»⁴² и пр.; 2) изучение химии растений: «накопления основных питательных веществ в зависимости от метеоусловий; количества питательных соединений, выносимых различными растениями из почвы; изменений химического состава растений под влиянием навоза и минеральных удобрений»⁴³. Предполагалось также выполнять контрольные анализы почв, удобрений и пр. для местных опытных учреждений⁴⁴. Таким образом, программа охватывала как общеагрономические исследования, так и локальные практические вопросы. Например, изменение естественного плодородия почвы (в том числе в процессе высушивания) изучали по признакам, которые определялись лабораторным путем:

⁴¹ Там же. С. 191—192.

⁴² Лебединцев А.Н. О работе химического отдела // Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1913 год. С. 72—80.

⁴³ Там же. С. 79.

⁴⁴ В отчете 1913 г. А.Н. Лебединцев отмечал, что «действие новой программы на отчетный год не распространялось. Лабораторный участок не был заложен, и работы химической лаборатории заключались в обслуживании контрольными анализами различных опытных учреждений, входящих в состав станции». Лебединцев А.Н. О работе химического отдела. С. 73.

содержанию влаги, соединений азота и фосфора. Исследовались пробы, взятые на разных участках, в разное время года: в них определяли общее количество фосфорной кислоты, амидов и нитратов, что позволяло подойти к вопросу об обеспеченности растений питательными соединениями на различных стадиях развития⁴⁵. Развитие этих исследований поставило на повестку дня общий для отечественной агрохимии вопрос об условиях, благоприятствующих образованию в черноземе питательных соединений; вклад А.Н. Лебеяднцава в его разрешение впоследствии принес ему славу одного из ведущих агрохимиков Советской России⁴⁶.

Успешно продвигалось изучение потребностей местных черноземов в удобрениях. К 1914 г. Лебеяднцев показал, что почвы района действия Шатиловской станции нуждаются, прежде всего, в фосфорных удобрениях. После обеспечения этого минимума дальнейшее повышение урожайности может быть достигнуто внесением азота, и только после этого начинает ощущаться потребность в калии. Таким образом, в качестве основных минеральных удобрений для района действия станции были рекомендованы фосфорнокислые, прежде всего томас-шлак, суперфосфат и костяная мука; фосфориты сочли непригодными в силу трудного усваивания растениями нерастворимых соединений фосфора. Установлена была также высокая эффективность действие навоза, в том числе в сочетании с минеральными удобрениями⁴⁷.

Метеорологические наблюдения велись на протяжении всего периода работы станции. Однако самостоятельный *отдел метеорологии* был открыт только в рамках преобразования станции в областную в 1912 г. Его первым заведующим был А.И. Тальковский, к тому времени уже давно работавший на станции. Штат из двух ассистентов, двух наблюдателей-вычислителей, служителя и практикантов по-

⁴⁵ *Лебеяднцев А.Н.* Изменения плодородия пахотного слоя парующей почвы в течение вегетационного периода // Известия Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Т. 1. № 4. Орёл, 1921; *Он же.* Высыхание почвы как фактор изменения ее плодородия // Труды Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Сер. I. Химическая лаборатория. Вып. 5. Орёл, 1928; *Он же.* Процесс нитрификации как фактор усиления зольного питания растений // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 2. № 4. Орёл, 1927. С. 273—288; *Он же.* К методике изучения нитрификационного процесса в почвах. Юрьев, 1916.

⁴⁶ *Журбицкий З.И.* Жизнь и научная деятельность А.Н. Лебеяднцава. С. 5.

⁴⁷ *Лебеяднцев А.Н.* О работе химического отдела // Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1912 год. С. 20—25.

звоял развернуть самостоятельные исследования по климатологии и сельскохозяйственной метеорологии.

Под руководством А.И. Тальковского были начаты следующие циклы работ: изучение суточного хода температуры и влажности воздуха; исследование температуры почвы под покровом дерна; определение энергии и продолжительности солнечного периода; детальное изучение осадков; изучение динамики развития отдельных культур (озимой ржи, озимой пшеницы, овса, картофеля, гречихи, проса и др.), накопления ими сухого вещества в зависимости от метеорологических условий⁴⁸.

Были подготовлены сводные обзоры по температуре воздуха и количеству осадков за длительный период наблюдений; работа велась в тесной координации с опытными полями, подведомственными станции: Орловским, Ливенским⁴⁹. По данным отдела, особенно большие колебания сумм осадков приходились на летние и осенние месяцы: разница в осадках между засушливым и дождливым летом составляла до 317 мм. В целом было подсчитано, что годовая сумма осадков близка к норме в 87% случаях, в 13% случаях — ниже нормы, что означает наличие засухи каждые восемь лет⁵⁰.

Изучались также особенности залегания и глубина снежного покрова, время выпадения и таяния снега, запасы почвенной влаги под озимыми и яровыми культурами и пр. Данные метеонаблюдений составляли основу для справочных изданий по климату станции, передавались в качестве рекомендаций для местного сельскохозяйственного производства⁵¹.

⁴⁸ *Тальковский А.И.* Проект программы Метеорологического отдела Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Орёл: Тип. В.С. Зайцева, 1912.

⁴⁹ Например: *Мильков П.Н.* Влияние метеорологических факторов на урожай овса (по данным Ливенского опытного поля за 1913—1921 гг.) // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 2. № 2. Орёл, 1929. С. 141—147.

⁵⁰ *Тальковский А.И.* Климат Северо-Чернозёмной областной сельскохозяйственной опытной станции. Ч. 1. Осадки // Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. Сер. 3. Метеорологический отдел. Вып. 1. № 24. Орёл, 1929; *Он же.* Климат Северо-Чернозёмной областной сельскохозяйственной опытной станции. Ч. 2. Температура воздуха // Известия Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 3. № 3. Орёл, 1931. С. 263—300.

⁵¹ *Тальковский А.И.* Отдел метеорологии (1901—1928) // Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции № 22 / Опытные учреждения Северо-Чернозёмной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Серия общая. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ, 1928. С. 19—22.

Отдел полеводства занимался традиционной программой работ опытного поля: изучением севооборотов (в том числе различных их видов, отдельных севооборотных звеньев, возможностей бессменных посевов, влияния предшествующих сельскохозяйственных культур на последующие, занятых и чистых паров и пр.), техникой обработки под различные культуры (глубина, сроки обработки, внесение удобрений и пр. в их влиянии на урожайность возделываемых культур)⁵².

В мае 1913 г. открылся *энтомологический отдел*, который возглавил Ф.С. Щербakov.

Ежегодно значительно расширялась *библиотека* за счет систематического пополнения фондов, на что только в 1912 г. было потрачено более 1000 руб. По данным конца 1912 г. библиотека Шатиловской станции располагала 2 тысячами томов научных трудов; через год количество книг увеличилось в полтора раза, в том числе благодаря обмену с учеными обществами, вузами и «через любезное посредничество правительственного агента в США В.Я. Андерсона»⁵³. Библиотека выписывала несколько десятков отечественных и иностранных журналов, среди них российские: «Труды ВЭО», «Журнал опытной агрономии», «Сельское хозяйство и лесоводство», «Хозяйство», «Вестник сельского хозяйства», «Известия ГУЗиЗ», «Почвоведение», «Записки Новоалександрийского института сельского хозяйства», «Известия Бюро по сельскохозяйственной механике», «Болотоведение», «Летописи Николаевской главной физической обсерватории»; зарубежные: «Die Landwirtschaftlichen Versuchsstationen», «Zentralblatt für Bakteriologie», «Jahresbericht über die Fortschritte auf dem Gesamtgebiete der Agrikultur-Chemie» и др.⁵⁴

В 1913 г. был открыт *отдел селекции*⁵⁵, который возглавил Пётр Иванович Лисицын⁵⁶. В «Автобиографии» Лисицына начальный период существования отдела освещен коротко:

⁵² О программе Отдела полеводства в целом см.: *Зарьянова З.А.* Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 142—150.

⁵³ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1915 год. Тула: Р.Я. Кислис, 1919. С. 42—45.

⁵⁴ Там же. С. 44.

⁵⁵ Во многих биографических документах и немногих историографических работах датой открытия отдела — и, соответственно, вступления Лисицына в должность заведующего — назван 1912 г. Возможно, это связано с тем, что в 1912 г. станция была официально преобразована в областную. См., например: *Лисицын А.П.* Автобиография. Л. 5. АМКБЛ; *Троицкая Т.Н.* Пётр Иванович Лисицын. С. 35.

⁵⁶ Официальная дата начала работ селекционного отдела Шатиловской станции — 1913 г. РГИА. Ф. 392. Оп. 6. Д. 5318 (о рассмотрении проекта устава селекционного отдела при Шатиловской станции).

«Организовал его (селекционный отдел. — *О.Е.*) и вел работу сначала по девяти культурам (в России не было специалистов), а после революции, когда появились специалисты, с тремя культурами, передав остальные своим трем молодым сотрудникам»⁵⁷.

Но в последующих воспоминаниях П.И. Лисицын дает поэтическое описание начала работ с овсом — первой культурой, с которой велась селекция:

«Однажды, идя по меже, я встретил на краю поля растение овса, которое отличалось от других растений ростом и размерами. Я его заметил, убрал и высеял весной на отдельную делянку. К моему удивлению, вырос овес обыкновенных размеров, но все растения были похожи друг на друга и ясно отличались от овса обыкновенных посевов. К этому времени появилась первая книга на русском языке по селекции, но называлась она “Сортоводство”⁵⁸, потому что слово “селекция” было никому не понятно. На обширных посевах овса соседнего помещика Шатилова я набрал целую охапку растений Шатиловского овса, отличавшихся друг от друга. Из них я выбрал в лаборатории 127 растений, которые были высеяны на отдельных делянках и размножены»⁵⁹.

Лисицын поставил перед отделом (т.е. перед собой) задачу выделить из Шатиловского овса сорт с низким процентом пленки, высокой натурой⁶⁰, достаточной зерновой массой, малой остистостью, с соломой мягкой, ценной по кормовым качествам. Была начата работа с потомством отобранных по этим признакам растений, которое выделили в сравнительное испытание. «Обновленный» сорт

⁵⁷ Лисицын П.И. Автобиография. Л. 5. АМКБЛ.

⁵⁸ Вероятно, Пётр Иванович имел в виду книгу А.И. Стебута, изданную в 1911 г. Это был сборник статей (преимущественно переводных), посвященных проблемам теории и практики селекции. См.: *Стебут А.И.* Сортоводство (Селекция сельскохозяйственных растений): Сборник статей по сортовыведению и семенному делу). Харьков: Типо-лит. М. Сергеева и К. Гальченко (издание Южно-русской с.-х. газеты), 1911.

⁵⁹ Лисицын П.И. Как я стал селекционером // Избр. соч. Т. 2. С. 178.

⁶⁰ Натура зерна — объемный вес зерна, вес известного объема, принятого за единицу. Служит одним из признаков, определяющих полновесность и доброкачественность зерна. С сельскохозяйственной точки зрения не очень надежен, т.к. объемный вес зерна зависит от многих причин. См.: Энциклопедический сельскохозяйственный словарь-справочник / Под ред. И.В. Мальченко. М.: Сельхозиздат, 1959. С. 530.

получил название Шатиловский 033 (или 33). Некоторое время он оставался главным сортом, размножаемым Шатиловской станцией.

Что касается 127 растений, отобранных в 1911 г. из посевов Шатиловского овса по различным характеристикам, работа с этим материалом продолжалась долгие годы; ее результаты пришлись уже на послереволюционный период.

С 1912 г. была начата селекция озимой ржи, озимой пшеницы и красного клевера; в 1913—1914 гг. добавились люцерна, яровая и озимая вика⁶¹.

Селекционная работа потребовала дополнительных знаний, связанных с математикой: селекционер начала XX в. сталкивался с необходимостью «ручной» обработки больших массивов растений. Достаточно вспомнить, например, уже описанный подсчет междоузлий у клевера, что делалось арифметически на огромном материале и не могло не сопровождаться ошибками. Лисицын задумался о подключении методов математического анализа. В частности, он решил выяснить, сколько стеблей клевера надо обработать, чтобы с минимальными погрешностями экстраполировать данные на массу всего растения, получить результат с достаточной степенью достоверности⁶². Занявшись этим вопросом, Лисицын вывел вариационные ряды и создал методику, которой пользовались селекционеры многих поколений; своими выводами решил поделиться с коллегами. В № 38 за 1913 г. «Вестника сельского хозяйства» (орган Московского общества сельского хозяйства) было опубликовано его «Письмо в редакцию». Основная идея письма: «Альфой и омегой работ агронома-экспериментатора являются ... цифры»:

«Потребность в математических методах обычно пытаются удовлетворить беглым изучением руководств по теории вероятностей и статистике, но это дает лишь возможность машинально применять ту или иную готовую формулу, ... без полной уверенности в том, что именно она и является нужной в данном случае»⁶³.

Чтобы свободно оперировать большим цифровым материалом, селекционеру необходимо серьезное изучение элементов высшей математики:

⁶¹ Лисицын П.И. Современное положение селекционных работ на Шатиловской опытной станции // Избр. соч. Т. 2. С. 193—211.

⁶² Для определения массы растения его стебли сушили и только потом взвешивали, что позволяло минимизировать трудозатраты, давало меньший процент погрешности.

⁶³ Лисицын П.И. Письмо в редакцию // Вестник сельского хозяйства. 1913. № 38. С. 21.

«Все это дает мне основание утверждать, что в настоящее время было бы своевременно поставить вопрос *об организации в Москве курсов по высшей математике для работников опытного дела* (выделено автором. — О.Е.); при достаточном количестве желающих явилась бы возможность пригласить лучшие силы Москвы в качестве руководителей, получить субсидию от Департамента и, таким образом, возможно, облегчить приобретение солидных знаний тем, которые сознают их необходимость»⁶⁴.

Лисицын просил отозваться всех заинтересовавшихся его идеей⁶⁵; редакция журнала, в свою очередь, предложила подумать об устройстве курсов после очередного съезда по опытному делу, который организовывало Московское общество сельского хозяйства. Чем закончилась история с курсами, нам неизвестно.

Потребности практической селекции подвели Лисицына и к совсем неожиданному занятию: конструированию специальной сельскохозяйственной техники. В сельском хозяйстве России, крайне отсталом с точки зрения технической оснащенности, если и использовали машины и механизмы, то серийные, главным образом германские, австрийские и английские⁶⁶. Но когда технику предполагали использовать для научно-опытных целей, требовались особые конструкции. В марте 1914 г. Лисицын писал домой:

«Сконструировал несколько машин, предназначенных для специальных надобностей селекции: резиновую молотилку, веялку..., сеялку для посева по 1 зерну и пр.»⁶⁷

Из другого письма узнаем, что он хочет «заявить патент на одну из своих машин, резиновую молотилку»⁶⁸. Однако оформление оказалось сложным и финансово затратным; к тому же вскоре вся мирная работа была перевернута войной.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Лисицын П.И. О курсах математики для работников опытного дела // Вестник сельского хозяйства. 1913. № 50. С. 28.

⁶⁶ Для ряда работ требовалась особая конструкция, рассчитанная на специфические условия местного хозяйства. Этим занимались одиночки — как профессионалы, так и любители: от М.Г. Павлова до А.Т. Болотова. Больших заказов от потребителей не ожидалось, производили ограниченное число экземпляров для собственных хозяйств. В начале XX в. ситуация несколько изменилась: земледелие было на подъеме, Россия начала расширять сельскохозяйственный машинный парк, в том числе налаживая отечественные производства. См. об этом: Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. Т. 1—2.

⁶⁷ Письмо П.И. Лисицына. 26 марта 1914 г. АМКБЛ.

⁶⁸ Письмо П.И. Лисицына. 7 февраля 1914 г. АМКБЛ.

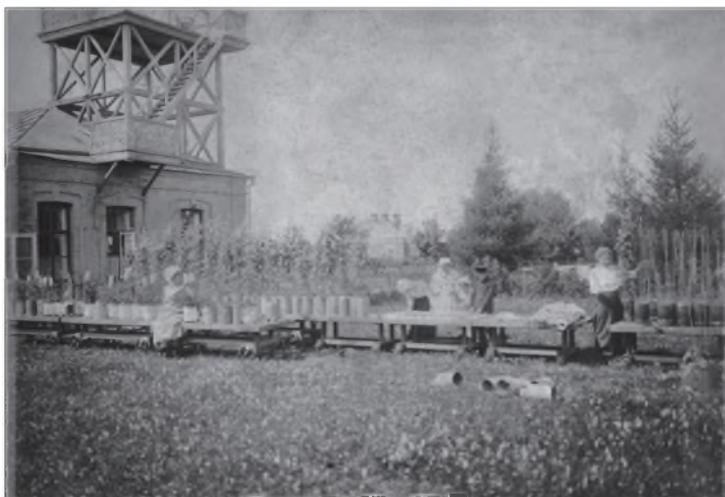
На Шатиловской станции: П.И. Лисицын (слева в повозке), А.Н. Лебеядцев (стоит второй справа), 1908 г.

Шатиловская станция, старое лабораторное здание (постройка 1898—1899 гг.)
с пристроенной сушильной для растительных проб

Шатиловская станция, опытные поля

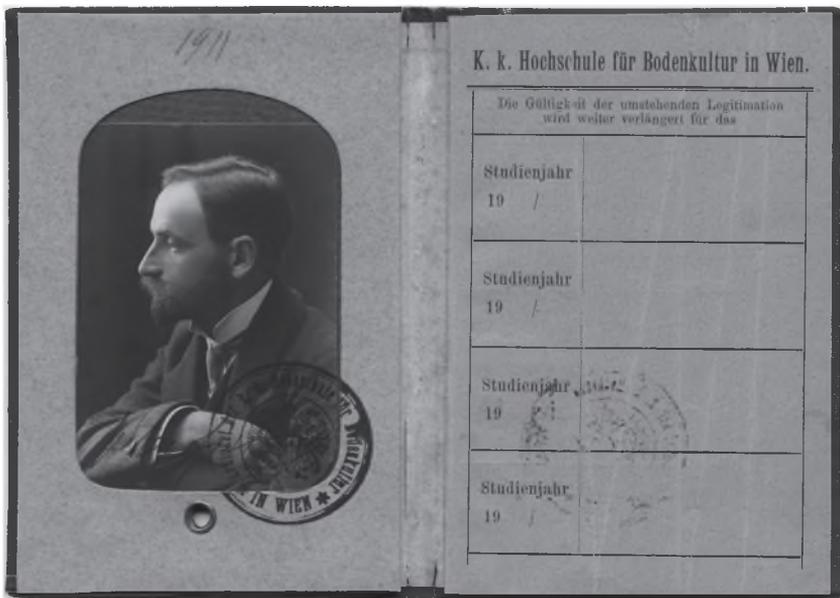
Метеостанция и теплица, вегетационные опыты, 1912 г.

Шатиловская станция, здание электростанции

Шатиловская станция, кузница и дом для служащих

Билет слушателя Высшей сельскохозяйственной школы (Hochschule für Bodenkultur), Вена, 1911 г.

Удостоверение личности, выданное П.И. Лисицыну, 1911 г.

Во время посещения селекционных станций Германии и Швеции, 1912 г.

Строительство рабочего (селекционного) домика на селекционном поле Шатиловской станции, 1912 г.

Заведующий отделом селекции П.И. Лисицын в рабочем домике, 1912 г.

Александра Германовна Зихман, 1913 г.

Практиканты Шатиловской станции: А.Г. Зихман (сидит крайняя справа), 1913 г.

Сотрудники и практиканты Шатиловской станции: А.Н. Лебеядцев (сидит второй справа в среднем ряду), А.Г. Зихман (стоит крайняя справа), 1914 г.

У рубежей империи.
Леонтий Иванович Лисицын,
1915 г.

П.И. Лисицын — адъютант
командира 186 батальона,
Рославль, 1914 г.

В штабе,
Рославль, 1915 г.

В гостях у командира
батальона,
Рославль, 1915 г.

П.И. Лисицын (в центре) с офицерами батальона, 1915 г.

П.И. Лисицын с командиром батальона (сидят во втором ряду в центре) и офицерами, Рославль, 1915 г.

Отряд красноармейцев, защищавший Шатиловскую станцию, 1919 г.

«Отряд самообороны» — сотрудники Шатиловской станции: П.И. Лисицын (третий слева), А.Н. Лебедянцеv (четвертый слева), 1920 г.

Незаконченное лабораторное здание селекционного отдела
(строительство начато в 1914 г.), 1919 г.

Моховое. У разрушенного усадебного дома,
1922 г.

Моховое. Начало строительства зерноочистительной фабрики, 1923 г.

П.И. Лисицын в годы
создания Шатиловской
Госсемкультуры

Голунь, здание
правления Гос-
семкультуры,
1923 г.

Вид со стороны
парка, 1923 г.

Голунь. Больница,
1920-е гг.

Ржавцы. Конное хозяйство Госсемкультуры (бывший завод орловских рысаков Драгана),
1920-е гг.

Петровское. Барак для рабочих (бывшая библиотека усадьбы дома),
1920-е гг.

Буклет Шатиловской Госсемкультуры на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, 1923 г.

Россошное. Сотрудники Госсемкультуры, коммерческий отдел, 1920-е гг.

Сотрудники Шатиловской станции и Госсемкультуры, 1924 г.

Хомутово. Главная зерноочистительная фабрика Госсемкультуры, 1925 г.

В Наркомземе.
П.И. Лисицын (нижний ряд, пятый справа), В.В. Таланов (нижний ряд,
третий слева), 1925 г.

Участники Всесоюзного совещания представителей Госсемкультур на Шатиловской станции, 1925 г.

Еще одно важное дело, связанное с селекцией, — будущая «жизнь сорта», контроль за качеством семенного материала, который попадал в продажу. Лисицын занялся этим вопросом весной 1914 г., отслеживая чистоту посевов клевера в районе действия Шатиловской станции. В русле времени он мыслил категориями кооперирования сельских хозяев⁶⁹, считая необходимым объединить тех, кто поставлял на рынок свои семена, в производственный союз. Лисицын надеялся, что в будущем такие кооперативные союзы смогут взять в свои руки размножение селекционных сортов, и не только клевера. По его мнению, именно союзы производителей семян могли бы стать основой для создания системы сортового семеноводства в стране:

«Это является началом того общественного контроля семян, без которого за границей нельзя продать ни единого пуда даже очень хороших семян и совершенно невозможно всучить кому-нибудь дрянь. В будущем этот союз, вероятно, возьмет в свои руки размножение селекционных сортов нашей станции под контролем специалистов»⁷⁰.

В этих размышлениях Лисицына можно увидеть прообраз идей и программных установок, которые в 1920-е гг. легли в основу созданной им системы государственного семеноводства СССР. А пока в дело вступили земские агрономические службы: под эгидой Орловского губернского земства местные хозяйства, производившие семена клевера на продажу, объединились в Орловский семенной союз. И это не единственный пример участия земств в организации семенного кооператива в районе действия Шатиловской станции.

История первых овсяных семенных союзов также связана с Лисицыным. В 1913 г. Тульское губернское земство, заинтересовавшись характеристиками овса Шатиловский 033, разработало план производства сортовых семян объединением хозяйств-производителей. Между Шатиловской станцией и Тульским земством было подписано соглашение о праве размножать селекционные семена в пределах Тульской губернии. Заняться Шатиловским 033 захотело и Орловское земство, но станция вынуждена была отказать: тер-

⁶⁹ О кооперации в сельском хозяйстве, ее формах и особенностях в России, роли земств в ее организации см.: *Коцюнис Я.* Как крестьяне делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861—1914. М.: НЛЮ, 2006; *Gerasimov I.V.* Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia. Rural Professionals and Self-Organisation, 1905—1930. London: Palgrave Macmillan, 2009.

⁷⁰ Письмо П.И. Лисицына. Апрель 1914 г. АМКБЛ.

риториально она относилась к Тульской губернии, что налагало ограничения на ее полномочия. Орловское земство заявило протест: в реальной работе Шатиловская станция была гораздо теснее связана именно с Орловской губернией (об этом мы писали выше). Начались переговоры; были проведены объединенные заседания Совета станции и экономических комиссий земских управ. В результате пришли к консолидированному решению — открыть доступ к семенам селекционного овса Шатиловский 033 обоим земствам через их союзы⁷¹.

Разнообразие «околоселекционных» занятий Лисицына в 1912—1914 гг. еще раз иллюстрирует тезис о «молодой науке селекции», где всё было новым, неразработанным: методики селекции, математический аппарат, конструкции механизмов, система размножения сортовых семян. Селекционер в России — в полном смысле «и швец, и жнец»; к тому же «и один в поле воин», учитывая скромный штат отдела селекции с единственным специалистом.

Как руководителю отдела П.И. Лисицыну приходилось много заниматься административной работой: подгонять строительство селекционной лаборатории (оно началось перед войной, и вскоре было заморожено); вести переговоры о дополнительных штатных единицах, приобретении участка земли; представлять станцию на совещаниях и съездах⁷². Так, в феврале 1913 г. Лисицын был командирован в Петербург для участия в Совещании по сельскохозяйственному опытному делу, призванному проанализировать состояние и пути развития опытной работы в империи⁷³. Лисицын работал в Комиссии по сортоведению, где были приняты важные решения «о желательности работ по селекции на полеводческих опытных учреждениях; об организации районных сельскохозяйственных ботанических садов (коллекционных участков)» и др.⁷⁴

Углубленно занимаясь клевером, весной-летом 1914 г. Лисицын собирался в экспедицию на Печору и на Кавказ для изучения местных разновидностей, пополнения своей коллекции⁷⁵. Маршрут был

⁷¹ Лисицын П.И. Сорта, рекомендуемые Шатиловской опытной станцией // Избанные сочинания. Т. 2. С. 289—311.

⁷² Лисицын П.И. Современное положение селекционных работ на Шатиловской опытной станции // Избанные сочинания. Т. 2. С. 46—48. Совет станции принял решение о приобретении для селекционного отдела участка в 55 десятин (около 60 га), но дело тормозилось из-за отсутствия денег.

⁷³ Труды Совещания по Сельскохозяйственному опытному делу, происходившего 10—17 февраля при ГУЗиЗ. Вып. 1. СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1913.

⁷⁴ Там же. С. 70.

⁷⁵ Семейные вести. Апрель—июнь 1914 г. АМКБЛ.

запланирован таким образом, чтобы собрать материал «по Шатиловскому меридиану», понять, как меняется клевер с юга на север⁷⁶. Из-за начавшейся войны планы пришлось свернуть.

Личная жизнь: «Разве можно число «13» считать несчастливым?»

Предвоенный период стал временем перемен не только в профессиональной жизни Петра Ивановича. Обратимся к короткому тревожному сообщению из «Семейных вестей»:

«Пётр: июль—декабрь 1913 г. Нервное состояние. Весной всё разрастается. Обращался к Россолимо»⁷⁷.

Объяснение причин находим в следующей записи уже за 1914 г.: «Пётр: январь—март 1914 г. Ведет дело о разводе. Принял вину на себя»⁷⁸. Дело в том, что в 1913 г. на лето в селекционный отдел зачислили двух сезонных практикантов: студента Московского университета В. Юдина и слушательницу Высших женских сельскохозяйственных Голицынских курсов А.Г. Зихман. Эта девушка и стала причиной «нервного настроения» 1913 года, а впоследствии — верной спутницей и соратницей Петра Ивановича до конца его дней.

Новый союз, событие очень личное, самым непосредственным образом отразился на профессиональной судьбе Лисицына. Поэто-

⁷⁶ Экспедиция планировалась «по Шатиловскому меридиану», потому что именно в таком направлении происходит зональная смена растительности — от степной к лесной, хвойной, лесо-тундре и тундре. П.И. Лисицын установил, что не только клевера, но и шмели, их опыляющие, меняются по меридиану (данные пчеловода Губина, присылавшего Лисицыну посылки со шмелями). Представления о растительной зональности впервые введены Александром фон Гумбольдтом. Понятие общей зональности определено законом Безрукова—Лисицына, согласно которому существует зональность климатическая (природная, к которой относится, в том числе, растительная зональность); вертикальная; тектоно-магматическая; циркум-континентальная (для океана). См.: *Безруков П.Л.* Некоторые проблемы зональности осадкообразования в Мировом океане // *Тр. океанограф. комиссии.* Т. 10. Вып. 3; *Лисицын А.П.* Биогенная седиментация в океанах и зональность // *Литол. и полезн. ископ.* 1977. № 1.

⁷⁷ Семейные вести. 8 декабря 1913 г. АМКБЛ.

Россоломо, Григорий Иванович (1860—1928) — невропатолог, дефектолог. Работал в Московском университете, затем — в организованном на собственные деньги Институте детской психологии и неврологии; в 1917 г. подарил свой институт Московскому университету. С 1917 г. — профессор МГУ и директор Неврологического института им. А.Я. Кожевникова.

⁷⁸ Семейные вести. Январь—март 1914 г. АМКБЛ.

му мы сочли возможным рассказать об этой странице в его жизни подробнее.

Сохранилось официальное письмо-приглашение на бланке Шатиловской станции, подписанное П.И. Лисицыным.

«Марта 20, 1913 г.

Милостивая государыня Александра Германовна!

Сим уведомляю, что согласно Вашего желания Вы зачислены практиканткой селекционного отдела Шатиловской станции с 1 мая текущего года, с вознаграждением в 30 р.

Что касается квартиры, то до окончания дома для практикантов станция может предоставить в распоряжение практиканток (которых может быть до 4-х человек) только одну комнату.

Если Вы согласны, то можете приехать и с 1 апреля, но я не ручаюсь, что дам Вам на это время какую-то работу. В окончательном решении прошу уведомить немедленно телеграммой по адресу: Новосиль, Лисицыну, до востребования.

Достаточно будет одно слово — “согласна” или “отказываюсь” и подписи. О времени приезда уведомите письмом. Проезд через Тулу-Орел до ст. Хомутово, Юго-Восточной железной дороги. Если укажете точно день, когда приедете на Хомутово, то вышлем лошадь.

С почтением,

П. Лисицын»⁷⁹

29 марта получена короткая телеграмма: «Согласна. Зихман». А 26 апреля 1913 г. Александра Германовна пишет Лисицыну:

«Милостивый Государь!

Я буду на станции Хомутово 29 апреля в 7.30 вечера. Если можно, то будьте добры выслать лошадь.

С почтением,

А. Зихман»⁸⁰

И когда Александра Германовна, не разочаровавшись в выбранной работе, осенью снова приехала на Шатиловскую станцию, Пётр Иванович в свойственной ему шутиливой манере заметил: «Разве можно считать «тринадцать» несчастливым числом, если в 1913 году Вы дважды почтили нас своим присутствием?»

⁷⁹ Письмо П.И. Лисицына А.Г. Зихман. 20 марта 1913. АМКБЛ.

⁸⁰ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисицыну. 26 апреля 1913 г. АМКБЛ.

Увлеченность общим делом, как это часто случается, стала основой для глубоких чувств. Начался роман, который полностью перевернул жизнь Петра Ивановича. У него — более чем десятилетний брак, трое детей, младшему из которых только пять лет. Жена и дети живут в Телятинках, давно стали частью большого лисицынского клана (на Шатиловской станции условий для воспитания детей долгое время не было). А Лисицыны — семья со строгими порядками и представлениями о нравственности, которые оберегает Иван Фёдорович. К тому же недавно вся семья отмечала «двойной юбилей» родителей, проживших в браке долгие десятилетия... Разрушить устоявшуюся семейную жизнь после непродолжительного знакомства — еще и большой риск: за увлеченностью может последовать разочарование и охлаждение. Однако Пётр Иванович решается на разрыв. Лисицыну в то время — 36 лет; его избранница — молоденькая девушка неполных 20 лет, еще курсистка.

Александра Германовна Зихман родилась 4 мая (по старому стилю) 1893 г. в Риге⁸¹. Ее мать, Матильда Петровна, урожденная Купласт, была наполовину немка, наполовину латышка (по отцу)⁸². Отец Александры, Герман Зихман, из латвийских немцев, занимался производством мягкой мебели и оборудования для спальных вагонов прямого сообщения, был поставщиком двора, имел контору в Москве на Чистых Прудах. Он скончался вскоре после рождения дочери. Согласно семейному преданию, оставил огромное наследство — 3 млн золотых рублей. В завещании оговаривалось: семья получит всю сумму только при условии, если Матильда Петровна сохранит статус вдовы; в противном случае полное содержание выделялось лишь дочери. Однако мать, еще молодая женщина, вступила в брак повторно, связав свою жизнь с Андрианом Григорьевичем Этингером, полковником Серпуховского полка⁸³. Вскоре у четы

⁸¹ Трудовой список (книжка) Александры Германовны Лисицыной. Л. 1. АМКБЛ.

⁸² По семейным рассказам дед Александры Германовны, машинист паровоза литерных (царских) поездов, имел пожалованные Николаем II золотые часы и любил вспоминать, как после завершения поездки высокородный пассажир благодарил за доставку, пожимая руку, а княжны делали книксен.

⁸³ Этингер, Андриан Григорьевич (1858—1914) — военный, полковник, участник русско-японской и первой мировой войны. Из дворян. Получил домашнее образование. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище. Выпущен прапорщиком в 55-й пехотный запасной батальон. Подпоручик, поручик (1883), штабс-капитан (1894), капитан (1899). Сражался на фронтах русско-японской войны 1904—1905 гг. Подполковник (1905), полковник (1910). С 1909 г. служил в 120-м пехотном Серпуховском полку. Участник первой мировой войны. Погиб в бою. Награды: ордена Св. Станислава 2-й степени (1905), Св. Анны 2-й степени (1909). См.: Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.03.1914. С.-Петербург, 1914.

Этингеров родился сын Павел, сводный брат Александры. Андриан Григорьевич удочерил Александру; она относилась к нему как к родному отцу.

Александра закончила школу в Риге; хорошо знала латышский, немецкий, французский. Выбор профессии пришелся на время расцвета популярности в среде интеллигенции и передовой буржуазии агрономического образования. Александра Германовна отправилась в Москву, на недавно открывшиеся Высшие женские сельскохозяйственные Голицынские курсы. Курсы славились блестящим преподавательским составом: Д.Н. Прянишников, А.Г. Дояренко, Н.И. Вавилов и многие другие выдающиеся ученые читали лекции и вели практические занятия для «голицынок». Летняя практика на одной из опытных станций — стандартная составляющая агрономического образования. Как и почему был сделан выбор в пользу Шатиловки (если это был выбор самой Александры Германовны), мы не знаем. Тем не менее документы свидетельствуют:

«1 марта 1913 г. — зачислена летней практиканткой селекционного отдела;

19 ноября 1913 г. — отчислена со службы за окончанием работы»⁸⁴.

За этими двумя датами — история лета селекционных работ и начавшегося романа. Мы можем судить о нём по последовавшей переписке. Александра Германовна вернулась в Минск, где в то время жила ее семья. Из Минска в Шатиловку и обратно шли бесконечные письма.

Первое письмо, отправленное молодой курсисткой своему руководителю и избраннику, написано сразу после отъезда с Шатиловки, 9 сентября 1913 г. Лейтмотив этого послания, наполненного романтическими ожиданиями: «В наших отношениях не должно быть лжи...»⁸⁵ Но приходилось обсуждать и совсем иные материи: лисицынский клан и слышать не хотел о разводе, семья Зихман-Этингеров также была не в восторге от выбора дочери. Но Александра Германовна — девушка решительная, готовая постоять за свою любовь.

18.09.1913. Минск

«Рассказала маме о тебе. Мама меня выслушала. Всё было тихо. Но после беседы мамы с бабушкой они на меня напа-

⁸⁴ Трудовая книжка А.Г. Лисицыной. Л. 5—6. АМКБЛ.

⁸⁵ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисицыну. 9 сентября 1913 г. АМКБЛ.

ли: что это не хорошо, что я себе найду другого, свободного, а не такого, который имеет обязательства. И всё в таком роде. Вдруг мама заявляет: никуда ты не поедешь, кроме Москвы. Тут меня взорвало, я наговорила им может и лишнее и заявила, что буду делать, как захочу, и заставлять меня нельзя»⁸⁶.

Ситуация осложнялась тем, что Мария Яковлевна очень тяжело переживала разрыв, не давала развода. И Александра Германовна приняла непростое решение о гражданском браке, что должно было облегчить жизнь Петру Ивановичу:

Москва. 1.12.1913

«Знаешь, я теперь окончательно поняла, что буду с тобой жить или ни с кем никогда»⁸⁷.

Москва. 9.12.1913

«Знаешь, что я думаю: может быть не стоит начинать развода до праздников. Дома я выясню отношения на днях к моему решению выйти за тебя замуж. Я думаю, они отнесутся, может быть, и с легким неудовольствием, но если оно и будет, то очень скоро пройдет, а я узнаю их взгляды, их отношение к гражданскому браку, быть может и это им не покажется чем-то невозможным. Может быть, если им не будет тяжело очень, что я буду жить с тобой не обвенчавшись, то и не стоит начинать всей этой процедуры. Тогда меня первое время будет тяготить отношение окружающих, но ведь и это пройдет... Если мы с тобой будем жить, никогда не буду отговаривать тебя видаться с МЯ (Марией Яковлевной. — *О.Е.*) и детьми, да я себя и не считаю вправе это делать»⁸⁸.

Но неожиданно для всех Мария Яковлевна дала согласие на развод. И вернувшаяся на новогодние праздники в Минск Александра Германовна пишет:

22.12.1913. Минск

«На днях я сказала, что выхожу за тебя замуж. Сказала маме, а она папе, хотя папа и не доволен, что я ему не сама сказала. Она всё приняла за шутку, но когда узнала о согласии МЯ, даже изменилась в лице. Я ей сказала, что думаю после Москвы ехать к тебе практиканткой. Она спросила,

⁸⁶ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисищину. 18 сентября 1913 г. АМКБЛ.

⁸⁷ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисищину. 1 декабря 1913 г. АМКБЛ.

⁸⁸ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисищину. 9 декабря 1913 г. АМКБЛ.

не буду ли я и жить у тебя; сказано было шутя. Я говорю, отчего бы и нет, не всё ли равно... Окончательно решила, что приеду в Москву и буду с тобой жить. А вот относительно станции я еще сама не знаю, как устроюсь. Ты пока не предупреждай о моем приезде»⁸⁹.

Судя по переписке, в январе 1914 г. Пётр Иванович приезжал в Москву специально для встречи с родственниками Александры Германовны. Он произвел «хорошее впечатление». Но вскоре жених и невеста опять обмениваются тревожными письмами: Мария Яковлевна в плохом душевном состоянии, родные опасаются за ее жизнь...

Между тем в марте наступила пора экзаменов. В тетрадах, где Александра Германовна записывала лекции, один за другим следуют конспекты экзаменационных предметов: животноводство, зоотехния, удобрения, селекция. В связи с селекцией сделана приписка: «Вавилов»; далее следуют разделы, которые были выделены Николаем Ивановичем в лекциях: систематика хлебных злаков, самоопыление и перекрестное опыление, пшеница, рожь, и другие культуры. По тексту разбросаны и ссылки на литературу, очевидно, рекомендованную для дополнительной подготовки: «Труды Бюро по прикладной ботанике» 1908 г.; П.А. Костычев, А.М. Бажанов⁹⁰, И.Н. Клинген⁹¹, Д.Л. Рудзинский⁹². Достаточно серьезная база для дальнейших занятий селекцией.

Весной пришли и долгожданные вести: развод получен, можно готовиться к свадьбе. После радостного описания традиционных забот о приданном Александра Германовна пишет и о других ожиданиях — рабочих:

7.04.14. Москва

«Мама, конечно, мне нашла всякой всячины. Сделала вышитую скатерть, массу всяких салфеточек, не знаю, как успела

⁸⁹ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисицыну. 22 декабря 1913 г. АМКБЛ.

⁹⁰ Бажанов, Алексей Михайлович (1820—1889) — агроном, зоотехник. Преподавал агрономию в Горьгорецком земледельческом институте (Горки, Могилевская губ.); профессор зоотехнии в Лесном институте в С.-Петербурге.

⁹¹ Клинген, Иван Николаевич (1851—1922) — агроном, специалист по травосеянию, субтропическим культурам. Родился в поместье родителей близь сельца Прилепы Белёвского у. Тульской губ. (совр. Арсеньевский район). Внес научно-практический вклад в развитие методов травосеяния с посевами клевера; изучал вопросы пчеловодства, в том числе опыления клевера. Действительный член Русского географического общества, награжден серебряной медалью.

⁹² Тетрадь с лекционными записями А.Г. Зихман. АМКБЛ.

за такой короткий срок. Приданое будет на славу. Надо будет и самой немного поработать.

Я очень рада, что твой проект понравился Маслову. Ну и работа же будет на следующий год! Ты думаешь сократить, может, работы этого года, но, по-моему, не стоит, народу будет много, думаю, справимся»⁹³.

В конце весны в Сурах Тульской губернии — ближайшем храме в окрестностях станции — состоялось венчание Александры Германовны и Петра Ивановича; невеста перед этим приняла православие (она была лютеранкой). Родных Лисицына на церемонии не было; об этих событиях нет никаких упоминаний в «Семейных вестях». И если с братьями и сестрами Пётр Иванович в дальнейшем наладил отношения, то отец остался непреклонен: для Петра и его молодой жены Телятинки были закрыты навсегда. Можно лишь догадываться, каким тяжелым переживанием стало для Лисицына отлучение от дома...

Между тем молодой семье Лисицыных предстояло новое испытание: началась Первая мировая война. Александра Германовна в это время находилась у родных в Минске, что добавляло волнений. И хотя она успокаивала: «Как только узнаем, что немцы близко, сразу же уедем» (письмо 14 сентября 1914), Лисицын настаивал на скорейшем переезде на станцию. У молодой супруги, между тем, семейные заботы: она закупала мебель для обустройства шатиловской жизни (Пётр Иванович жил по-холостяцки, практически без быта), вела переговоры об отправке груза «недорого, на малой скорости» (письмо 22 сентября 1914 г.). Александра Германовна еще и не начинала размышлять о том, что для нее будет означать война, призыв мужа. Хотя уже приходилось тревожиться: дядя, мамин брат, в действующей армии, от него нет вестей... В конце сентября она еще в Минске; пишет — довольно беспечно — в Рославль мужу:

«Горюешь, что не читаешь. Не беда, лишь бы кончилась война, и не послали на фронт»⁹⁴.

Вероятно, вскоре после этого состоялся переезд на Шатиловку. С Александрой Германовной приехали бабушка и дедушка; ее мать на время осталась в Минске, но вскоре присоединилась к семье дочери. Старики с энтузиазмом занялись обустройством приусадебного сада:

⁹³ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисицыну. 17 марта 1914 г. АМКБЛ.

⁹⁴ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисицыну. 28 сентября 1914 г. АМКБЛ.

«Бабушка и дедушка возятся весь день в саду. Ну и работы же тут, но когда все разрастется, должно получиться что-то особенное»⁹⁵.

«Сегодня дедушка заметил в саду, что одно деревце — грушу, зайцы совсем объели... У абрикосов и айвы пообгрызли верхушки, ежевику почти всю поломали и даже за малину принялись»⁹⁶.

За строчками писем стоит много недосказанного: о приеме молодой супруги, отнюдь не восторженном, старожилками Шатиловки (прежде всего — их женами); о грядущих полевых работах, которые предстоит провести без главного селекционера и ... мужа.

Первая мировая война: «боевой» Рославль, «мирная» Шатиловка

Для Шатиловской станции война означала, что «...нормальная жизнь станции и расширение ее деятельности в смысле открытия новых отделов и возведения необходимых построек были приостановлены»⁹⁷.

Мобилизовали практически весь технический персонал призывного возраста. Из троих руководителей подразделений двоих — П.И. Лисицына и А.И. Тальковского — призвали в армию (А.Н. Лебедянцева как заведующий мобилизации не подлежал). Отделам селекции и метеорологии был нанесен огромный урон: «видимость работы сохранилась, но внутренняя ученая жизнь их (указанных отделов. — *О.Е.*) совершенно приостановилась»⁹⁸.

Большие трудности вызвала проводившаяся по всей России реквизиция лошадей, которая не обошла и Шатиловскую станцию. Пришлось затратить немалые дополнительные средства на покупку для Шатиловки новых лошадей и перевозочных средств, ставших крайне дорогими в военное время.

Наконец, война затронула финансы станции: согласно распоряжению Департамента земледелия, часть выделенных на содержание станции сумм пришлось вернуть в Государственное казначейство⁹⁹. Правда, в 1915 г. денежные ассигнования еще поступали и

⁹⁵ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисицыну. [б.д.] 1914 г. АМКБЛ.

⁹⁶ Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисицыну. [б.д.] 1914—1915 гг. АМКБЛ.

⁹⁷ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1914 год. Новосиль: А.М. Одинцова, 1917. С. 1.

⁹⁸ Там же. С. 2.

⁹⁹ Там же. С. 1.

даже были увеличены, но к концу года из-за подорожания предметов первой необходимости все дополнительные средства оказались «съедены» хозяйственными расходами — в ущерб тратам научного характера. Нечего и говорить о том, что война лишила станцию дополнительного финансирования, необходимого для организации новых отделов, строительных работ.

Лисицын стал последним в числе мобилизованных:

«Со станции взяли троих солдат и одного офицера... Остался, должно быть, я один (из числа военнообязанных. — *О.Е.*). Не знаю, как идет мобилизация по городам, но здесь она совсем не похожа на японскую. Тогда было пьянство, а теперь все серьезны, сдержанны и злы. У всех есть какая-то молчаливая решимость, и, может быть, с различными мотивами, все идут с одной целью: побить. Здорово побить»¹⁰⁰.

Разумеется, запланированная поездка по сбору клеверов не состоялась. В августе 1914 г. он еще продолжает работать, занимается уборкой селекционных делянок, но тяготится неопределенностью:

«Я до сих пор... не имею от воинского [неразб.] никаких вестей. Поездка по “меридиану” рухнула, потому что сметы сокращены до безобразия. Все постройки остановлены, оборудование тоже. Из операционных сумм оставлено как раз столько, сколько нужно, чтобы дело не погибло. Департамент предупреждает, что и в 1915 г. смета будет скомкана»¹⁰¹.

Наконец, 14 августа Лисицын получил призывной лист с назначением адъютантом командира в 186 запасной батальон, расквартированный в Рославле¹⁰². О его военной жизни мы можем судить по сохранившимся письмам.

Первое — о тыловой неразберихе, вынужденном бездействии. В традиционном стиле лисицынской сатиры:

«Прибыл в паршивый уездный город Рославль. Ни батальона, в который я назначен, ни командира этого батальона, ни офицеров здесь не оказалось. Всё это пока на бумаге, а в действительности — я один. Воинское начальство уверяет, что “едут”. А откуда, что, когда приедут — ничего не известно. Сейчас ярко боевое настроение: за два номера от меня ка-

¹⁰⁰ Письмо П.И. Лисицына А.Г. Зихман. Июль 1914 г. АМКБЛ.

¹⁰¹ Семейные вести. 10 августа 1914 г. АМКБЛ.

¹⁰² Семейные вести. Август 1914. АМКБЛ.

кой-то милейший человек жарит на рояле вот уже полчаса “Баркаролу” Чайковского, проигрывает две-три фразы, сбивается на определенном месте, начинает сначала, опять сбивается, опять начинает... с упорством осла. Хочется пойти и здорово поколотить»¹⁰³.

Наконец батальон сформирован: состоит из восьми офицеров и двух тысяч солдат; адъютант Лисицын дождался своего командира:

«Приехал командир батальона. Полковник в отставке. Глухой, упрямый, бестолковый старик. За 30 лет военной службы не успел ознакомиться с уставами и обращается ко мне с указаниями: объясняет, как вынуть лист бумаги и как его положить на стол, как взять ручку и т.д. В результате издаю приказы задним числом и опаздываю со срочными донесениями. Если не приберу эту старую квашню к рукам или не найду способа затыкать ему глотку, буду проситься в действующую армию. Лучше оглохну от крепостных орудий, чем от рева этого сноба»¹⁰⁴.

В большой семье Лисицыных, кроме Петра, призваны старшие братья, Николай и Яков, и младший Леонтий. Как заметил один из них в письме домой, «мирная семья Лисицыных дала уже Родине в эту величайшую войну четырёх офицеров»¹⁰⁵. Но только Леонтий воюет в действующей армии, в 59-й пехотной дивизии. Его впечатления — совсем иные:

«Бивак среди поля. Невдалеке деревня. Офицерская палатка. Сажу на краю походной кровати, пишу на своем колене. Обстановка знакомая не всякому. Аккомпанемент к созданию настроения и дум оригинальный — отдаленный грохот тяжелых орудий. Дня через два, а может быть, и завтра, мы ввяжемся в дело»¹⁰⁶.

Служба Петра Ивановича была значительно более безопасной и даже комфортной с бытовой точки зрения: для офицеров снимали квартиры. Но Лисицын тяготился тыловой жизнью, собирался подать прошение о переводе на фронт. Примиряла с Рославлем лишь возможность получать увольнительные для поездок на стан-

¹⁰³ Семейные вести. 21 августа 1914 г. АМКБЛ.

¹⁰⁴ Семейные вести. Август—сентябрь 1914. АМКБЛ.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Семейные вести. 21 августа 1914 г. АМКБЛ.

цию. А появляться там было необходимо: селекция по ржи и клеверу находилась на стадии конкурсного испытания, без «профессионального глаза» не обойтись. В короткие визиты Лисицын инструктировал оставшихся сотрудников, как проводить отбор, каким параметрам отдавать предпочтение. Только благодаря их самоотверженному труду война не привела к полной остановке научной работы. «Сотрудников» (по формальным критериям к таковым даже не относящихся) было всего двое: Семён Иванович Макаров, смотритель отдела, и Александра Германовна Зихман, которая закончила обучение и была принята в штат станции лаборантом-практикантом¹⁰⁷. Не удивительно, что все мысли Петра Ивановича и Александры Германовны — о возможных командировках Лисицына на Шатиловку. Но каждому из редких визитов предшествовали хлопоты: приходилось подключать руководство Департамента земледелия. Например, весной 1915 г. Александра Германовна писала мужу:

«Отчего ты так мрачно смотришь на вещи, думаешь, что не удастся скоро выбраться из Рославля на станцию. Ал. Ник. (Лебедев. — *О.Е.*) наоборот думает, что всё ему удастся устроить. Он ждет письма от Арнольда¹⁰⁸, который обещал нажать как следует да начать действовать. Как-то и не хочется думать, что из всего этого может ничего не выйти. Я не знаю, как тут буду одна, ну зимой другое дело, а вот посев. Помнишь, как у нас всегда кипела работа. И теперь бы так хотелось, чтобы все было так, как в прежние годы, опять обдумывать всякие мелочи для посева. А я вместо этого сижу и взвешиваю. Сделаю еще десяток растений, и тогда будет около 5000 взвешиваний, но это всего того, что нужно»¹⁰⁹.

Итак, увольнительные — результат переговоров и соглашений между сельскохозяйственным и военным ведомствами. Как правило, растениеводам (в том числе — селекционерам) идут навстречу:

¹⁰⁷ Запись в трудовой книжке гласит: «1 января 1914 г — назначена годовой практиканткой селекционного отдела»: Трудовой список (книжка) Александры Германовны Лисицыной. АМКБЛ.

¹⁰⁸ Арнольд, Михаил Фёдорович — агроном, специалист по опытному делу. Сын известного лесоведа, директора Петровской академии Ф.К. Арнольда; зять И.А. Стебута. Окончил МСХИ. Директор Богородицкого сельскохозяйственного училища (с 1898 г.). Служил в МЗиГИ (ГУЗиЗ), где возглавлял Комиссию по сельскохозяйственному опытному делу. После революции работал в Наркомземе (заведующий Опытным отделом).

¹⁰⁹ Письмо П.И. Лисицына А.Г. Зихман. [б.д.] АМКБЛ.

оказавшиеся в резерве получают возможность посещать институты и опытные станции; практически не известны случаи, когда ученые-агрономы призывного возраста попадали на фронт¹¹⁰.

Тем не менее, пара коротких визитов за год — очень мало для продолжения селекционных работ на Шатиловке. Есть и другие проблемы: формально на время отсутствия Лисицына его обязанности — в том числе подготовку отчетов, которые никто не отменял, — должен был исполнять заместитель, но людей не было. Выходило, что поручить заведование можно только молодой практикантке, — безусловно, очень способной, увлеченной селекционной работой, но еще крайне неопытной, не столь прочно утвердившейся на станции. Лисицын терзался сомнениями, но с 1 января 1915 г.¹¹¹ Александра Германовна все-таки была назначена помощником заведующего селекционным отделом.

Первый год самостоятельной работы был самым тяжелым. Сначала Александра Германовна рассчитывает на помощь мужа:

«Надеюсь, что ты сегодня приедешь... Мне бы очень хотелось, чтобы ты увидел рожь на корню. Сегодня я выжала защитные полосы. Завтра можно жать и конкурс, но отложила, может ты и приедешь. Группы IV и IX можно убирать. Остальные также почти готовы. Самая отсталая, кажется, VIII. Приехал бы, все осмотрел, а там бы я принялась за уборку, а на отбор тоже как-нибудь урвал денечек, а без тебя получится невозможная штука»¹¹².

Но Лисицын ничем утешить не может; он погружен в рутину бесконечного формирования подразделений для фронта. В феврале 1915 г. сообщает:

«У меня почти ничего нового. Только бригадный переменялся. Теперь какой-то генерал Наумов. Пойдут опять телеграммы, новые распоряжения, срочные приказы. И т.д., а дел и без этого масса. Формируем сразу 10 маршевых рот. Идет суета, беготня и непрерывный крик»¹¹³.

В 1916 г. сменилось место службы. Мы не знаем, помогли в этом доброжелатели Петра Ивановича из ГУЗиЗ, например, М.Ф. Ар-

¹¹⁰ Об особой мобилизации агрономов см.: *Matsuzato K. The Fate of Agronomists in Russia: Their Quantitative Dynamics from 1911 to 1916 // Russian Review. 1996. Vol. 55. P. 172—201.*

¹¹¹ Трудовой список (книжка) Александры Германовны Лисицыной. АМКБЛ.

¹¹² Письмо А.Г. Зихман П.И. Лисицыну. Б.д. [предпол. осень 1914 г.] АМКБЛ.

¹¹³ Письмо П.И. Лисицына к А.Г. Зихман. 12 февраля 1915 г. АМКБЛ.

нольд, или выпал случай, но Лисицына командировали в Петроград в научно-техническую лабораторию Военного министерства. Ему было поручено выявить расы дрожжей, хорошо бродивших при низких температурах, что требовалось для выпечки хлеба в фронтовых условиях. Работа в лаборатории, практически по специальности, была явно предпочтительней службы в Рославле, хотя комментарии самого Петра Ивановича об этом периоде не сохранились. После долгих исследований Лисицын выполнил задание; несомненно, помогли знания в области бактериологии, полученные в Московском сельскохозяйственном институте в лаборатории профессора Н.Н. Худякова.

Из Петербурга на сезонные работы Лисицыну приезжать не удалось; это время для селекционного отдела оказалось самым трудным.

И все же на Шатиловской станции в годы войны произошли и положительные перемены. Например, решался земельный вопрос. В 1914 г. удалось взять в аренду участок в 20 десятин (около 22 га) «на нужды селекционного отдела». Однако при отсутствии рабочих рук его едва ли можно было полностью использовать.

В отчете 1914 г., фактически составленном еще Лисицыным, говорилось:

«В этом году следует отметить два крупных обстоятельства, которые не останутся без влияния на жизнь возникающего отдела: во-первых, заареновано 20 десятин земли для нужд отдела и, во-вторых, заведующий отделом отвлечен от работ призывом на военную службу»¹¹⁴.

Появились новые сотрудники. В военные годы штат Шатиловской станции пополнялся в основном женщинами, и не только из-за призыва. Одна из причин — перемены в сфере высшего сельскохозяйственного образования, о которых говорилось выше. Именно на предвоенные и военные годы пришлось первые выпуски женских сельскохозяйственных курсов в Москве и Петербурге. Высокий образовательный стандарт этих учебных заведений определил конкурентное равенство (а иногда и преимущество) их выпускниц при поступлении на опытные станции. На Шатиловку была принята практиканткой слушательница Высших женских курсов Лохвицкой-Скалон Надежда Вячеславовна Андреева, которая впоследствии возглавила энтомологический отдел. Забегая вперед, отметим, что к концу войны Шатиловская станция располагала внушительным штатом из 22 постоянных научных сотрудников и 12 времен-

¹¹⁴ Отчет о состоянии и деятельности селекционного отдела в 1914 г. С. 224.

ных¹¹⁵ (для сравнения — в 1908 г., когда на станцию пришел Лисицын, на станции было всего 3 постоянных сотрудника).

Рассмотрим подробнее работы военного времени, проводившиеся в селекционном отделе. Исследования решили сосредоточить на клевере, продвигая по мере возможностей также селекцию ржи и овса.

По данным отчета 1914 г., еще удавалось заниматься почти всеми намеченными для селекции культурами. Большую часть года — горячее весенне-летнее и частично осеннее время — работой еще руководил П.И. Лисицын; дополнительные 20 десятин позволили расширить селекционные питомники и первые поля размножения. Клевер — главная забота Лисицына в этот период; на первый военный год пришлось начало работ по гибридизации. Среди материала для скрещивания: растения с наибольшей облиственностью (из позднеспелой группы и из группы средней спелости); растения, обладающие наибольшим числом стеблей в кусте; растения с наибольшей высотой; растения с наибольшим числом междоузлий. В результате были получены гибридные семена. Подводя итог, А.Г. Зихман замечала: «Вообще в 1914 г. положено начало перехода от изучения вегетативной фазы клевера к его генеративной фазе»¹¹⁶.

Кроме того, велось изучение клевера других эколого-географических районов (Пермской и Подольской губерний, из Северной Англии, Швеции) в отношении их облиственности и других хозяйственных признаков с целью наметить материал для гибридизации. Одновременно разрабатывались методики анализа растений, проводилось сравнение метода анализа по кустам целиком с анализом по четырём стеблям и др.

Овес — культура, которой традиционно занимались на Шатиловской станции; в отчетный год продолжался индивидуальный отбор овса¹¹⁷. Всё озимое поле занимала рожь. Производился массовый отбор у групп и «фамилий» предшествующих лет. Так, был произведен второй повторный отбор в 5 группах и 37 семействах. Полученный материал (291 номер) был высеян для дальнейшего отбора. Кроме того, вновь отобрано 4 группы¹¹⁸. Продолжались и начатые еще в 1912 г. опыты с викой (в направлении скороспелости и увеличения укосной массы; высеяно 185 номеров) и суданской травой. Неожиданно обрели и новую селекционную культуру — люцерну: было обнаружено несколько растений, выживших на под-

¹¹⁵ Данные приведены по: *Зарьянова З.А.* Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 34.

¹¹⁶ Отчет о состоянии и деятельности селекционного отдела в 1914 г. С. 225.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Отчет о состоянии и деятельности селекционного отдела в 1914 г. С. 226.

ветренном и обнаженном зимой склоне из посадки двенадцатилетней давности. Пересаженные растения, предположительно устойчивые к холоду, дали урожай семян и положили начало коллекции люцерн на Шатиловской станции¹¹⁹.

В 1914 г., когда военные тяготы еще не сказались в полной мере, главные сетования Александры Германовны: отсутствие помещений — для хранения урожая, обмолота, сушки образцов, машин для обмолота и сортировки семян, а также специальной лаборатории. Всё это — по-прежнему в стадии строительства¹²⁰.

Отчет 1915 г. намного короче. Его итог:

«Четвертый год существования селекционного отдела прошел с начала до конца в отсутствии заведующего отделом. Последний имел возможность в течение летних месяцев навесить отдел только один раз — в период уборки ржи, чтобы провести очередной отбор у групп и семейств ржи. Все остальные работы отдела в отчетном году были произведены помощником заведующего А.Г. Зихман и смотрителем С.И. Макаровым»¹²¹.

Отдел продолжал работать, но некоторые программы пришлось ограничить. Работы с клевером на время полностью законсервировали. Среди сделанного: у ржи произведен третий повторный отбор у девяти групп массового отбора; у очередного поколения 37 номеров фамильного отбора; поставлен первый опыт сравнения урожайности четырех групп массового отбора ржи с местной рожью; эти группы включены в конкурсное испытание¹²². Овес: высеян 461 номер, более 100 отобраны для конкурсного испытания¹²³. Осимой пшеницы высеяно 85 номеров (из 459 посева прошлого года)¹²⁴. Продолжались работы по отбору и размножению вики, суданской травы, люцерны¹²⁵. Из общих сведений о состоянии станции в 1915 г. привлекают внимание сообщения о «приращении библиотеки». Появились новые журналы и сериальные издания: «Архив биологических наук», «Вопросы местного семенного

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 227.

¹²¹ Отчет о состоянии и деятельности селекционного отдела в 1915 г. // Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1915 год. Тула: тип. Покров. подворья, аренд. Р.Я. Кислис, 1919. С. 23.

¹²² Там же. С. 24.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. С. 25.

контрольного дела», «Временник Общества для содействия успехам опытных наук и их практического применения имени Х.С. Ледецова», «Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты», «Записки Тульской станции для испытания семян», «Плодоводство». В итоге в библиотеке насчитывалось 3608 томов¹²⁶.

Отчет 1916 г. давал понять: работы под руководством А.Г. Зихман велись на грани возможностей небольшого коллектива. К этому добавлялись хронические проблемы с помещениями и оборудованием, создававшие сложности при хранении, обмолоте и обработке селекционного материала. И это несмотря на то, что заведующий А.Н. Лебедев дал указание частично разместить селекционеров с их материалом в химической лаборатории. Но все-таки работа продвигалась.

У групп и «фамилий» ржи был произведен очередной, четвертый, отбор. Получены результаты первого конкурсного испытания II, III, V и VI групп. Стандартом служила местная рожь. Произведен посев второго конкурсного испытания I, II, III и VI групп, элит очередного отбора¹²⁷. Был осуществлен первый конкурсный посев овса (стандарт — Шатиловский и Шведский)¹²⁸. Убрали урожай чистых линий озимой пшеницы. Однако сложности обработки материала привели к тому, что «у пшениц образовалась пробка перед конкурсным испытанием, и до полного оборудования селекционного отдела эта пробка не может быть сдвинута с места»¹²⁹. Отборы у клевера не проводились; изучалась изменчивость генеративной фазы и заглубление корневой шейки¹³⁰. Из растений сверх основной программы работы велись с викой, люцерной, суданской травой и кукурузой¹³¹.

Пётр Иванович был в курсе всего происходящего в отделе благодаря постоянной переписке с Александрой Германовной. Жена — и одновременно заместитель — делилась проблемами, просила совета, задавала бесконечные вопросы; Лисицын давал пояснения, успокаивал, подбадривал. Например, письмо с четкими инструкциями о том, как забирать образцы клевера, наблюдать за овсом (1915 г., без точной даты):

¹²⁶ Отчет о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции за 1915 год. С. 45.

¹²⁷ Отчет о состоянии и деятельности селекционного отдела в 1916 г. // Лисицын П.И. Избр. соч. С. 231—232.

¹²⁸ Там же. С. 231.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. С. 232.

«У клевера не бери всего корня. Достаточно будет, если ты возьмешь длиной 10 см с корневой шейкой... Записывай всё, что замечаешь у овса, фазы замечай (выметывание, наливание, созревание), а также следи за полеганием»¹³².

Ответственность и нагрузка, упавшие на Александру Германовну, позволяют говорить о ней как о реальном руководителе отдела в военные годы. Под ее началом — в том числе и ее собственными руками — было сделано главное: достигнута непрерывность селекционной работы, сохранены (а по культуре ржи и овса даже приумножены) селекционные материалы. Непрерывающаяся линия исследований позволила вернувшемуся на Шатиловку Лисицыну довольно быстро завершить начатые работы и получить результаты, зафиксированные уже в новой, послеоктябрьской истории отечественной селекции.

¹³² Письмо П.И. Лисицына к А.Г. Зихман. [б.д.] [предпол. 1915 г.]. АМКБЛ.

Глава VIII

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И АГРОНОМИЯ: СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОПЫТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И СИТУАЦИЯ В СЕЛЕКЦИИ

Революционный передел: Февральская революция, Октябрьский переворот и опытные станции

Перемены в агрономии начались уже после Февральской революции 1917 г. При Временном правительстве¹ произошла кардинальная смена руководящих структур: 6 марта 1917 г. постановлением правительства на базе имперского ведомства было образовано республиканское Министерство земледелия². Во главе министерства встал В.М. Чернов — главный идеолог и теоретик партии социалистов-революционеров (эсеров), автор идеи социализации земли³. Вслед за министром в аппарат центрального ведомства и в местные комитеты пришли многочисленные представители партии эсеров⁴. За короткий промежуток, с февраля по октябрь, Министерство земледелия стало полностью эсеровским. Таким образом, власть в центральном аппарате вплоть до июня 1918 г., когда было подавлено левоэсеровское восстание, оставалась в руках партии, сосредоточенной на социалистическом подходе к решению земельных отношений; в некоторых местных земельных отделах левые эсеры продолжали работать до периода коллективизации.

¹ *Карр Э.* История советской России. Кн. 1. Большевицкая революция 1917—1923 гг. Т. 1, 2. М.: Прогресс, 1990.

² Революция 1917 года: хроника событий: В 6 т. Т. 1. Январь—апрель / Под ред. и сост. Н. Авдеев. М.; Л., 1923.

³ *Чернов В.М.* Аграрный вопрос и современный момент. М.: Земля и воля, 1917; *Он же.* Земельный вопрос. Пг.: Рев. мысль, 1917; *Он же.* Записки социалиста-революционера. Пг.; М.; Берлин, 1928. Кн. 1; *Аноприева Г., Ерофеев Н.* Чернов Виктор Михайлович // Политические партии России. Конец XIX в. — первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С. 676—681; *Гусев К.В.* В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М.: РОССПЭН, 1999.

⁴ ГАРФ. Ф. 1797 (МЗ ВП). Оп. 1. Д. 27 (указы Временного правительства).

Отсюда — приоритет работы Министерства: реорганизация земельной собственности. Были созданы земельные комитеты на местах, призванные регулировать реформу земельных отношений. Но начинать пришлось с противодействия стихийному крестьянскому «черному переделу». В августе 1917 г., говоря об аграрной политике, товарищ министра П.А. Вихляев отмечал необходимость централизации, жестких государственных мер:

«Исключительная законодательная пестрота и полная несогласованность, полное правонарушение в деятельности местных земельных комитетов должны быть заменены более строгими регулирующими нормами, законоположенными из центра»⁵.

Вопросы модернизации сельского хозяйства также стояли на повестке дня. В Министерстве земледелия считали, что параллельно осуществляемой земельной реформе должна проводиться

«...реформа в области организации сельскохозяйственных производительных сил России, и в эту сторону внимание министерства обращается с особой силой, ...работает до 40 комиссий специалистов по отдельным вопросам сельскохозяйственной культуры»⁶.

Министерство выступило с рядом инициатив по усилению роли государства в выводе земледелия из кризиса. В частности, на рассмотрение правительства были вынесены проекты законов о принятии посева в ведение государства, о принудительном обсеменении полей⁷, о сохранении племенного скота⁸ и др.

От аграрной политики новой власти зависело и положение сельскохозяйственных опытных учреждений. Закон от 12 июля «О запрещении земельных сделок»⁹ значительно сократил право частной собственности и, что особенно существенно, позволил начать передачу частных, в том числе образцовых, поместий в ведение местных земельных комитетов¹⁰. Важным событием стал I Всероссийский съезд крестьянских депутатов: на нем, при участии руководства Министерства земледелия (министра В.М. Чернова и товарищей министра П.А. Вихляева и Н.Я. Быховского), был принят вдохновленный

⁵ Там же. Д. 7. Л. 8.

⁶ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 13.

⁸ Там же. Д. 519. Л. 23—29.

⁹ Аноприева Г., Ерофеев Н. Чернов Виктор Михайлович. С. 679.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 594.

эсерами «Крестьянский наказ» — документ об отмене частной собственности на землю и переводе ее «в пользование всех трудящихся по потребительно-трудоустройственной норме»¹¹. На заседании Временного правительства 11 июля 1917 г. слушался вопрос о возможности сдачи в аренду земель, в том числе для создания опытных учреждений. В результате было принято решение о предоставлении Министерством земледелия права

«разрешать по предварительному в каждом случае сношению с Министерством финансов и Государственным контролером сдачу участков казенных оброчных статей в аренду (до 36 лет), без торгов, для культурных, *опытно-показательных* (здесь и далее выделено нами. — *О.Е.*) и иных целей для устройства санаторий, *сельскохозяйственных опытных и показательных учреждений, питомников* и т.д.»¹².

Мы не располагаем данными о том, какое действие возымело указанное постановление. Тем не менее, дело эсеров «не пропало даром»: идею передачи земель (в том числе частных) под опытные учреждения «подхватили и развили» левые эсеры и большевики. В период эсеровского руководства Министерством земледелия были разработаны базовые документы, которые легли в основу будущих советских декретов, определивших судьбу сельскохозяйственных опытных учреждений.

Первые дни после Октябрьского переворота ознаменовались принятием Декрета о земле (26 октября с. ст.; 8 ноября н. ст. 1917 г.), который, следуя «Крестьянскому наказу», отменял право частной собственности на землю, превращал ее во «всемирное достояние»: право пользования землей получали все граждане. Согласно пункту третьему «Наказа»:

«...земельные участки с *высококультурными хозяйствами*: сады, плантации, питомники, оранжереи и т.п. *не подлежат разделу, а превращаются в показательные* и передаются исключительно в пользование *государства или общин* (выделено нами. — *О.Е.*)»¹³.

¹¹ Предпосылкой «Крестьянского наказа» стали запросы с «мест» — 242 крестьянских обращений с требованием пересмотра положения о частной собственности на землю. См.: Собственность на землю в России: История и современность. М.: РОССПЭН, 2002. О земельной политике Временного правительства см. главу VII.

¹² Там же. Д. 12. Ч. 1. Л. 45.

¹³ Ленин В.И. Доклад о земле 26 октября (8 ноября) 1917 г. на Съезде советов рабочих и крестьянских депутатов // Аграрная политика Советской власти (1917—1918): Документы и материалы. М., 1954. С. 113—115.

Сельскохозяйственные опытные учреждения как «высококультурные хозяйства» передавались государству, трудовым общинам, становились «достоянием трудящихся». Между тем положение многих опытных учреждений в то время было отчаянным. Большевики конфисковали и национализировали земли и банковские счета частных лиц, промышленных корпораций, общественных объединений. Были упразднены земства. С постепенным закрытием большинства сельскохозяйственных обществ еле теплилась жизнь в созданных ими опытных учреждениях. Все частные, земские и общественные поля и станции остались без своих патронов и их поддержки. Некоторые опытные учреждения испытали на себе «революционную вольницу», «черный передел»: опытные поля захватывались крестьянами, имущество станций расхищалось.

Вместе с тем Октябрьский переворот открыл новую страницу в истории земельных отношений, а значит, и в жизни опытных учреждений. При общем хаосе в губернских земельных отделах (комитетах) и неопределенности отношений различных властных структур, возникло ведомство, которое занялось «вопросами земли», модернизацией аграрной сферы. Речь идет о Народном комиссариате земледелия (Наркомзем, НКЗ), созданном в октябре 1917 г.

Наркомзем в начале своего существования был полным наследником эсеровского Министерства земледелия: не имея прочных позиций в деревне, большевики по соглашению с левыми эсерами отдали им все руководящие посты в центральном аппарате и земельных комитетах на местах¹⁴. 21 ноября 1917 г. под председательством наркома А.П. Колегаева состоялось учредительное заседание Коллегии НКЗ, полностью состоявшей из эсеров¹⁵.

В первый послереволюционный год опытная работа не входила в круг неотложных задач Наркомзема¹⁶: его деятельность была сосредоточена на переустройстве земельных отношений, руководстве посевными кампаниями и т.п. Вся научная и организационная жизнь опытных учреждений оказалась в руках их сотрудников. Такая автономия имела как положительные, так и отрицательные стороны.

Положительные сдвиги были связаны с открывшейся возможностью занимать национализированные поместья, присоединяя их

¹⁴ Милютин В.А. Аграрная политика СССР. Л.: Госиздат, 1929.

¹⁵ Карр Э. История советской России. Кн. 1. Большевицкая революция 1917—1923 гг. С. 437.

¹⁶ В НКЗ из Министерства перешли и главные имперские центры научного руководства и координации работ опытных учреждений — Ученый комитет и некоторые подразделения Департамента земледелия, в том числе Опытный отдел.

к своим опытным участкам или создавая опытные учреждения заново. Обратимся к примеру Шатиловской станции, где удобных земель для исследований всегда не хватало. Между тем, на земле соседних национализированных поместий Шатиловых — Мохового и Панькова — стало возможным организовать новые структурные подразделения станции с большими опытными площадями. Шатиловцы, как и сотрудники других опытных учреждений, поняли, что можно и нужно использовать открывшиеся возможности. Была развернута масштабная кампания по организации новых отделов и станций в опустевших «дворянских гнездах», которые соответствовали критериям «культурных хозяйств»¹⁷. В результате количество опытных учреждений утроилось и достигло 240¹⁸.

В институционализации сельскохозяйственной науки в России можно увидеть определенную историческую цикличность. Опытные учреждения возникли в частных владениях, прошли через короткую стадию государственного строительства, а затем снова вернулись в «образцовые поместья», только уже не частные, а национализированные. На смену прежним владельцам и патронам — «просвещенным помещикам» — пришли сначала «просвещенные эсеры», а потом «просвещенные большевики». При этом контакты специалистов по опытному делу и представителей новой власти на первом этапе действительно напоминали прежние, дореволюционные, отношения личного покровительства и «персонального патронажа»; обезличивание, бюрократизация начались значительно позже.

Автономия опытного дела и открывшиеся земельные ресурсы имели и обратную сторону. Увлеченные расширением опытной сети, ученые не задумывались о поддержании ее работоспособности, плохо представляли себе масштаб послереволюционной разрухи. Стихийный рост численности опытных станций обнаружил полную несостоятельность местных властей в вопросах финансового обеспечения научной работы. При этом вообще не были определены полномочия властей различных уровней: сотрудники станций не знали, в каких земельных комитетах — волостных, уездных (окружных) или губернских (областных) — искать поддержку. Это породило пестроту и неопределенность положения опытных учреждений. Многие

¹⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 93. Л. 44, 48—49.

¹⁸ По нашим подсчетам, на территории, впоследствии отошедшей к новому государственному образованию, осталось немногим более 80 опытных учреждений. По расчетам А.П. Левицкого, обнародованным им в 1918 г., оптимальное их число должно было составлять 129. Но на протяжении 1917—1918 гг. произошли кардинальные перемены. Несмотря на революционную разруху, военные лишения и грабежи, количество опытных станций утроилось и достигло 240.

новые станции оставались «бумажными». Не в лучшем положении находились и уже действующие: не хватало денег на зарплату, на пресловутые «дрова». А именно они становились условием выживания — в прямом, а не в переносном смысле — какой-нибудь затерявшейся в зимних провинциальных просторах опытной станции. Под угрозой оказалось само существование опытной сети¹⁹.

Наркомзем и ученые: «вместе продвигать опытную работу»

Главный вывод из трудного послереволюционного года: поддержка со стороны центральной власти — единственный способ сохранить сельскохозяйственное опытное дело в стране. Подчеркнем: установка на централизацию не насаждалась насильственно, «сверху». К идее подчинить опытные учреждения Наркомзему пришли сами ученые-опытники после неудачных контактов с новыми местными властями. Эта тенденция являла разительный контраст с «центробежной» дореволюционной, обусловленной, прежде всего, активной деятельностью земств и региональных сельскохозяйственных обществ. Отличалась ситуация в опытном деле и от положения академической науки, где вплоть до конца 1920-х гг. удавалось поддерживать относительную организационную автономию²⁰.

Для обсуждения кризиса в опытном деле попытались созвать все-российский съезд. Однако пришлось ограничиться менее масштабным совещанием: из-за почти полного прекращения транспортного сообщения из многих регионов оказалось невозможно добраться в Москву²¹. Совещание по опытному делу состоялось в ноябре 1918 г. в Москве при Наркомземе. Девизом Совещания стал, по выражению А.Г. Дояренко, «подсчет уцелевших сил»²²; основные задачи — объединение опытного дела, поиск взаимодействия с НКЗ, разработка положения об опытных учреждениях в новых условиях. Среди докладчиков — многие известные представители дореволюционной агрономии: Д.Л. Рудзинский, А.Г. Дояренко, Н.М. Тулай-

¹⁹ Дояренко А.Г. Неотложные внеочередные нужды опытного сельскохозяйственного дела. Бюллетень № 14 Опытного поля Петровской сельскохозяйственной академии. М., 1918.

²⁰ Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. Princeton, 1967.

²¹ Туда в марте 1918 г. переехало советское правительство со всеми комиссариатами.

²² Дояренко А.Г. Роль опытного дела в системе государственного строительства. Бюллетень № 30 Опытного поля Петровской сельскохозяйственной академии. М., 1921. С. 6.

ков, А.И. Стебут, А.П. Левицкий, В.В. Винер, А.К. Коль, Н.В. Рудницкий. Председательствовал профессор МСХИ А.Г. Дояренко.

Совещание открыл нарком земледелия С.П. Серeda. Он нарисовал захватывающую перспективу государственной поддержки агрономии. По словам наркома, государство объявляет

«своей ближайшей программой покрыть страну сетью опытных учреждений, сделать агрономическую помощь доступной населению, ввести всеобщую агрономическую грамотность и поднять на должную высоту агрономическое образование»²³.

Важным содержательным моментом речи наркома было признание самостоятельности ученых в выборе научных приоритетов опытного дела.

Анализируя доклады ученых, можно выделить несколько позиций, на которых настаивало научное сообщество. Объединение опытного дела ученые связывали, прежде всего, с проведением периодических съездов. В соответствии с демократическими веяниями времени они должны были стать главным органом «коллегиального руководства опытным делом при центральном учреждении». Именно на съездах предстояло выработать общий научный план организации опытного дела, меры для его реализации, нормы финансирования «содержащихся на государственный счет» опытных учреждений и т.д.²⁴ Таким образом, съезды занимали высшую позицию в иерархии руководящих структур: без заключения Всероссийского съезда НКЗ не мог принимать законопроект по опытному делу²⁵. В промежутках между съездами его функции выполняло выборное Бюро съездов по опытному делу²⁶.

²³ Труды Совещания представителей опытного дела и агрономических организаций. С. 126.

²⁴ Там же. С. 182, 183.

²⁵ Там же. С. 183.

²⁶ Общая схема руководства опытным делом в республике выглядела следующим образом. Центральное руководящее звено — Всероссийские съезды по опытному делу с Бюро (съездов) для текущей работы; Бюро работало как консультативный орган при Опытном отделе НКЗ. Параллельно действовал административный орган — Опытный отдел НКЗ, при котором состояла научная коллегия — Совет по опытному делу «из представителей ведомства, Сельскохозяйственного ученого комитета, научных и общественных организаций». На местах создавались областные комитеты (впоследствии управления) по опытному делу при Облземотделах и соответствующие губернские бюро (впоследствии отделения) при Губземотделах для «фактической работы по организации опытного дела». РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 91. Л. 1—3об.

Не менее единодушно ученые признали необходимость централизованного административного заведования, или управления опытным делом, делегировав его Наркомзему. Так, А.И. Стебут заявлял:

«Необходимо идти по пути централизации. Положение сейчас таково, что еще долгое время творческая инициатива будет исходить от государственной власти. Только государство сможет создать подходящую обстановку для научной деятельности, правильно поставить охрану опытных учреждений»²⁷.

Здесь нет противоречия с предыдущим решением. Очевидно было стремление разделить административное управление и *научное руководство опытным делом*, которое, как полагали ученые, должно было остаться прерогативой научного сообщества. Государство в лице НКЗ должно было отвечать за *финансирование и хозяйственное управление опытным делом*, что казалось бюрократической задачей, никак не предполагавшей вторжения в научную жизнь. К тому же руководство Наркомзема в ранние советские годы выгодно отличалось от прежнего, имперского. Министры и их товарищи были малодоступны для простого ученого-опытника; наркомы же запросто обсуждали с учеными насущные дела и в кулуарах совещания, и за чаем в домашнем кабинете. По крайней мере, в 1918 г. НКЗ трудно было заподозрить в злоупотреблении властью, ведомственном диктате.

Правда, высказывались и иные точки зрения. Н.М. Тулайков рисовал картину «нормального времени», когда

«никаких функций управления за центральным ведомством... не должно оставаться, поскольку такое управление может нарушить автономию опытного дела»²⁸.

Однако и Тулайков соглашался с неизбежностью временного делегирования наркомату управленческих полномочий.

Другой важный момент — единодушие участников совещания при обсуждении вопроса об относительной важности научной и практической составляющих опытного дела в новых условиях. Был найден удачный институциональный компромисс — создание при станциях *отделов применения* со штатом агрономов «для проведения добытых знаний в практику крестьянского труда»²⁹.

²⁷ Труды Совещания представителей опытного дела и агрономических организаций. С. 186.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ Идея создания таких отделов родилась еще до революции. Там же. С. 189, 190.

Совещание 1918 г. продемонстрировало единство мнений ученых, совпадение позиций науки и власти. Ученые возлагали надежды на государственный патронаж; власть рассчитывала на ответную помощь. И те и другие считали главной задачей «...изжить ненормальные условия сельскохозяйственного производства, ...вливая результаты опытной работы в практику массового хозяйства». Участники Совещания заявляли:

«За центральными органами должна быть сохранена возможность законным образом влиять на постановку опытного дела. ...Выполнение научной программы должно быть обеспечено государством. В настоящий момент, когда до основания потрясена вся жизнь страны, энергия и средства на местах волей-неволей будут устремлены на удовлетворение вопиющих потребностей первой элементарной необходимости. Только государству в его целом и ему одному будет по силам поддерживать и двигать вперед культурный прогресс. Поэтому обеспечение опытных учреждений средствами на научную деятельность должно всецело падать на государство»³⁰.

4 января 1919 г. Коллегия НКЗ приняла разработанное совещанием «Положение о сельскохозяйственном опытном деле»³¹. Все опытные учреждения составили единую сеть Народного комиссариата земледелия; расходы на содержание станций были отнесены на бюджет наркомата. Ученые получили искомую поддержку власти, о которой говорил профессор А.Г. Дояренко.

В конце января 1919 г. при Бюро по опытному делу прошло еще одно совещание — по сельскохозяйственному районированию Российской Федерации³². Одним из главных докладчиков и создателей программы районирования был всё тот же Дояренко. Разработанная им программа районирования опиралась на сохранение принципа «областничества» как основы построения опытной сети и предусматривала выделение 15 сельскохозяйственных областей на территории РСФСР; намечено было дальнейшее их деление на районы с учетом экономико-хозяйственных параметров³³. Каждую из областей должна была обслуживать областная опытная

³⁰ Там же. С. 69.

³¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 91.

³² Там же. Д. 374.

³³ *Книпович Б.Н.* К методологии районирования // Труды отдела Сельскохозяйственной экономики и статистики НКЗ. Т. 2. Сельскохозяйственные районы Европейской России. Вып. 1. М.: Госиздат, 1921. Карта № 2.

станция; районы курировали ее филиалы — районные опытные станции и поля.

Решения совещаний и постановление Коллегии НКЗ законодательно подтвердил декрет СНК РСФСР от 8 февраля 1919 г., который закрепил централизацию руководства и финансирования опытного дела в Наркомземе³⁴.

Интересна риторика тех лет, связанная с опытной работой. Заговорили о «боевом агрономическом фронте»³⁵, причем не только в связи с «выкачиванием хлеба из враждебно настроенной деревни». Так, в одной из публикаций 1920 г. говорилось, что «в творческой работе (выделено нами. — О.Е.), а, следовательно, и в деятельности Народного комиссариата земледелия *сельскохозяйственный фронт* будет иметь первостепенное государственное значение»³⁶.

Включение всех опытных учреждений в систему Наркомзема положило начало переменам в его подразделениях. По еще дореволюционной традиции центром научного руководства опытным делом продолжал оставаться Сельскохозяйственный ученый комитет. Появились и новые структуры. Организацией и финансированием опытного дела занимался Опытный отдел НКЗ. Помимо съездов, по крайней мере, внешне мало зависимых от НКЗ, в прямом контакте с ведомством работало Бюро съездов по опытному делу. В начале 1920-х гг. произошло перераспределение полномочий между этими руководящими структурами, отразившееся на судьбе опытных учреждений. Основные события разворачивались вокруг главных конкурирующих сторон — Сельскохозяйственного ученого комитета (СХУК, бывший УК) и Опытного отдела НКЗ.

Противостояние «чиновного» Отдела и «ученого» Комитета сложилось еще до революции и не раз давало о себе знать при обсуждении проблем опытной работы (см. главу VI); оно определяло отношения двух структур и в советское время. Нельзя не учитывать также фактора территориальной изоляции оставшегося в Петрограде СХУК от наркомземовских коридоров власти, возникшего после переезда правительства в Москву в 1918 г.

В Москве начала складываться своя коалиция ученых-опытников, возникшая на базе ежегодных съездов. Она, естественно, тяготела к НКЗ и Опытному отделу, где работали в основном моск-

³⁴ О принятии на средства государства всех сельскохозяйственных опытных учреждений. Декрет СНК от 8 февраля 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. IV. М., 1968. С. 345, 346.

³⁵ Там же.

³⁶ Андрушкевич К. Из итогов деятельности техно-отряда Народного Комиссариата Земледелия / Под ред. М.Е. Шефлера. М., 1920. С. 4.

вичи. Столица в организации опытного дела со временем оказалась гораздо активнее Петрограда: именно здесь на съездах и в Опытном отделе вырабатывалась государственная программа развития опытных учреждений. Переезд Наркомзема, усиление Опытного отдела привели к передаче функций научного руководства из Петрограда в Москву, в Опытный отдел, в то время как Сельскохозяйственный ученый комитет со временем был преобразован в Государственный институт опытной агрономии (1922 г.).

В 1919—1920 гг. усилилась роль московского Бюро съездов по опытному делу, которое стало именоваться Бюро по защите интересов опытного дела. Защите непосредственной, порой физической: отдельным станциям грозило уничтожение, поскольку их опытные поля оказывались ареной боевых действий. Всё это испытала и Шатиловская станция, вынужденная в 1919 г. держать «оборону» от отрядов белой армии и последующего контрнаступления революционных сил (см. об этом главу IX). Другим примером может служить Каменно-Степная опытная станция имени В.В. Докучаева (Воронежская губ.). Она переходила «из рук в руки» 23 раза³⁷; трудно даже представить, что произошло с опытными посевами и другим материалом³⁸. 27 января 1919 г. на Каменно-Степную станцию ушла телеграмма за подписью начальника Опытного отдела НКЗ Г.И. Гоголя-Яновского. В телеграмме предлагалось:

«В случае какого-либо изменения фронта всем служащим и рабочим оставаться на местах, продолжая работу, всё имущество станции, все ее техническое оборудование, приборы, весь семенной материал и запасы не эвакуировать, оберегая их в полной сохранности»³⁹.

Ответственность за работу станций и даже их охрану НКЗ пытался возложить на самих ученых. А Бюро по защите интересов опытного дела старалось по возможности контролировать и облегчать положение ученых-опытников. Именно Бюро обращалось в Кол-

³⁷ Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР. С. VIII, IX. Описываемые события происходили во время похода армии А.И. Деникина на Москву и последующего контрнаступления Красной армии. См.: *Егоров А.И.* Разгром Деникина. М.: Вече, 2012.

³⁸ Некоторые семенные хозяйства западных районов (в их числе Крапивинское общества «Руссем», Черепинское семенное хозяйство и др.) и опытные станции были полностью уничтожены; Немерчанскую и Хорошковскую станции эвакуировали в Польшу.

³⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 91. Л. 1.

легию НКЗ и вышестоящие инстанции с рядом ходатайств⁴⁰. Удалось сделать немало. Главное — добиться отмены губительной военной мобилизации агрономов. Если она все-таки происходила, то не в прежнем масштабе, и весьма избирательно: в январе 1919 г. Совнарком принял декрет об особой мобилизации специалистов по сельскому хозяйству с использованием их по специальности⁴¹. Бюро добилось также решения Реввоенсовета об освобождении опытных учреждений от реквизиции и конфискации имущества⁴², после чего НКЗ предложил «всем земельным отделам, волостным и сельским Советам принять все меры к возвращению реквизированного имущества и к ограждению от всякого рода реквизиции и отчуждения в будущем»⁴³.

Не легче дела обстояли и в районах, не охваченных войной. Здесь опытные станции подвергались стихийным крестьянским нападениям, «поборам» со стороны местных властей. Станции с огородами и полями, своими сельхозпродуктами казались завидными островками «сытой жизни»; местные земельные комитеты норовили использовать их для своих нужд, открывая там санатории, дома для инвалидов-красноармейцев и пр. Сотрудники Бюро, часто используя личные связи, получали высокие резолюции на просьбах воспрепятствовать «подселению», «уплотнению», «временному размещению». Бюро, таким образом, становилось незаменимой структурой, готовой решать самые сложные проблемы опытной сети.

После окончания войны в 1921—1922 гг. на заседаниях Бюро все чаще обсуждались вопросы чисто научного содержания. В работе Бюро участвовали ведущие ученые-опытники: А.Г. Дояренко, В.Н. Заварицкий, А.П. Левицкий, А.Г. Лорх, А.И. Стебут, Н.М. Тулайков и другие, что предполагало возможность его последующего преобразования в научно-консультативный орган НКЗ.

Новая экономическая политика: новые задачи для «старых» опытных станций

Гражданская война, политика «военного коммунизма» с тотальной продразверсткой привели сельское хозяйство страны к тяже-

⁴⁰ Обзор деятельности Бюро всероссийских съездов по опытному делу с ноября 1919 г. по июль 1921 г. // Труды VII Всероссийского съезда по сельскохозяйственному опытному делу. М., 1922. Вып. 1. С. 140—143.

⁴¹ Краткий очерк деятельности и задач Сельскохозяйственного ученого комитета. Пг.; Киев, 1919. С. 3.

⁴² Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР. С. IX.

⁴³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 91. Л. 8.

лейшему кризису. Его апогей — последовавший после засухи и неурожая «голодомор» начала 1920-х гг., среди причин которого — реквизиции, оставившие волжские и украинские деревни без хлеба и посевного зерна. Советское государство пыталось найти выход из кризисной ситуации, введя в 1921 г. новую экономическую политику (НЭП).

Одной из главных целей НЭПа стало восстановление сельского хозяйства республики; тактическая задача состояла в том, чтобы прекратить его «катастрофический регресс»⁴⁴. Наряду с увеличением посевных площадей, закупкой сортовых семян и оборудованию, активным привлечением зарубежной помощи, руководство страны провозгласило курс на интенсификацию сельского хозяйства. Предстояло решить сложную задачу: «расширить хозяйство, увеличить засев»⁴⁵ и одновременно «повышать сельскохозяйственную культуру улучшенными орудиями, семенами»⁴⁶. В официальных плановых документах говорилось:

«...восстановление разрушенного должно составить первоочередную задачу, перед которой стремление реорганизовать сельское хозяйство на более рациональных началах должно отодвинуться на вторую очередь. В действительности же обе эти задачи разделить нельзя, и восстановление неразрывно должно быть связано с реорганизацией»⁴⁷.

Поэтому частью новой экономической политики была названа «мобилизация агрономии»: в очередной раз в истории России опытные станции становились опорой научно обоснованной модернизации сельского хозяйства. Согласно плану НКЗ на 1922 г., опытное дело должно было стать «лидером сельскохозяйственной кампании», в которой участвовала «вся партийная организация сверху донизу»⁴⁸. Политике Наркомзема вторили регионы: на Всероссийском съезде губземотделов в конце 1921 г. предлагалось «поставить опытное дело во главу всей агрономической работы с сельскими хозяевами», чтобы оно управляло «агрономическими и агрикультурными мероприятиями по каждой отрасли хозяйства»⁴⁹.

⁴⁴ Теодорович И.А. О государственном регулировании крестьянских хозяйств. М.: Госиздат, 1920. С. 10.

⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1961. Т. 18. С. 147.

⁴⁶ Там же. Т. 16. С. 16.

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 156. Л. 37—38.

⁴⁸ Цит. по: Карп Э. История советской России. Кн. 1. Большевицкая революция 1917—1923 гг. С. 624.

⁴⁹ Центральное управление земледелием и советскими хозяйствами в свете НЭПа. К Всероссийскому съезду губземотделов / Под ред. М.Е. Шефлера. М., 1921. С. 7.

Государство четко обозначило свой запрос: от специалистов по опытному делу ждали срочной практической помощи крестьянину⁵⁰. В первую очередь речь шла о широком внедрении научных рекомендаций — усовершенствованных агротехнических приемов, посевных материалов и т.п. Яркое и точно выразил эти настроения А.Г. Дояренко:

«...государство смотрело с большим упованием на опытное дело, в ожидании от него обоснования своей практической деятельности»⁵¹.

Совпадало ли это с настроениями сотрудников опытных станций?

Научным сообществом еще с конца XIX в. была признана «двойная задача опытных учреждений». Первая (и главная!) составляющая — «научное творчество»; вторая, тесно с ней связанная — непосредственные мероприятия по оказанию агрономической помощи населению. Мнения разделялись лишь по поводу того, как на деле осуществлять обе задачи. Одни призывали совмещать исследования с практической работой с крестьянами. Им возражали сторонники «научной» ориентации опытных учреждений, которые считали вопросы содействия сельским хозяйствам прерогативой независимых агрономических организаций. В кризисные периоды позиция ученых становилась более определенной:

«В годы кризиса *главная задача опытных учреждений* — косвенное или непосредственное участие в *агрономической помощи* (везде выделено нами. — *О.Е.*) населению, насаждение сельскохозяйственной культуры, пусть даже за счет сокращения научных изысканий»⁵².

Не удивительно, что голод начала 1920-х гг. укрепил позицию сторонников «практической помощи государству» (при этом под «государством» ученые имели в виду прежде всего голодающего крестьян-

⁵⁰ Повышенный запрос на практическую сторону опытной работы следует искать не только в изменившейся экономической политике. Внимание к практической работе в области агрономии необходимо рассматривать в общем контексте государственного интереса к прикладной науке в первые годы советской власти. К программам прикладных исследований активно привлекалась даже академическая наука. От традиционно «прикладной» и поэтому особенно созвучной настроениям времени сельскохозяйственной науки ждали и максимальной практической отдачи.

⁵¹ Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР. С. 11.

⁵² Там же. С. 63—70.

нина), придав ей не только экономическое, но и нравственное обоснование. Ученые призывали друг друга «выполнить общественный долг» — «помогать строительству нового сельского хозяйства», «повышать эксплуатацию агрономического знания крестьянами»⁵³. В тон настроениям ученых НКЗ постановил: «Основною, ударною задачей переживаемого момента для опытных станций является проведение добытых ими результатов в практику широких кругов земледельческого населения»⁵⁴.

Именно тогда получила конкретное воплощение идея «отделов применения», которая обсуждалась еще на совещании 1918 г. Новые подразделения удалось создать без особых сложностей, укомплектовав их бывшими земскими агрономами, оставшимися не у дел. Отделы применения «распространяли среди населения практические приемы и рекомендации, разрабатываемые опытными станциями». Одновременно с ними возникли экономические отделы, которые

«изучали местное сельское хозяйство и тенденции его развития для возможно полного координирования работ станций с практическими требованиями жизни»⁵⁵.

Признавая важность практической помощи и даже временно отдавая ей предпочтение, ученые никогда не забывали о научных исследованиях, «свободном научном творчестве». А.Г. Дояренко заявлял, что лишь десятая часть результатов творческого труда может быть полезна населению и государству; но ее появление невозможно без остальных девяти десятых на первой взгляд лишней научной работы⁵⁶. Размышляя о роли аграрной науки в системе советского строительства, он писал, что опытное дело может казаться не отвечающим современным требованиям:

«ставя своей задачей... руководить практической деятельностью, должно рисовать себе будущие перспективы и идти не в хвосте хозяйства, должно идти мыслью знатока впереди современных построений... Опытное дело должно подниматься

⁵³ Труды Совещания представителей опытного дела и агрономических организаций губернских земельных отделов 12—14 ноября 1918 г. в Москве. Вып. 1. Секция по опытному делу. М., 1919. С. 3—5.

⁵⁴ *Книпович Б.Н.* Очерк деятельности Наркомзема за три года. С. 3.

⁵⁵ Краткий очерк деятельности и задач Сельскохозяйственного ученого комитета. С. 39.

⁵⁶ *Дояренко А.Г.* Роль опытного дела в системе государственного строительства. С. 14.

мыслью в будущее и добывать материалы для будущих построений, которые в настоящее время как практические мероприятия могут быть не всегда ясно представляемы»⁵⁷.

В стремлении преодолеть кризис, усилить практическую отдачу опытного дела экономико-политические соображения власти совпадали с позицией ученых-опытников, по крайней мере, на уровне декларируемых задач⁵⁸. Особые цели были поставлены перед селекцией и семеноводством. Ответа требовали те стороны кризиса начала 1920-х гг., которые были не столь заметны, как голод, но не менее пагубны. Речь идет о зерновом кризисе: его предпосылке — изменении структуры сельскохозяйственного производства, и последствию — потере Россией зарубежных рынков.

До мировой войны в Российской империи наметились процессы интенсификации сельского хозяйства — рост производства рыночных культур (пшеницы, ячменя, сахарной свеклы, кукурузы и др.), расширение травосеяния, введение специальных культур (корнеплодов), развитие мясного и молочного скотоводства, использование усовершенствованной техники, создание перерабатывающих отраслей. Началось использование селекционных сортов и пород домашнего скота, методов защиты растений, современных приемов агротехники, минеральных удобрений⁵⁹. Перед войной обеспеченность сортавыми семенами, например, хлебных злаков и сахарной свеклы на Юге и Юго-Западе страны была достаточно высокой за счет большого количества эффективно работавших сортоводческих фирм⁶⁰. В результате темпы роста сельскохозяйственной продукции составляли в предреволюционные годы в среднем 2,7% в год, по ряду культур (пшеница, ячмень) были сопоставимы с амери-

⁵⁷ Там же. С. 15, 16.

⁵⁸ Властям не пришлось идти на компромисс, который в случае с Академией наук описал Л. Грэхем: академическое сообщество включилось в практическую работу по восстановлению народного хозяйства в обмен на обещание правительства сохранить его профессиональную автономию: *Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927—1932. Princeton: Princeton Univ. Press, 1967.*

⁵⁹ *Гордеев Г. С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.: Госиздат, 1925. С. 120—122; Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927. С. 2—5; Чаянов А. В. Проблема урожая и опыты ее разрешения в развитии русской научной мысли // Проблемы урожая. М., 1926. С. 5—50; Чаянов А. В. Сельское хозяйство СССР // Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. М., 1927. Т. 41. Ч. 2. С. 1—40.*

⁶⁰ См. об этом: *Елина О. Ю. От царских садов до советских полей. Т. 2.*

канскими⁶¹. Мировая война и хаос революционных лет не только приостановили эти тенденции, но и форсировали процессы, обратные довоенным. Катастрофическая нехватка продовольствия свела на нет применение улучшенных сортов в растениеводстве. На 40% снизилась урожайность основных хлебов; рыночные культуры вытеснялись фуражными и продовольственными — овсом и рожью; реквизиции и массовый забой скота уничтожили племенное скотоводство⁶². В целом, если в 1913 г. валовой доход от продуктов сельского хозяйства составлял 8,9 млрд руб. (половину национального дохода страны), то к окончанию Гражданской войны показатели снизились почти в два раза (4,7 млрд руб.)⁶³.

Первые принятые государством меры по выходу из зернового кризиса носили экономический характер.

Одна из них — семенная ссуда, которую ввели на рубеже 1920-х гг. Проводя эту кампанию, НКЗ пользовался единственным источником семенного материала — фондами Наркомата продовольствия⁶⁴. Распространяемые из этого фонда семена были далеки от кондиционных, сортовых⁶⁵. В результате произошло смешение, обезличивание семенного материала в крестьянских хозяйствах, что стало одной из причин падения урожаев.

Имея в виду низкий урожай 1920 г. и ожидаемую засуху следующего за ним года, Наркомзем рекомендовал провести первую посевную кампанию мирного времени «по единому плану и под единым руководством». В губерниях, уездах и волостях создали посевкомы — «комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли». Их работа происходила во взаимодействии с создававшимися «крестьянскими комитетами по улучшению сельского хозяйства»⁶⁶. Далее, объявили «государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева». Запасы посевных семян были отнесены к *«неприкасаемому семенному фонду»* (выделено нами. — *О.Е.*), формируемому посредством различных мер, в том числе путем семенной разверстки,

⁶¹ Кондратьев Н.Д. К вопросу об особенностях развития сельского хозяйства СССР и их значении, 8 октября 1927 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 187—210.

⁶² Сборник статистических сведений по СССР за 1918—1923 гг. М., 1924. С. 133—140.

⁶³ Чайнов А.В. Сельское хозяйство СССР. С. 26.

⁶⁴ Общая селекция и семеноводство полевых культур / Под ред. В.Я. Юрьева. М., 1940. С. 392, 393.

⁶⁵ Закупки сортовых семян за границей начались позднее, в 1922 г.

⁶⁶ Там же. С. 188.

складирования запасов в общественных амбарах, перераспределения семян, взятия с крестьян обязательств о сохранении фонда и пр. Вводили обязательные для каждого хозяйства правила обработки земли, сохранения плодородия, производства посевов и пр.⁶⁷

Использование экономических рычагов способствовало выходу из «голодомора», но не позволяло решить проблему зернового производства в долгосрочном плане, даже усложняло ее. Поэтому руководство Советского государства озаботилось форсированием селекции и семеноводства, которые должны были обеспечить рост урожайности и повышение качества зерна; развитие семеноводства назвали «первоочередной задачей Наркомзема»⁶⁸.

Реформа опытных учреждений 1923 г.: «pro» и «contra»

Новая политика «мобилизации агрономии на помощь крестьянину» означала радикальные перемены, прежде всего, в самом Наркомземе. Нужны были новые люди, новые структуры. Началась реорганизация наркомата, растянувшаяся на несколько лет.

В 1921 г. был восстановлен Сельскохозяйственный союз (Сельскосоюз) — высший орган сельскохозяйственной кооперации. Преобразовали одно из главных с точки зрения новых задач управление — Центральное управление сельского хозяйства (его по старой памяти называли Центральным управлением земледелия и пользовались аббревиатурой ЦУЗЕМ), куда входил Опытный отдел. Началась смена руководство наркомата: очередь покидать кабинеты дошла до «старых большевистских кадров», не так давно сместивших левозэровскую верхушку. В результате обновилась почти вся коллегия во главе с наркомом. В 1923 г. вновь назначенный нарком земледелия А.П. Смирнов среди первоочередных задач назвал реформу опытного дела⁶⁹.

Опытному отделу ЦУЗЕМ поручили разработать и доложить коллегии общую идеологию и направления реформы, и уже в начале мая 1923 г. на заседании Коллегии был заслушан доклад «О ближайших задачах в области сельскохозяйственного опытного дела». Главной целью, продиктованной задачами НЭП, должно было стать обслуживание интересов крестьянина-собственника.

⁶⁷ Там же. С. 189.

⁶⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210. Л. 59—60об.

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1081. Л. 23—37.

Постановка опытного дела на текущий момент была признана неудовлетворительной. В числе главных недостатков — отсутствие практических результатов, нехватка денег на содержание опытных учреждений. Коллегия одобрила доклад и 14 мая приняла специальное постановление по опытному делу, в котором была сформулирована программа дальнейшего развития. Ее главные пункты:

1. Включение опытных учреждений в общий план развития производительных сил в сельском хозяйстве;
2. Пересмотр и сокращение государственной сети опытных станций;
3. Передача части опытных учреждений на местный бюджет и подчинение;
4. Контроль НКЗ за работой опытных учреждений через отчетность и институт уполномоченных;
5. Расширение агрономической работы и практической деятельности опытных станций по рационализации сельского хозяйства;
6. Усиление работ по селекции, семеноводству и племенному делу;
7. Пересмотр практики руководства опытным делом, задач и структуры Опытного отдела⁷⁰.

Далее события развивались стремительно. В течение двух недель была создана и приступила к работе Комиссия по пересмотру сети опытных учреждений и их программ под руководством члена Коллегии НКЗ М.И. Козырева. В нее вошла также подкомиссия по выработке нового положения по опытному делу (в некоторых документах она именовалась «самостоятельной комиссией») под председательством сотрудника Наркомпроса, впоследствии известного академика-«лысенковца» С.С. Перова⁷¹. Именно Перов, химик

⁷⁰ Там же. Д. 974. Л. 58—59.

⁷¹ Как удалось установить, в Комиссию по пересмотру сети опытных учреждений вошли заведующий Опытным отделом М.Ф. Арнольд, председатель сельскохозяйственной секции Госплана агроном В.П. Бушинский, заместитель начальника ЦУЗЕМ профессор А.М. Дмитриев, профессор А.Г. Дояренко, член плановой комиссии НКЗ (Земплан) Ляшенко, сотрудник Главпрофобра Наркомпроса и научный консультант Совета по сельскохозяйственному образованию и пропаганде НКЗ С.С. Перов, старший экономист НКЗ А.В. Тейтель, а также представители Административного управления НКЗ и ЦК Всеработземлеса; в подкомиссию по выработке положения об опытном деле включили также члена-корреспондента Академии наук Н.М. Тулайкова, в то время директора Безенчукской опытной станции, и А.П. Левицкого, начальника Управления по опытному делу Московской области.

по специальности, оказался главным действующим лицом в обеих наркомземовских комиссиях⁷².

Заседания комиссии Козырева проходили в первой половине июня 1923 г. Представители Опытного отдела подготовили аргументированные предложения о сокращении опытной сети, предложив закрыть примерно 20 из 120 опытных учреждений; многие рекомендовали сохранить, сократив их штаты⁷³. Но на обсуждение был вынесен и другой проект, отражавший позицию Коллегии НКЗ и предусматривавший радикальные сокращения. Его автор — С.С. Перов. Проект предполагал упразднение или перевод на местный бюджет подавляющего большинства опытных учреждений. Несмотря на возражения членов комиссии авторитетных ученых-опытников А.Г. Дояренко, Н.М. Тулайкова и А.П. Левицкого, проект Перова победил. Из 120 опытных учреждений 78 оставили на полном государственном финансировании, 42 подлежали ликвидации, передаче в другие ведомства или на бюджет местных органов⁷⁴. В дальнейшем эти цифры изменились в сторону еще более радикального сокращения: лишь 59 станций оставили на государственном бюджете⁷⁵.

Подкомиссия Перова по выработке нового положения по опытному делу спешно провела три заседания (на которые не смогли приехать многие из практиков опытного дела, например, Н.М. Тулайков)⁷⁶. Заседания проходили в острых дискуссиях, инициированных учеными-опытниками. Новое положение об опытных учреждениях, подготовленное лично Перовым, критиковали и в целом, и по отдельным параграфам. В частности, острые разногласия вызвал параграф о функциях опытных учреждений, который делал научные

⁷² В 1920-е гг. С.С. Перов был известен как главный разработчик программ массового сельскохозяйственного образования. Он служил в то время зав. отделом сельскохозяйственного образования Главпрофобра и возглавлял отделение биохимии Тимирязевского научно-исследовательского института, являлся одним из его фактических руководителей. Перов слыл сторонником ламаркизма, впоследствии активно поддерживал Лысенко и считался одним из наиболее радикальных академиков — «лысенковцев» (утвержден действительным членом ВАСХНИЛ в 1935 г.). В 1930—1940-е гг. Перов — участник многих научно-методических конференций партийно-пропагандистского толка, августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Не располагая точной информацией о том, почему именно Перову была отведена столь важная роль в работе комиссий, можно лишь предположить, что руководство НКЗ выбрало лояльного профессора в качестве оформителя и проводника своих идей.

⁷³ РГАЭ. Ф. 478 (НКЗ РСФСР). Оп. 5. Д. 2397. Л. 2—4.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 975. Л. 224—226.

⁷⁵ Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР. С. XIII.

⁷⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 975. Л. 218.

исследования прерогативой институтов, а опытным станциям отводил роль проводника результатов в сельскохозяйственную практику. Однако, по словам Дояренко, «...целый ряд вопросов решался 4—5 голосами, не всегда специалистов опытного дела»⁷⁷. В результате подкомиссия утвердила проект в редакции Перова.

2 июля 1923 г. М.И. Козырев представил Коллегии НКЗ доклад «О необходимых мерах сохранения рациональной постановки сельскохозяйственного опытного дела и приведении его в соответствие с реальными финансовыми возможностями Наркомзема»⁷⁸ с планом сокращения опытной сети. 9 июля Коллегия заслушала и одобрила проект нового «Положения о сельскохозяйственном опытном деле и управлении им», постановив «исходя из этого построить план организации опытного дела в РСФСР»⁷⁹. Не останавливаясь на деталях, отметим принципиальные нововведения «Положения».

Первое — примат практики в опытной работе. Целью сельскохозяйственных опытных учреждений стало «*поднятие производительных сил* сельского хозяйства путем разрешения научными методами *практических запросов* и изыскания наиболее целесообразных форм и приемов сельскохозяйственного промысла» (выделено нами. — *О.Е.*)⁸⁰.

Второе — выделение исследовательских институтов в привилегированную группу опытных учреждений⁸¹. Институты могли и должны были проводить оригинальные научные исследования в области агрономии; они получали полное бюджетное финансирование, наделялись статусом общегосударственных учреждений. Все областные и районные опытные станции, составлявшие на тот момент основу опытной сети, вошли во вторую группу. Им предписывалось заниматься проверкой и внедрением полученных институтами результатов, обеспечением потребностей местного хозяйства.

Третье — перестройка руководства опытными учреждениями. Съезды лишались руководящих функций; распускалось Бюро по опытному делу⁸². Управление и *научное руководство* опытным де-

⁷⁷ Там же. Л. 217.

⁷⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 975. Л. 31.

⁷⁹ Там же. Оп. 5. Д. 2397. Л. 126.

⁸⁰ Там же. Оп. 1. Д. 975. Л. 227.

⁸¹ В то время работал лишь один такой институт — только что возникший на базе СХУК Государственный институт опытной агрономии. Остальные предстояло создать вопреки финансовым трудностям и сокращению опытной сети.

⁸² Специальным приказом Бюро предписывалось в течение недели сдать все документы в Опытный отдел Наркомзема. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2381. Л. 13.

лом сосредотачивалось в Опытном отделе НКЗ. Для этого было образовано Научное бюро отдела; его членов (до 11 человек) назначала Коллегия РКЗ⁸³. На сессиях Научного бюро должны были рассматриваться главные вопросы научной политики в опытном деле: перспективные и годовые планы, программы исследований, отчеты опытных учреждений. Это означало, что важные решения могли приниматься без широкого обсуждения. Менялась и система регионального руководства. Вместо опытных бюро и комитетов местных земельных отделов⁸⁴ вводили «контроль сверху» — через уполномоченных инспекторов НКЗ, задачей которых было «контролировать выполнение решений НКЗ»⁸⁵.

«Положение об опытном деле» дополнялось инструкциями и циркулярами о конкретном порядке сокращения, о направлениях пересмотра программ станций. Опытную сеть предстояло количественно уменьшить вдвое, сохранив «успешные» и упразднив «лишние» станции. Оценивая работу станций, смотрели не на научные показатели: критериями «успешности» служили рентабельность хозяйства опытного учреждения, наличие программы или плана исследований, оснащенность научным оборудованием и техникой, степень «развернутости» опытной работы. Под сокращение попадали многие «молодые» опытные станции, не успевшие начать исследования в полном объеме, составить план работы, оснастить лаборатории, а также станции, не умевшие зарабатывать продажей собственной продукции.

Установка на «экономия», примат экономических и хозяйственных показателей при определении будущего опытных учреждений были вызваны ситуацией первых лет НЭПа. Переход к рыночной экономике породил кризис финансирования. Многие государственные учреждения были переведены на хозрасчет. В 1922—1923 гг. опытная сеть получила только 11% запланированных бюджетных ассигнований⁸⁶. Остальные деньги негласно предлагалось добывать самостоятельно, получая «левые» доходы, скрывая их от фи-

⁸³ Там же. Оп. 1. Д. 975. Л. 227.

⁸⁴ В губернских (областных) и уездных (окружных) земельных комитетах до этого времени действовали опытные бюро и комитеты — носители традиций земской работы, которые в ряде случаев оказывались профессиональным руководством на местах.

⁸⁵ Как прокомментировал это нововведение С.К. Чаинов, оно «дало возможность осуществить основную мысль В.И. Ленина: надо не только указать, как делать, но и наблюдать, выполнено ли сказанное». Цит. по: Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР. С. XXXII.

⁸⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2384. Л. 92.

нансовых органов (официального разрешения на использование прибыли от продажи сельскохозяйственной продукции удалось добиться только для отдельных станций; Наркомфин требовал полного отчисления всех средств в бюджет). Залогом благополучия станции становилось рентабельное хозяйство. Оно позволяло продолжать исследования независимо от курса червонца, обменивая продукты на оборудование и реактивы на черном рынке. Сокращение, которое проводили на основании хозяйственных показателей, неминуемо вступало в противоречие с задачей сохранения ценных в научном отношении учреждений⁸⁷.

В «Положении» 1923 г. помимо общей тенденции к сокращению, ориентации на практику и ужесточению контроля были названы приоритетные направления, по которым не предусматривались секвестры и смены программ. Эти направления — селекция и семеноводство (а также племенное животноводство). Такие акценты в работе опытных учреждений соответствовали уже наметившейся с начала 1920-х гг. линии на государственную поддержку селекции.

⁸⁷ Возможно, внимание к хозяйственным показателям можно объяснить также представлением об «идеальном» опытном учреждении, которое сложилось в российском обществе. Из всех типов сельскохозяйственных опытных учреждений в России больше всего знали и ценили появившиеся первыми образцовые или показательные хозяйства. Устройством и популяризацией таких хозяйств занималась целая плеяда модернизаторов отечественной аграрной жизни — от царских особ до славянофилов и народников. В таких хозяйствах, как правило, не проводили научных исследований, но рациональная постановка сельскохозяйственных работ делала их высокорентабельными. Показательные хозяйства были открыты для посещений; здесь проводили беседы и занятия с крестьянами. Образ такого хозяйства прочно укоренился в общественном сознании, став воплощением успешного приложения науки к аграрной сфере. Такое видение «научного» хозяйства распространяли и на опытные станции. Не только малограмотные крестьяне, но даже просвещенная публика с трудом разбиралась в главном, экспериментальном, назначении станций. Их по привычке считали образцовыми учреждениями, которые показывают, как извлечь максимальную пользу из земли, а значит, и сами ведут дела прибыльно. Образцовые хозяйства и опытные станции во многих дореволюционных реестрах попадали в один разряд — сельскохозяйственных опытных учреждений. Об устойчивости этого образа после революции свидетельствует частое объединение в официальных документах опытных учреждений с советскими образцовыми хозяйствами — совхозами. В докладе об опытном деле в свете НЭПа начальник ЦУЗЕМ М.Е. Шефлер так говорил о задачах опытных станций: «Здоровый дух в здоровом теле» — это выражение как нельзя больше подходит к нашим опытным учреждениям. Те из них, которые смогут, осуществляя свою научную и опытную работу, вместе с тем и рационально поставить всё свое хозяйство, будут наиболее надежными базами для опытной работы». См.: Центральное управление земледелием и советскими хозяйствами в свете НЭПа. К Всероссийскому съезду губземотделов. С. 7.

Результаты реформы

После первого сокращения к январю 1924 г. в системе НКЗ РСФСР значилось 109 опытных станций⁸⁸. В основном это были областные и районные опытные станции: опытные поля либо укрупнили до статуса станций, либо упразднили. В конце 1927 г. управление районными станциями передали губземотделам; в дальнейшем то же самое было сделано в отношении областных станций, расположенных в районированных регионах. В результате на госбюджете к 1929 г. остались 49 опытных учреждений⁸⁹ — научно-исследовательских институтов и областных станций нерайонированных регионов. Административный и финансовый контроль за этими учреждениями (утверждение перспективных и текущих планов, бюджета) осуществлял Опытный отдел НКЗ⁹⁰.

Реформа напрямую не затронула Шатиловскую станцию — старейшее, успешно работавшее государственное опытное учреждение, которое к тому же оказалось на особом положении из-за созданной в те же годы Шатиловской Госсемкультуры. Но даже на «благополучной» Шатиловке шло бурное обсуждение происходивших сокращений и преобразований. Так, директор станции А.Н. Лебедев предлагал альтернативный проект: оставить в опытной сети только областные станции, передав им деньги и штаты, высвобождающиеся при сокращении всех остальных учреждений⁹¹.

В целом ученые-опытники отнеслись к реформе отрицательно, оценивая ее как «грубое вмешательство некомпетентных чиновников в работу ученых»⁹². Но были и те, кто усмотрел в ней «своевременный шаг» и приветствовал приоритет, отданный развитию селекции и семеноводства. Для членов селекционно-генетического сообщества это положение перевешивало негативные последствия; подобно Н.И. Вавилову, они увидели в реформе «шаг власти навстречу науке»⁹³. Однако и он в начале 1924 г. отметил, что «опытное дело переживает трудный момент. Со 154 уч-

⁸⁸ Там же. С. XIII.

⁸⁹ Чаянов С.К. О состоянии и развитии опытного дела // Стенографический отчет II Всероссийского агрономического съезда. 27 января — 5 февраля 1929. М., 1929. С. 219.

⁹⁰ Чаянов С.К. Организация сельскохозяйственного опытного дела. С. XII—XV.

⁹¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2397. Л. 71—72.

⁹² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 975. Л. 218—219.

⁹³ Вавилов Н.И. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. 1. Петроградский период, 1921—1927. М.: Наука, 1994. С. 109.

реждений число доведено до 54, но и сокращение не привело к улучшению»⁹⁴.

Далее, многие позитивно оценивали организацию исследовательских институтов. В частности, активно поддерживали идею Н.И. Вавилова и его окружение. Возможно, это было связано с открытием в 1924 г. под руководством Вавилова Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (ВИПБиНК или ИПБиНК, будущий Всесоюзный институт растениеводства). В НКЗ сторонником исследовательских институтов являлся вчерашний ученый-опытник С.К. Чайнов⁹⁵, с конца 1924 г. — руководитель Опытного отдела НКЗ (работа по сокращению и ликвидации опытных станций выпала на его долю)⁹⁶. Из писем Вавилова следует, что он надеялся на «укрепление» Чайнова в НКЗ и рассчитывал на его поддержку⁹⁷. Вместе с тем раздавались и голоса «с мест» о вреде перекося в сторону «центральных учреждений».

Неоднозначно ученые оценивали утверждение института крестьян-опытников. Первоначально к опытникам относили любого крестьянина, введившего в своем хозяйстве какое-либо усовершенствование⁹⁸. С 1927 г. опытниками называли уже только владельцев хозяйств, проводивших по согласованию с опытными учреждениями и под их контролем апробацию научно-технических разработок.

⁹⁴ Там же. Стоит заметить, что число опытных станций даже современники оценивают по-разному, что можно объяснить разночтениями в классификации и несовершенной статистикой.

⁹⁵ Чайнов, Сократ Константинович (1882—1969) — агроном, почвовед, геоботаник, государственный и общественный деятель, организатор опытного дела. Окончил МСХИ. С 1907 г. — земский агроном в Старобельском у. Харьковской губ. В 1907—1911 гг. — служащий Переселенческого управления ГУЗиЗ, организатор и первый заведующий Темирским опытным полем (ст. Джурун Ташкентской ж.д.). В 1911—1924 гг. — заведующий земским опытным полем Воронежской губ. «Орловка» (с 1917 г. — областная опытная станция). Провел комплексное исследование губернии. В 1913—1925 гг. преподавал в Воронежском СХИ. С 1924 г. — заведующий Опытным отделом Наркомзема РСФСР, с 1928 г. — председатель Совета по делам гидрометеорологической службы при Совнарком РСФСР. В 1922—1923 г. — глава Сельскохозяйственной секции Оргкомитета Всероссийской сельскохозяйственной и кустарной выставки 1923 г. В 1930 г. осужден по делу Трудовой крестьянской партии. С 1935 г. — профессор в Ивано-Вознесенском СХИ, зав. кафедрой почвоведения Семфилопольского СХИ, зав. кафедрой земледелия и растениеводства Московского зоотехнического института коневодства.

⁹⁶ РГАЭ. Ф. 437. Оп. 5. Д. 2388. Л. 41.

⁹⁷ Вавилов Н.И. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. 1. С. 98.

⁹⁸ Чайнов С.К. Что такое опытное поле и крестьяне-опытники. М.; Л.: Госиздат, 1925.

Численность крестьян-опытников к концу НЭПа достигла 24 тыс. человек⁹⁹. Один из примеров роста: на существовавших еще до 1917 г. и ставших особенно популярными в советское время курсах для крестьян наблюдалось ежегодное массовое увеличение числа слушателей, в результате чего в 1927 г. их посещали 330 тыс. человек¹⁰⁰. Однако истинный размах опытничества, культурный уровень крестьян-энтузиастов у многих вызывали сомнения. Одни полагали, что «институт крестьян-опытников... недостаточно еще развит»¹⁰¹; другие (в т.ч. и П.И. Лисицын) считали, что он является «попыткой на копейную свечку Бога купить» и не сможет заменить работу агрономов¹⁰².

Представители НКЗ в 1925 г. поспешили сообщить об успехах работы опытных станций с новыми клиентами — крестьянином-собственником, кооперативами мелких производителей. Но к тому времени уже намечался разворот к социалистическому сектору¹⁰³, переход к коллективному крестьянскому труду, в рамках которого, как полагали некоторые ученые-опытники, легче применять научно-технические достижения. Можно вспомнить слова того же Чайнова: «Коллективизм в работе должен быть. Им должна быть пронизана вся работа сверху донизу, от исследовательских центральных институтов до крестьян-опытников и совхозов»¹⁰⁴. По короткому периоду пореформенных преобразований, прерванному коллективизацией, трудно судить о выполнении задачи «повысить практическую отдачу опытного дела», «обслужить крестьянина-собственника». Для многих опытных станций реформа означала утрату бюджетного финансирования, сокращение исследовательских работ. Лишь в области селекции картина была иной: государственная поддержка способствовала росту числа селекционных станций, созданию системы апробации селекционных сортов, массового производства сортовых семян.

Несомненно одно: советское государство рассматривало опытное дело как инструмент социальной реконструкции сельского хо-

⁹⁹ Год работы правительства: Материалы к отчету за 1927/1928 г. М., 1929. С. 216.

¹⁰⁰ *Борисов Ю.С.* Производственные кадры деревни. М.: Наука, 1991. С. 174—176.

¹⁰¹ *Чайнов С.К.* О состоянии и развитии опытного дела. С. 218.

¹⁰² *Лисицын П.И.* Выступление в рамках прений по докладом Н.И. Вавилова и С.К. Чайнова // Стенографический отчет II Всероссийского агрономического съезда. 27 января — 5 февраля 1929. С. 266.

¹⁰³ *Чайнов С.К.* О состоянии и развитии опытного дела. С. 219—231.

¹⁰⁴ Там же. С. 218.

зьяства, что делало его учреждения зависимыми от политической конъюнктуры. Так, середина 1920-х гг. ознаменовалась набирающим обороты ведомственным контролем. Бюрократизация опытной работы, усложнение отчетности и планирования, как и общая тенденция ужесточения властных отношений в НКЗ, создавали ученым-опытникам немало проблем. Опытное дело оказалось в этом не одиноко: многие историки находят приметы будущей «советизации», ужесточения позиции власти по отношению к научной и культурной элите уже в середине 1920-х гг., вопреки традиции датировать перемены «великим переломом». Так, К. Рид утверждает, что именно во времена НЭП стремление партии большевиков распространить свое влияние на культурный процесс стало проявляться отчетливо и систематически: НЭП не был послаблением в отношении науки и культуры; напротив, он был «шагом на пути к культурной революции, а не от нее»¹⁰⁵. Сходную точку зрения отстаивает К. Кларк. Она пишет о «нэповской культурной революции», менее «громкой» по сравнению с 1917 г. и 1929 г., но более глубокой, в процессе которой интеллектуальная жизнь претерпела структурные и институциональные изменения, определившие ее «советский облик»¹⁰⁶. Л. Холмс, изучая сферу образования, также отмечает растущий контроль, но говорит о необходимости учитывать сложную игру политических и профессиональных факторов. По его мнению, в период НЭПа большевики еще не были готовы пренебречь важностью профессиональных норм, что позволяет говорить о балансе интересов власти и интеллигенции¹⁰⁷. Рассмотренные нами перемены в опытном деле вполне укладываются в интерпретацию НЭПа как периода «баланса интересов».

Последствия преобразований середины 1920-х гг. едва ли можно выделить из того потока крупномасштабных реорганизаций, в который попала агрономическая наука и всё сельское хозяйство в годы «великого перелома». Еще не успев полностью наладить работу по обслуживанию крестьянина-собственника, опытная агрономия должна была срочно поменять объект приложения своих усилий. Смена курса на коллективизацию отозвалась кардинальной пере-

¹⁰⁵ *Read Ch.* Culture and Power in Revolutionary Russia. The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. Basingstoke; London, 1990.

¹⁰⁶ *Clark K.* The “Quiet Revolution” in Soviet Intellectual Life // Russia in the Era of NEP. Exploration in Soviet Society and Culture / Eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington; Indianapolis, 1991. P. 210—230.

¹⁰⁷ *Холмс Л.* Социальная история России: 1917—1941. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1994.

стройкой опытной работы на всех уровнях. По словам Н.М. Тулайкова, проведение коллективизации заставляло ученых «с особой напряженностью искать научного обоснования для организации колхозов»¹⁰⁸. Вместе с тем нельзя сказать, что реформа 1923 г. была полностью перекрыта «великим переломом». Она инициировала важный структурный и институциональный сдвиг в опытном деле — режим особого благоприятствования развитию селекции и семеноводства; как и общая ориентация на практику, курс на селекцию пережил реорганизацию конца 1920-х гг. и оставался одним из приоритетов агрономической науки в СССР¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Цит. по: *Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. М.: Наука, 1971. С. 238.

¹⁰⁹ Число селекционных станций и институтов продолжало расти и в 1930-е годы; во всех высших сельскохозяйственных школах и университетах (в которых были созданы факультеты сельского хозяйства) обязательно читались курсы селекции и генетики (с конца 1920-х гг. сюда добавилась «сельскохозяйственная генетика»). Закрепляя успехи середины 20-х годов, НКЗ давал плановые задания «по селекции, генетике, семеноводству и племенному животноводству». Не вдаваясь в детали селекционно-генетических дискуссий середины 30-х годов, отметим, что в целом режим «особого благоприятствования классической селекции» сохранялся вплоть до 1948 г. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 723. С. 11—13об.

Глава IX

ЛИСИЦЫН И ШАТИЛОВСКАЯ СТАНЦИЯ ПОСЛЕ 1917 г.: НОВЫЕ СОРТА, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Революционные перемены

Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция встретила революционный год, залечивая военные раны. Оставалось много нерешенных проблем, одна из которых — земельная: станция располагала опытными полями площадью немногим более 30 га (при общей площади в 65 га). В годы войны удалось арендовать еще 20 га для селекционного отдела, но площади для качественной постановки работ не хватало.

Новая власть, едва утвердившись в России, оказалась в состоянии решить этот важнейший для опытных учреждений вопрос. Не имея других ресурсов, эсеры и сменившие их большевики распорядились тем богатством, которое досталось им в результате революционного передела и национализации. «Вопрос о земле» для Шатиловской станции решался за счет соседних помещичьих хозяйств. Рассмотрим подробности расширения станции, как пример передачи «дворянских гнезд» на нужды опытного дела.

Всё началось с преобразования «образцовой Моховской экономики» в культурное семенное хозяйство, начатого после 1917 г., но еще «буржуазными», земскими местными властями. Дело в том, что система советских органов в глубинке формировалась не так быстро, как в крупных губернских городах; в Новосильском уезде, к которому относились Моховое и Шатиловская станция, это произошло лишь весной 1918 г. Между тем крестьяне требовали срочного решения земельного вопроса. Поэтому в самом начале 1918 г. еще функционировавшее Покровское волостное земство взялось за реорганизацию местного земельного фонда. Задачей было не допустить распыления уникального хозяйства Шатиловых: искали управляющих, решали вопрос с урожаем прошлого года¹. 12 января

¹РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 188 (материалы об организации агрономического центра в имени «Моховое», 1918 г.). Л. 1—6.

1918 г. в «Правде» был опубликован отчет о событиях вокруг Мохового, в котором говорилось:

«Собрание Покровского волостного земства Тульской губернии постановило принять под охрану имение И.Н. Шатилова, как образцовое семенное хозяйство... Решено приступить к обмолоту хлеба немедленно, по принятии дел новым управляющим имения, назначив небольшое количество хлеба для армии»².

Примечательно, что в общественном сознании имение все еще ассоциировалось с именем И.Н. Шатилова, создавшего здесь «образцовое хозяйство» еще в середине XIX в., а не последнего владельца Мохового И.И. Шатилова³.

В Панькове, другом шатиловском имении, была организована одна из первых в губернии сельскохозяйственных коммун⁴. Но наладить мирную работу так и не удалось: весной 1918 г. в Центральном Черноземье началась волна крестьянских восстаний⁵. В Орловской губернии особенно острым было противостояние в Ливенском уезде⁶; в Новосильском уезде для подавления мятежей были вызваны отряды красноармейцев. Хозяйства уезда сильно пострадали; огромный урон был нанесен Моховому и Панькову.

Шатиловскую станцию удалось отстоять. Но осенью 1919 г. над ней нависла новая угроза, когда до Тульской губернии докатился фронт гражданской войны: Добровольческая армия генерала А.И. Деникина в составе Вооруженных Сил Юга России⁷ шла

² Переход имений крестьянам // Правда. 1918. 12 января.

³ Это отмечает В.П. Орлов, автор небольшой книжки о И.Н. Шатилове, изучивший мнения местных крестьян. См.: *Орлов В.П.* Агроном и лесовод И.Н. Шатилов. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. С. 64.

⁴ *Орлов В.П.* Агроном и лесовод И.Н. Шатилов. С. 66.

⁵ Страна вступила в эпоху военного коммунизма; крестьянские восстания стали ответом на политику продразверстки, начатой большевиками. Самое крупное и известное — Тамбовское (1919—1920 гг.). *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933. М.: РОССПЭН, 2001.

⁶ См. об этом: *Аптекарь П.А.* Крестьянская война // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 50—55; *Якубсон О.* Антибольшевистское восстание в Ливнах в августе 1918 г. // Страницы истории гражданской войны на Орловщине / А.В. Тихомиров (ред.). Орел: Православное молодежное братство, 2010. С. 49—54.

⁷ Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) — оперативно-стратегическое объединение белых войск Юга России в 1919—1920 гг. в ходе Гражданской войны. Образованы 8 января 1919 г. в результате объединения Добровольческой армии и армии Всевеликого Войска Донского для совместной борьбы против большевиков. См.: *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. М.: Олма-Пресс, 2003.

«на Москву». В августе—сентябре конница генерала К.К. Мамонтова заняла Тамбов, Козлов, Лебединь, Елец, Воронеж, в октябре взяла Орел, вышла к Новосилу; красные части оставили город⁸. Непосредственно Шатиловской станции угрожал 3-й Кубанский корпус А.Г. Шкуро. В эти грозные дни на станции начали формировать отряды самообороны; дежурили посменно, вооружившись охотничьими ружьями и винтовками. Вскоре добились отправки из Тулы для защиты станции кавалерийского отряда красноармейцев. Бои за Тулу между белогвардейцами и силами красного Южного фронта продолжались до конца октября. Лишь в ноябре 1919 г. контрнаступление красных полностью освободило окрестности станции.

В 1919 г. по решению уже Тульского губернского земельного комитета разоренная Моховская экономия площадью 856 га пахотной земли и 928 га лесной и луговой была присоединена к Шатиловской станции. Согласно планам, здесь предстояло создать семенной агрономический центр⁹. В общей сложности вместе со старым участком площадь станции составила 2294 га. Земля находилась в одном куске, что считалось крайне удачным, не создавало препятствий для нарезки однотипных опытных участков¹⁰.

В связи с новым сельскохозяйственным районированием Шатиловская станция оказалась на территории, обозначенной как Северо-Чернозёмная область¹¹. Состоявшееся на станции Областное совещание по опытному делу определило статус и задачи Шатиловской станции как комплексного научного-исследовательского учреждения с системой подчиненных опытных полей, обслуживающего все отрасли сельского хозяйства крупной почвенно-климатической и природно-хозяйственной зоны (независимо от административ-

⁸ О ходе гражданской войны на территории Орловской и Тульской губерний см.: *Егоров А.И.* Разгром Деникина. М.: Вече, 2012.

⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 190 (переписка и временное положение агрономического центра «Моховое» Тульской губ., 1918—1919 гг.). Л. 1—14об; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 189 (смета расходов агрономического центра «Моховое» Тульской губ., 1918—1919 гг.). Л. 1—51.

¹⁰ *Лебединцев А.Н.* Очерк развития опытного дела в Области // Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции / Опытные учреждения Северо-Чернозёмной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ. С. 12.

¹¹ Сама станция до 1925 г. находилась в составе Тульской губ.; впоследствии Новосильский у. был передан Орловской губ. О раннем советском районировании см.: *Елина О.Ю.* Первая советская реформа опытного дела; *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 2.

ного подчинения составных частей зоны)¹². Одновременно станция была переименована и стала называться Северо-Чернозёмная (б. Шатиловская) областная сельскохозяйственная опытная станция¹³. Однако во многих документах еще долгое время сохранялось старое название — Шатиловская станция.

Последовательность создания отделов по новым отраслям определялась, в том числе, специализацией хозяйств, передаваемых станции. Так, наличие в Моховом давней традиции лесоводства, лесной дачи позволило в 1919 г. организовать на Шатиловке Отдел лесоводства с опытным лесничеством. В 1920 г. в качестве Отдела прикладной ботаники станции было придано Муратово — бывшее имение В.Н. Хитрово в Орловской губернии, где еще в 1901 г. была основана ботаническая база. Отдел животноводства (1923 г.), также образованный на базе Мохового, славившегося своими мясо-молочными стадами, присоединил к своим владениям и имение Бестужево (Епифанский уезд Тульской губернии) с большим стадом крупного рогатого скота. В 1927 г. в состав Шатиловской станции вошло Брасовское опытное поле (станция) Орловской губернии — бывшая Брасовская «образцовая экономия» Великого князя Георгия Александровича.

Хотя земельный вопрос был решен, научная работа станции налаживалась с трудом. Как свидетельствуют отчеты первых послереволюционных лет, государственные кредиты, отпускаемые станции, выражались не деньгами, а «натурой»: товарами, которые предстояло продавать, обменивать и т.п. Денег катастрофически не хватало; полученные за это время суммы не могут быть определены точно; по приблизительных расчетам в переводе на золото они приближались к 75 тыс. руб.¹⁴ Лишь после введения червонного обращения (октябрь 1922 г.) бюджет стабилизировался и достиг

¹² Лебединцев А.Н. Основания организации областной сельскохозяйственной опытной станции // Труды областного совещания по опытному делу при Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции 8—9 мая 1919 г. Орел. С. 7—20; Лебединцев А.Н. Основные положения организации сети опытных учреждений в районе Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции // Труды областного совещания по опытному делу при Шатиловской станции 8—9 мая 1919 г. С. 29—35.

¹³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 191 (материалы о состоянии и деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции, 1918—1919 гг.). Л. 170—171.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 192 (совещание по Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции в Московском земельном комитете, 1918 г.). Л. 1—15; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 193 (сметы расходов Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции, 1918 г.). Л. 1—50.

338 тыс. руб., из которых 93 тыс. предназначались семенному хозяйству и лесной даче¹⁵. По отзывам посещавших станцию в это время, она уже была хорошо оборудована: располагала разнообразными приборами фирмы «Карл Цейс» (в том числе микротомы), редкой платиновой лабораторной посудой, специальными ручными однорядными сеялками для селекционных целей и пр.¹⁶ На Шатиловской станции ежегодно проходили практику студенты Московского университета, Петровской сельскохозяйственной академии (б. МСХИ, с 1923 г. — Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева).

Главные направления работ

Трудности в финансировании научной работы Шатиловской станции не остановили главные программы исследований. Рассмотрим эти программы и работу соответствующих отделов.

Селекционный отдел

«Земельный простор открыл возможность для дальнейшего расширения селекционных работ»¹⁷. В 1919 г. отдел получил 99 га земли под питомники и первые поля размножения. В это время П.И. Лисицын поставил перед Шатиловской станцией амбициозную задачу «продвижения в регионе выработанных в отделе сортов», для чего на всех полях предстояло размножить семена элиты, а на огромной территории десятка соседних бывших «образцовых поместий» наладить работу семенных хозяйств, объединенных в Шатиловскую Госсемкультуру, о которой пойдет речь в главе X.

Селекционные работы по ряду культур (овес, рожь, озимая пшеница, клевер, вика, люцерна) были начаты еще в предвоенное время; в советское время к ним добавились: гречиха (с 1918 г.), просо (1919 г.), лен (1921 г.) и др. Лисицын, наконец, смог передать значительную часть селекционной программы сотрудникам отдела, работавшим с ним в 1920-е гг.: А.Г. Зихман-Лисицыной, С.И. Макарову, М.П. Самсонову, К.Б. Веселовскому, Д.И. Введенскому, Н.Н. Оболенскому, А.Н. Покатаеву, В.Н. Хохлову; себе он оставил овёс, рожь, гречиху и клевер.

¹⁵ Лебеядицев А.Н. Очерк развития опытного дела в Области. С. 13.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 193. Л. 37.

¹⁷ Лисицын И.И. Селекционный отдел // Труды Северо-Чернозёмной... станции. С. 28.

Ставилась общая задача «повысить качество урожая, не снижая его количества». Селекция велась главным образом массовым отбором, а также индивидуальным отбором с использованием гибридизации; для ржи, гречихи и других перекрестноопыляемых культур использовался семейственный («фамильный») отбор.

Из местного образца ржи в посевах Шатиловской станции массовым групповым, с 1918 г. — семейственным («фамильным») отбором по урожайности и зимостойкости был выведен сорт озимой ржи Лисицына (Лисицынская). Семена этого сорта Шатиловская станция начала производить с 1921 г. Сорт передан в Государственное сортоиспытание в 1925 г., районирован в 1929 г. Рожь Лисицына стала первым официально признанным сортом сельскохозяйственных культур в СССР, за который его автор П.И. Лисицын получил авторское свидетельство № 1 от Государственной комиссии по сортоиспытанию Наркомзема (1929 г.)¹⁸. Сорт превосходил исходный образец по зимостойкости (выше средней), массе семян, доле зерна в общей массе и в целом по урожайности зерна¹⁹.

Сорта овса были выделены Лисицыным из коллекции местных образцов Шатиловского овса. Селекция велась в направлении улучшения качества зерна с сохранением качества соломы оригинального Шатиловского овса. Методом индивидуального отбора было выделено 193 номера, отличавшихся друг от друга формой и размерами зерна, количеством остей и двойных зерен, формой метелки и т.д. Сравнение этих форм было разбито на очереди. В первой, состоящей из 17 номеров, выделился по качеству зерна 033, который потом поступил в размножение. Общая протяженность работы — 12 лет. Как отмечал Лисицын, 033 не являлся лучшим из того, что мог дать Шатиловский овес и вскоре был «побит» 056. Этот сорт оказался наиболее урожайным, имел крупное зерно, среднюю плёнчатость, мягкую, хорошо поедаемую скотом солому (что делало его ценным во времена нехватки кормов). Шатиловский 056 был передан

¹⁸ Сорт ржи Лисицына районирован в 1929 г. в 17 областях. Возделывался в СССР до 1972 г. Посевные площади достигали в отдельные годы 4 млн га. Плотный колос; зерно полукрытое и открытое, овальной формы, средней крупности и крупное, осыпается слабо. «Натура» достаточно высокая: масса 1000 зерен — 25—27 г. Хорошие хлебопекарные качества. Солома твёрдая. Государственная племенная книга. Свидетельство № 1. См.: Рожь селекционная Лисицына / Озимая рожь // Государственный сортовой фонд 1925—1926 гг.: Описание сортов и краткая их характеристика / Сост. Т. Рунов. М., [б.г.]. С. 61—62.

¹⁹ Зарянова З.А. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 218—219.

в Государственное сортоиспытание в 1924 г., районирован с 1929 г. Поражаемость ржавчиной ниже средней. За этот сорт Пётр Иванович Лисицын получил авторское свидетельство № 2 Государственной комиссии по сортоиспытанию Наркомзема СССР (1929 г.)²⁰.

Остановимся на исследованиях и селекции клевера. Клевер был любимой культурой Лисицына; Пётр Иванович занимался им всю свою жизнь. Он сравнивал клевер с рычагом, с помощью которого можно совершить прогрессивный переворот в земледелии Центральной России. В 1920-е гг. Лисицын продолжил разработку классификации культурных клеверов по типам в зависимости от скороспелости, установил критерий принадлежности популяции к тому или иному типу — число междоузлий стебля. Результатом этих исследований стала монография «Русский культурный клевер»²¹.

С 1924 г. Лисицын начал изучение дикорастущих клеверов. Его целью было собрать на станции возможно более полную их коллекцию для селекционных целей — чтобы выявить формы, представляющие интерес для скрещиваний. Пополнение коллекции происходило через особые организации — «Амторг» и «Экспортхлеб». Лисицына особенно интересовали американские клевера; множество образцов было получено от селекционных станций Департамента сельского хозяйства США. Нужно было иметь и полный спектр российских клеверов: для этого Лисицын провел десятки экспедиций по сбору «дикарей»²². Главные задачи — выявить основные районы произрастания диких клеверов, описать внешний вид растений, провести измерения и анализы, собрать гербарий и семена для изучения биологии и изменчивости. Экспедиции планировались по «Шатиловскому меридиану»: замысел состоял в том, чтобы увидеть и документально зафиксировать, как меняется дикий кле-

²⁰ Овес Шатиловский 056, согласно описанию сортов Государственного сортового фонда, был получен методами «однократного индивидуального отбора в стадии селекции и конкурса и прерывчатого отбора в стадии размножения». Возделывался в Орловской, Владимирской, Смоленской, Ивановской и др. областях. В производстве характеризовался высокой урожайностью, высоким качеством зерна. Сорт среднепоздний, засухоустойчивость слабая, осыпаемость зерна слабая. Отмечен также малой остистостью, хорошим качеством соломы. Недостаток — сильная полегаемость. Использовался также как исходный материал для селекции овса. Государственная племенная книга. Свидетельства № 2. См.: Шатиловские овсы // Государственный сортовой фонд 1925—1926 гг.: Описание сортов и краткая их характеристика / Сост. Т. Рунов. М., [б.г.]. С. 53—55.

²¹ Лисицын П.И. Русский культурный клевер (в серии «Труды селекционного отдела Шатиловской опытной станции»). Л.: Тип. Коминтерна, 1926.

²² Лисицын планировал экспедиционные исследования диких клеверов еще в 1914 г., но их пришлось отложить из-за начала войны.

вер с Севера на Юг, от равнинных заливных лугов до луговых сообществ кавказских предгорий.

Одна из первых — в 1924 г., в Архангельскую губернию:

«Река Пинега в 15 км от станции Пинега, бывший Красногорский монастырь... Высокая гора со скатами, покрытая лугом. Громадный вид кругом. Здесь нашли растения дикого клевера. У растений пять междоузлий, корни ветвятся от основания, розетки очень сложные»²³.

Следующая экспедиция — в 1926 г. Дневниковые записи Петра Ивановича позволяют реконструировать детали и подробности экспедиционных будней. В составе группы — четыре человека: сам Пётр Иванович, его старший сын Борис, сотрудник отдела Михаил Павлович Самсонов и некто Лев (его полное имя и фамилия не указаны). Цель экспедиции — Печора, куда добирались через Архангельскую губернию. Найденные растения клевера тщательно описывались и измерялись: как и для культурных клеверов, основной учитываемый признак — число междоузлий и длина стебля; приводилась подробная геоботаническая характеристика луговых растительных сообществ, в которых обнаружен клевер. Например, такая запись о начале экспедиции: «№ 1. 16 августа, понедельник. Луг около Котласа²⁴, по-видимому, отчасти заливной. Клевер по пойменным местам на тощих почвах, в сообществе с подорожником, мятликом, белым клевером, щавелем, ромашкой, тысячелистником, очень часто, особенно большими колониями. Есть пчелы. Число междоузлий: 2 (5 растений); 3 (26); 4 (39); 5 (27); 6 (3); 7 (0)»²⁵.

Далее — Вычегда²⁶ и пароход, который должен доставить в край Коми. 18 августа остановились в Усть-Выми; 19-го на пароходе отправились через Усть-Сысольск (Сыктывкар) в Усть-Кулом, для обследований Печоры.

20 августа. Пятница:

«В 4 часа дня был в Усть-Куломе на почтовой станции. Большая черная деревня без единого дерева. Дома из почерневших от времени бревен и досок. Белеют только окна. Сделал два снимка вида на Вычегду»²⁷.

²³ Дневник экспедиций. АМКБЛ.

²⁴ Котлас — город в Архангельской губернии в районе впадения Вычегды в Северную Двину.

²⁵ Дневник экспедиций. По Печоре 1926 г., август—сентябрь. 16 августа. АМКБЛ.

²⁶ Вычегда — река на севере Европейской части России в Республике Коми и Архангельской области, самый большой приток Северной Двины.

²⁷ Дневник экспедиций. По Печоре 1926 г., август—сентябрь. 20 августа. АМКБЛ.

Три пары лошадей обошлись в 12 руб. 96 коп. На них добрались до села Помоздино, где сделали остановку для закупки продуктов. В Помоздино «обнаружился гражданин, который сеет с 1912 г. клевер, полученный тогда от земства. Точное происхождение его неизвестно. Обещал достать грамм 30»²⁸. Трудно с провиантом: «в Помоздино не нашли ничего, кроме хлеба». Но запаслись молодыми кедровыми орешками (в шишках). Борис «подстрелил прямо у дома, на морковной грядке зайца, потом отправился на охоту, принес кряковую (утку. — *О.Е.*) и трех куликов»²⁹ — он, как и отец, охотник. От замучившего гнуса сами шили накомарники. Путь предстоял неблизкий и трудный: подняться вверх по Вычегде, пройти 110 верст до Усть-Пожега, «местами по сплошным перекатам, по быстринам и водоворотам». Решили передвигаться по реке самостоятельно и попытались купить лодки; оказалось, что местные круглодонные лодочки очень трудны в управлении. Пришлось изменить план. В результате долгих переговоров наняли три лодки с двумя гребцами в каждой за 128 руб. Далее от Усть-Пожега — пешими переходами с лесными ночевками до реки Черь-Ижемская. Наняв новую лодку, дошли до реки Ижмы (Печорский бассейн) и далее по ней — до одноименного села, основанного на средневековом городище. Там собирали и измеряли «клевер по береговому спуску», в дальнейшем обозначенный как № 3³⁰. В Ижме купили лодку и двинулись до Печоры самостоятельно. В устье Ижмы собран клевер № 5 — 2 (1), 3 (37), 4 (57), 5 (11), 6 (0)³¹. Не обошлось без происшествий: сломалась уключина, с трудом смогли причалить к берегу. Заменить ее удалось, только дождавшись проплывавшего мимо парохода.

Далее — большая пристань Усть-Цильма, где имелось что-то вроде опорного пункта опытной станции. Оттуда предполагалось двинуться дальше на пароходе. Усть-Цильма — среднее течение Печоры, где река широка, пойма изрезана многочисленными протоками («шарами»), старицами; вниз до села Виски около 30 островов, самые крупные из которых были обследованы. Луговые сообщества вроде бы предполагали, что клевер «должен быть где-то рядом». Но — постоянные записи: «Не нашли...». Зато окружающая тундра — раздолье для охоты: утки шли на жаркое десятками. В селе

²⁸ Там же. 22 августа. АМКБЛ.

²⁹ Там же. 24 августа. АМКБЛ.

³⁰ Там же. 29 августа. АМКБЛ.

³¹ Там же. 8 сентября. АМКБЛ.

Виски сделали остановку; далее — пароходом до Печорской губы Баренцева моря.

Записи 30 сентября — 3 октября:

«Прошли губу и вышли в море. Небольшая качка <...> Море, качка, небольшой шторм, опять качка. <...> В 12 часов дня в Архангельске. <...> Билеты Архангельск—Москва».

Одна из экспедиций 1926 г. завершена; собрано пять номеров клевера.

В 1924—1926 гг. под руководством Лисицына были снаряжены около десятка экспедиций, которые доставили на станцию образцы из далеких Архангельской, Иркутской, Пермской, Пензенской губерний, Краснодарского края, Аджарии, близкие орловские и воронежские клевера. Тогда же Лисицын заложил первые селекционные опыты с «дикарями». Первый отбор — облиственность должна была составлять не менее 35% — был проведен в 1927 году. Через сезон клевер был вновь отобран по тем же признакам. Методика использовалась та же, что и для культурных форм: растения анализировали в начале цветения (определяли по распусканию цветков средней части верхушечной головки одновременно у 3—4 стеблей); от каждого куста брали 4 стебля. Давалась характеристика куста, стебля и листа: производился подсчет междоузлий, измерялась длина стебля; после сушки определяли массу растения.

Результаты исследований показали, что в целом дикие клевера цветут «дружнее» и раньше, чем культурные формы. Некоторые образцы «дикарей» можно было сразу рекомендовать для использования в сельскохозяйственной практике; другие представляли интерес как материал для селекции³².

Выведенный Лисицыным сорт клевера лугового Среднерусский был первым официальным сортом этой культуры в СССР. В качестве исходного материала использовались местные популяции клевера из Елецкого уезда Тульской губернии, прошедшие длительный массовый отбор. Сорт передан в Государственное сортоиспытание в 1925 г., районирован с 1931 г. Клевер Среднерусский является широко распространенным сортом клевера лугового, до настоящего времени широко возделывается и включен в Государственный реестр сортов по Центральному (3), Централь-

³² Результаты исследований диких клеверов впоследствии вошли в книгу: Лисицын П.И. Вопросы биологии красного клевера. М.: Сельхозгиз, 1947.

но-Чернозёмному (5) и Средневолжскому (7) регионам Российской Федерации³³.

Кроме этих сортов на Шатиловской станции Лисицын и его сотрудники вывели сорт льна Шатиловский К-48 масличный (П.И. Лисицын и В.Н. Хохлов, передан в сортоиспытание в 1927 г., районирован в 1929 г.), Шатиловский К-39 (П.И. Лисицын, В.Н. Хохлов и В.И. Масленникова, 1932 г. и 1937 г.), Д-83 долгунец (П.И. Лисицын, В.Н. Хохлов и В.И. Масленникова, 1932 г. и 1938 г.), проса Шатиловское 022 (Д.И. Введенский, 1925 г.) и Шатиловское 024 (Д.И. Введенский, 1925 г.), гречихи Богатырь (В.Н. Хохлов, П.И. Лисицын, Г.В. Копелькиевский, 1937 г., 1938 г.), клевер Шатиловский гибрид (Б.П. Лисицын), люцерну Шатиловская 171 (П.И. Лисицын).

Химический (агрохимический) отдел

Химический отдел возглавлял Александр Никандрович Лебедянцеv. В 1920-е гг., кроме Лебедянцева, в отделе работали четыре научных сотрудника: химики Г.И. Залыгин и З.В. Щеллова, почвоведы С.А. Писарев и М.Н. Савельев; одним из лаборантов отдела была сестра заведующего Ольга Никандровна Лебедянцева. В отделе также работала жена Александра Никандровича Елена Вячеславовна.

Деятельность химических отделов многих опытных станций в те сложные годы сводилась к обслуживанию внутренних потребностей, работам по заказам подразделений полеводства, селекции и пр. Определяя программу отдела химии на Шатиловской станции, Лебедянцеv считал приоритетом научные исследования: по его словам, задача агрохимика на опытной станции — «нахождение руководящих идей»³⁴. При этом главной предпосылкой успешной работы он называл *единство, взаимосвязь* основных направлений химических исследований в агрономии:

³³ Это одноукосный позднеспелый клевер; период до созревания семян составляет 130—140 дней. Зацветает на второй-третий год жизни. Кустистость хорошая (50—55 стеблей). Среднее количество междоузлий — 9—11 (до 14). Облиственность — 40—50%. Масса 1000 г семян — 1,8—1,9 г. Урожайность зеленой массы — 25—35 т/га, сена — 7—8 т/га. Семенная продуктивность — 0,15—0,20 т/га. Содержание протеина в сухой массе 13,2—14,6%. Высокая зимостойкость, засухоустойчивость средняя. Поражаемость болезнями от средней (мучнистая роса, ржавчина, фузариоз) до слабой (антракноз). См. об этом: *Зарьянова З.А.* Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях.

³⁴ *Лебедянцеv А.Н.* Обзор деятельности химического отдела за время с 1902 по 1922 г. // Труды Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции / Шатиловская областная опытная станция и краткий обзор ее работ за XXV лет (1899—1923). Серия общая. № (вып.) 27. Орел: Типо-лит. «Труд» ГСНХ. С. 121.

«Деятельность химических отделов опытных станций протекает обычно в пределах той агрономической дисциплины, которая носит название *агрономической химии* (выделено автором. — *О.Е.*) и содержание которой в последнее время усиленно и совершенно неосновательно растаскивается по смежным дисциплинам под названием «агрономического почвоведения», «агрофизики» и т.д. Три основных объекта агрохимии — растение, удобрение и почва — и являются тесно связанными объектами работ химических отделов опытных станций»³⁵.

Вокруг этих «основных объектов» была выстроена и программа исследований на Шатиловской станции; остановимся на проблеме обеспечения растений фосфором и связанным с ней вопросом о фосфорных удобрениях.

Военная изоляция России и послереволюционная разруха привели к полному исчезновению привозных фосфорнокислых удобрений: томас-шлака, суперфосфата. Вегетационные и полевые исследования первых советских лет были направлены на нахождения адекватной замены этим тукам. В результате Лебедевцев и его сотрудники могли с определенностью рекомендовать фосфориты как источник удовлетворения потребности почв района, деградированных чернозёмов, в фосфоре³⁶. В вегетационных опытах был изучен процесс преобразования фосфоритов в почве при ее искусственном паровании³⁷, что позволило отдать предпочтение сильно измельченным формам (муке тонкого помола)³⁸ в комбинации с сернокислым аммонием. Эффективность такого удобрения была подтверждена полевыми опытами на станции и опытных полях

³⁵ *Лебедевцев А.Н.* Химический отдел станции // Труды Северо-Чернозёмной... станции. С. 24, 25.

³⁶ *Лебедевцев А.Н.* Программа исследований по вопросу применения фосфоритов как основного фосфорнокислого удобрения для русской Чернозёмной полосы // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Новосибирь, 1921. Т. 1. № 2; *Лебедевцев А.Н.* Химический отдел станции // Труды Северо-Чернозёмной... станции. С. 116—122.

³⁷ *Лебедевцев А.Н.* Влияние высушивания почвы на ее плодородие. Сообщение 7-е: Действие удобрений на почве, подвергнутой высушиванию // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Орёл, 1927. Т. 2. № 5. С. 330—358.

³⁸ *Лебедевцев А.Н., Щеглова З.В., Ремизов С.А.* Влияние тонкости помола на использование фосфоритов различных залеганий // Земледельческая газета. 1917. № 18—22.

в районе ее действия. Был исследован фактор, обуславливающий переход фосфоритов в растворимую форму, которую способны поглощать корни растений, — процесс нитрификации³⁹. Лебеяднцев опроверг утвердившееся представление о плохом усваивании фосфоритной муки на чернозёмах, действию ее исключительно на подзолистых почвах. Благодаря Лебеяднцеву и его отделу было установлено, что зона оподзоленных и выхолощенных чернозёмов, расположенная в северо-западных районах Центрально-Чернозёмной области, по отзывчивости на удобрения занимает одно из ведущих мест в мире⁴⁰.

Параллельно под руководством Лебеяднцева исследовали сравнительные характеристики отечественных фосфоритов из различных месторождений. Была установлена ценность отдельных средне-русских месторождений, в которых фосфориты находились в более доступной для усвоения форме⁴¹; требовалось лишь расширить их разработку⁴². При отсутствии в Советской России других фосфорных туков это могло стать прорывом в обеспечении удобрениями центральных губерний России. К середине 1920-х гг. Лебеяднцев показал, что фосфориты дают приблизительно равный эффект на всех разновидностях северных чернозёмов, действуют успешно на засоленных почвах; он установил также южную границу их применения. Эти работы дали толчок практическому использованию фосфоритов и легли в основу плана развития фосфоритной промышленности первых пятилеток⁴³.

Среди других туков изучался навоз как местное органическое удобрение. Лебеяднцев видел в нем многофункциональность дейст-

³⁹ *Лебеяднцев А.Н.* Процесс нитрификации как фактор усиления зольного питания растений // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Орёл, 1927. Т. 2. № 4. С. 273—288; *Лебеяднцев А.Н.* К методике изучения нитрификационного процесса в почвах // Почвоведение. 1916. Т. 18. С. 51—68.

⁴⁰ *Зарьянова З.А.* Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 127.

⁴¹ *Лебеяднцев А.Н.* Потребность северных чернозёмов в фосфоре и залежи русских фосфоритов как источник ее удовлетворения. Новосибирск, 1917.

⁴² Работы по изучению и разработке центрально-русских месторождений, начатые еще во времена А.Н. Энгельгардта, продолжила в советское время команда видных агрохимиков и технологов: Д.Н. Прянишников, Я.В. Самойлов, Э.В. Брицке. См. об этом: *Елина О.Ю.* Мир, война и «туковый вопрос» (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900—1920-е гг.) // ВИЕТ. 2001. № 3. С. 3—36.

⁴³ *Лебеяднцев А.Н.* Фосфорит должен быть основным удобрением в СССР // Сельскохозяйственная жизнь. 1926. № 34. Вып. 2. С. 15—16; *Флаксерман Ю.Н.* Фосфорные удобрения и их производство в СССР. Л., 1926.

вия: влияние не только на урожай, но и на структуру почвы, создание положительного баланса в ней гумуса⁴⁴.

В масштабной серии вегетационных опытов изучалась степень реагирования на удобрения различных культур. В частности, было установлено, что озимые культуры «отзывчивее» яровых: максимально активно реагировали на туки пшеница, просо и горох; наименее «отзывчивыми» оказались яровые овес и конопля⁴⁵.

В области химии почвы основная задача отдела состояла в изучении динамики почвенного плодородия и признаков, характеризующих почвенную деятельность. В 1918—1922 гг. Лебедев исследовал процессы, сопровождающие высыхание почвы. Вегетационные опыты продемонстрировали, что высыхание почвы в естественных условиях сопровождается повышением ее плодородия. Это связано с увеличением содержания в почве аммиака и амидов, значительно большим количеством легкорастворимой фосфорной кислоты и органических веществ⁴⁶. Далее, были выполнены исследования изменения плодородия пахотного слоя во времени (возрастание в период вегетации) и по горизонтам (возрастание от подпахотного слоя к поверхностному, пашне)⁴⁷.

Большое значение для практической агрохимии имели выполненные в химическом отделе методические работы. Впоследствии они вошли во многие учебные руководства по лабораторному анализу. Были разработаны следующие методики: исследования процесса нитрификации в почве; определения фосфора в почве, растении и удобрении нефелометрическим методом; определения влажности в растительных веществах; определения жира в семенах масличных

⁴⁴ Лебедев А.Н. Обзор деятельности химического отдела за время с 1902 по 1922 г. С. 110—136.

⁴⁵ Там же. С. 110—113.

⁴⁶ Лебедев А.Н. Высыхание почвы как один из факторов поднятия ее плодородия // Хозяин. 1918. № 1—8; Лебедев А.Н. Влияние высушивания почвы на ее плодородие. Сообщение 2-е // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Новосиль, 1921. Т. 1. № 2. С. 13—61; Лебедев А.Н. Влияние высушивания почвы на ее плодородие. Сообщение 3-е // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Орёл, 1921. Т. 1. № 3; Лебедев А.Н. Влияние высушивания почвы на ее плодородие. Сообщение 4-е // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Орёл, 1921. Т. 1. № 6. С. 1—44; Лебедев А.Н. Влияние высушивания почвы на ее плодородие. Сообщение 5-е // Научно-агрономический журнал. 1926. № 4. С. 243—258; Лебедев А.Н. Высыхание почвы как природный фактор образования ее плодородия // Труды Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Орёл, 1928. № 21.

⁴⁷ Лебедев А.Н. Обзор деятельности химического отдела за время с 1902 по 1922 г. С. 113—116.

культур; качественного анализа удобрений применительно к производственным условиям⁴⁸.

Ботанический отдел
(Муратовская ботаническая база)

Отдел ботаники (Муратовская ботаническая база) — одно из новых подразделений Шатиловской станции, в организации которого активно участвовал Пётр Иванович Лисицын. Напомним, что Лисицын всегда рассматривал селекцию как область прикладной ботаники, ратовал за создание на станциях объединенных селекционно-ботанических отделов. Кроме того, отдел ботаники имел общий научный интерес с отделом селекции; точка пересечения — клевер; поступившие из Муратова семена дикорастущего зимостойкого клевера были использованы Лисицыным в селекционных целях. Всё сказанное, а также тот факт, что об истории Муратовской базы известно очень мало, требует подробного рассказа об этом учреждении.

Как отмечал основатель базы, ботаник Владимир Николаевич Хитрово⁴⁹,

⁴⁸ См. об этом: *Зарьянова З.А.* Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 135—136.

⁴⁹ Хитрово, Владимир Николаевич (1878—1949) — ботанико-географ, флорист, фенолог, организатор прикладной биологии и агрономической науки. Потомок древнего дворянского рода. Окончил гимназию в Таганроге (1897 г.), естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета (1902 г.). Работал там же лаборантом при кафедре профессора С.Г. Навашина, с 1904 г. — ассистентом. Преподавал в Киевском университете (1910—1917 гг.). Создал в родовом имении Муратова опорный пункт (базу) для геоботанических исследований лугов (1901 г.), организовал с единомышленниками Общество для исследования природы Орловской губернии (1905 г.). Один из создателей заповедника «Галичья гора» (1925 г.), до 1930 г. — его научный руководитель. С ноября 1912 г. — член Бюро по прикладной ботанике УК ГУЗиЗ. Участвовал в организации Киевской (1913 г.) и Новозыбковской (1916 г.) сельскохозяйственных опытных станций, Орловского педагогического института (с 1921 г. — профессор), где находится его гербарий. В 1931 г. арестован по делу Трудовой крестьянской партии и выслан в Сибирь. Работал в Омске (Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства), Тюмени, Чардыни. В 1946 г. по совокупности заслуг Хитрово присвоено звание доктора биологических наук без защиты диссертации. Реабилитирован в 1990-е гг.

Основные труды — по флористике, геоботанике, биологии сорных и кормовых растений, фенологии, краеведению. Изучал растительность центральных областей Европейской части СССР, Урала, Западной Сибири, особенно луговую. Собранные им в Сибири семена дикорастущего зимостойкого клевера использованы П.И. Лисицыным в селекционных целях. Работал над проблемой сезонного полиморфизма у растений. Составил первое полное научное описание и путеводитель по урочищу «Галичья гора». См.: *Андреев В.Н.* Памяти профессора В.Н. Хитрово // Ботанический журнал. 1952. Т. 37. № 2; *Данилов В.И.* Ученый В.Н. Хитрово. Тула: Приокское книжное издательство, 1985. 103 с.

«в своем зачаточном состоянии Муратовская база появилась на свет в те же годы, как и Шатиловская сельскохозяйственная станция и, так же, как и последняя, возникла по частной инициативе»⁵⁰.

В 1901 г., будучи студентом университета Св. Владимира в Киеве по кафедре профессора С.Г. Навашина⁵¹, Хитрово выбрал темой своей дипломной работы геоботаническое обследование Болховского уезда Орловской губернии, где находилось его родовое имение Муратово⁵². Имение стало «опорой для обследования»⁵³, что определило его будущее и судьбу его владельца.

Муратовская база формировалась как коллектив единомышленников: по приглашению Хитрово на полевые работы стали приезжать его университетские товарищи. Так, в 1902 г. в ботаническом обследовании принял участие Г.А. Левитский, коллега Хитрово по университету, в дальнейшем — известный цитогенетик, сотрудник ВИРА. Однокурсник Хитрово геолог Н.П. Червинский выполнял геологическое изучение уезда. Было начато сплошное картирование территории Болховского уезда, стационарное обследование лугов, лесов и пр.

В 1903 г. территория обследований включила Галичью Гору — природный памятник с уникальным историческим ландшафтом и флорой, не характерной для Центральной России; к работам подключились палеофитологи (Д.Д. Руднев), почвоведы (И.К. Фрейнберг). В 1904 г. была опубликована первая большая работа В.Н. Хитрово, посвященная Галичьей Горе⁵⁴.

⁵⁰ Хитрово В.Н. Исторический очерк Муратовской базы — Ботанического отдела станции // Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции / Опытные учреждения Северо-Чернозёмной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ. С. 67—80; цит.: С. 67.

⁵¹ Навашин, Сергей Гаврилович (1857—1930) — ботаник, цитолог, эмбриолог растений. По окончании Московского университета (1881) преподавал в нем, в Петровской с.-х. академии и Петербургском университете. Профессор Киевского (1894—1915) и Тифлисского (1918—1923) университетов. В 1898 г. открыл двойное оплодотворение у покрытосеменных растений. Заложил основы изучения морфологии хромосом и кариосистематики.

⁵² Муратово принадлежало бабушке В.Н. Хитрово по отцовской линии Марие Алексеевне Хитрово, с которой он провел детские годы, рано потеряв мать. Владимир Николаевич унаследовал Муратово после кончины отца, генерала от артиллерии Н.М. Хитрово. О Н.М. Хитрово см.: Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 2 (Л—Я). М., 2009. С. 669.

⁵³ Хитрово В.Н. Исторический очерк Муратовской базы. С. 67.

⁵⁴ Хитрово В.Н. О Галичьей горе // Труды Имп. СПб об-ва естествоиспытателей. 1904. № 11. С. 43—117.

Район исследований постепенно расширялся: берега реки Кутьмы у Болхова; лог Непрец в окрестностях Орла; западная, лесная часть губернии, позже переданная Брянской. Вырос и поток гостей; многие из них были уже сложившимися учеными. Так, известный ботаник А.Ф. Флёров занимался исследованием верхней части бассейна Оки, используя в качестве базы Муратово⁵⁵. Возникла идея организации общества, которое было бы призвано «содействовать наезжим обследователям, объединять работу местных обследователей, привлекать к ней новые и любительские силы»⁵⁶. Общество для исследования природы Орловской губернии было учреждено в 1905 г.; штаб-квартирой его стала Муратовская база. В 1911 г. экспонаты Общества (ботанические и почвенно-геологические образцы, иллюстрирующие основные типы лугов) демонстрировались на первой в стране выставке по охране природы, организованной известным ботаником В.И. Талиевым в Харькове и Киеве.

В семье Хитрово не было принято глубоко вникать в проблемы собственного хозяйства⁵⁷. Унаследовав Муратово после смерти отца в 1906 г., Владимир Николаевич продолжил эту традицию. Тем не менее, Хитрово интересовали вопросы научной агрономии, в частности, вопросы типологии хозяйственных земель. Эта тема разрабатывалась, например, на материале Брасовских экономий Великого князя Михаила Александровича в 1910 г. Во время обследований началось и сотрудничество Хитрово с управляющим имениями, агрономом И.Н. Клингеном: занимались исследованиями клеверов. Впоследствии Хитрово принимал участие в организации Брасовской опытной станции.

Луговой клевер стал главным в исследованиях сезонной изменчивости — полиморфизма растений (плеоморфизма, в терминологии

⁵⁵ Флёров, Александр Фёдорович (1872—1944), ботаник, физиолог растений. Окончил Московский университет (1895) с дипломом 1-й степени, был оставлен при кафедре физиологии растений для подготовки к профессорскому званию. Занимал должность ассистента кафедры ботаники Варшавского политехнического института (1899—1901), одновременно читал курс технической микробиологии в Варшавском университете. Приват-доцент (1902—1905) Московского университета; консерватор Санкт-Петербургского ботанического сада (с 1905). Руководил ботаническими экспедициями Переселенческого управления (1908—1911). Директор Минской болотной опытной станции (1911); заведующий кафедрой анатомии и физиологии в Ростовском-на-Дону университете (1935—1944). Изучал растительность Северного Кавказа, Дагестана, Прикаспия, Черноморского побережья.

⁵⁶ Хитрово В.Н. Исторический очерк Муратовской базы. С. 68.

⁵⁷ Генерал Хитрово, получая высокое жалованье на службе, не рассматривал доставшееся ему от матери Муратово как источник дохода. Хозяйство жило собственной жизнью по классической схеме: всеми работами занимался управляющий.

гии Хитрово)⁵⁸. Клеверные исследования объединили Муратовскую базу и Шатиловскую станцию, где с 1911 г. вопросами многообразия форм лугового клевера занимался П.И. Лисицын. На «клеверной теме» сложились личные отношения Хитрово и Лисицына; Пётр Иванович писал о визитах к Хитрово в Киев.

Другим важным направлением, связанным с агрономией, стало изучение сорняков. Хитрово работал в контакте с Н.В. Цингером, приват-доцентом Новоалександрийского института, и А.И. Мальцевым, специалистом по сорным растениям Бюро по прикладной ботанике УК ГУЗиЗ⁵⁹. В результате в «Трудах» Бюро появились публикации Хитрово, в том числе уникальный атлас семян сорных растений, иллюстрированный фотографиями с десятикратным увеличением (1914 г.)⁶⁰.

Предвоенная пора оказалась периодом общественной востребованности геоботаники: ее «стали оценивать более серьезно, ибо хозяйственники учли богатое прикладное значение этой отрасли науки для районирования и мелиорации»⁶¹. Геоботаническими оценочными исследованиями заинтересовались земства⁶². В 1913 г. по приглашению Волынского земства В.Н. Хитрово возглавил обследование лугов губернии: «Муратово стало естественным местом для организации сотрудников — штабом этих исследований и местом хранения и обработки собранных материалов»⁶³. В 1914 г. аналогичные работы выполнялись для Рязанского земства; о намерениях заказать исследования сообщали Киевское и Орловское земства, причем в 1914 г.

⁵⁸ Хитрово В.Н. Наши представители рода *Geum* и их гибриды: (К вопросу о сезонном плеоморфизме) // Хитрово В.Н. Критические заметки по флоре Орловской губернии. Ч. III / Материалы к познанию природы Орловской губернии (Общество для исследования природы Орловской губернии). В 21 вып. Вып. 12. Киев: Тип. Слюсаревского, 1910. С. 11—48.

⁵⁹ На основании этих работ Н.В. Цингер выдвинул идею видообразования в посевах посредством отбора; А.И. Мальцев разработал концепцию распределения сорняков по горизонтам почвы; В.Н. Хитрово ввел представление о «парусности» зачатков сорных растений. См.: Хитрово В.Н. О наружности зачатков некоторых растений. Киев, 1908. 74 с.

⁶⁰ Хитрово В.Н. Атлас семян и плодов среднерусских полевых сорных растений // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1914. Т. 7. Вып. 1—3.

⁶¹ Хитрово В.Н. Исторический очерк Муратовской базы. С. 71.

⁶² Эта тема отчасти освещена в работах по истории ботанических исследований степного региона. См., например: Федотова А.А. Ботаники в Нижегородской экспедиции В.В. Докучаева: Новые программы, «старые» территории // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 66—83.

⁶³ Хитрово В.Н. Исторический очерк Муратовской базы. С. 71.

«уже составлялась смета работ в Орловской губернии. Открывался почти сплошной фронт работ под руководством базы на лугах вдоль границы чернозёмов от Почаевской лавры до Касимова. Муратово и его сотрудники попадали в условия очень благоприятные»⁶⁴.

Владимир Николаевич высоко оценивал эти прикладные проекты. Как гласный Орловского земства он понимал их важность для хозяйственного развития губерний; как ученый он видел в них возможность установить баланс между «академизмом» и «практикой». При этом, по его словам, для выполнения заказной земской работы чрезвычайно полезной оказалась его деятельность в местном обществе, дававшая возможность «вербовки, надлежащего отбора и подготовки большого числа сотрудников»⁶⁵.

Война привела к сворачиванию земских проектов; В.Н. Хитрово занимался налаживанием госпитального обеспечения по заданию земства; перевозил в Муратово из Киева научную библиотеку, которая насчитывала около 1500 томов. Но главные перемены принёс послереволюционный период, когда зимой 1918—1919 гг. Орловский губземотдел, ознакомившись с состоянием базы и ее научной работой, «принял меры к ее национализации»⁶⁶.

Муратовской базе были «переданы» земли имения Хитрово (примерно 60 га) с усадебным домом и другими постройками. Владимир Николаевич считал такой расклад вполне удачным: в те времена любая научная работа «происходила в своеобразных условиях, когда возможность ее определялась не количеством дензнаков, а хлебом для прокорма сотрудников»⁶⁷; благодаря налаженному хозяйству сельхозпродукты имелись в достатке. Тем не менее, самостоятельное существование базы, как и многих других возникших на обломках «дворянских гнезд» опытных учреждений, едва ли могло продлиться долго: местные власти оказались не в состоянии выполнить свои обязательства по финансированию. Поэтому, заручившись поддержкой давнего коллеги П.И. Лисицына, В.Н. Хитрово инициировал присоединение базы к Шатиловской станции. В начале 1920 г. она вошла в качестве Отдела ботаники в состав Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. В том же 1920 г. Хитрово участвовал с докладом на I Всероссийском съезде по прикладной ботанике в Воронеже (23—29 сентября), где «науч-

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 72.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 73.

ные работники встретились, как воскресшие из мертвых после годов полного разобщения и разрухи»⁶⁸.

В отделе наконец появляется рабочая сила. В 1921 г. были зачислены первые практиканты из окончивших среднюю Болховскую сельскохозяйственную школу; Хитрово затратил много сил на их дополнительное образование и обучение. К концу 1921 г. в штате отдела было уже 14 человек — привлекала возможность «прокорма»; среди сотрудников оказались и долгожданные естественники, выпускники Московского университета.

В первые годы отдел сосредоточился на решении задачи поддержания своей работоспособности, выполнял в основном заказные работы. Осенью 1925 г. был составлен первый пятилетний план, принятый на областном опытном совещании⁶⁹. Перечислим некоторые из исследований советского десятилетия.

Самый ранний проект (1919—1923 гг.) — ботаническое обследование лугов поймы Десны на средства Орловского и Брянского губземотделов; исполнители — В.Н. Хитрово, О.М. Елисеева (Болховский краеведческий музей), А.Г. Поварина (ботаник Брянского краеведческого музея), Ф.И. Чесноков (губернский агроном). Были обнаружены поздне-укосные луга под Трубчевском, новые формы лугового клевера.

В преддверии Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. Орловский губернский плановый и статистический отдел (Губпланстатотдел) поручил Хитрово подготовку буклета с обзором природы Орловщины. Буклет превратился в объемный том в 600 страниц, который к выставке подготовить не успели; книга вышла только в 1925 г.⁷⁰ Но отдел ботаники принял в работе выставки самое живое участие; экспозиция отдела стала своеобразным отчетом о многолетней работе Муратовской базы. Результаты были представлены в различных павильонах. Так, экспонаты по типологии лугов, сорной растительности, полиморфизму клевера (образцы растений и почв, фотографические материалы, карты и пр.) были выставлены в Павильоне мелиорации в витринах Орловского, Брянского и Рязанского губземотделов, Брянского лесничества и Орловской семенной контрольной станции; публикации заняли место в витрине Шатиловской станции в Павильоне

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Перспективный план работ Муратовской базы — Отдела ботаники ШОСХОС // Труды Областного совещания по опытному делу. Орел, 1926.

⁷⁰ Природа Орловского края / Под ред. В.Н. Хитрово. Орел: Орловское книжное изд-во, 1925. 450 с.

опытных станций. Сотрудники отдела выступали с докладами и лекциями на Ботанической секции выставки. Работы по клеверу были отмечены медалью выставки; отдел получил награду и от местных властей: в духе времени выделили лошадь для разездов⁷¹.

В середине 1920-х гг. отдел ботаники занимался также непрофильными вопросами использования местных полезных ископаемых: торфа, минеральных красителей и фосфоритов, залежи которых были открыты в Орловской губернии еще в начале века.

В 1924 г. возобновились работы по сплошному картированию Болховского уезда; их выполнял сотрудник отдела А.И. Молозев; он же занимался изучением ковыля⁷². С 1925 г. группа практикантов I-го Московского университета под объединенным руководством В.Н. Хитрово и профессора ботаники В.В. Алёхина⁷³ изучала плакорную степь, обнаруженную в Орловском уезде.

В 1924—1925 гг. отдел выполнил важное исследование по типологии лугов. Был открыт новый тип высоких пойм в Орловской губернии — «орошаемые нивы», которые могли стать ценным объектом интенсивного полеводства.

В 1925 г. В.Н. Хитрово начал совместное с отделом П.И. Лисицына изучение культурного лугового клевера. Как мы отмечали в главе V, вопрос о его происхождении считался крайне запутанным; многие специалисты полагали, что русский клевер получен из акклиматизированных зарубежных образцов. Хитрово выдвинул идею о местном происхождении культурного клевера в результате одомашнивания диких форм. Поэтому он предлагал выявлять и делать материалом для дальнейшей селекции дикорастущие зимостойкие формы, ратовал за привлечение в селекцию клеверов из северных и восточных районов страны. Экспедиционный поиск зимостойких диких форм с последующей селекцией — научная программа, объединившая два отдела. Хитрово наметил цель своих экспедиций — Восточная Сибирь. В конце лета 1925 г. состоялась первая поездка — сбор клеверов вдоль Транссибирской

⁷¹ Хитрово В.Н. Исторический очерк Муратовской базы. С. 70.

⁷² Молозев А.И. Ковыль в окрестностях г. Мценска // Бюллетень Орловского губернского бюро краеведения. Орёл, 1918. С. 30—31.

⁷³ Алёхин, Василий Васильевич (1882—1944) — ботаник, основатель московской школы геоботаники. По окончании Московского университета (1907) работал там же (с 1918 — профессор). В 1923 г. создал кафедру геоботаники и бессменно ею руководил. Внёс крупный вклад в учение о растительных сообществах — фитоценологию. Продолжил классификацию степей, составил обзорные карты растительности различных районов СССР. См.: Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь / Сост. С.Ю. Липшиц. Т. 1. М., 1947. С. 38—43.

железной дороги; в 1926 г. Хитрово отправился в экспедицию на Енисей. Результаты обеих экспедиций — образцы клевера с особыми характеристиками зимостойкости — дополнили коллекцию Шатиловской станции, стали материалом для селекционных работ П.И. Лисицына.

Во второй половине 1920-х гг. наконец был опубликован итоговый труд В.Н. Хитрово: монография «О сезонном плеоморфизме» (1926 г.), который автор начал писать более 15 лет назад. В 1928 г. готовилось второе, расширенное и дополненное издание атласа сорных растений; оно вышло под тройным грифом — Шатиловской станции, Орловской семенной контрольной станции и Института прикладной ботаники и новых культур.

Необходимым условием визуального документирования геоботанических описаний В.Н. Хитрово считал фотографические материалы. В течение всей своей работы он последовательно и методично фиксировал не только отдельные растения в их естественной обстановке, но и целые сообщества, геоморфологические особенности мест, микроскопические объекты (грибы, водоросли и пр.). К началу 1930-х гг. в коллекции В.Н. Хитрово было около 7000 негативов фотографий, в том числе 2000 стереоскопических⁷⁴.

Помимо геоботанических исследований, на Муратовской базе и в Отделе ботаники занимались флористикой, гербаризацией. Личный гербарий дикорастущих растений В.Н. Хитрово насчитывал 1116 видов: часть его уцелела и хранится на кафедре ботаники Орловского педагогического университета. Была собрана внушительная коллекция семян сорных растений (около 700 видов), переданная впоследствии Орловской семенной контрольной станции (ее судьба неизвестна).

Все советские годы В.Н. Хитрово и его сотрудники развивали природоохранную деятельность. Один из главных проектов Хитрово — Галичья Гора, ставшая благодаря его усилиям заповедником; в сентябре 1929 г. на Первом Всероссийском съезде по охране природы он сделал доклад об этом природном памятнике. В.Н. Хитрово ставил вопрос о сохранении в качестве заповедников и других уникальных участков Орловской губернии. В 1929 г. Государственный комитет по охране природы поддержал его предложения; Владимир Николаевич начал сбор необходимой документации, но не успел довести дело до конца: в 1931 г. он был обвинен в антисо-

⁷⁴ Хитрово В.Н. Исторический очерк Муратовской базы. С. 69; Сарычев В.С., Нестеров Ю.А. Фотографическое наследие В.Н. Хитрово // Вестник ВГУ. Серия география, геоэкология. 2007. № 2. С. 123—125.

ветской деятельности по делу Трудовой крестьянской партии⁷⁵ и выслан в Западную Сибирь (г. Омск). После ареста Хитрово и других близких Шатиловке людей, проходивших по делу «трудовиков», на станции началась волна репрессий. Эти события совпали с закрытием отдела ботаники в 1930 г. в процессе очередной реорганизации станции.

Отдел огородничества (овощеводства)

Отдел огородничества (овощеводства), организованный по решению Областного совещания по опытному делу, проходившему в мае 1919 г. «при Шатиловской станции» в Орле, был официально открыт в июне 1919 г. Земельной основой для организации отдела стали огородные участки Мохового (около 26 га), переданные станции⁷⁶. Первым заведующим стал Алексей Николаевич Харузин⁷⁷,

⁷⁵ Об обвинениях и арестах по делу ТКП в Орловской губернии см.: *Саран А.Ю.* Дело «Трудовой Крестьянской партии» в Центрально-Чернозёмной области // *Образование и общество. Научный, информационно-аналитический журнал.* 2003. № 3.

⁷⁶ *Харузин А.Н.* Об открытии отдела огородничества при Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции // *Труды областного совещания по опытному делу при Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции* 8—9 мая 1919 г. Орёл, 1920. С. 61—75.

⁷⁷ Харузин, Алексей Николаевич (1864—1932) — государственный деятель, этнограф, антрополог. Учился в Ревельской гимназии. Окончил естественнонаучное отделение физико-математического факультета Московского университета (1889); получил степень кандидата (зоология, Юрьевский университет). По поручению Имп. общества любителей естествознания и антропологии (ОЛЕА) и Имп. русского географического общества предпринял ряд поездок с этнографическими целями по Кавказу, Закавказью, Крыму, Эгейскому морю, Боснии и Герцеговине, Киргизии (1885—1891 гг.). В 1889—1891 гг. в качестве секретаря Отдела антропологии ОЛЕА редактировал «Дневник» отдела.

С 1891 г. — чиновник по особым поручениям при эстляндском губернаторе, секретарь крестьянской комиссии, секретарь губернского статистического комитета и губернского по крестьянским делам присутствия; редактировал «Временник Эстляндской губернии». С 1895 г. работал в Государственной канцелярии. В 1904—1908 гг. занимал должность Бессарабского губернатора. В 1908 г. — директор Департамента духовных дел и иностранных исповеданий МВД, с 1911 г. — товарищ министра внутренних дел. 14 января 1913 г. назначен сенатором. Чины: камергер (1904), действительный статский советник (1909), в должности гофмейстера (1908), гофмейстер (1913). После революции 1917 г. работал на Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции. В 1924 г. переехал в Москву, где получил место преподавателя садово-огородного отделения Сельскохозяйственного политехникума. Подвергался репрессиям с 1927 г.; умер в тюрьме от сердечного приступа. См.: *Керимова М.М.* Алексей Николаевич Харузин // *Вопросы истории.* 2012. № 7. С. 30—43; *Небытов В.Г.* А.Н. Харузин — первый заведующий отделом овощеводства Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции // *Аграрная история.* 2011. № 3. С. 7—12.

крупный государственный и общественный деятель Российской империи, известный этнограф и антрополог. При своих многочисленных заслугах бывший губернатор Бессарабии, сенатор, член кабинета Столыпина не только не имел специального агрономического образования, но, насколько нам известно, не был связан и с сельскохозяйственной практикой. Кто именно составил ему протекцию при приеме на Шатиловскую станцию? Очевидно, что решение не могло быть принято без Лебеяднцев. Возможно, семья Лебеяднцев были знакома с Харузиными; скорее всего, Александр Никандрович, потомственный дворянин, в меру сил стремился поддерживать своих знакомцев из дореволюционной элиты. Сказанное в полной мере относится и к Лисицыну, в отделе которого селекцией ржи с 1927 г. занимался потомок княжеского рода Н.Н. Оболенский. Шатиловка давала приют многим из «бывших», с трудом находивших себе место в новой советской действительности.

Вчерашний высокий чиновник, имевший блестящее университетское образование, легко перешел от антропологии к агрономии и освоил практики овощеводства. В 1920 г. А.Н. Харузин составил первую программу работ отдела огородничества, которая охватывала исследования более 40 видов овощных культур⁷⁸. Программа включала:

1. испытание сортов овощных культур;
2. изучение биологии и агротехники их возделывания;
3. селекцию овощных культур;
4. разведение для получения семенного материала.

Главными культурами, с которыми велись исследования, были капуста белокочанная, капуста краснокочанная, капуста цветная, капуста кольраби, свёкла, морковь, репа, редька, брюква, редис, сельдерей, лук репчатый, чеснок, огурец, тыква, дыня, арбуз, томат, картофель, перец, баклажан, горох, чечевица, бобы, фасоль, шпинат, салат, петрушка, фенхель, укроп, горчица, подсолнечник и др.⁷⁹; отдельно выделялись работы по картофелеводству, которые проводились не только на станции, но и на Орловском, Ливенском, Старожиловском и Елецком опытных полях⁸⁰.

⁷⁸ Харузин А.Н. Обзор работ отдела огородничества за время с 1919 г. по 1922 г. // Труды Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Орёл: 1923. Вып. 1. С. 201—204; Харузин А.Н. Задачи научного овощеводства. М.: Новая деревня, 1926.

⁷⁹ Харузин А.Н. Огородные овощные растения. Орёл, 1922.

⁸⁰ См. об этом: Зарьянова З.А. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 347—348.

Были выделены наиболее пригодные для возделывания в местных условиях виды и сорта овощных культур: свекла Египетская, морковь Нантская, лук Каба, огурец Нежинский, Неросимый и Вязниковский, капуста Слава, Брауншвейгская и др.

Изучались вопросы внесения минеральных удобрений, сроки пикировки паслёновых, размножения томатов путем черенкования и другие агротехнические проблемы.

В области селекции и семеноводства велась работа с огурцом с целью создания скороспелых и высокоурожайных сортов⁸¹. Отдел производил семена трёх сортов свёклы, трёх сортов огурцов, трёх сортов брюквы, четырёх сортов моркови, четырёх сортов фасоли, 25 сортов гороха⁸².

В 1924 г. работа отдела была прекращена в связи с отъездом А.Н. Харузина в Москву⁸³. В сборнике, посвященном тридцатилетию деятельности Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции (опубликован в 1928 г.), отдел огородничества даже не упомянут. Можно предположить, что причина тому — арест А.Н. Харузина (1927 г.), нежелание привлекать внимание к тому факту, что на станции долгое время одним из руководителей был «чуждый советскому строю элемент». Работы с овощными культурами на станции возобновились только в 1944 г. в восстановленном отделе овощеводства.

Отдел лесоводства (лесной)

Отдел был создан в 1919 г., когда к Шатиловской станции отошли лесные территории национализированных имений Моховое и Алексеевское⁸⁴. Возглавил отдел опытный лесовод Василий Николаевич Штурм⁸⁵. Занимаясь научными исследованиями по лесо-

⁸¹ Харузин А.Н. Огурцы, дыни, арбузы и тыква. М.: Новая деревня, 1928.

⁸² Харузин А.Н. Семеноводство огородных и цветочных растений. М.; Л.: Сельхозгиз, 1930.

⁸³ Зарьянова З.А. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 328—329.

⁸⁴ Штурм В.Н. О желательности образования отдела лесоводства при Шатиловской опытной станции // Труды областного совещания по опытному делу при Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции 8—9 мая 1919 г. Орёл, 1920. С. 47—60.

⁸⁵ Штурм, Василий Николаевич (1857—1927) — лесовод, лесничий, организатор лесного опытного дела. Окончил Петербургский лесной институт (1882 г.). В 1882—1883 гг. работал в химической лаборатории Петербургского университета в качестве личного лаборанта Д.И. Менделеева. В 1883 г. поступил на службу в статистический отдел Департамента земледелия МГИ. В 1884—1885 гг. — помощник лесничего Владимирской губ., исп. должность Кишиневского лесничего.

разведению, он много лет руководил лесничеством на знаменитых Тульских засеках — древних оборонительных сооружениях, окруженных заповедным, охраняемым от вырубок лесом. Штурм — автор оригинальной классификации деревьев при проведении прореживаний и проходных рубок в дубовых лесах, его любимой породе. Оказавшись на Шатиловской земле и возглавив отдел, он в 1920 г. организовал также Моховское опытное лесничество, которое взяло на себя хозяйственную сторону дела: ведение лесного хозяйства⁸⁶. Это позволило небольшому коллективу (М.К. Гладышевский, С.С. Львов) сосредоточиться исключительно на научной работе.

Перед отделом были поставлены следующие задачи:

1. изучить и усовершенствовать способы лесоразведения и лесовозобновления в лесостепной зоне;
2. исследовать влияние леса на продуктивность сельскохозяйственных угодий⁸⁷.

В результате выполнения программы были созданы новые типы лесных насаждений, отличающиеся необычностью размещения и способов посева, обоснованностью подбора пород. Так, В.Н. Штурм заложил дубовую плантацию в урочище Доли посевом желудей,

С 1885 г. — лесной ревизор Управления имений заграничных монастырей в Бессарабии (в ведении ДЗ). Составил описание лесов Бессарабии и хозяйственных условий в них. В 1895 г. переведен в Лесной департамент МЗиГИ и был назначен в его Тульско-Калужское управление. Служил лесным ревизором Тульской губ., одновременно заведовал Карницким и Крапивенским лесничествами. С 1904 г. до 1917 г. — заведующий Тульско-Калужским управлением государственных имуществ. Организовывал экскурсии местных лесничих в лучшие государственные и частные лесные хозяйства. Пересоставил таксы на лесные материалы для Тульской и Калужской губ. После революции 1917 г. уволен с должности, позже назначен заведующим лесным отделом Тульского губземкомитета. С 1919 г. — заведующий лесным отделом Шатиловской станции. При ограниченных возможностях организовал научную работу, наладил хозяйство Моховского лесничества. В 1927 г. на 71 году добровольно ушел из жизни. Автор работ по определению типов лесоразведений, уходу за лесными насаждениями Тульской и Калужской губ., искусственному лесоразведению. Опубликовал исторические исследования и путеводители по Тульским засекам. Составил и издал учебное пособие «Урочные нормы лесокультурных работ». О В.Н. Штурме см.: *Лисицын П.И.* В.Н. Штурм (1857—1927). Некролог // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 2. № 5. Орёл, 1927. С. 2—4.

⁸⁶ *Штурм В.Н.* Моховское опытное лесничество: описание, история лесокультурного дела и современные задачи лесничества // Труды Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Отдел лесоводства. Сер. 7. Вып. 1. № 14. Орёл, 1923.

⁸⁷ *Штурм В.Н.* О желательности образования отдела лесоводства при Шатиловской опытной станции. С. 48.

М.К. Гладышевский осуществил комбинированные посадки лиственницы, веймутовой сосны, ели и других пород в урочище Черниково, С.С. Львов высадил гнездовым способом желуди по крутому склону в урочище Каратаево. В период деятельности отдела значительно расширился ассортимент деревьев Шатиловского леса: были высеяны амурский бархат, красный дуб, маньчжурский и серый орех, желтая сосна, бересклет и др.; изучался характер роста насаждений Шатиловского леса. При участии профессора Ленинградского лесного института М.Е. Ткаченко в отделе лесоводства отслеживали влияние леса на изменение почвообразовательных процессов; проводились исследования искусственного лесонасаждения на бросовых землях (В.Н. Штурм, М.К. Гладышевский, Н.С. Гуман, М.Е. Ткаченко)⁸⁸.

В 1921 г. по ходатайству отдела и при поддержке Шатиловской станции урочище Колок бывшей Моховской экономии Шатиловых, когда-то превращенное знаменитым управляющим Майером в уникальный ландшафтный парк (там находился дом Майера), было объявлено памятником лесоразведения (парковое хозяйство).

Отдел просуществовал немногим более десяти лет: в 1930 г. в связи с реорганизацией станции он был преобразован в Моховский опорный пункт Воронежской лесной опытной станции.

Отдел животноводства

Отдел был открыт в 1923 г. «в обстановке полного отсутствия оборудования и объектов научного изучения», как говорилось в очерке о его создании⁸⁹. Специфика работы отдела заключалась в том, что ему предстояло разрабатывать научные основы животноводства в области, лишенной естественных выпасов. Поэтому решено было сконцентрировать внимание на изучении кормов, во-

⁸⁸ *Штурм В.Н.* Естественное лесовозобновление искусственно разведенных насаждений лесостепной полосы (Предварительное сообщение) // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 2. № 2. Орёл, 1922. С. 103—125; *Штурм В.Н.* Естественное лесовозобновление искусственно разведенных насаждений лесостепной полосы (Предварительное сообщение) // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 1. № 3. Орёл, 1927. С. 167—197; *Гладышевский М.К.* Искусственные лесонасаждения на бросовых землях и их польза. Орёл, 1930.

⁸⁹ *Рыбин Д.А.* Отдел животноводства (1923—1928). История организации и развития отдела // Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. № 22 / Опытные учреждения Северо-Чернозёмной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ. С. 46—48.

просах их рационального использования. В штате состояли двое помощников заведующего, годовые практиканты и техник-скотовод. Первым заведующим стал Иван Павлович Левицкий, сын знаменитого тульского лесовода П.И. Левицкого; его заместителем, а с 1926 г. — заведующим был Д.А. Рыбин.

Фактически началом деятельности отдела можно считать июль 1924 г., когда после ликвидации имения Бестужево, где находился Тульский опытный скотный двор (Епифанский уезд, Тульская губ.), Шатиловке передали стадо в 69 голов из метисов швицкой и айрширской пород и местного крупного рогатого скота. Одновременно в распоряжение станции поступило оборудование зоотехнической лаборатории и часть хозяйственного инвентаря. Тем самым была скорректирована направленность работ отдела: кроме изучения кормов важной темой стало племенное разведение скота; увеличение кредитов позволило развивать это направление. В 1925 г. была приобретена группа племенных свиней белой английской породы, которая стала основой для опытного рассадника. В 1927 г. добавилась программа по коневодству: была начата племенная работа с группой лошадей рабочего направления (битюжно-махинские метисы). В 1928 г. при отделе животноводства была создана специальная лаборатория для зоотехнических анализов.

Среди итогов работы отдела за 1920-е гг. выделим данные изучения кормов. В результате опытов по кормлению крупного рогатого скота была установлена возможность снижения количества сена в рационе дойной коровы, замена его гуменными кормами (соломой, мякиной). При этом суточная норма сена должна была составлять не менее 2,5 кг для коров с живым весом 320 кг и удоем 2,0 тыс. кг⁹⁰. В отношении кормления свиней была показана эффективность добавления в корм белковых добавок: мясной муки, вики и др.⁹¹

Что касается племенной работы, она была начата и успешно проводилась во второй половине 1920-х гг. Но, несмотря на динамичное развитие отдела, при репрофилировании станции в 1930 г. он был упразднен.

⁹⁰ *Левицкий И.П.* Опыт кормления дойных коров для выяснения минимального количества сена в рационах // *Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции.* Т. 2. № 3. Орёл, 1927. С. 238—272 (Отдельный оттиск: Орёл, 1927).

⁹¹ *Рыбин Д.А.* Виковое зерно как основной источник белка для растущих и откармливаемых свиней // *Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции.* Т. 2. № 1. Орёл, 1929. С. 46—61, 71—102.

Отдел полеводства (полеводственный)

Отдел полеводства — первый по времени появления и долгое время остававшийся базовым для Шатиловской станции. После 1919 г., благодаря увеличению земельных площадей, отдел значительно расширил свою программу. В это время его возглавлял А.С. Хренников; в отделе работали А.И. Масленников, А.А. Трифонов, М.П. Шевелёв, Н.А. Миркин. Исследования проводились по следующим темам:

1. Изучение севооборотов;
2. Вопросы обработки почвы (глубина и время обработки, удобрение, бессменная культура и пр.);
3. Агротехника возделывания отдельных культур⁹².

Было продолжено изучение севооборотов — задача, поставленная еще в первом организационном плане работ станции и ставшая традиционной для всего периода ее деятельности. Исследовались различные виды севооборотов, отдельные звенья, бессменные посева, предшественники сельскохозяйственных культур, занятые и чистые пары. В частности, была доказана эффективность перехода к сложным севооборотам, разработаны их варианты⁹³. Длительное время на станции изучалось использование чистых и занятых паров; этой темой занимался еще П.И. Лисицын. В соответствии с программой в 1920-е гг. проводилось расширенное исследование занятых паров, роли клевера в качестве парозамещающей культуры⁹⁴.

Обработка почвы — важнейший вопрос земледелия, связанный с урожайностью, трудовыми и энергетическими затратами. На Шатиловской станции традиционно изучалось влияние сроков обработки на урожайность возделываемых культур. Опыты 1919—1927 гг. показали, что ранний пар повышал урожайность зерновых до 3 ц/га.

⁹² *Хренников А.С.* Из истории отдела полеводства (1899—1928) // Труды Северо-Чернозёмной опытной станции. С. 15—18.

⁹³ *Масленников А.И.* Простейшее трехполье. Орёл, 1922; *Трифонов А.А.* От трехполья к многополью. Орёл: Красная книга, 1924; *Трифонов А.А.* О технической сравнительной оценке многопольных севооборотов в условиях Северо-Чернозёмной области (района Шатиловской опытной станции) // Наше хозяйство. 1925. № 1 (отдельный оттиск: Орёл: Изд. Орл. Губплана, 1925); *Миркин Н.А.* Сложные севообороты // Агроном. 1928. № 3.

⁹⁴ *Хренников А.С.* К вопросу о раннем и позднем парах // Известия Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 2. № 6. Орёл, 1931. С. 456—460; *Шевелёв М.П.* К вопросу о занятых и чистых парах в Северо-Чернозёмной области // Бюллетень Северо-Чернозёмной областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 1. № 1. Орёл, 1930. С. 12—19.

Среди других выявленных преимуществ зяблевой вспашки — снижение засоренности полей, улучшение водного и пищевого режимов почвы⁹⁵. В частности, большое внимание уделялось улучшению зяблевой вспашки под яровую вику⁹⁶; уточнялась агротехника других культур, возделываемых в Северо-Чернозёмной области⁹⁷.

Энтомологический отдел

Отдел энтомологии в начале советской истории Шатиловской станции возглавлял Фёдор Сергеевич Щербаков, его первый заведующий. Вместе с ним в отделе работали Н.В. Андреева, К.В. Криницкий, Н.И. Королёва⁹⁸. Программа исследований, разработанная Ф.С. Щербаковым, демонстрировала преемственность работ станции и включала в себя следующие основные темы:

1. Изучение вредителей клевера;
2. Изучение насекомых-опылителей клевера;
3. Изучение вредителей конопли (конопляная блоха, кукурузный мотылек);
4. Изучение других насекомых-вредителей⁹⁹.

⁹⁵ Трифонов А.А. Почему необходимо поднимать пар рано? Орёл, 1922; Хренников А.С., Шевелёв М.П. К вопросу о раннем и позднем парах // Известия Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 3. № 3. Орёл, 1931. С. 239—250.

⁹⁶ Трифонов А.А. Яровая вика. Орёл: Красная книга, 1924.

⁹⁷ Трифонов А.А. Полевые исследования опытной станции в связи с некоторыми работами опытных полей области за срок 1899—1923 гг. // Труды Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Общая серия. № 17. Орёл, 1923. С. 40—109; Хренников А.С. Из истории отдела полеводства // Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции / Опытные учреждения Северо-Чернозёмной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ. С. 15—17; Зарьянова З.А. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. С. 25.

⁹⁸ Лебедянец А.Н. Об открытии Энтомологического отдела при Шатиловской опытной станции // Отчет о состоянии и деятельности станции за 1913 г. Тула, 1915; Андреева Н.В. История развития Энтомологического отдела полеводства Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции (1914—1928) // Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. № 22 / Опытные учреждения Северо-Чернозёмной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСН, 1928. С. 33—35; Андреева Н.В. Обзор работ отдела энтомологии за время 1914 по 1922 // Труды Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Общая серия. № 17. Орёл, 1923. С. 167—197.

⁹⁹ Щербаков Ф.С. Организационная программа Энтомологического отдела Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Новосиль, 1917.

Директор Шатиловской станции А.Н. Лебедев поддерживал установку Щербакова на изучение взаимоотношений между насекомыми и растениями:

«По своим взглядам на задачи энтомологических отделов при опытных станциях Ф.С. Щербаков был одним из наиболее ярких представителей того течения, которое провозгласило необходимость отрешиться от изучения одних лишь насекомых и перейти к изучению взаимоотношений между насекомыми и поврежденными ими растениями. Примененная к изучению клевера в Энтомологическом отделе Шатиловской опытной станции, эта постановка сразу же показала свою жизненность»¹⁰⁰.

При той роли, которую в исследованиях Шатиловской станции играл луговой клевер, не удивительно, что работы отдела энтомологии были сфокусированы на энтомологических условиях возделывания клевера на семена. Вредители семенных посевов — клеверный долгоносик и эвритома — изучались с точки зрения их биологии и характера наносимых повреждений. Было установлено, что неурожай клевера, вопреки распространенному мнению, связаны не с вредителями, поражающими семена, а с иными, в том числе биологическими, причинами¹⁰¹. Как выразился Лебедев, Щербаковым была «расчищена дорога для поиска причин неурожая клевера

¹⁰⁰ Щербаков, Фёдор Сергеевич (1881—1921) — энтомолог, специалист по вредителям и опылителям клевера. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета; специализировался по каф. зоологии. Работал в Зоологическом музее под руководством проф. Кожевникова. В 1912 г. — практикант в энтомологическое бюро Таврического земства. С 1913 г. — заведующий отделом энтомологии Шатиловской станции. Организовал и блестяще оборудовал отдел. Вел исследования, сочетая изучение биологии насекомых-вредителей и взаимоотношения между насекомыми и повреждаемыми ими растениями. Собрал большой материал по шмелям как опылителям клевера, шведской мухе как вредителю яровой пшеницы и ячменя. Руководил библиотекой, занимался издательской работой на станции, представлял Шатиловскую станцию в центральных учреждениях (съездах, комиссиях и пр.). *Лебедев А.Н.* Ф.С. Щербаков (Некролог). Список учёных работ Ф.С. Щербакова // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 1. № 5. Орёл, 1921. С. 1—3.

¹⁰¹ *Щербаков Ф.С.* Перспективы изучения клевера с точки зрения опытно-энтомологической. Новосиль, 1915; *Он же.* Вредны ли для семенного красного клевера жуки-апионы? (Ответ г. Арк. Сополько). Новосиль, 1916; *Он же.* Биологический цикл видов рода *Apion* Herbst, живущих на красном клевере (*Trifolium pratense* L.) // Русское энтомологическое обозрение. Т. 15, № 4. СПб., 1915.

в других направлениях, получен большой экспериментальный материал по биологии клевера, очень важный для других отделов станции»¹⁰². В частности, было предложено весеннее подкашивание клевера как способ защиты от вредителей¹⁰³.

Исследовались опыление клевера и насекомые-опылители (шмели, пчёлы). Было установлено, что в опылении клевера принимает участие 22 вида шмелей, среди которых — представители как таёжной зоны, так и степной. Изучены места и способы гнездования шмелей, работоспособность различных видов по опылению клевера, паразиты шмелиного гнезда¹⁰⁴.

С 1921 г. отдел возглавляла Н.В. Андреева, одна из первых женщин-руководителей отделов опытных станций¹⁰⁵. Под ее началом проводилось изучение медоносных пчёл как опылителей лугового клевера. Было установлено, что местная русская пчела способна опылить не менее 50% цветков клевера и собрать до 70% пыльцы и до 30% нектара. Изучение сахаристости нектара показало, что культура не уступает по этому показателю многим другим медоносным растениям. Сотрудники отдела продемонстрировали, что повышенному выделению нектара, росту его сахаристости и, как следствие, посещаемости растения пчелами способствует внесение фосфорно-калийных удобрений. Насыщение клеверных посевов пчелами путем их вывоза непосредственно в поле в количестве трех ульев на один га увеличивало урожайность семян в два с лишним раза (соответственно 190 кг/га и 75 кг/га)¹⁰⁶.

Под руководством Н.В. Андреевой проводилось также энтомологическое исследование возделывания конопли — уникальный цикл работ, впервые начатый именно на Шатиловской станции. В этих работах принимали участие К.В. Криницкий, Н.И. Королёва. Было

¹⁰² Лебедянец А.Н. Ф.С. Щербаков. С. 2.

¹⁰³ Щербаков Ф.С. Энтомологические условия семенной культуры красного клевера на севере русского чернозёма: Часть III. Весеннее подкашивание семенного средне-русского красного клевера // Труды Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Сер. 6. Энтомологический отдел. Вып. 1. № 7. Орёл, 1920.

¹⁰⁴ Андреева Н.В. Обзор работ отдела энтомологии за время 1914 по 1922 // Труды Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. Общая серия. № 17. Орёл, 1923. С. 167—197.

¹⁰⁵ Тема присутствия женщин в руководстве агрономических опытных институций еще мало изучена. К сожалению, нам не удалось найти биографических данных о Н.В. Андреевой.

¹⁰⁶ Андреева Н.В. Роль пчелы в опылении средне-русского культурного красного клевера // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 2. № 4. Орёл, 1927. С. 300—304.

установлено, что главными вредителями конопли в районе действия станции являются кукурузный мотылёк и конопляная блоха. Была изучена биология обоих насекомых; исследования с различными расами конопли не выявили среди них устойчивых к повреждению кукурузным мотыльком. В результате была разработана эшелонирующая система мер по борьбе с вредителем, включающая уничтожение зимующих гусениц, подкашивание и силосование крупностебельных сорняков, переработку конопли в осенне-зимний период, выращивание конопли на зеленец. Что касается конопляной блохи, в качестве агротехнических мер борьбы с ней были предложены ранние (конец апреля) посевы конопли; в дальнейшем изучалась возможность применения ядохимикатов¹⁰⁷.

Метеорологический отдел

Метеорологические наблюдения на Шатиловской станции имели долгую историю, уходящую в период основания станции. Под беспрерывным руководством заведующего А.И. Тальковского после 1917 г. были продолжены главные направления работ отдела, относящиеся к изучению климата (изучение суточной температуры и влажности воздуха; температуры почвы; продолжительности солнечного периода; осадков и т.д.). Из-за сокращения штатов пришлось на время прервать фенологические наблюдения. Они возобновились в 1925 г., когда в целом удалось расширить программу исследований. В штате отдела в то время состояли заведующий, его ассистент, два наблюдателя, четыре вычислителя и служитель¹⁰⁸. Для фенологических работ был выделен новый участок площадью 24 га, где исследования проводились в условиях полевого опыта со значительно расширенным по срокам диапазоном посевов — шесть сроков вместо прежних трёх. В работе были представлены все сельскохозяйственные культуры, входящие в зону научных интересов станции. В связи с повышенным вниманием в 1920-е гг.

¹⁰⁷ *Андреева Н.В.* Биологический цикл шведской мухи // Защита растений от вредителей. 1926. Т. 3. № 4 —5; *Она же.* Биологический цикл шведской мухи // Известия Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции. Т. 2. № 3. Орёл, 1927. С. 225—237; *Она же.* Конопляная блоха и ее хозяйственное значение // Бюллетень Северо-Чернозёмной областной сельскохозяйственной опытной станции. № 1. Орёл, 1930. С. 20—23.

¹⁰⁸ *Тальковский А.И.* Отдел метеорологии опытной станции // Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. № 22 / Опытные учреждения Северо-Чернозёмной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСН, 1928. С. 19—21.

к техническим культурам было начато фенологическое изучение льна. Удалось также значительно увеличить луговой участок для фенологических наблюдений; начали наблюдения над древесной и кустарниковой растительностью.

Новым направлением стало изучение микроклимата: температуры, влажности, ветра, радиации в зоне произрастания основных сельскохозяйственных культур¹⁰⁹. Отдел подготовил серию обзоров за 25-летний период своей деятельности: сводки по климату; аналитические материалы по влажности воздуха и типам погоды вегетационного периода; фенологии овса¹¹⁰.

Бюро крестьян-опытников и экономический отдел

В духе времени Шатиловская станция не осталась в стороне от продвижения опытного дела «в массы», создания института крестьян-опытников»¹¹¹. Наркомзем выявлял и критиковал те станции (например, Саратовскую), где «не все опытники поняли, что для науки и техники новый путь лучше, чем замкнутая лабораторная работа»¹¹². В соответствии с новыми тенденциями в 1926 г. на Шатиловской станции организовали Бюро крестьян-опытников для «закрепления в практике крестьянского хозяйства результатов деятельности обслуживающего его опытного учреждения»¹¹³. К 1928 г. удалось вовлечь в опытную работу 15 селений и около сотни крестьян-единоличников; в общей сложности они заложили 140 опытов — от изучения нормы внесения фосфоритов и других удобрений до освоения тракторной пахоты и сортоиспытания картофеля, конопли и пр.

¹⁰⁹ Там же. С. 21.

¹¹⁰ *Тальковский А.И.* Влияние метеорологических факторов на урожай овса. Новосибирь, 1923; *Тальковский А.И.* Климат Северо-Ченозёмной областной сельскохозяйственной опытной станции. Ч. 1—2. Орёл, 1925.

¹¹¹ Протокол № 6 заседания Коллегии НКЗ РСФСР от 19 февраля 1925 г. п. 2. Доклад Управления сельского хозяйства по опытному делу (докл. Чайнов): РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1546. Л. 2—2об.

¹¹² Речь наркома НКЗ Смирнова по докладу Чайнова по опытному делу на заседании Коллегии НКЗ РСФСР от 19 февраля 1925 г.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1546. Л. 39—40об.

¹¹³ *Миркин Н.А.* История возникновения и развития Бюро крестьян-опытников Северо-Чернозёмной областной сельскохозяйственной опытной станции // Труды Северо-Чернозёмной... станции. С. 49, 50; *Бабицкий Б.А.* Экономический отдел Северо-Чернозёмной областной сельскохозяйственной опытной станции // Там же. С. 51—54.

В 1927 г. при станции был создан экономический отдел, который изучал организацию, технику и производительность труда крестьянских хозяйств, экономику севооборотов и пр.

В результате Северо-Чернозёмная (б. Шатиловская) сельскохозяйственная опытная станция оказалась одним из самых больших опытных учреждений РСФСР; она состояла из десятка отделов, располагала земельным фондом в 2294 га и включала сеть подведомственных ей опытных учреждений, расположенных в зоне северных чернозёмов¹¹⁴. С 1925 г. вместо уехавшего в Москву А.Н. Лебеядцева станцию возглавил П.И. Лисицын.

Лисицын: семейная жизнь, личные проблемы

На фоне масштабных профессиональных свершений Петра Ивановича Лисицына и всей шатиловской команды сложно говорить о бытовой стороне жизни на станции, семейных заботах и проблемах. Тем не менее, такой раздел в книге о Лисицыне и Шатиловской станции не только уместен, но и необходим. Он позволит представить повседневные будни селекционера 1920-х гг., жизнь семьи советского сельского интеллигента.

Первая мировая стала тяжелым испытанием для Александры Германовны: был убит ее отчим А.Г. Этингер. Брат Павел Андрианович воевал в Турции¹¹⁵, долго не мог оттуда выбраться; его семью, а затем и его самого приютили Лисицыны. П.А. Этингер, кадровый офицер, сын полковника царской армии, оказался одним из тех, кому дала прибежище Шатиловская станция. Это — тот случай, когда «не было бы счастья...»: в начале 1920-х гг. в Новосильском уезде свирепствовал тиф. Начали открывать дополнительные фельдшерские пункты; понадобились врачи. По рекомендации П.И. Лисицына Павел Андрианович, военный медик по образованию¹¹⁶, по-

¹¹⁴Труды Северо-Чернозёмной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 2. Опытные учреждения Северо-Чернозёмной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Орел, 1928 // Шатиловская областная опытная станция и краткий обзор ее работ за XXV лет (1898—1923). Орел, 1923. С. 111—136.

¹¹⁵В турецкой кампании участвовала Кавказская армия, в которой воевал П.А. Этингер. Когда в начале 1918 г. деморализованные революционными событиями русские войска на Кавказском фронте оставили Трабзон и Эрзрум, началось стихийное бегство из армии; после подписания Брестского соглашения в марте 1918 г. Кавказская армия была официально распущена. Многие солдаты и офицеры застряли в Турции из-за политических и транспортных сложностей.

¹¹⁶П.А. Этингер закончил Военно-медицинскую академию в Петербурге.

лучил должность волостного врача в Голуни, в 30 км от Шатиловки, где проработал всю жизнь.

В эти годы в семье Лисицыных — прибавление: в 1918 г. родился первенец, Юрий, в 1923 г. появился на свет Александр, в 1925 г. — Анатолий. Чтобы понять все сложности сельской жизни 20-х годов, приведем такой факт: академик РАН Александр Петрович Лисицын, средний сын Петра Ивановича, празднует свой день рождения дважды в году. Официальная дата, которую легко найти во всех энциклопедиях и словарях, — 3 июля 1923 г. — дата регистрации; родился А.П. Лисицын 20 января. Но с регистрацией новорожденного все тянули и тянули; зимой, по заносам, сложно было добраться до ближайших Новосила или Орла:

«сообщение поддерживалось на лошадях: летом запряженных в шарабан, а зимой — в сани. Зимой в сани брали тулупы и валенки для приезжающих на станцию — иначе за 20 верст в непогоду городской человек мог и замерзнуть. Каждый приезд и отъезд были событиями...»¹¹⁷.

Первые детские впечатления Александра:

«Дом наш был построен еще до революции — каменный и обширный казенный дом для заместителя заведующего — удивительно холодный. Зимой дров постоянно не хватало, печи дымили, часто их топили соломой, и тепло быстро исчезало. Поэтому зимой все ходили дома в валенках и длинных вязанных из простой шерсти чулках, в толстых свитерах домашней вязки. Для выездов Пётр Иванович имел фетровые сапоги, которые назывались бурками и брались с собой только при поездках в город, — для визитов... Телеграфа не было, но был примитивный телефон, который я потом вновь увидел в фильме “Ленин в 1918 г.”, — деревянный аппарат с ручкой и массивной трубкой, который работал с перебоями, в особенности — зимой, когда провода часто обрывало ветрами»¹¹⁸.

На фоне стремительного расширения и прекрасной научной экипировки Шатиловской станции в 1920-е гг. рассказ о более чем скромном, почти крестьянском быте семьи ее руководителя может показаться преувеличением. Но не будем забывать, что опытные

¹¹⁷ Лисицын А.П. Четверть века вместе // Развитие научных идей академика Петра Ивановича Лисицына. М.: ВИИМП, 2003. С. 335—384.

¹¹⁸ Там же.

станции в России — это места, куда отправлялись с миссионерской задачей *просвещать* (крестьян) и *служить* — опытной агрономии. К тому же, речь идет о годах послереволюционной разрухи и голода, когда жили, действительно, по-крестьянски, натуральным хозяйством: держали корову, овец, свиней, кур, пекли хлеб, занимались огородом, выделывали кожи, пряли шерсть и даже изготавливали чернила! Об этом читаем у А.П. Лисицына:

«Почти нет сообщения с внешним миром, нет даже хлеба — его пекли дома, вода из замерзших колодцев, чернозёмная грязь везде и жизнь на натуральном хозяйстве — невозможно ничего купить — для этого нужно добираться или в Орёл, или в Новосиль, или совсем на край света — в Москву... В таких условиях могли жить, работать и даже радоваться жизни только удивительные люди — фанатики своего дела, которые отбирались на Шатиловке за долгие годы... Теперь трудно себе представить, что заместитель директора станции (а потом и директор) был вынужден сам выделывать кожи и овчины на одежду и обувь. Что эти кожи меняли также на готовые изделия: сапоги, полушубки... Трудно себе представить, что даже чернила делали сами — из дубовых галлов..., что сами пряли шерсть и вязали тёплые чулки и свитера..., сами выращивали овощи, пекли хлеб, сбивали масло и даже сеяли разные сорта табака для курения (Пётр Иванович всегда был заядлым курильщиком. — *О.Е.*)»¹¹⁹.

«Натуральное хозяйство» позволяло жить довольно сытно. К тому же вокруг дома усилиями семьи Лисицыных — в том числе бабушки и дедушки Александры Германовны — вырос настоящий сад с редкими для тех широт миндалем, абрикосами, персиками. Сахар был трудно доступен, но делали самодельную патоку, которая была главным детским лакомством.

Детьми занималась бабушка Матильда Петровна и няня из крестьянских девушек; родители работали: летом — с утра в поле (рабочий день Петра Ивановича начинался в 4—5 утра), после обеда — в лаборатории. Зимой режим менялся; Пётр Иванович больше времени проводил в кабинете за письменным столом.

Летом детей часто брали в поле; эти поездки очень ценились. Запомнились и опасные походы в лес на волчьи норы, когда можно было наблюдать резвящихся около логова волчат. Дом всегда был полон всякой живности: кроме кошек и собак, жили сквор-

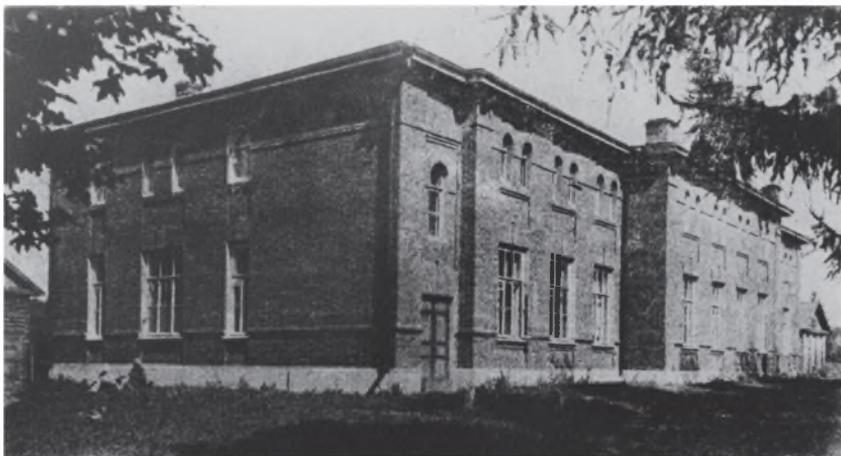
¹¹⁹ Там же.

Персонал Шатиловской станции на пикнике, 1927 г.

Шатиловская станция. Дома для сотрудников, 1920-е гг.

Шатилловская станция. Здание Селекционного отдела, 1925 г.

Сотрудники Селекционного отдела, 1927 г. Верхний ряд: ассистент отдела Дмитрий Иванович Введенский (второй слева); ассистент отдела Константин Борисович Веселовский (четвертый слева); заведующий отделом, директор станции Пётр Иванович Лисицын (третий справа), ассистент отдела Александра Германовна Лисицына (вторая справа), ассистент отдела Александр Никитович Покатаев (крайний справа); нижний ряд: ассистент отдела Николай Николаевич Оболенский (крайний слева); завхоз отдела Семен Иванович Макаров (третий справа); ассистент отдела Василий Нилович Хохлов (крайний справа)

В лаборатории Селекционного
отдела. Пётр Иванович проводит
отбор ржи Лисицынской,
1927 г.

Александра Германовна
Лисицына в теплице, се-
лекционная работа с кле-
вером, 1928 г.

А.Г. Лисицына
за работой
в лаборатории,
1928 г.

Шатиловская станция. «Фордзоны» и «Интернационалы» в действии, 1928 г.

Упаковка в снопы селекционного материала, 1927 г.

Работы по сортоиспытанию озимой пшеницы.
Посев конными сеялками, 1927 г.

Уборка ржи тракторными сноповязалками, 1927 г.

П.И. Лисицын, 1927 г.

П.И. Лисицын во время командировки на Северный Кавказ, 1931 г.

На Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде, январь 1929 г. На трибуне О. Баур; второй слева в президиуме — Н.И. Вавилов

Сессия Научного бюро Наркомзема, 15—20 февраля 1927 г.

Расширенное совещание льно-пенькового комитета. Москва, октябрь 1929 г.
Докладчик — П.И. Лисицын; председатель — Н.М. Тулайков; справа за столом
президиума — В.Р. Вильямс

Шатиловская станция. Анализ гибридов овса, 1931 г.

Бригада кафедры селекции Тимирязевской сельскохозяйственной академии под руководством П.И. Лисицына на Шатиловской станции, анализ гибридов овса, 1931 г.

П.И. Лисицын и сотрудники селекционного отдела Шатиловской станции, 1931 г.

Шатиловская станция. Селекционные посевы вручную, 1930-е гг.

Селекционные поля, 1928 г.

Практиканты Шатиловской станции, 1928 г.

Шатилловская станция. После охоты на волков в голутвинском лесу, 1931 г.

Охотничьи трофеи, 1931 г.

Дети Лисицыны:
Анатолий (1919 г.р.),
Александр (1923 г.р.),
Юрий (1924 г.р.),
1928 г.

Семья П.И. Лисицына: Матильда Петровна, Александра Германовна и дети: Александр (в центре), Юрий (на руках), Анатолий (сидит слева), племянник Игорь Этингер (сидит справа), 1927 г.

Семья П.Г. Эттингера, 1930-е гг.

Александр Лисицын с мамой и бабушкой в доме на Ивановской, 1930-е гг.

Лисицыны за столом, Фофанка (Александров, Владимирская обл.) — опорная база Тимирязевской академии и «семейная селекционная станция», конец 1930-х гг.

П.И. Лисицын,
Фофанка,
конец 1930-х гг.

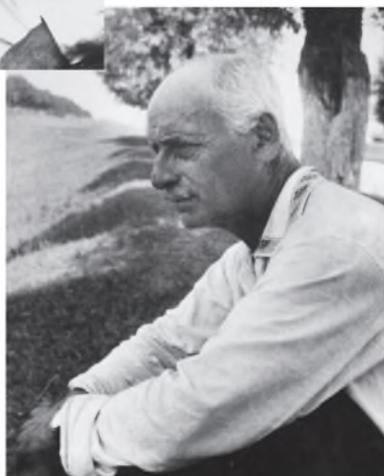
За полевыми работами.
П.И. и А.Г. Лисицыны,
Фофанка, 1939 г.

С сыном Александром,
Фофанка,
конец 1930-х гг.

П.И. Лисицын и В.Н. Хохлов,
Фофанка, 1939 г.

П.И. Лисицын,
Фофанка,
конец 1930-х гг.

Пётр Иванович Лисицын в своем рабочем кабинете,
Москва, 1940-е гг.

Александр Петрович Лисицын с сыном
у памятника П.И. Лисицыну на Шатиловской станции, 2003 г.

цы, жаворонки, грачи, вороны, белки, зайцы и ежи, оставшиеся без крова или нуждавшиеся в излечении.

Дети всегда запоминают праздники; на Шатиловке их было немало. Рождество с непременно ёлкой, самодельными игрушками, пирогами и катанием на санках. И гостями — любимым дядей Павлом Андриановичем (по совместительству — семейным врачом) и его детьми. Летом долгожданным событием был приезд практикантов: станция наполнялась пением, смехом, звуками гитары. Уборочная кампания всегда завершалась грандиозным пикником: на подводах привозили самовары, пироги, сладости.

Но главным развлечением для мальчиков были поездки на тракторах — конечно, американских, первых «Фордзонах» и «Интернационалах», поступавших тогда в немногие хозяйства и на опытные станции СССР:

«Трудно себе представить, что вплоть до нашего отъезда с Шатиловки в 1929 г. там не было ни одной автомашины — только несколько американских тракторов»¹²⁰.

Когда трактора начинали вспашку, собирались не только мальчишки, но целые толпы крестьян из окрестных деревень. Смотрели, бежали за тракторами, спорили, насколько быстрее лошади они пашут, измеряли глубину вспашки веточками, оценивали качество. Общий вердикт был таков:

«Зверь-машина, но хлеб будет пахнуть керосином. Конь куда как лучше и керосина не требует»¹²¹.

А сам Александр Петрович с улыбкой вспоминал, как уже в школе в Москве, когда начали разучивать «Интернационал», никто в классе не представлял, что это такое — один лишь Саша Лисицын знал всё про замечательный трактор на Шатиловской станции, с которым «воспрянет род людской»!

Но были и тревожные дни, когда судьба станции и ее обитателей висела на волоске. На станцию постоянно приходили нищие: в середине 1920-х гг., когда страна еще не оправилась от ужасающего голода в Поволжье, это было неудивительно. Приходили в основном женщины, иногда с грудными детьми. Бабушка Матильда Петровна всегда их кормила, делилась одеждой. И свежи были рассказы о том, как однажды появились мужчины:

¹²⁰ Там же. С. 339.

¹²¹ Там же. С. 341.

«К вечеру зимнего дня станция оказалась окруженной санями, на которых сидели люди кто с охотничьим ружьем, кто с винтовкой. ... Стемнело, и вокруг станции загорелись огни костров. Из мужчин на Шатиловке было несколько бывших офицеров, в том числе и Пётр Иванович. Быстро организовали для обороны отряд, вооруженный в основном охотничьими ружьями, установили охрану, начали копать окопы вокруг станции. Работы продолжались до утра, когда ожидали штурма. Весь вечер и ночь по телефону Пётр Иванович связывался с Орлом и ближайшим населенным пунктом — просил выслать подмогу. Мне трудно сказать, что помогло, но грабители медлили, а к середине дня с дороги, ведущей на Хомутово, вдруг, как в сказке, раздались звуки духовой музыки, и в поселок ворвался отряд кавалерии с красным знаменем и огромными сияющими медными трубами... Сани с грабителями куда-то исчезли, а к вечеру исчезли и всадники с медными трубами; окопы и ружья, к счастью, не пригодились»¹²².

Вероятно, «осада» Шатиловки — отголосок крестьянских волнений в Центральном Черноземье, о которых было сказано выше.

1920-е гг. были одновременно и счастливым, и очень непростым периодом в жизни П.И. Лисицына. С одной стороны — рождение детей, семейное благополучие. Но в большой семье Лисицыных мира так и не наступило: отец Иван Фёдорович не признал новую семью сына, отказал ему от дома. Пётр Иванович больше ни разу не побывал в родовом гнезде; даже перед смертью отца в 1923 г. примирения не произошло... Это на долгие годы осталось тяжким грузом, осложняло отношения с братьями и сестрами.

Тяготил и скрытый конфликт с Александром Никандровичем Лебедянцевым, главным и верным другом, с которым всё — вместе: и выбор профессионального пути с категорическим отказом от академической карьеры, и тяготы жизни агронома-опытника. В семье Лисицыных принято считать, что причина конфликта — в непростом характере жены Александра Никандровича, Елены Вячеславовны Лебедянцева. Легко предположить, что ей могли не слишком нравиться перемены в жизни Петра Ивановича. Разводы в то время, да еще в среде народнического толка, были редкостью. Необходимость принимать в достаточно узкий и сплоченный круг «шатиловков» нового человека — очень молодую и привлекательную

¹²² Там же. С. 352—353.

женщину — тоже дело непростое... Вероятно, на отношения бывших друзей повлияло и решение Александра Никандровича уйти со станции (формально — из-за плохого здоровья); он принял предложение занять кафедру в Московском университете в 1924 г. На место директора станции с 1925 г. пришлось заступить Петру Ивановичу, к тому времени сильно загруженному Госсемкультурой и работой в Орловском губисполкоме. Так или иначе, когда позднее оба бывших друга оказались в Москве, они уже практически не общались...

Зато наладились контакты с детьми от первого брака, главным образом с Борисом, уже взрослым юношей. Борис учился в Туле и был частым гостем на Шатиловской станции, стал активным участником «клеверных экспедиций». Тесное общение с отцом, посещение Шатиловки определили выбор дальнейшего пути: в 1928 г. Борис поступил в Сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева на факультет полеводства, где специализировался в области генетики и селекции, а впоследствии пришел на Шатиловскую станцию, с которой его, как и отца, связали долгие годы плодотворной работы.

Глава X

ШАТИЛОВСКАЯ ГОССЕМКУЛЬТУРА: ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ СОРТОВОГО СЕМЕНОВОДСТВА

Государственная система массового размножения чистосортных семян, получившая название Госсемкультуры, — достижение раннего советского семеноводства, обеспечившее рост урожайности зерновых уже в первые годы своего существования. В этой главе пойдет речь о предпосылках проекта, его идеологах, исполнителях и патронах, причинах крушения Госсемкультуры. Основное внимание будет сосредоточено на Шатиловской Госсемкультуре — первом из почти десятка семенных «комбинатов», создававшимся под покровительством В.И. Ленина. Движущей силой проекта и главой Шатгоссемкультуры был Пётр Иванович Лисицын.

Предпосылки проекта

Госсемкультура — один из первых советских модернизационных проектов, пример того, как государство взяло на себя роль движителя сельскохозяйственных преобразований, патрона агрономической науки. Однако, несмотря на неоднократное обращение к сюжету о Госсемкультуре в историко-научных трудах, он оставался «забытым вопросом», освещался схематично, без привлечения первоисточников и архивного материала¹.

¹Из немногих работ об истории и деятелях семеноводства и сортоиспытания упомянем некоторые: *Глазко В.И., Чешко В.Ф.* Август–48. Уроки прошлого (Научное киллерство, к истории советской генетики, к феномену распада СССР). М.: РГАУ—МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009; *Гончаров Н.П.* Организатор системы государственного сортоиспытания и выдающийся селекционер (130 лет со дня рождения В.В. Таланова) // Информационный вестник ВОГИС. 2002. № 20. С. 6—13; *Елина О.Ю.* «Наш учитель» Дионисий Леопольдович Рудзинский: К истокам дисциплинарного строительства селекции растений в России // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2007. Т. 11. № 3—4. С. 575—590; *Ильина Л.Г.* Основоположники саратовской селекции (А.И. Стебут, Г.К. Мейстер). Ч. 1 / Сост. Ю.А. Курбатов, Т.В. Токарева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997; *Пухальский А.В.* Основоположник отечественной системы семеноводства // Развитие научных идей академика П.И. Лисицына. М.: ТСХА, 2003. С. 5—12.

В любой стране для замены «беспородных», несортных семян селекционными нужна организация, основной задачей которой являлось бы массовое размножение чистосортных семян. Так, в Германии основой такой организации с XIX в. стали частные селекционные компании и частная же система репродукции сортовых семян². Семеноводческое дело в Швеции, на земледельческом Юге страны, концентрировалось вокруг общественной (с государственным участием) Свалёфской селекционной станции, сорта которой размножались на полях акционерной компании землевладельцев Южной Швеции³. В Российской империи единственная отрасль, где развивалось семенное дело — свеклосахарная, — также опиралась на частные и общественные капиталы, прежде всего Всероссийского общества сахарозаводчиков⁴. Одновременно в XX в. в большинстве стран наблюдался процесс постепенного включения государства в модернизационные преобразования сельского хозяйства⁵.

Почему в Советской России при массе нерешенных вопросов в аграрной сфере решили начать с создания государственной системы семеноводства?

На рубеже 1920-х гг. внимание большевистского руководства было приковано к катастрофическому состоянию сельского хозяйства: сокращению посевных площадей, голоду не только в деревне, но и в крупных городах, нехватке продовольствия для фронта⁶. Кро-

² *Harwood J.* Styles of Scientific Thought. The German Genetics Community, 1900—1933. Chicago & London: University of Chicago Press, 1993; *Harwood J.* Technology's Dilemma: Agricultural Colleges between Science and Practice in Germany, 1860—1934. Bern: P. Lang, 2005.

³ Svalöf, 1886—1986. Research and Results in Plant Breeding / G. Olsson (ed.). Stockholm: LTs Förlag, 1986.

⁴ *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 1. С. 253—263; *Чешко В.Ф.* Наука и государство: методологический анализ социальной истории науки (генетика и селекция в России и Украине в советский период). Харьков: Основа, 1997.

⁵ С этой точки зрения проект Госсемкультуры находился в русле мировых тенденций, намного их опережая. Для деталей государственной модернизации в странах Европы см.: *Harwood J.* Europe's Green Revolution and Others Since: The Rise and Fall of Peasant-Friendly Plant Breeding. London: Routledge, 2012.

⁶ Напомним: Советская Россия в это время — в кольце фронтов гражданской войны и иностранной интервенции. На фоне неурожая и голода 1921 г. (в Поволжье и южных губерниях) полным ходом идет продразвертка — основа политики «военного коммунизма». Против отбора хлеба бунтует наиболее сознательная и обеспеченная часть крестьянства: восстания в Тамбове, Сибири (Иркутской, Тобольской, Омской губ.) и других регионах. Вопрос о хлебе — первоочередной. О голоде как катализаторе принятия решений в истории России см.: *Tauger M.* Famine in Russian History // The Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. 2011. Vol. 10. P. 79—92.

ме экстренных мер — закупки зерна за границей, привлечения иностранной помощи, образования семенного фонда, семенной ссуды⁷, — технократы из Наркомзема, ВСНХ, СТО в сотрудничестве с учеными-аграриями размышляли о стратегиях научной реорганизации сельского хозяйства. Одна из них — создание системы массового семеноводства как необходимой составляющей качественного восстановления посевных площадей. Обсуждались подходы к размножению сортовых семян в России и за границей, заслушивались предложения специалистов⁸. В их числе был Пётр Иванович Лисицын с проектом Госсемкультуры.

Еще с дореволюционных времен Лисицын предпринимал попытки наладить массовое размножение семян селекционных сортов, организуя земские семенные союзы. Эти объединения контролировали процессы сохранения в чистоте сортового материала, но лишь в масштабе отдельных культур (овес, клевер), в пределах своих губерний (Тульской и Орловской) (см. об этом главу VII). Революционное переустройство России в 1917 г. открыло для идей П.И. Лисицына новые возможности: он разработал план создания семеноводческого хозяйства при Шатиловской станции, которое должно было разместиться на территории бывшей экономии Шатиловых Моховое⁹. На Областном совещании по опытному делу при Шатиловской станции в мае 1919 г. Лисицын выступил с двумя докладами о возможностях организации сортового семеноводства в области¹⁰. Однако, не встретив понимания у местных агрономов-

⁷ «Учитывая наличность выработанного долгодетным трудом опытных станций высокоценного чистосортного материала», предлагалось создать специальный семенной фонд (Госсемфонд). Для этого требовалось «безотлагательно провести планомерную регистрацию, учет и мобилизацию» сортового зерна». РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 356 (об образовании семенного фонда, увеличении посевных площадей, 1920 г.). Л. 28об.; Ф. 478. Оп. 1. Д. 404 (совещание о закупке за границей земледельческих машин, орудий, семян, 1920—1921 гг.). Л. 2—19.

⁸ Например, в 1919 г. на совместном заседании Сельскосовета и Главсовхоза был заслушан доклад об организации селекционного дела за границей и в России с обсуждением роли кооперации в этом вопросе: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 41. Д. 204. Л. 2—6об.

⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Т. 1. Д. 141 (планы организации хозяйства в культурно-агрономическом центре «Моховое» Тульской губернии, 1918 г.).

¹⁰ Лисицын П.И. Проект организации агроцентра «Моховое» в связи с Шатиловской сельскохозяйственной опытной станцией // Труды областного совещания по опытному делу при Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции 8—9 мая 1919 г. Орел, 1920. С. 45—46; *Он же*. Развитие Шатиловской опытной станции в связи с использованием «Мохового» // Труды областного совещания по опытному делу при Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции 8—9 мая 1919 г. Орел, 1920. С. 36—44.

опытников и поддержки у чиновников губернских земельных отделов, он принял решение добиваться рассмотрения вопроса в московских властных кабинетах. При этом, основываясь на плане областного семеноводства на базе Шатиловской станции, он расширил проект до общероссийского масштаба. В столице судьба проекта Лисицына сложилась иначе.

Предложение Лисицына оказалось своевременным по многим причинам. С точки зрения научно-технической, проект опирался на имевшиеся научные результаты селекционных учреждений (дореволюционные разработки, ставшие «первыми советскими сортами»), возможность привлечения иностранных инновационных технологий. Удачно вписались в проект недавние политические и социально-экономические решения советской власти: национализация частных поместий предоставила неограниченные земельные площади, курс на модернизацию сельского хозяйства гарантировал государственное финансирование. Принятие новой экономической политики (НЭП)¹¹ в марте 1921 г. узаконило хозрасчет и крестьянскую кооперацию, экономическую основу Госсемкультуры. Развитие советской технократии, особенности «личного большевистского патронажа» позволили найти покровителей из числа высокопоставленных государственных чиновников — важное условие жизнеспособности нововведений¹².

В чем состоял проект государственного семеноводства в его варианте, реализованном в 1920-е гг.?

Основная идея — создание в каждом крупном сельскохозяйственном районе государственных рассадников маточных семян. Базами для них должны были служить областные сельскохозяйственные опытные селекционные станции, где производилось зерно первой репродукции, элита. Семенные рассадники (питомники) — Госсемкультуры — размножали семена элиты и поддерживали в чистоте семенной материал. Завершающей стадией являлись семеноводче-

¹¹ См. о введении и сути НЭПа: *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушавшие НЭП. М., 1991; *Russia in the Era of NEP. Exploration in Soviet Society and Culture / S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, and R. Stites (eds.)* Bloomington; Indianapolis: Indianapolis University Press, 1991.

¹² О советском клиентизме, сотрудничестве большевиков и представителей дореволюционной элит, см.: *Fitzpatrick S.* *Intelligentsia and Power. Client-Patron Relations in Stalinist Russia // M. Hildermeier (ed.) Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: neue Wege der Forschung.* München: Oldenbourg, 1998. S. 35—53; *Heinzen J.W.* *Inventing a Soviet Countryside. State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917—1929.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2004; *Rowney D.K.* *Transition to Technocracy: the Structural Origins of the Soviet Administrative State.* Ithaca: Cornell University Press, 1989.

ские кооперативы, объединения крестьянских хозяйств, осуществляющие самую масштабную репродукцию семян. Система обеспечивала заготовку семян в размере областных/республиканских потребностей. Полученные от Госсемкультур семена, прошедшие стадии апробации и сортоиспытания, составляли основу Государственного сортового фонда.

Особенность Госсемкультуры — введение в практику сельского хозяйства России агропромышленных технологий. Госсемкультура, по сути — первый опыт агропромышленного комплекса, в основе которого — использование механизации на всех этапах: от первичного элитного семеноводства до очистки и сушки зерна, размноженного в союзах семеноводов.

Второй важный момент: Госсемкультуры — организации хозрасчетные, действующие на основе самофинансирования, самоуправления и самокупаемости; их существование напрямую зависело от НЭПа.

И отдельные семенные рассадники, и вся система семеноводства как в официальных документах, так и в обиходе именовалась Госсемкультурой. Возможно, именно отсюда проистекает путаница в терминах, часто встречающаяся в исторических публикациях¹³.

К тому моменту, когда П.И. Лисицын появился в Москве со своим проектом, в Советской России уже были приняты первые декреты об организации племенного дела в животноводстве¹⁴. Как полагает Н.П. Гончаров, влияние этих постановлений на селекционеров растений несомненно¹⁵.

Первая попытка Лисицына обсудить в Москве проект государственного семеноводства относится к концу 1919 г. Несколько дней Лисицын пытался застать начальника Московского областного земельного управления (отдела):

«Наконец смог всё же пробиться к нему со своим проектом, который явно заинтересовал его, но в это время коридор

¹³ Можно предположить, что причина кроется и в явном замалчивании в 1960—1980-е гг. подлинной истории Госсемкультур. На волне повышенного внимания к истории отечественного сельского хозяйства специалисты предпочитали не слишком углубляться в опасные дебри кооперативно-хозрасчетной составляющей государственного семеноводства середины—конца 1920-х гг.

¹⁴ Совет Народных Комиссаров 17 июля 1918 г. принял декрет «О племенном животноводстве»; в январе 1921 г. для массового улучшения породности скота и охраны племенных животных был принят декрет «О племенном животноводстве в трудовых хозяйствах».

¹⁵ *Гончаров Н.П., Гончаров П.Л. История методов селекции растений // Методические основы селекции растений. 2-е изд. Новосибирск: Гео, 2009. С. 62.*

быстро наполнился новой толпой народа, привезли для сдачи серебро из Брасовского имения брата царя, и мой проект был сразу забыт»¹⁶.

В результате селекционеру рекомендовали изложить предложение письменно, пообещали скорый ответ. Но, согласно его грустно-шутливому отчету о «московских хождениях», «проект был похоронен без рассмотрения, <...> по третьему разряду»¹⁷. Вторую попытку Лисицын предпринял в начале 1920 г.; проект удалось доложить непосредственно в Наркомземе. На этот раз для обсуждения созвали межведомственное совещание с участием университетских профессоров, селекционеров, агрономов, представителей ВСНХ и других ведомств. Лисицына полностью поддержали, но проект опять не получил хода — был «похоронен на этот раз уже по первому разряду». Что, как продолжил шутку Лисицын, «...по сравнению с его бесславной гибелью в 1919 году... был уже беспорный шаг вперед»¹⁸.

Однако через неполных два года, 13 июня 1921 г., Совет Народных Комиссаров издал за подписью председателя В.И. Ленина декрет «О семеноводстве», в основу которого были положены идеи Лисицына. Приведем этот короткий документ полностью:

«Признавая расширение государственных мероприятий по семеноводству одним из важнейших способов укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства, особенно в наступающий засушливый период, и учитывая наличность выработанного долготелными трудами опытных станций высокоценного чистосортного материала, могущего быть использованным для массового размножения высокоурожайных и засухоустойчивых полевых растений, Совет народных комиссаров постановляет:

1. Приступить немедленно к организации массового размножения и распространения в республике чистосортных семян, а потому организацию семеноводства в республике признать первостепенным заданием Наркомзема.

2. Обязать Наркомзем:

а) образовать из селекционного (чистосортного) семенного материала государственный фонд специального назначения,

¹⁶ Лисицын П.И. Шатиловская Госсемкультура (воспоминания) // Селекция и семеноводство. Специальный выпуск: 25 лет советского семеноводства, 1921—1946. 1946. С. 40—43.

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Там же.

для чего безотлагательно провести планомерную регистрацию, учет и мобилизацию соответствующего семенного материала;

б) поручить в первую очередь Шатиловской, Энгельгардтовской, Московской, Воронежской, Саратовской, Безенчукской, Вятской и Омской областным станциям, а также и Новозыбковской опытной станции немедленно приступить к расширению и быстрой организации государственных питомников маточных семян, развивая селекцию и семеноводство применительно к условиям сельскохозяйственной области, для чего расширить находящуюся в их распоряжении площадь питомников путем передачи наилучших оборудованных совхозов;

в) выделить немедленно из каждой области сеть наиболее отвечающих всем требованиям семенных советских хозяйств с целью организации в них государственных рассадников для размножения семян чистых сортов для последующего их распространения среди сельскохозяйственного населения области»¹⁹.

Что произошло в этот промежуток времени? Каким образом удалось превратить «организацию семеноводства в республике» в «первостепенное задание Наркомзема»?

Принятие проекта. Высокие патроны

Послереволюционное десятилетие являлось особым этапом в государственной поддержке науки, отмеченным в историографии Советской России как «личный патронаж большевиков»²⁰, выстраивание протекционистских отношений между патронами-большевиками и клиентами-учеными, представителями дореволюционной науки. Патронаж со стороны высших должностных лиц вывел на авансцену и Лисицына с проектом Госсемкультуры.

Главное знаменательное событие этого сюжета произошло больше чем через год со времени последней неудачной попытки представить проект в Москве. В апреле 1921 г. «замнаркома (земледе-

¹⁹ О семеноводстве: Декрет Совета Народных Комиссаров 13 июня 1921 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. С. 236—238.

²⁰ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3—22; Елина О.Ю. От развлечений аристократов до декретов большевиков: веки российской селекции. Конец XIX века — 1920-е гг. // На переломе. Вып. 3. Отечественная наука в конце XIX—XX веках. СПб.: Нестор-История, 2005. № 9. С. 133—155.

лия. — О.Е.) заехал на станцию, объезжая губернии теперешней Центрально-Черноземной области»²¹. Речь идет о Н. Осинском (Валериане Валериановиче Оболенском), экономисте и революционном деятеле, до назначения в Наркомзем служившим уполномоченным ВЦИК по Тульской губернии и председателем Тульского губисполкома²². На Шатиловской станции замнаркома выслушал рассказ Лисицына о возможностях Госсемкультуры, осмотрел развешенные в селекционном отделе схемы организации сортового семеноводства. Уезжая, попросил проработать предложения более детально с тем, чтобы осенью доложить их в Москве²³. Позже известный пролетарский журналист, соратник Ленина Л.С. Сосновский превратил эту историю в мифологизированный анекдот, опубликовав в «Правде» фельетон под названием «Современные Робинзоны или автомобиль наркома (истинное происшествие)». По словам Сосновского,

«В виду поломки машины... (выделено нами. — О.Е.) Осинский вынужден был провести на Шатиловской станции целый день. Тут он и смог детально познакомиться с селекционными работами станции и выслушать соображения об организации в государственном масштабе семеноводства <...> До тех пор подобные проекты отвергались и царским департаментом земледелия, и земствами. Отвергались и Наркомземом в 1920 г.»²⁴

²¹ Лисицын П.И. Пионеры семеноводства // Наши достижения. Двухмесячный журнал под редакцией М. Горького. 1929. № 4. С. 126—134; цит.: с. 128.

²² Оболенский, Валериан Валерианович (парт. псевдоним Н. Осинский, 1887—1938) — советский экономист, государственный и партийный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. Первый председатель ВСНХ (1917). Уполномоченным ВЦИК по Пензенской и Тульской губ., председателем Тульского губисполкома (1918—1921). Член коллегии Наркомпрода, заместитель наркома земледелия (с 1921). В 1923—1924 — полпред в Швеции. Член Президиума Госплана СССР (1925), управляющий ЦСУ (1926), заместитель председателя ВСНХ СССР (1929—1930). В 1932—1935 — заместитель Председателя Госплана СССР, в 1932—1937 — Председатель Государственной Комиссии по определению урожайности. С 1932 — академик АН СССР, с 1935 г. — академик ВАСХНИЛ. В 1935—1937 гг. — директор Института истории науки и техники АН СССР. В марте 1938 г. привлечен в качестве свидетеля по процессу Бухарина—Рыкова. 1 сентября 1938 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1957 г.

²³ Письмо П.И. Лисицына к А.Н. Лебедевцу от 20 июля 1921 г. Л. 1—2. АМКБЛ. Также об этом: *Компанец М.К.* Пётр Иванович Лисицын // Ученые-агрономы России. Из истории агрономической науки. М.: Колос, 1971. С. 175—183.

²⁴ *Сосновский Л.С.* Современные робинзоны, или Автомобиль наркома (истинное происшествие) // Правда. 1923. 4 марта. С. 2.

Ожидание от науки «чуда», «панацеи», мифологизация научного процесса и околонучных событий — интернациональный феномен, мало изученный на российском материале. Потребность в мифе возникает, например, при объяснении внезапного успеха ученого, будь то признание публики, внимание прессы или высокое покровительство²⁵. Не так важно, ломалась ли машина наркома, или он решил заехать на Шатиловскую станцию по долгу службы. «Миф о машине» свидетельствует о том, что с проектом Лисицына были связаны большие ожидания руководства страны.

Можно предположить, что Осинский докладывал о своих впечатлениях в самых высоких кабинетах — непосредственно главе Совета Народных Комиссаров, председателю Совета Труда и Оборона Владимиру Ильичу Ленину, с которым в то время часто обсуждал ход реализации НЭПа²⁶. Ленин определенно знал о работах Лисицына, получил сведения о нём именно от замнаркома: «...слышал раньше от Осинского *очень* (авторское выделение. — *О.Е.*) хороший отзыв о новом (или старом?) селекционере у Шатилова»²⁷. Известно также, что на рубеже 1920-х гг. Ленин активно интересовался агрономической наукой, в том числе селекцией. В его письмах этого периода неоднократно обсуждаются возможности агрономии, важность засева крестьянских земель усовершенствованными семенами²⁸. Этот факт также оброс своего рода легендами и мифами. Так, личный секретарь Ленина, впоследствии управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов, вспоминал о том, какое впечатление

²⁵ В качестве примера см.: *Pandora K. Knowledge Held in Common: Tales of Luther Burbank and Science in the American Vernacular*. Isis. 2001. Vol. 92. N 3. P. 484—516; на материале российской истории см.: *Елина О.Ю.* Русская научная сказка. Демчинские и грядковая культура хлебов // Социокультурные проблемы науки и техники: Сборник трудов. Вып. 1. М., 2002. С. 94—103.

²⁶ Осинский — постоянный посетитель Ленина на протяжении конца зимы — начала весны 1921 г. Обсуждения шли главным образом вокруг задач Наркомзема в рамках меняющихся экономических условий деревни. Как известно, 14 марта 1921 г. X съездом РКП(б) была принята новая экономическая политика. Главное содержание НЭПа — замена продразверски продналогом, использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий, проведение денежной реформы, в результате которой рубль стал бы конвертируемой валютой. В частности, Осинский отвечал за проекты привлечения иностранной помощи, закупки за границей и пр.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 404 (совещание о закупке за границей земледельческих машин, орудий, семян, 1920—1921 гг.); Д. 302 (доклад о поездке в Данию и Швецию для закупки семян). Л. 1—15.

²⁷ *Ленин В.И.* С.Л. Сосновскому. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 54. М.: Политиздат, 1949. С. 300—301.

²⁸ *Ленин В.И.* [н.л.] Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 54. М.: Политиздат, 1949. С. 663.

произвела на его шефа книга американского публициста А. Гарвуда «Обновленная земля»²⁹. В ней рассказывалось о достижениях американского сельского хозяйства как результате применения достижений агрономической науки. По словам Горбунова, Ленин загорелся идеей создать в Советской России «по примеру американцев научное сельское хозяйство». Начинать, как и в США, следовало с новых сортов³⁰. Так или иначе, через пару месяцев, 13 июня 1921 г., В.И. Ленин подписал первый государственный закон о семеноводстве — уже процитированный декрет СНК³¹.

После принятия декрета его необходимо было наполнить конкретным содержанием, определить параметры будущих семеноводческих организаций, в том числе Шатиловской. Выработать структуру, оценить научную составляющую, определить необходимые производственные мощности новых институций — Государственных семенных культурных хозяйств, или Госсемкультур — поручили Лисицыну; он должен был сделать подробный доклад в СТО, в тот период — главном «штабе» принятия решений в области аграрной политики. Осенью 1921 г. Лисицын был вызван для участия в обсуждениях законодательных актов о Госсемкультуре.

Общий проект разрабатывался на основе модели Шатиловской Госсемкультуры, выстроенной Лисицыным вокруг Шатиловской станции, потенциальные возможности которой он знал во всех подробностях. По проекту во главе семенной организации должна была стоять *сельскохозяйственная опытная селекционная станция*, где создавались бы и поддерживались в чистоте новые сорта (1 репродукция). Однако объем производства семян на станции невелик. Станция, подобная Шатиловской, как показывали расчеты, могла дать лишь десятки центнеров; потребности же производства исчислялись цифрами иного порядка. Если бы сортовые семена поступали в крестьянские хозяйства непосредственно со станций, без дополнительного размножения, посевы неизбежно засорились бы «беспородными» семенами той же культуры; о сортосмене гово-

²⁹ Гарвуд А. Обновленная земля. Сказание о победах современного земледелия в Америке. 2-е изд. М.: Красная новь, 1924. Перевод книги (сокращенное изложение) был выполнен К.А. Тимирязевым в 1908 г.; первое издание появилось в 1909 г.

³⁰ Об отношении В.И. Ленина к книге см.: Горбунов Н.П. Как работал Владимир Ильич. М.: Партиздат, 1933; Коль А.К. Уроки американского земледелия и наши задачи // Хочу все знать. 1924. № 8. С. 6—16; Сосновский Л.С. К обновленной земле // Хочу все знать. 1924. № 8. С. 1—5.

³¹ Для подробностей утверждения декрета см.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 19152. Л. 1—106.

рить было бы невозможно. Например, чтобы заменить только семена ржи в зоне действия Шатиловской станции, необходимо было располагать площадью питомника около 3000 десятин (3270 га), в то время как весь станционный питомник был в два с лишним раза меньше. А если учитывать все запускаемые в производство культуры и сорта, понадобятся десятки тысяч гектаров. Поэтому, рассуждал Лисицын, необходимо промежуточное звено, структура, размножающая семена нового сорта в чистоте и достаточном количестве для запуска его в производство (2-я репродукция). Отсюда основная задача — организация таких *специализированных маточных питомников, или рассадников, с необходимыми земельными площадями*. При них должна действовать зерноочистительная и сушильная фабрика, на которой семена проходили бы обработку для поддержания их в необходимой чистоте и кондиции. Наконец, необходимы *семеноводческие кооперативы — организованные крестьянские хозяйства*, которые размножали бы сорт до необходимых производственных потребностей (3-я репродукция). Несомненно, в этих построениях сказался опыт двухгодичной стажировки Лисицына в Германии и Швеции, в том числе подробное знакомство с селекционной станцией в Свалёфе и деятельностью Общества семеноводческой акционерной компании землевладельцев Южной Швеции, крупнейшей в Европе «фабрики зерна»³². Проект Шатиловской Госсемкультуры, покрывающей Северо-Чернозёмную область, был просчитан и прописан в деталях. Далее, на основе Шатиловской модели, можно было с необходимыми региональными поправками выстраивать семеноводство в других областях³³.

Осенью 1921 г. Лисицын отправился в Москву для решающего доклада и участия в обсуждениях законодательных актов о Госсемкультуре³⁴. Пребывание в столице растянулось на несколько месяцев. Лисицын дорабатывал проект, консультировался с юристами. Он несколько раз делал подробные сообщения в различных аудиториях; помимо чиновников Наркомзема и его региональных

³² Письма Лисицына 1912—1914 гг. АМКБЛ.

³³ Подготовленный текст с расчетами, цифровыми выкладками и общим обоснованием идеи Госсемкультуры Лисицын так и не опубликовал; вероятно, в то время его занимало гораздо более важное дело практической реализации проекта. Лишь спустя десятилетия статья была напечатана по тексту рукописи в «Избранных сочинениях»: *Лисицын П.И.* Проект организации снабжения населения улучшенными семенами в Северо-черноземной области // Лисицын П.И. Избр. соч. В 2-х т. М.: Сельхозгиз, 1953. Т. 2. С. 326—337.

³⁴ Поездка была сложным мероприятием: Лисицына снаряжали всей станцией, заготавливая в дорогу и для жизни в голодающем городе сухари, морковный чай, табак-самосад.

отделов, селекционеров, агрономов, его слушали и высокие советские лидеры³⁵. Так, по воспоминаниям И.В. Франца, заведующего Тамбовским земельным отделом, тому «пришлось присутствовать при докладе В.И. Ленину плана организации Госсемкультуры Лисицыным П.И. Были при этом Дзержинский, Калинин, и, кажется, Теодорович»³⁶. Обсуждения проходили бурно; организационные основы новой системы были понятны далеко не всем. По словам Лисицына, особенно сложно шло согласование юридической стороны вопроса:

«Они (юристы. — *О.Е.*) замучили меня всевозможными придирками к каждой фразе, а главное — совершенно не понимали смысла всего дела и поэтому явно ему не сочувствовали. Мои масштабы приводили их в раздражение. Потребовался целый месяц хождения к ним для неприятных разговоров, пока мы не познакомились ближе. Все они оказались бывшими неперенными членами разных окружных судов, довольно добродушными людьми, хорошо знавшими свое дело. Один из них сознался мне потом, что все они считали меня авантюристом и решили «гнать в шею». Этим и объяснялось их отношение к делу»³⁷.

Проект критиковали и всячески урезали:

«Были минуты, когда казалось, что весь проект истерзан и от него уже ничего не осталось. Не знаю, чем бы кончилась вся эта трата энергии, если бы в дело не вмешался В.И. Ленин. Он заинтересовался проектом и поручил проведение его А.Д. Цюрупе»³⁸.

В.И. Ленин обязал Александра Дмитриевича Цюрупу, в то время — Наркома продовольствия, с 1922 г. — своего заместителя по Совнаркому и СТО³⁹, лично курировать проект. Заметим, что у Наркомпрода и СТО в то время были другие, более срочные дела: про-

³⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2395 (основные положения к вопросу о массовой очистке посевного материала. Материалы по обсуждению проекта Госсемкультуры).

³⁶ Франц И.В. Из прошлого // Правда. 1969. 6 авг. С. 4.

³⁷ Лисицын П.И. Шатиловская Госсемкультура (воспоминания) // Лисицын П.И. Избр. соч. В 2-х т. М.: Сельхозгиз, 1953. Т. 2. С. 42.

³⁸ Там же.

³⁹ Цюрупа Александр Дмитриевич (1870—1928), агроном, революционер, советский государственный и партийный деятель. Член ЦИК СССР 1—4 созывов, член ЦК ВКП(б) (1923—1928). Инициатор введения в стране продовольственной диктатуры, один из организаторов продотрядов.

ведение посевных кампаний, закупка семян и оборудования за границей и пр.⁴⁰ Тем не менее, новый покровитель активно включился в продвижение Госсемкультуры. Агроном по образованию, Цюрупа понимал важность проекта, грандиозные перспективы, которые открывались при его реализации. Не удивительно, что он запомнился Лисицыну «обаятельным человеком... подкупающей искренности», с которым легко установился общий язык.

«А.Д. Цюрупа вызывал меня к себе на квартиру, снимал трубку со всех пяти телефонов, начинал мрачно расспрашивать, но вскоре загорался, начинал бегать из угла в угол — грани стирались: и скоро вместо зам. Председателя Совета Труда и Оборона и агронома Шатиловской станции по комнате гонялись друг за другом два агронома, забывшие все на свете — кроме противника, которого нужно убедить»⁴¹.

О высоких патронах Лисицына в проекте Госсемкультуры свидетельствовали и современники: «При горячей поддержке тт. Осинского, А.Д. Цюрупы и определенном сочувствии В.И. Ленина дело стало осуществляться»⁴².

В конце концов, Лисицыну и его покровителям удалось убедить в реальности проекта его противников и сомневающихся. 4 января 1922 г. на заседании СТО под председательством Цюрупы было утверждено «Положение о Шатиловской Госсемкультуре»⁴³. 18 февраля 1922 г. по предложению В.И. Ленина Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о финансовой поддержке Шатгоссемкультуры (или Шатиловского треста, Шаттреста, иногда — Овсяного треста⁴⁴), а 4 марта своим постановлением оно обязало Народный комиссариат финансов отпустить Наркомзему необходимые для ее

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 739 (постановление СТО № 284 от 18 января 1922 г. о принятии срочных мер к проведению яровой севкампании 1922 г., проект постановления СТО о ходе проведения севкампании и др.) Л. 26—29об; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 404 (совещание о закупке за границей земледельческих машин, орудий, семян, 1920—1921 гг.).

⁴¹ Лисицын П.И. Пионеры семеноводства // Лисицын П.И. Избр. соч. В 2-х т. М.: Сельхозгиз, 1953. Т. 2. С. 316—325; цит: с. 317, 319.

⁴² Сосновский Л.С. Современные робинзоны, или Автомобиль наркома. С. 2.

⁴³ Положение о Шатиловской Госсемкультуре: Декрет Совета Труда и Оборона от 4 января 1922 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 289—293.

⁴⁴ В годы гражданской войны среди растений, которыми занимался отдел Лисицына, на первый план выдвинулся овес — главная фуражная и продовольственная культура. Отсюда — повышенное внимание к размножению сортового овса на Шатгоссемкультуре.

организации средства. Важно, что согласно п. 16 «Положения» Госсемкультура освобождалась от государственных и местных налогов сроком на 6 лет⁴⁵.

Организация Шаттреста была поручена Лисицыну.

Реализация проекта: Шатгоссемкультура

Для П.И. Лисицына начался новый, не менее сложный этап проекта Госсемкультуры — организационный: «на местах надо было принять хозяйство, в Москве доставать средства и материалы»⁴⁶. Главное — до начала посевной срочно требовалось привести в порядок земельные площади, предназначенные для семеноводческих хозяйств: бывшие «образцовые поместья» Тульской и Орловской губерний. В Мемориальном кабинете-музее П.И. Лисицына хранится папка с картонными листами, на которых фотографии разрушенных владений с остатками оранжерей, конюшен, мельниц и пр., заснеженных полей с торчащими сорняками: «О бывших усадьбах напоминала только крапива, разросшаяся на местах фундаментов»⁴⁷. Таков был результат «революционного передела» и прохождения в этих местах фронтов гражданской войны. К каждой фотографии прилагается описание хозяйства, построек, земель; более полные сведения собраны Лисицыным в специальной тетради⁴⁸. Это — итог кропотливого, напряженного труда; данные приходилось собирать по крупицам, документов не сохранилось, управляющие поместьями давно исчезли. Как полагает Т.Н. Троицкая, материалы могли докладываться В.И. Ленину; многие места в книжке подчеркнуты — возможно, те, на которые тот обратил внимание⁴⁹. Некоторые бывшие «дворянские гнёзда» приходилось отвоевывать у других наркоматов, которым они достались после экспроприации и национализации. Например, чтобы получить поместье Голунь, отведенное Тульскому каменноугольному управлению, пришлось участвовать в 22 заседаниях Наркомтяжпрома. К весне 1922 г. все намеченные для Госсемкультуры хозяйства были «очищены от прочих структур» и оформлены юридически как часть Шатсестреста.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 942 (о выполнении Наркомпродом п. 16 Положения о Госсемкультуре об освобождении ее от государственных и местных налогов. 21 янв. 1922 г.). Л. 50—52об.

⁴⁶ *Лисицын П.И.* Шатиловская Госсемкультура (воспоминания). С. 42.

⁴⁷ Там же. С. 43.

⁴⁸ Описание хозяйств Тульской губ. АМКБЛ.

⁴⁹ *Троицкая Т.Н.* Пётр Иванович Лисицын. С. 51.

Не менее сложной проблемой, несмотря на обещанную поддержку, оказались государственные кредиты. По постановлению Политбюро ЦК РКП(б) от 4 марта 1922 г. Народный комиссариат финансов должен был кредитовать Наркомзем для приобретения необходимого Госсемкультуре оборудования за границей; согласованная сумма — 196 тысяч рублей золотом. Сумма по тем временам значительная; и вдруг — отказ в ее выделении. Лисицыну срочно пришлось разыскивать «высоких покровителей» Шаттреста, что было не всегда просто: Дюрупа и Осинский находились в постоянных разъездах, зарубежных командировках. На этот раз через Осинского, оказавшегося в Берлине, удалось обратиться с просьбой к Ленину, который ранее согласился «лично воздействовать в смысле полного обеспечения Шатиловки»⁵⁰. Ленин отреагировал мгновенно⁵¹. Прежде всего, он инициировал решение вопроса с кредитом, предложив замнаркома земледелия И.А. Теодоровичу⁵² выяснить причину отказа и определить необходимую для налаживания работы Шатгоссемкультуры сумму ассигнований. Получив ответ, направил обращение в Финкомитет:

«РСФСР

Председатель Совета Народных Комиссаров

Москва, Кремль. 4.XI.1922

№ 8540

В Финкомитет (копия т. Теодоровичу)

При рассмотрении сметы Наркомзема Межведомственное Совещание отказалось включить смету Госсемкультуры

⁵⁰ Ленин В.И. [н.л.] Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 54. М.: Политиздат, 1949. С. 663.

⁵¹ Отметим, что для главы советского государства это был тяжелый период первого приступа болезни и предписанного врачами отдыха в Горках.

⁵² Теодорович, Иван Адольфович (1875—1937) — революционер, государственный деятель. Из польских дворян. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Участвовал в революционном движении, жил в эмиграции в Швейцарии. Делегат XV и XVI съездов ВКП(б). Член ВЦИК. В августе 1917 г. — заместитель председателя Петроградской городской думы. После октября 1917 г. — нарком по делам продовольствия. Сторонник представительства в СНК меньшевиков и эсеров. В 1920 г. — член коллегии НКЗ; заместитель наркома земледелия в 1922—1928 гг. С 1926 г. — директор Международного аграрного института (Рим). В 1928—1930 гг. — генеральный секретарь крестьянского интернационала. В 1929—1935 гг. — редактор изд-ва Об-ва б. политкаторжан и ссыльнопоселенцев, журнала «Каорга и ссылка». Автор ряда работ по аграрному вопросу и истории революционного движения. Арестован в 1937 г. по обвинению в антисоветской террористической деятельности и расстрелян. Реабилитирован в 1953 г.

в бюджет Наркомзема, предложив просить ссуду у Госбанка, который вместо требуемых на первый квартал 3,5 триллионов рублей дает только один триллион.

Придавая работам Шатиловского треста огромное государственное значение и будучи уверен в том, что улучшение культур растений по американскому типу является одной из важнейших баз для увеличения производительности нашего сельского хозяйства, прошу пересмотреть решение Междуведомственного совещания с тем, чтобы удовлетворить по возможности нужды Госсемкультуры.

Прилагаю в качестве материала копию заявления тов. Теодоровича и копию письма т. Осинского, с которым я вполне согласен.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)⁵³.

Далее Ленин озаботился, как бы сейчас сказали, созданием положительного имиджа Госсемкультуры. Для этого в октябре 1922 г. он написал Л.С. Сосновскому, в то время — главному редактору газеты «Беднота», попросив привлечь внимание публики к Госсемкультуре и важности задач, которые она решала:

«Посылаю Вам копию письма тов. Осинского..., в которой он пишет по поводу Шатиловского треста. Прошу Вас ознакомиться с работами по получению совершенных культур овса и дать фельетон в “Правду” о значении этих работ вообще и о работе Шатиловского треста и русского селекционера Лисицына. Все необходимые сведения Вы можете получить вероятно у тов. Теодоровича»⁵⁴.

В результате была написана уже упомянутая статья о «Современных Робинзонах».

Обратим внимание: Лисицын не обращался за помощью к Ленину напрямую. Из архивных документов нельзя сделать однозначного заключения о факте их личной встречи. Сам Лисицын весьма уклончиво писал о своих выступлениях в «высоких кабинетах»: нигде нет прямых указаний на то, что его слушал Ленин. Селекционер лишь с благодарностью перечислял, как и в каких случаях мгновенная помощь Ленина разрушала преграды. Кредит на оборуду-

⁵³ Ленин В.И. В финкомитет. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 54. М.: Политиздат, 1949. С. 307.

⁵⁴ Ленин В.И. С.Л. Сосновскому. С. 300—301.

дование был отвоеван; в феврале 1923 г. поступили первые суммы. После этого эпизода Ленин поручил Н.П. Горбунову отслеживать проблемы Госсемкультуры и делать необходимые доклады⁵⁵.

Работа по организации Шатсемкультуры шла полным ходом; на это, согласно принятому «Положению», отводилось шесть лет⁵⁶. Основа Госсемкультуры — селекционная станция:

«Шатиловская станция представляется, таким образом, основным питомником Госсемкультуры. Выведенные селекционным отделом Шатиловской опытной станции новые сорта или оказавшиеся лучшими при сортоиспытании существующие сорта размножаются в основном питомнике до тех пор, пока не заполнят всю предназначенную им площадь, а затем передаются для размножения Госсемкультуре. Для сохранения сорта в чистоте основной питомник непрерывно ведет размножение и ежегодно сдает Госсемкультуре для посева партию свежих семян гарантированной чистоты»⁵⁷.

Селекционный отдел Шатиловской станции ежегодно передавал свой сортовой семенной материал (маточные семена, или элиту) в хозяйство первого размножения, или I-й репродукции, находящееся при станции. Площадь хозяйства соответствовала количеству семян элиты; в случае Шатиловской станции она составляла около 1200 десятин пахотной земли (1300 га). Урожай I-й репродукции, в свою очередь, поступал в систему хозяйств II-й репродукции — собственно Госсемкультуру, центральное звено семеноводства. Для этого заключалось специальное соглашение: подписывался договор, предусматривающий в том числе финансовую сторону отношений станции и Госсемкультуры⁵⁸.

⁵⁵ Эти подробности, как и имена вскоре репрессированных наркомов и их заместителей, — сторонников и противников Госсемкультуры, были вычеркнуты из статьи «Пионеры семеноводства» при ее публикации в двухтомнике сочинений Лисицына начала 1950-х гг. Детали сохранились лишь в оригинальной версии статьи, появившейся в 1929 г. в редактируемом М. Горьким журнале «Наши достижения»: *Лисицын П.И.* Пионеры семеноводства // Наши достижения. С. 126—134.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2379 (материалы о подготовке Всероссийского совещания по опытному делу 10 сентября 1923 г., о реорганизации сети опытных учреждений, об организации госсемкультуры, январь—декабрь 1923 г.). Л. 103—142.

⁵⁷ *Лисицын П.И.* Госсемкультура // Лисицын П.И. Избр. соч. В 2 т. Т. 2. М.: Сельхозгиз, 1953. Т. 2. С. 338—356; цит.: с. 338.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210 (договор между Шатиловской опытной сельскохозяйственной станцией и государственным семеноводством Северо-Черноземной области о порядке передачи семенного материала в Госсемкультуру, 1922 г.). Л. 59—60об.

Шатиловская Госсемкультура создавалась на основе 11 хозяйств и 7 фондовых участков (без построек) Новосильского уезда Тульской губернии, а также Чернского и Ливенского уездов Орловской губернии, расположенных кольцом радиусом примерно в 30 км вокруг станции с площадью пахотной земли 8 тысяч га⁵⁹. Это — те самые «образцовые поместья», которые отбирал и изучал П.И. Лисицын. Чаще всего они находились в крайне запущенном состоянии. В сжатые сроки приходилось практически одновременно приобретать тягловую силу и инвентарь, выполнять землеустроительные работы, нанимать трудовой и управленческий персонал, проводить сев. «Севооборотов, конечно, не было. В каждом хозяйстве выбирался наиболее подходящий кусок земли и на нём сосредотачивали все внимание»⁶⁰. Все это требовало ежедневного четкого руководства «на земле», присутствия во властных кабинетах для решения организационных и финансовых вопросов. П.И. Лисицын разрывался между столицей и Тульской губернией, пока в Москве не была открыта контора Госсемкультуры во главе с выпускником Тимирязевской академии М.П. Самсоновым. В конторе трудились агенты для поиска и закупок материалов, оборудования, доставки наличных денег и пр. Лисицын на месте возглавил правление Госсемкультуры, состоящее из директора-распорядителя, заведующего сельскохозяйственной частью, заведующего технической частью; все трое утверждались Коллегией Наркомзема⁶¹. Ценой огромного напряжения сев 1922 г. провели в срок: засеяли 1216 десятин, из них 700 — выведенным Лисицыным овсом Шатиловский 33. Сразу после сева все силы были брошены на строительство⁶². Но возникали и неотложные дела, часто далекие от семеноводства. В 1922 г. в Тульской губ., как и повсюду в Центральной России, свирепствовал тиф. Пришлось в срочном порядке восстанавливать больницу в Голуни, приглашать туда врачей; в некоторых хозяйствах открыли фельдшерские пункты.

Несмотря на общую растениеводческую направленность хозяйств Госсемкультуры, их роли в работе гигантского механизма различались; иногда это определялось специализацией бывшего «образцового поместья». Так, в Голуни, где хорошо сохранились постройки,

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210 (проект постановления Коллегии НКЗ к протоколу № 5 о реорганизации Госсемкультуры Северо-Черноземной области и финансировании Шатиловской госсемкультуры, 1924 г.). Л. 65.

⁶⁰ Лисицын П.И. Шатиловская Госсемкультура (воспоминания). С. 42.

⁶¹ Лисицын И.И. Госсемкультура. С. 355.

⁶² Был организован строительный отдел из 40 инженеров и техников; для размещения строителей закупили целый военный городок, состоявший из 45 бараков.

сосредоточили правление Госсемкультуры, ремонтные мастерские и пр.; в Дубах, расположенных вблизи станции Хомутово, возводилась главная зерноочистительная фабрика; еще одна планировалась в Нечаево. В Михайловском разместилось стадо ярославских и владимирских коров; в Ржавцах — симменталов мясомолочной породы и орловских рысаков; Лазавское стало центром садоводства с плодовыми садами⁶³.

К концу 1922 г. Госсемкультура располагала почти полным комплектом сельскохозяйственных орудий. Важнейшей задачей было создание необходимого «парка» тягловой силы. Закупкой лошадей занимались через Сельсосоюз, который выписывал их в том числе с Украины. Пригласили ветеринара; одно хозяйство превратили в карантинное. После присоединения весной 1923 г. конного завода орловских рысаков в Ржавцах (бывший завод И.К. Дарагана) — откуда на полевые работы пришлось забрать всех жеребцов-производителей, — в хозяйстве оказалось 650 лошадей. Коров закупа-ли в Ярославской и Тверской губерниях; к 1923 г. стадо достигло 200 голов. В связи с этими закупками Лисицын вспоминал анекдотическую ситуацию:

«При обсуждении сметы животноводства один из сотрудников НКФина, со сценически яркой фразировкой и соответствующей мимикой, воскликнул: “Ну, я понимаю, что вам нужен навоз, но зачем же вам коровы?!”»⁶⁴

Самая трудная часть — строительство и оборудование зерноочистительных фабрик. На эти цели был выделен кредит в 196 тысяч рублей золотом (около 3,5 триллионов рублей). В Берлин, в советское Торгпредство, командировали инженера для отбора лучших предложений. Был объявлен конкурс — с размахом, сразу в четырех странах: Англии, Франции, Германии и Австрии. К установленному сроку поступило шесть проектов, которые доставили в Москву. В результате остановились на австрийском, предложенном фирмой «Гейде» (Heide) из Штоккерау. Главные элементы оборудования заказали немцам: двигатели — фирме «Отто Дойц» («Otto Deutz»⁶⁵), сушильные установки — фирме «Эгер» («Eger») из Халле. Строительство начали в 1923 г. одновременно в двух местах: в Хомутово (главная, наиболее мощная зернофабрика) и в Моховом (Нечаево,

⁶³ Лисицын П.И. Госсемкультура. С. 344.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Известная кельнская фирма по производству инженерной техники до революции фирма имела свое представительство в Санкт-Петербурге.

меньшая по размеру). Вторую фабрику удалось сделать «действительным подарком Советской республики крестьянству к восьмой годовщине Октября»⁶⁶: основное строительство завершили в рекордные сроки, еще в 1924 г. С «пятиэтажной громадиной»⁶⁷ — фабрикой в Хомутове, к юбилею не успели: в 1924 г. (по другим данным — еще в 1923 г.) был закончен монтаж оборудования приехавшими на место иностранными специалистами; структуры заработали со средней мощностью в конце 1925 г. Как отметил Лисицын, «вся сложная работа по постройке и оборудованию этих фабрик прошла на редкость гладко»⁶⁸. Вот описание работы фабрики в духе популярной тогда «индустриальной лирики»:

«Она берет зерно с полей Госсемкультуры и, пропуская его через свои этажи, выбрасывает это зерно на крестьянские поля в преображенном виде. Бесконечные ленты элеваторов непрерывно черпают зерно и тянут его за собой на верхний этаж. Гулко поющие ветрогоны отделяют от зерна пыль и шелуху, и оно падает на второй этаж, на зерноочистительную машину. Трепетно, как крылья пойманных бабочек, движутся цинковые сита в этих машинах. Каждый новый вздох фабрики приближает наше сельское хозяйство к желанной цели — господству на мировом хлебном рынке»⁶⁹.

По мере роста площадей размножения зерноочистительные фабрики загружались всё больше и больше и наконец заработали на полную выкладку; например, ежегодно сушили и чистили до 1 млн пудов только одного овса. Параллельно почти во всех хозяйствах шло бытовое и прочее специальное строительство. В течение трёх лет было возведено более 100 кирпичных, деревянных и прочих построек, к концу 1925 г. работы были в основном завершены.

Что касается растениеводческой работы Госсемкультуры, сразу после «ударного» сева 1922 г. (без севооборотов) начали снимать планы земельных участков, чтобы приступить к структурированию полей. Эту работу выполняли Лисицын и его помощники зимой 1922—1923 гг.; весной севообороты были «нанесены в натуре», и с 1923 г. сев проводился уже в 7- и 8-польных севооборотах.

⁶⁶ [б. а.] На помощь крестьянским полям // Орловская правда. 1925. № 255 (2292). С. 7.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Лисицын П.И. Шатиловская Госсемкультура (воспоминания). С. 42.

⁶⁹ [б. а.] На помощь крестьянским полям // Орловская правда. 1925. № 255 (2292). С. 7.

В том же 1923 г. приступили к размножению клевера, гороха, затем — ржи, гречихи и проса⁷⁰. К 1925 г. Госсемкультура давала до 40 тысяч центнеров чистосортных семян: около 25 тыс. центнеров овса, 13 тыс. центнеров ржи, по тысяче — гречихи и гороха, около 500 центнеров клевера⁷¹. Госсемкультура приносила прибыль Шатиловской станции: согласно заключенному с ней договору⁷², например, в 1922—1923 гг., за селекционные семена станция получила важные для нее 140 тыс. руб.⁷³

Проблемы возникли с третьей репродукцией — хозяйствами крестьян-семеноводов. Для сохранения сорта в чистоте было крайне важно, чтобы все без исключения крестьяне данного селения вошли в семеноводческий кооператив. Но всегда находились те, кто сомневался: с ними приходилось вести разъяснительную работу. Зимой 1923—1924 гг. сотруднику Госсемкультуры Д.П. Волошику «удалось убедить девять селений Новосильского уезда (Судбищенской волости) заменить свой овес селекционным поголовно всеми домохозяевами, на плантаторских договорных началах. О кооперации в этот год нельзя было еще говорить»⁷⁴. В следующем 1924—1925 гг. при содействии отдела семеноводства Сельскосоюза было организовано еще 16 семенных товариществ, с которыми Шатиловская Госсемкультура заключила договор. Когда началась массовая заготовка семян и крестьяне убедились в очевидной выгоде кооперации, дело пошло легче. К 1926 г. уже 85 товариществ объединились в Шатиловский союз семеноводов (Шатсемсоюз, или Шатилосоюз), который и являлся третьей репродукцией с площадью пахотной земли в 35 тысяч десятин (38 тыс. га); Лисицын стал его председателем. Шатсемсоюз давал урожай сортовых семян такого масштаба, который позволял заменить несортные семена по всей области

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210 (второй годовой отчет Госсемкультуры Северо-Черноземной области с приложениями отчета о семеноводческой работе Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции, 1924 г.). Л. 31—58.

⁷¹ Лисицын П.И. Госсемкультура. С. 321.

⁷² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210 (договор между Шатиловской опытной сельскохозяйственной станцией и государственным семеноводством Северо-Черноземной области о порядке передачи семенного материала в Госсемкультуру, 1922 г.). Л. 59—60об.

⁷³ Лебедянцева А.Н. Очерк развития опытного дела в Области // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции / Опытные учреждения Северо-Черноземной области; история их возникновения и развития (1898—1928). Вып. 2. Орел: Типо-лит. «Труд» ОКРСНХ, 1928. С. 13.

⁷⁴ Лисицын П.И. Селекционный отдел // Труды Северо-Черноземной (б. Шатиловской) областной сельскохозяйственной опытной станции. М.: Наркомзем. Опытный отдел, 1928. С. 31.

в течение десяти лет. Кооперативные союзы семеноводов образовали семенное отделение хлебофуражного отдела Сельскосоюза РСФСР. В 1928 г. вместе с другими 13 республиканскими и краевыми союзами они составили Всероссийский семеноводческий союз (Семеноводсоюз СССР). В качестве контролирующей стадии семеноводства в области была организована апробация сортовых посевов, к которой привлекли контрольные станции всех губерний.

В 1923 г. Шатиловская Госсемкультура участвовала в Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Специально для выставочных целей была подготовлена брошюра «Государственное семеноводство Северо-Черноземной области»⁷⁵.

Примерно по такой же схеме создавались другие Госсемкультуры. Второй по времени создания и размерам (также 1922 г., 1500 десятин) стала Омская (Западно-Сибирская, для обслуживания региона Западной Сибири), в организации которой ведущую роль играл известный селекционер Виктор Викторович Таланов. Госсемкультура включала в себя Западно-Сибирскую областную селекционную станцию им. Н.Л. Скалозубова, особый маточный питомник при станции и маточные семенные рассадники (Омского сельскохозяйственного общества, агробазы Омского губернского земельного управления и пр.)⁷⁶. В 1923—1927 гг. были созданы также следующие Госсемкультуры: Саратовская (Г.К. Мейстер, на основе земского семеноводства при Саратовской станции, для обслуживания Нижне-Волжской области)⁷⁷, Средневолжская (П.Н. Константинов, на основе Краснокутской станции, для обслуживания района Средней Волги)⁷⁸, Энгельгардтовская (К.Г. Ренард, на основе Энгельгардтовской станции, для Западной области)⁷⁹, Северо-Западная (В.Е. Писарев, зона обслуживания — Ленинградская область), Степная (Л.И. Говоров, на основе Воронежской станций, для обслужи-

⁷⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210. Брошюра «Государственное семеноводство Северо-Черноземной области» (подготовлена под шапкой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарной выставки) 1923. Л. 78—89.

⁷⁶ Гончаров Н.П. Организатор системы государственного сортоиспытания и выдающийся селекционер (130 лет со дня рождения В.В. Таланова) // Информационный вестник ВОГИС. 2002. № 20. С. 6—13.

⁷⁷ Ильина Л.Г. Основоположники саратовской селекции (А.И. Стебут, Г.К. Мейстер). Ч. 1. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1997.

⁷⁸ Краткий отчет о деятельности Краснокутской с.-х. Опытной Станции в 1924 году. Покровск: Изд. Немволбанка, 1925.

⁷⁹ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 6. Д. 122 (статья «Что может дать крестьянину Смоленской губернии селекционная и семенная Энгельгардтовская сельскохозяйственная опытная станция»).

вания Средне-Черноземной области — восточной части бывшей Черноземной области)⁸⁰, Донская (или Кубанская, зона обслуживания — Северный Кавказ), Центрально-промышленная (для обслуживания Центрально-промышленного района)⁸¹. Общая площадь Госсемкультур — более 30 тысяч гектаров; связанные с ними семеноводческие союзы располагали еще полумиллионом гектаров. На Украине середины 1920-х гг. двигателем сортового семеноводства стало Всеукраинское общество семеноводства и Сеть Сахаротреста⁸².

В октябре 1925 г. на Шатиловской станции прошел первый съезд Госсемкультур с широким представительством семеноводов, селекционеров, чиновников Наркомзема и др. На съезде обсуждались вопросы организации и работы Госсемкультур.

Деятельность Госсемкультур проходила в тесном сотрудничестве с институциями, отвечавшими за сортоиспытание и районирование сортов сельскохозяйственных растений. Основой советской системы сортоиспытания стало организованное в 1922 г. Бюро введения и размножения новых сортов полевых растений при Государственном институте опытной агрономии Наркомзема РСФСР (Бюро размножения семян НКЗ и Джойнта) и сортоиспытательная сеть черноземной полосы РСФСР (Сортосеть)⁸³. Руководителем Бюро

⁸⁰ Макашева Р.Х. Леонид Игнатьевич Говоров // Соратники Николая Ивановича Вавилова: Исследователи генофонда растений. СПб.: ВИР, 1994. С. 137—148.

⁸¹ Лисицын П.И. Семеноводство в довоенной России и в СССР (этапы развития социалистического семеноводства) // Избр. соч. Т. 2. С. 471. К Госсемкультурам иногда относят также Московский селекционный центр (Моселекцентр) в Немчиновке, организованный П.И. Лисицыным. См.: Гончаренко А.А. Московский селекционный центр по зерновым культурам: история, проблемы и перспективы // Информационный вестник ВОГИС. 2005. Т. 9. № 3. С. 324—332. Также выделяют Безенчукскую семенную сеть (С.М. Тулайков, на базе Безенчукской станции, для обслуживания Средней Волги и Заволжья), Вятскую (Н.В. Рудницкий, на основе Вятской опытной станции, зона обслуживания — Северо-Восточная область).

⁸² Панишин Б.А. Сортоводно-семенное дело Сахаротреста. Киев: Изд. ССУ Сахаротреста, 1924; Семенное дело Сахаротреста и его сортовой фонд / Сост. В.А. Лебов. Киев: Изд. ССУ Сахаротреста, 1928.

⁸³ Бюро было создано для интродукции, сортоиспытания и размножения сортов кукурузы, сорго, американского пырея, суданской травы, пшеницы, гороха, фасоли и др., прежде всего в районах, пострадавших от засухи/неурожая и голода 1921 г. В 1925 г. было передано на государственное финансирование и реорганизовано в Отдел только что созданного Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур. Отдел возглавил В.В. Таланов. См.: Таланов В.В. Государственное сортоиспытание и его выводы по отношению к стандартизации, селекции и семеноводству // Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10—16 января 1929 г. Т. 5. Семеноводство и сортоизучение. Л., 1930. С. 13—20.

стал В.В. Таланов, в то время работавший в Наркомземе РСФСР с американскими организациями помощи. Активную роль в финансировании деятельности Бюро играла Американская администрация помощи (American Relief Administration) и Еврейский объединенный комитет распределения (Jewish Joint Distribution Committee — JJDC)⁸⁴. С 1924 г. по соглашению между советским правительством и JJDC была учреждена Американская еврейская объединенная сельскохозяйственная корпорация — Агро-Джойнт (the American Jewish Joint Agricultural Corporation, Agro-Joint)⁸⁵. В 1924 г. Агро-Джойнт принял участие в финансировании Сортосети РСФСР: в южных губерниях работало 17 сортоучастков (Южная Сортосеть под руководством В.В. Таланова), в центральных и северных — семь участков (Северная Сортосеть под руководством В.Е. Писарева)⁸⁶. Сортосеть постепенно увеличивала объемы работ и число испытываемых культур: с 1924 г. там занимались яровой и озимой пшеницами, овсом, суданской травой и кукурузой, с 1925 г. — также рожью, с 1926 г. — ячменем, с 1928 г. — соей, кормовыми и огородными растениями. В результате Сортосеть к 1928 г. имела 101 опытный участок (также 37 — Украинского общества семеноводства, 15 — Сахаротреста)⁸⁷.

Принятый в 1924 г. первый государственный план по семеноводству утвердил курс на приоритетное развитие сортоводно-семенного дела в СССР. К концу 1924 г. в стране действовало 100 опытных и селекционных учреждений, работавших в области селекции, сортоиспытания и семеноводства (в том числе станции с селекционными отделами); 30 из них были созданы за период

⁸⁴ Fisher H.H. *The Famine in Soviet Russia, 1919—1923: The Operations of the American Relief Administration*. New York: Macmillan, 1927.

⁸⁵ Jewish Joint Distribution Committee — организация, созданная в 1914 г. в США для оказания помощи нуждающемуся еврейскому населению, иммигрировавшему в эту страну. При расширении благотворительной деятельности в 1920—1930-е годы организация оказывала помощь по различным проектам и за пределами США. В частности, после голода 1921 г. Джойнт по приглашению советского правительства начал активно разворачивать деятельность и в РСФСР. О комитете и американской помощи см.: *Beizer M., Mitsel M. The American Brother: The "Joint" in Russia and the CIS*. Jerusalem: American Jewish Joint Distribution Committee, 2004; *Patenaude B.M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2002.

⁸⁶ Писарев В.Е. Прикладная ботаника и селекция // Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР. Л.: Гос. ин-т опыт. агрономии, 1928. С. 58.

⁸⁷ Таланов В.В. Государственное сортоиспытание и его выводы по отношению к стандартизации, селекции и семеноводству. С. 12—13.

после окончания Гражданской войны⁸⁸. При этом в области материальных итогов труда селекционеров, то есть полученных новых сортов, собственно «советские» достижения невозможно отделить от работ, начатых до революции. Неудивительно, что «урожай» советских сортов пришелся на середину 1920-х гг.: как отмечал В.В. Таланов, «срок в 8—10 лет от начала работы до возможности использования ее практических результатов считается для селекционных станций минимальным»⁸⁹, а основные селекционные эксперименты были начаты в 1910-е гг. Продолжая цитировать В.В. Таланова, заметим, что

«Молодые селекционные учреждения к настоящему времени (речь идет о 1924 г. — *О.Е.*) по целому ряду заданий прошли этот необходимый период творческой работы и, не прерывая своей деятельности в тяжелые годы войны и неурожая, получили в деле изыскания и выведения новых сортов чрезвычайно крупные практические достижения, которым может позавидовать не только Европа, но и Америка»⁹⁰.

Работа селекционных станций, дававших значительное количество сортов отечественной селекции, в сочетании с деятельностью Госсемкультур и Госсортсети привела к ожидаемым результатам: сдвиги в области семеноводства стали заметны достаточно быстро. Производство сортовых семян с 1923 г. ежегодно увеличивалось на 75% (более 8,5 тыс. тонн); размер семенной ссуды — в 2,3 раза; площадь «селекционных посевов» — в 1,6 раза⁹¹. Так, в 1925 г. НКЗ поручил «произвести заготовку в кампании 1925—1926 гг. до 3 млн пудов (примерно 50 тыс. тонн. — *О.Е.*) селекционного чистосортного зерна»; на эти цели было отпущено 3 млн руб.⁹² По мнению Н.И. Вавилова,

⁸⁸ *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 2. С. 353—362; Краткие справочные сведения об опытных и селекционных учреждениях, работающих по селекции, сортоиспытанию и семеноводству // Селекция и семеноводство в СССР: Обзор результатов деятельности селекционных и семеноводственных организаций к 1923 г. / В.В. Таланов (ред.) М.: Новая деревня, 1924. С. 344—371.

⁸⁹ *Таланов В.В.* Государственное сортоиспытание и его выводы по отношению к стандартизации, селекции и семеноводству. С. 7.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Чаянов С.К.* Организация сельскохозяйственного опытного дела // Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР в 1917—1927 гг. / Под ред. С.К. Чаянова. Л.: Изд. ГИОА, 1928. С. I—XXIX; цит.: с. XXVII.

⁹² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1553 (протокол № 13 заседания НКЗ РСФСР, 13 июля 1925 г.). Л. 2.

«Созданием Госсемкультур в РСФСР и учреждением Всеукраинского общества семеноводства, вмешательством государства в селекционную работу созданы условия, ускоряющие производство сортового зерна, созданы благоприятные для размножения сортовых семян условия, которые скажутся в ближайшее время на мировом рынке»⁹³.

Началось массовое внедрение новых сортов в сельскохозяйственное производство. Общие площади промышленных сортовых посевов возросли с 21,9 тыс. га в 1923 г. до 1025 тыс. га в 1927 г.⁹⁴ Появилась возможность провести сортосмену в масштабе всей страны: заменить «беспородный» материал на более урожайный сортовой, прошедший проверку и сравнительные испытания на госсортучастках. Так, уже в 1929 г. Н.И. Вавилов заключил, что сортосмена 1920-х годов обеспечила рост урожайности в районах ее проведения в среднем на 20—40%⁹⁵. Улучшение качества советского зерна повлекло рост цен на мировом рынке на 15—30%⁹⁶.

Как отмечает Н.П. Гончаров,

«создание семеноводческих хозяйств в послереволюционной России по масштабам было сравнимо с социальной революцией. Это был переворот в деле повышения урожайности возделываемых культур и переход к более интенсивному ведению сельского хозяйства в масштабах всей страны»⁹⁷.

Конец проекта

Организационный план Шатиловской Госсемкультуры был рассчитан на 6 лет (1922—1928 гг.). Но уже к 1926 г. выполнили почти 90% от запланированного. Удалось значительно сократить государственное финансирование; в 1927 г. Шатгоссемкультура собиралась обойтись собственными средствами, перейти на полную самокупаемость. Однако к тому времени становилось всё очевиднее, что над проектом нависла серьезная угроза. Как оказалась, Госсемкультура доживала свои последние дни.

⁹³ *Вавилов Н.И.* Предисловие // Государственный сортовой фонд 1925—1926 гг.: Описание сортов и краткая их характеристика / Сост. Т. Рунов. М., [б.г.]. С. 10.

⁹⁴ *Чаянов С.К.* Организация сельскохозяйственного опытного дела. С. XXII.

⁹⁵ *Вавилов Н.И.* Селекция и сортовое семеноводство как государственные мероприятия в борьбе за урожай // Пути подъема и социалистическая реконструкция сельского хозяйства. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 193.

⁹⁶ *Чаянов С.К.* Организация сельскохозяйственного опытного дела. С. XXII.

⁹⁷ *Гончаров Н.П., Гончаров П.Л.* История методов селекции растений. С. 62.

Мы уже отмечали, что на пути Госсемкультуры было немало трудностей: у проекта всегда находились противники, в первую очередь из числа бюрократии Наркомзема и Наркомфина. После создания в 1923 г. Государственной Комиссии СССР по Планированию (Госплан) и Плановой комиссии Наркомзема (Земплан) вопросы финансирования Госсемкультуры обсуждались на совместных заседаниях Земплана и сельскохозяйственной секции Госплана⁹⁸. Кредиты по-прежнему приходилось «выбивать». Так, на расширенном заседании Земплана 2 февраля 1924 г. с трудом удалось включить пункт о финансировании Шатсемсоюза⁹⁹. Когда возникла потребность в долгосрочном кредите в 421 тыс. руб., потребовалось специальное обращение наркома земледелия в СНК, Госплан и Наркомфин¹⁰⁰. После смерти В.И. Ленина закончилась «высочайшая поддержка» проекта. К тому же еще в 1923 г. в Наркомземе сменилось руководство. Новый нарком А.П. Смирнов и его заместители, до поры выполнявшие необходимые шаги по содействию проекту, в отличие от своих предшественников подчеркивали прохладное отношение к Госсемкультуре. Например, в статье «По тульскому чернозему (впечатления от служебной поездки)» речь идет вроде бы о поездке с точно обозначенной целью: «Ознакомиться на месте с работой государственных семенных рассадников Тульской области»¹⁰¹. Как отмечает автор, скрывающийся под псевдонимом Н. К-в, на полное оборудование госсемкультур были выделены огромные суммы — девять с половиной миллионов золотых рублей, поэтому нарком «должен особо внимательно относиться к их работе». Однако А.П. Смирнов, как следует из материала, не спешит на Шатиловскую Госсемкультуру, по дороге заезжая во множество других хозяйств области; в статье о его «путешествии» лишь один из столбцов объемного «подвала» — собственно о работах Шатгоссемкультуры¹⁰².

⁹⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1208 (протоколы заседаний Коллегии НКЗ и плановой комиссии РСФСР. О плане государственного семеноводства. О плане селекционной и сортоводственной работы по областям РСФСР и его фактическое исполнение, 1924 г.). Л. 2—10, 93—195.

⁹⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210. Л. 66—66об (протокол расширенного заседания Президиума Земплана о финансировании Шатиловской Госсемкультуры, 1924 г.).

¹⁰⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1210. Л. 26 (докладная записка наркома земледелия Смирнова в СНК, Наркомфин и Госплан об отпуске долгосрочного кредита Шатиловской Госсемкультуре, 15 марта 1924 г.).

¹⁰¹ К-в Н. По тульскому чернозему (впечатления от служебной поездки) // Беднота. 21 июля 1923. № 1571. С. 2.

¹⁰² Там же.

С появлением Смирнова подотдел Госсемкультур, созданный в НКЗ для административного и финансового объединения этих учреждений, занялся жестким администрированием, «контролем из Москвы». В середине 1920-х гг. это стало общим стилем руководства наркомата¹⁰³. Как писал Лисицын, «дело заслонила бумага»: «начался бюрократический период Госсемкультур <...> В Москву шли целые стопы всевозможнейших отчетов, и из Москвы в ответ следовали длиннейшие и наивнейшие циркуляры»¹⁰⁴. Отношения центра и Госсемкультур ухудшились.

В профессиональной агрономической среде отношение к Госсемкультуре было также далеко не однозначным; многие считали форсированное развитие семеноводства «перекосом». Так, докладывая проект на Всероссийском совещании (съезде) по опытному делу в Москве 1—5 сентября 1923 г., Лисицын выдержал ожесточенную борьбу:

«Съезд засыпал меня градом обвинений и, между прочим, обвинением в том, что своими госсемкультурами я отвлекаю средства от опытного дела и этим гублю его (несостоятельное обвинение, так как опытные станции находятся на госбюджете, а госсемкультуры были организованы как хозрасчетные). Некоторые селекционеры обвиняли также в том, что я хочу заставить их заниматься семеноводством и, тем самым, из ученых превратиться в ремесленников, занимающихся, к тому же, не своим делом. Задачей селекционера, по их мнению, является выведение сортов; размножением же этих сортов пусть занимаются те, кому они нужны»¹⁰⁵.

Там, где требовалась совместная работа с другими опытными институтами, дело обстояло еще хуже. Лисицын вспоминал, какое сопротивление встретила попытка привлечь работников контрольно-семенных станций к апробации сортовых семян:

«На совещании контрольников в Москве и Ленинграде мне было брошено самое тяжелое (какое только мог себе представить истый контрольник того времени) обвинение — в призыве контрольников к работе с *культурными* растениями,

¹⁰³ *Елина О.Ю.* Сельскохозяйственные опытные станции в конце 1920-х гг.: советский вариант реформы // На переломе. Вып. 1. Советская биология в 20—30-х годах / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С 27—85.

¹⁰⁴ *Лисицын П.И.* Шатиловская Госсемкультура (воспоминания). С. 42.

¹⁰⁵ *Лисицын П.И.* Пионеры семеноводства. С. 348.

тогда как их исконным призванием и священной обязанностью считалось изучение сорняков»¹⁰⁶.

Впоследствии страсти улеглись, союз был налажен, но недовольство дополнительной нагрузкой оставалось.

Не удалась и многочисленная попытка популяризации Госсемкультуры. Так, по мнению Лисицына, фельетон Сосновского «Современные Робинзоны» свидетельствовал о том, что журналист не смог разобраться в сути проблемы:

«По поручению В.И. Ленина один журналист должен быть уяснить идею организации семеноводства и изложить ее в общедоступной форме. В продолжение двух часов рассказывал я этому журналисту о своей идее, но тот признался, что ничего не понял. На следующий день беседа возобновилась и затянулась снова на два часа. На этот раз в “Правде” от 4 марта 1923 г. (№ 49) появилась статья под названием “Современные Робинзоны или автомобиль наркома”. Современный читатель (даже не семеновод), прочтя эту статью, убедился бы, что автор проекта, к сожалению, так и остался непонятым»¹⁰⁷.

Сосновский еще не раз возвращался в своих публикациях к вопросам Госсемкультуры, но выбранная тональность подачи сложного материала едва ли способствовала пониманию публикой важности этого огромного дела.

В 1927 г. было принято решение передать Госсемкультуры в ведение особых трестов¹⁰⁸. Такое переподчинение означала их исключение из сферы руководства и финансирования Наркомзема. В то же время опытные станции, продуценты первого уровня, оставались в подчинении наркомата. Это разобщило налаженную систему семеноводческих потоков и фактически ликвидировало вторую репродукцию. До поры Шатиловскую, Саратовскую и Западно-Сибирскую Госсемкультуры удавалось сохранять при НКЗ. При этом работу Шатиловской Госсемкультуры объявили «слишком масштабной» для Наркомзема, кредиты сократили¹⁰⁹. Но в 1928 г. приказом наркома А.П. Смирнова оставшиеся Госсемкультуры были также

¹⁰⁶ Там же. С. 350.

¹⁰⁷ Там же. С. 351.

¹⁰⁸ Лисицын П.И. Шатиловская Госсемкультура (воспоминания) // Лисицын П.И. Избр. соч. Т. 2. С. 131.

¹⁰⁹ Там же. С. 130.

ликвидированы — переданы в трест и перестали существовать как самостоятельные репродукционные организации¹¹⁰. В своем докладе на Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10—16 января 1929 г. П.И. Лисицын подвел итог: «С ликвидацией Госсемкультур повисла в воздухе вся вторая репродукция, а значит нет возможности развивать третью... Между тем не везде есть даже первые репродукценты»¹¹¹.

Историю заката Госсемкультур трудно анализировать вне того потока крупномасштабных реорганизаций, в который попала агрономическая наука и все сельское хозяйство на рубеже 1930-х гг. Госсемкультура пала жертвой первых шагов к будущей коллективизации: сворачивания НЭПа и хозрасчетных отношений, конца семеноводческой кооперации, основанной на добровольном объединении крестьян. Как заметил Лисицын, «первый этап советского семеноводства окончился»¹¹². Коллективизация и раскулачивание уничтожили наиболее активную и культурную часть крестьянства. Не успев наладить работу по обслуживанию крестьянина-собственника, не проведя полномасштабную сортосмену в масштабах СССР, советская агрономия должна была срочно поменять объект приложения своих усилий. Смена курса на коллективизацию отозвалась кардинальной перестройкой опытной работы на всех уровнях. По словам Н.М. Тулайкова, проведение коллективизации заставляло ученых «с особой напряженностью искать научного обоснования для организации колхозов»¹¹³.

Говоря о «великом переломе» в области сельского хозяйства — создании «крупного социалистического земледелия (колхозного и совхозного)», И.В. Сталин объявил о создании «крупных зерновых фабрик»:

«Рухнули и рассыпались в прах возражения “науки” против возможности и целесообразности организации крупных зер-

¹¹⁰ *Таланов В.В.* Государственное сортоиспытание и его выводы по отношению к стандартизации, селекции и семеноводству. С. 13.

¹¹¹ *Лисицын П.И.* Принципы организации семеноводства и государственного контроля // Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10—16 января 1929 г. Т. V. Семеноводство и сортоизучение. Л.: Издание редколлегии съезда, 1930. С. 217—218.

¹¹² *Лисицын П.И.* Шатиловская Госсемкультура (воспоминания) // Селекция и семеноводство. Специальный выпуск: 25 лет советского семеноводства, 1921—1946. 1946. Спецвыпуск. С. 43.

¹¹³ Цит. по: *Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. М.: Наука, 1971. С. 238.

новых фабрик в 40—50 тысяч гектаров. Практика опровергла возражения “науки”, показав лишний раз, что не только практика должна учиться у “науки”, но и “науке” не мешало бы поучиться у практики»¹¹⁴.

Вроде бы всё сказанное о практике можно отнести к Госсемкультурам, доказавшим свою эффективность. Но, несмотря на схожую терминологию, речь шла совсем о других, совхозных и колхозных «фабриках». Постановление 1931 г. о семеноводстве окончательно похоронило идею Госсемкультур¹¹⁵. Кроме радикального слома существовавшей системы репродукции семян и перехода к семеноводческим трестам (СССР, РСФСР и УССР) при последующем подключении семеноводческих колхозов (райсемхозов), постановление предписывало также проведение полной сортосмены на всей территории СССР, сокращение сроков выведения новых сортов с прежних 10—12 лет до «ударных» четырёх¹¹⁶. Но вскоре и тресты, сменившие Госсемкультуры, были упразднены; «зерноводческие фабрики» новых советских коллективных хозяйств работали в далеких от научно-организованного семеноводства условиях, без участия селекционных станций и второй репродукции, то есть без того важнейшего звена, которое позволяло поддерживать чистоту посевного материала¹¹⁷. Госсемкультуры, поднявшие Советскую Россию «с колен» зерновых закупок, стали историей.

В период гонений на Госсемкультуру П.И. Лисицын возглавлял Шатиловскую станцию, на которой также наступили нелегкие времена. Директор пытался противостоять набиравшему силу новому реформистскому «отраслевому» движению в опытном деле, в корне расходившемуся со всем тем, что долгие годы выстраивал он и его коллеги. Недавние знакомые по Наркомзему, местным земельным органам и даже некоторые шатиловцы развернули против него кампанию-травлю с публикациями в местной прессе. В преддверии будущей реорганизации станции и, главным образом, из-за необ-

¹¹⁴ *Сталин И.В.* Год великого перелома. К XII годовщине октября // Соч. М.: Политиздат, 1949. Т. 12. С. 129.

¹¹⁵ О селекции и семеноводстве: Постановление Центральной Контрольной комиссии и Народного Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции от 2 августа 1931 г. // Правда. 1931. 3 августа.

¹¹⁶ Состояние и задачи семеноводства СССР: Сборник статей / Под ред. Г.К. Мейстера и В.А. Химчука. М.; Л.: Госсельхозиздат, 1931.

¹¹⁷ *Герчиков М.Г., Тюриков И.И.* Социалистические фабрики зерна. М.: Сельхозгиз, 1931; *Ицков Н.Я.* Зерносовхозы в большевистскую посевную кампанию 1930. М., [б.г.]; *Борзенко М.Л.* Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

ратимых процессов с Шатгоссемкультурой в 1928 г. П.И. Лисицын принял непростое для себя решение оставить станцию, согласившись возглавить кафедру селекции Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

Создание в мае 1929 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина с сетью научно-исследовательских институтов «в целях развития сельскохозяйственного опытного дела и мобилизации агрономической науки на службу скорейшего подъема сельского хозяйства и социалистической реконструкции»¹¹⁸ перекроило опытную систему страны, организовав ее по отраслевому принципу. Возникли институты почти по всем возделываемым культурам — от картофеля до сои; им придавалась сеть зональных станций и районных опорных пунктов. Каждый институт и подчиненные ему учреждения должны были покрывать всю технологическую цепочку возделывания и переработки растения той или иной культуры — от выведения сорта до выпуска конечного продукта. Произошла перестройка и опытной сети Наркомзема. Комплексные опытные станции с системой опытных полей, обслуживающие крупные почвенно-климатические и природно-хозяйственные зоны (независимо от административного подчинения составных частей этих зон) заменялись отраслевыми. Начались преобразования и на Шатиловке: многопрофильная станция не соответствовала тенденциям развития опытной науки конца 1920-х гг.

Реорганизация коренным образом изменила направленность исследований Шатиловской станции: она переходила от одного ведомства к другому. В 1931 г. станция как комплексное опытное учреждение перестала существовать. В 1931—1932 гг. она работала как зональная опытная станция по конопле; в 1933 г. стала Селекционным центром зернового хозяйства Наркомзема СССР. Далее наметилась свекловичная специализация: в 1935 г. Шатиловка вошла в Курскую областную сельскохозяйственную опытную станцию свекловичного полеводства. Обсуждался вопрос о создании на ее базе Всесоюзного института лубяных культур¹¹⁹. К числу «бед» Шатиловской станции добавим и многочисленные репрессии, которым подверглись ее сотрудники и покровители — заведующие отделами В.Н. Хитрово, А.Н. Харузин и др., патроны из числа высоких чиновников — от Н. Осинского (В.В. Оболенского) до С.К. Чайнова.

¹¹⁸ Цит. по: *Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. М.: Наука, 1971. С. 231.

¹¹⁹ *Пухальский А.В.* 50 лет Шатиловской госселекстанции // Селекция и семеноводство: Юбилейный номер, посвященный 25-летию советского семеноводства. 1946. С. 51—55.

Завершая разговор о Госсемкультуре, отметим, что система воспроизводства сортовых семян, разработанная Лисицыным, позволила стране в кратчайшие сроки провести сортомену во многих регионах, ликвидировать зависимость от зернового импорта. По грандиозности замысла и итогам реализации (частичной) Госсемкультура могла бы занять место в одном ряду со знаменитой «химизацией сельского хозяйства» Д.Н. Прянишникова — еще одним модернизационным проектом 1920-х годов, правда, успешно перешагнувшим порог Великого перелома. Госсемкультура — пример того, как происходила «национализация прикладной науки», как государство стало главным игроком на агрономической сцене.

История Госсемкультуры демонстрирует роль дореволюционной научной элиты в ранних советских проектах. Научным материалом для Госсемкультуры стали «достижения советских селекционеров» — первые селекционные сорта, работа над которыми началась еще в дореволюционный период. В их числе — лисицынские сорта ржи, овса, клевера, гречихи, «селекционные шедевры, десятилетиями не сходившие с районирования»¹²⁰. Патронаж селекции и семеноводства высшими руководителями государства и его утрата — не менее важный элемент проекта. Можно с определенностью сказать: и начальный успех, и крушение Госсемкультуры были связаны с экономической и социальной политикой советской власти: введением и отменой НЭПа, поддержкой кооперации и курсом на коллективизацию. Госсемкультура не могла существовать без хозрасчета, экономической основы отношений между ее основными институтами. Коллективизация уничтожила крестьянские кооперативные союзы, проводившие массовую репродукцию сортовых семян. Пришедшие на смену кооперации «семеноводческие колхозы» и «райсемхозы», существовавшие вне связи с селекционными станциями, основанные на бесконтрольном труде вчерашних крестьян, ознаменовали новый этап в развитии советского семеноводства.

¹²⁰ Зарьянова З.А. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах. С. 80.

Заключение

ЛИСИЦЫН ПОСЛЕ ШАТИЛОВСКОЙ СТАНЦИИ

Наше подробное повествование о жизни и научной деятельности Петра Ивановича Лисицына на Шатиловской станции закончено. «Гений места» Шатиловки в соединении с самозабвенным трудом, исследовательским талантом и невероятной работоспособностью ученого привели к появлению устойчивого словосочетания — «лисицынская Шатиловка». Так говорят, когда хотят обозначить лучший, самый успешный и результативный этап деятельности станции. Но жизнь и работа Петра Ивановича продолжались, и необходимо хотя бы коротко рассказать о его дальнейшем научном пути.

Как мы увидели, конец 1920-х гг. оказался непростым для Лисицына. Ликвидирована созданная им система Госсемкультур. Вот-вот будет сломана с таким трудом выстроенная структура Шатиловской станции: предстояло ее перепрофилирование, сужение направлений работ. Пётр Иванович, сколько мог, боролся за сохранение этих уникальных, эффективно работавших учреждений. Но в результате нажил новых врагов, и не только в Наркомземе, но и в Орловском губземотделе, членом которого он был выбран в 1925 г. В орловской прессе была развернута кампания против Шатсемкультуры и лично Лисицына; Пётр Иванович тяжело переживал происходящее...

В 1927 г. скоропостижно скончался заведующий кафедрой селекции Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева профессор С.И. Жегалов. Освободилось место, достойное Петра Ивановича и по научному наполнению, и по институциональному статусу. Руководство академии размышляло над кандидатурами; заведование предлагали Н.И. Вавилову, который отказался, сославшись на загруженность работой в Ленинграде. И тут же рекомендовал вместо себя Лисицына. Вот отрывок из письма Вавилова тогдашнему ректору Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (или, как чаще говорили и писали, Тимирязевской сельскохозяйственной академии, ТСХА) М.Е. Шефлеру от 21 августа 1928 г.:

«Глубокоуважаемый Михаил Евстафьевич!

В связи с запросом о кафедре по селекции позволю себе выдвинуть еще один проект, который, мне думается, может быть интересен Тимирязевской академии. Из крупных селекционеров, которых можно выдвинуть на кафедру, естественно на одно из первых мест, нужно поставить П.И. Лисицына. Лучшего кандидата выдвинуть по селекции трудно. Особенно существенно также и то, что Пётр Иванович работает с северными и среднерусскими культурами, знает прекрасно семеноводство и является вообще ценнейшим работником в области селекции и семеноводства, и пребывание его в Москве будет полезно во всех отношениях»¹.

Из этого же письма становится ясно, что Вавилов в курсе газетной травли, развернувшейся вокруг Лисицына; но говорит о ней в свойственной ему спокойной манере:

«Насколько мне известно, после неприятностей в связи с газетной кампанией обычного легковесного порядка, *имевшей место в Орле*, Пётр Иванович задумывается об уходе с Шатиловской станции»².

Вавилов настоятельно рекомендовал Лисицыну подумать о переезде в Москву, советовал не переживать в связи с орловскими делами и «кураторство за Шатиловской станцией временно за собой оставить». В результате Лисицын принял непростое решение уйти со станции.

Пётр Иванович дал согласие баллотироваться на новую должность и в 1929 г. был избран по конкурсу заведующим кафедрой селекции. В том же году он добился создания в Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева факультета селекции и семеноводства полевых культур; Лисицын стал председателем Оргбюро факультета и одновременно возглавлял кафедру. Всё в том же 1929 г. Ученый совет Наркомпроса РСФСР присвоил ему звание профессора; он был удостоен также звания «Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР». Во главе кафедры Лисицын проработал почти 20 лет, до конца своей жизни.

Первый год Пётр Иванович прожил один (для него строился дом), а затем в Москву переехала вся семья с большим хозяйством:

¹ Копия. [Оригинал — Архив ВИР. Автограф № 557. Н.И. Вавилов — М.Е. Шефлеру. 21 авг. 1928 г.]. АМКБЛ.

² Там же.

Матильда Петровна настояла, чтобы перевезены были не только куры и другая птица, но даже корова. Время, действительно, было нелегкое: на троих взрослых и троих детей — одна продовольственная карточка. Поселились в выстроенном академией доме на улице Ивановской. В то время все преподаватели ТСХА жили в отдельных домах на территории академии; на соседней улице обосновался Д.Н. Прянишников, нередко заходивший в гости к бывшему ученику. Во время своих визитов в Тимирязевку в доме обязательно появлялся и Николай Иванович Вавилов — близкий коллега, единомышленник в деле развития отечественной селекции. Лисицын с громадным уважением относился к Вавилову как к ученому, очень любил его как человека... В доме на Ивановской прошла вся московская жизнь семьи Лисицыных и ее главы; сейчас в рабочем кабинете находится мемориальный музей П.И. Лисицына. А дом и большой сад продолжают жить среди многоэтажной Москвы размеренной жизнью времен Петра Ивановича: традиции лисицынского научного ритма и быта поддерживают сын Александр Петрович, его дети и внуки...

В ТСХА П.И. Лисицын сразу же погрузился в преподавательскую работу. Его лекции по селекции и семеноводству (к которым он всегда готовился крайне тщательно, о чем свидетельствуют многочисленные конспекты) были чрезвычайно популярны у студентов, привлекали четкостью и простотой изложения, большим количеством иллюстративного материала³. Лисицын заставлял студентов размышлять о путях развития и задачах выбранного направления. Так, в сохранившейся рукописи учебного пособия «Основы семеноводства» Пётр Иванович отмечал, что многие проблемы — от нечеткой терминологии: термин «семеноводство» не вполне удачен; правильнее было бы говорить о «сортовом семеноводстве» или о «сортоводстве», поскольку «речь идет о размножении только сортовых семян (авторское подчеркивание. — О.Е.)»⁴

За годы преподавания в академии Лисицын подготовил множество агрономов и селекционеров высшей квалификации. Он читал также курсы лекций в Коммунистическом университете (с 1932 г. — Высший Коммунистический сельскохозяйственный университет имени Я.М. Свердлова), Московском доме агронома.

³ Коновалов Ю.Б., Берёзкин А.Н., Пыльнев В.В., Малько А.М. Развитие творческого наследия Петра Ивановича Лисицына в современных условиях // Развитие научных идей академика Петра Ивановича Лисицына. Сборник трудов. М.: ВНИИМП, 2003. С. 13—25.

⁴ Лисицын П.И. Основы семеноводства. В учебник для коммунистических ВУЗов. Рукопись. АМКБЛ.

Одновременно с началом работы в ТСХА Лисицын занялся привычной для него организационной деятельностью. В 1929 г. СНК СССР принял решение об учреждении Института зерна Наркомторга СССР (впоследствии Всесоюзный научно-исследовательский институт зерна и продуктов его переработки). По инициативе А.И. Микояна создавать институт пригласили П.И. Лисицына, предложив ему должность директора. Под началом и при непосредственном участии Петра Ивановича был разработан первый устав института, намечена программа исследований, начато строительство институтского комплекса в Москве, запланирована сеть филиалов и отделений в других городах, заработали первые московские отделы. Для ознакомления с зарубежной практикой подобных институтов в 1930 г. Пётр Иванович был командирован на полгода в США для изучения постановки дела в лабораториях хлебопечения и мукомольного дела, на крупных хлебозаводах, элеваторах, мельницах и т.д. На основании американского опыта Лисицын организовал новые лаборатории (физики муки, биохимическую, хранения и сушки зерна, зерноочистки, сепарации и др.), опытное производство и конструкторское бюро для создания усовершенствованной техники и пр.⁵ Лисицын возглавлял Институт зерна до 1931 г., когда его организаторские способности потребовались в новом деле.

Следующим детищем Петра Ивановича стал Московский селекционный центр (Мосселекцентр, впоследствии Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Центральных районов Нечернозёмной зоны), создание которого началось в 1931 г. в подмосковной Немчиновке. С 1932 по 1935 гг. Лисицын работал в должности заместителя директора по научной части. Он пригласил в Мосселекцентр и других преподавателей ТСХА — Ю.Н. Малыгина, П.С. Игоница. Агротехникой клевера и других многолетних трав занимался В.А. Радионов. Селекционное дело было поставлено широко: велись работы по селекции озимой ржи, озимой и яровой пшеницы, ячменя и других культур. Впоследствии именем Лисицына назвали одну из улиц посёлка.

Одновременно Пётр Иванович являлся членом Ученого совета Всесоюзного научно-исследовательского института кормов им. В.Р. Вильямса (1931—1932), консультантом Главного зернового управления Наркомзема СССР (1934—1936), председателем бюро

⁵ Дулаев В.Г., Николаенко О.И., Ирвинг Т.А. Первый директор Всероссийского научно-исследовательского института зерна и продуктов его переработки // Развитие научных идей академика Петра Ивановича Лисицына. Сборник трудов. М.: ВНИИМП, 2003. С. 52—60.

Секции зерновых культур ВАСХНИЛ (1937—1938), работал в Государственной комиссии по сортоиспытанию. Пётр Иванович был одним из инициаторов создания и членом редколлегии журнала «Семеноводство» (впоследствии — «Селекция и семеноводство») и других изданий.

П.И. Лисицын руководил исследованиями по нескольким проектам: по клеверу, озимой ржи, гречихе и др. Правда, в 1930-е гг. проведение научных работ в ТСХА было ограничено возможностями земельных участков: приходилось изыскивать другие опытные площадки, например, в Мосселекцентре и на Шатиловке. Селекционные исследования Лисицын проводил и под Александровым (Владимирская обл.), где создавалась летняя практическая база для студентов. На полях совхоза Фофанка (сейчас посёлок Майский) удалось организовать и своего рода «семейную селекционную станцию»⁶, где Пётр Иванович при поддержке Александры Германовны и сыновей вел работы с рожью, клевером, горохом и др. культурами. В 1936 г. на кафедре ТСХА все-таки удалось учредить под началом Лисицына т.н. «клеверную группу» (в составе пяти научных сотрудников, шести лаборантов и техников), куда входили в том числе специалисты из Всесоюзного института кормов. Основное внимание «группа» уделяла изучению биологии культурных и диких клеверов. Продолжены были клеверные экспедиции (всего проведено 48 экспедиций, собрано свыше 400 образцов семян дикого клевера), которые покрыли различные области СССР: от побережья Северного Ледовитого океана до Закавказья, Памира и Алтая; от западных границ страны до Дальнего Востока. Результаты многолетних работ с клевером, начатых еще в 1908 г. на Шатиловской станции, вылились в множество статей и несколько книг: в 1936 г. была опубликована работа «Культура клевера на семена»⁷, в 1944 г. как развитие этой темы — «Клевер на семена»⁸, в 1947 г. вышла итоговая монография «Вопросы биологии красного клевера»⁹.

⁶ Селекционная станция в Фофанке (также Александровская селекционная станция) в 1956 г. была преобразована во Владимирскую областную сельскохозяйственную опытную станцию, в 1959 г. была переведена в Суздальский район, где базируется и ныне.

⁷ Лисицын П.И., Реморов А.И. Культура клевера на семена. М.: Моск. рабочий, 1936.

⁸ Лисицын П.И., Травин И.С., Малий Л.Г. Клевер на семена. М.: Моск. рабочий, 1944.

⁹ Лисицын П.И. Вопросы биологии красного клевера. М.: Сельхозгиз, 1947.

Другая любимая культура Лисицына — рожь. Готовилась книга, подводящая итог более чем тридцатилетним исследованиям по агротехнике и селекции ржи. Но с ней произошла драматическая история. Рукопись монографии была таковой в подлинном смысле этого слова: работы тогда писались от руки и перепечатывались лишь на стадии почти полной готовности. Пётр Иванович еще дорабатывал труд; отправляясь в Александров, где весной начинались полевые работы, брал рукопись с собой. Дорога была длинной — шесть часов на поезде до Владимира, потом пересадка на паровичок до Александрова, далее — пешком около 10 километров. В одну из поездок в толчее на пересадке у Лисицына украли тяжелый по виду рюкзак; вор не знал, что самым ценным в нём была абсолютно не нужная ему толстая пачка исписанной бумаги. Пётр Иванович не нашел в себе моральных сил проделать всю огромную работу заново...

Наконец, «вечная тема» Лисицына — теория и практика семеноводства, чистота сорта. После напряженной практической работы по созданию и руководству Госсемкультурой он не перестал заниматься этой тематикой, теперь главным образом в плане преподавания, экспертного анализа, разработки регламентирующих документов.

Прежде всего Пётр Иванович задал очень высокие стандарты курсу семеноводства в ТСХА; известно было, что не ответить на практические вопросы по теме означало «провалиться» в глазах профессора. Поэтому за подготовку будущих семеноводов можно было не волноваться. Но беспокоило другое: практические дела в отрасли в целом были далеки от желаемого. Причем как в сфере руководства семеноводством, так и в работе на местах. Если внимательно вчитываться в статьи, опубликованные доклады, публицистические материалы 1930-х гг., заметны крайняя обеспокоенность и разочарование положением дел с воспроизводством сортовых семян, поддержанием сорта в чистоте.

Уже в 1929 г. Лисицын отмечал:

«Семеноводство приняло в настоящее время громадные размеры. В этом году госсортфонд, вероятно, достигнет 3.5 млн ц. В отношении количества мы, по-видимому, побиваем мировой рекорд... Что же касается качества сортового материала в смысле его чистосортности, то здесь дело обстоит из рук вон скверно... Несколько лет назад 5% сортового засорения считалось недопустимым для принятия в госсортфонд. Допускались доли процента, максимум 1%. Затем перешли

на 2%, теперь принимаем и 5%... Госсортфонд превратился в госсемфонд»¹⁰.

Коллективизация и связанное с ней создание крупных зерновых совхозов, которые должны были преодолеть проблемы в семеноводстве, обусловленные низким уровнем агротехники единоличного землепользования (например, слабой механизацией), в действительности породили дополнительные проблемы.

В официальных документах всё вроде бы обстояло вполне благополучно. 2 августа 1931 г. Президиум ЦКК ВКП(б) и коллегия НК РКИ приняли второе историческое постановление «О селекции и семеноводстве», в котором были подведены итоги семеноводческой работы в СССР и намечены пути её дальнейшего развития. В постановлении была обозначена новая структура семеноводства: указывалось, что производством семян элиты и 1-й репродукции занимаются селекционные станции; 2-ю репродукцию размножают совхозы, а 3-ю — колхозы. Определять размеры 1, 2 и 3-й репродукций — в соответствии с планами сортосмены и потребностями в семенах каждой области или края — должен был Наркомзем СССР. Уже к концу года в НКЗ начали поступать победные реликвии. Однако «на земле» всё обстояло иначе.

Резкий спад сельскохозяйственного производства в процессе сплошной коллективизации, сильнейшая засуха 1931 г., бесхозяйственность при сборе урожая этого года привели к значительному снижению валового сбора зерновых (694,8 млн ц. в 1931 г. против 835,4 млн ц. в 1930 г.). В 1932—1933 г. страна переживала унесший миллионы жизней голод, в некоторых регионах получивший страшное название «голодомор». «На самом верху» недостатки в сельском хозяйстве объясняли в том числе просчетами в семеноводческой работе; в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии, проходившему в январе—феврале 1934 г., прозвучало тревожное:

«Одной из очередных задач сельского хозяйства является... улучшение семенного дела по всем отраслям земледелия. Что делается в этой области? К сожалению, пока что — очень мало. Семенное дело по зерну и хлопку так запутано, что придёт-ся еще долго распутывать его»¹¹.

¹⁰ Лисицын П.И. Принципы организации семеноводства и госконтроля // Труды Всероссийского съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде с 10 по 16 января 1929 г. Т. V. Семеноводство и сортоизучение. Л.: 1930 [Избр. соч. Т. 2. С. 367—372].

¹¹ Сталин И.В. Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XVII съезду партии // Сочинения. Т. 13. С. 828.

Одновременно государство поставило перед сельским хозяйством трудновыполнимую задачу: достичь роста продукции по всем отраслям в 2 раза¹². Как известно, дело обернулось поиском «врагов коллективизации», «саботажа в земледелии», «вредителей в сельском хозяйстве», в первую очередь — в семеноводстве.

Лисицын остро переживал происходящее. Строки его научных и публицистических материалов 1930-х гг. говорят о крайней обеспокоенности положением дел с воспроизводством сортовых семян, поддержанием сорта в чистоте. Еще раньше Лисицын определил три фундаментальных организационных звена, необходимых в любой системе семеноводства: 1) наличие признанных и точно установленных сортов; 2) наличие аппарата, следящего за жизнью и сохранностью этих сортов в чистоте; 3) наличие правильно организованного массового производства сортовых семян¹³. Серьезные проблемы существовали во всех трёх звеньях.

Многое, по мнению Лисицына, объяснялось производственными просчетами: некомпетентностью местных работников, общим низким уровнем агротехнической культуры. Крупные семеноводческие совхозы, на которые был перенесен центр тяжести после упразднения Госсемкультур, с поставленной задачей не справлялись... Нередко даже в лучших из них можно было наблюдать то несвоевременный сев овса (а запоздать — значит потерять в урожае¹⁴), то «экономия» на сортовом овсе в качестве фуражного, что неизбежно засоряло сорт¹⁵. Разумеется, бывали исключения; в отдельных совхозах дело было выстроено по высочайшим стандартам семеноводства. Но слишком часто Петру Ивановичу приходилось видеть примеры безграмотности совхозных кадров «на местах»,

¹² *Чернов М.П.* XVII съезд ВКП(б). Кишинев: Картя молодовеняскэ, 1986.

¹³ *Лисицын П.И.* Принципы организации семеноводства и госконтроля // Труды Всероссийского съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде с 10 по 16 января 1929 г. Т. V. Семеноводство и сортоизучение. Л.: 1930 [Избр. соч. Т. 2. С. 368].

¹⁴ Это не только научная практика, но и народная мудрость: в случае плохой погоды сеять всё равно старались в срок, используя потом метод «ломки» овса — повторную запашку семян после прорастания.

¹⁵ Пётр Иванович вспомнил такую историю: в одном из лучших семеноводческих совхозов, придя вечером на конюшню, обнаружил, что лошади жевали насыпанный в ясли обыкновенный, не сортовой овес. И директор с недоумением выслушивал, что непереваренное лошадьё зерно, попадая в землю, не теряет всхожести, прорастает и в результате засоряет семенной овес — чистого сорта уже не получить. См.: *Лисицын П.И.* Давайте начинать распутывать // Правда. 16 мая 1934 г. [Избр. соч. Т. 2. С. 379—380]. См. об этом также: *Троицкая Т.Н.* Пётр Иванович Лисицын. С. 72.

отвлекаться на написание всевозможных брошюр для повышения культуры семеноводства. К селекционным станциям также было немало претензий: нередко сортовой материал передавался ими в семеноводческую систему в засоренном виде. Что в таком случае можно было ожидать от совхозов 2-й репродукции, не имевших часто самого необходимого оборудования для очистки, сушки семян? Что касается 3-й репродукции, то колхозы, ей занимающиеся, никак не были заинтересованы в качестве работы. Очень важный для стимулирования колхозов межколхозный обменный семенной фонд существовал только в отчетности Наркомзема: на практике вся продукция увозилась из района; колхозники не могли осознать ценности выращивания чистосортного зерна¹⁶. Проблемы в практической работе нарастали...

Серьезные недостатки, с точки зрения Лисицына, имелись и «наверху», в общей организации селекционно-семеноводческой работы. Прежде всего, это относилось к научному руководству отрасли, вернее — его отсутствию: «призванная на такую роль Академия сельскохозяйственных наук имени Ленина пока что показала беспомощность в этих делах. Она не только не объединила работу селекционных станций, но, наоборот, расплыла ее»¹⁷. Причины этого — в провозглашенной ВАСХНИЛ политике ориентации на отраслевое деление селекционного дела, в излишней специализации, недостаточной координации работы селекционных станций, слабой связи отечественной селекции и семеноводства с мировой наукой.

Лисицын задает вопрос: почему же качество сортовых семян не выдерживает серьезной критики? И с горечью признает:

«После того, как мы покроем площади на 100% сортовым материалом, хотя бы и низкого качества, мы при наличии действующей системы могли бы потом заменить этот низкосортный материал высокосортным, то есть после периода сортосмены мы нормально начали бы период сортообновления. Но... мы не готовы к тому, чтобы начать период сортообновления... По сортовой пшенице мы на 100% покрываем площадь в будущем году, но семенной материал будет низкой сортовой чистоты. В следующем 1937 г. мы должны начать повышение сортности этих культур, но не начнем. По неко-

¹⁶ Лисицын П.И. Семеноводство и сортосмена // Селекция и семеноводство. 1935. Т. 4. № 12 [Избр. соч. Т. 2. С. 379—392].

¹⁷ Лисицын П.И. Давайте начинать распутывать // Правда. 16 мая 1934 г. [Избр. соч. Т. 2. С. 376].

торым другим культурам мы тоже достигнем 100% к 1937 г. и будем доказывать, что выполнили и перевыполнили по становление XVII партсъезда¹⁸. Но это будет только количественное выполнение, без учета качества. Скверно не то, что материал плох, а скверно то, что мы не можем начать завтра улучшение этого материала. В этом причина запутанности семеноводства: *мы не имеем в настоящее время осуществленной системы семеноводства* (выделено нами. — О.Е.)¹⁹.

В печальных выводах укрепила проведенная в 1936 г. экспедиция по проверке чистоты ржи Лисицынской. Это был «частный» проект: в работу Лисицын вовлек свою семью — Александру Германовну, сыновей. Объехали практически всё Северное Черноземье; чистота сорта оказалось далекой от удовлетворительной.

В статье «Насущные вопросы семеноводства» П.И. Лисицын подводил итоги 15 лет становления советского семеноводства, разбирал недостатки семеноводческой работы, рекомендовал пути ее улучшения. Отмечая несомненные признаки быстрого развития отрасли с момента ее организации в 1921 г. — в частности, покрытие сортовыми семенами до 75% посевной площади зерновых, Лисицын утверждал: «Мы еще не можем сказать, что семеноводство у нас как следует организовано». Сортосмена растянулась на 15 лет, в то время как она должна была занять не более пяти. Ежегодно при апробации браковалось до 25% площади сортовых посевов; продолжалось засорение сортовых семян на складах. В совхозах, занимавшихся 2-й репродукцией, все еще не хватало оборудования; никто не контролировал важнейшую 3-ю репродукцию в колхозах — ни далекий Наркомзем, ни районы. Главный недостаток организации семеноводства, причину многих проблем Лисицын видел в исключительной централизации и бюрократизации семеноводческой работы, управление которой сосредотачивалось в Наркомземе. Его предложения — введение должностей агрономов-семеноводов в районных отделах земледелия, активное создание специальных семенных участков²⁰ в колхозах для специализации

¹⁸ XVII съезд ВКП(б) проходил в 1934 г., известен как «съезд победителей». Согласно принятому второму пятилетнему плану СССР на 1933—1937 гг., утверждена программа завершения технической реконструкции всего народного хозяйства и роста продукции во втором пятилетии, представленная Госпланом СССР и принятая ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

¹⁹ Лисицын П.И. Семеноводство и сортосмена // Изб. Соч. Т. 2. С. 384—385.

²⁰ Создание семенных участков было прописано в постановлении Наркомзема от февраля 1936 г., но на практике выполнялось крайне медленно.

и выделения в отдельный контролируемый сектор семеноводческой работы²¹. Или, иными словами, — децентрализация семеноводства, перенесение центра практического руководства из Наркомзема в районы. Но какие это были несвоевременные, идущие вразрез с «общим курсом» рецепты... А время наступило трудное, иметь свое особое мнение по вопросам организации сельского хозяйства и аграрной науки было далеко небезопасно. Один за другим исчезали из научной жизни ведущие ученые-селекционеры, объявленные «вредителями сельского хозяйства»: В.В. Таланов, Н.М. Тулайков, Г.К. Мейстер...

Пётр Иванович был известен своей принципиальностью и бескомпромиссностью в науке. Он никогда не подвергал самоцензуре свою критику дел в селекции и семеноводстве; его статьи, доклады и радиовыступления всегда были в высшей степени остры и полемичны. Лисицын оказался и среди тех немногих ученых-аграрников, кто отстаивал положения классической генетики и селекции в борьбе против псевдонаучных доктрин в биологии и агрономии. В связи с этим, кстати, не раз становился «героем» «разоблачающих материалов». 23 ноября 1937 г. в газете «Тимирязевец» появилась подписанная псевдонимом «Иванов» статья, в которой Лисицын обвинялся, среди прочего, в том, что в своих учебных курсах рекомендовал «враждебную литературу формальной генетики». Через некоторое время в том же издании была опубликована новая статья, основная мысль которой: «Академик Лисицын, имеющий огромные заслуги в СССР, в то же время допускает существенные недостатки в теории». За этим следовала провокационная критика вышедшего в 1934 г. и переизданного в 1936 г. учебника «Общая селекция и семеноводство полевых культур». Автор обвинял Лисицына в слабом цитировании учения Дарвина и «восхвалении вейсманизма-морганизма»: «Эта антидарвиновская теория в учебнике предстает основой советской селекции»²². Было немало других публикаций, где Лисицына обвиняли в «антидарвинизме», симпатиям к «формалистически мыслящим генетикам». Появилась и разносная статья о Шатиловской станции, озаглавленная «В замкнутом круге», где также упоминалось имя Лисицына.

Пётр Иванович стойко и последовательно защищал не только менделизм, но и его адептов, публично выступал против произвола

²¹ Лисицын П.И. Насущные вопросы семеноводства // Правда. 16 июня 1936 г. [Избр. соч. Т. 2. М., 1953. С. 393—399].

²² Лисицын А.П. Четверть века вместе // Развитие научных идей академика Петра Ивановича Лисицына. Сборник трудов. М.: ВНИИМП, 2003. С. 370—381.

и профанации науки со стороны Т.Д. Лысенко и его сторонников. Известны его критические материалы в связи с методом массовой яровизации, предложенным Лысенко. Незадолго до печально памятной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в ходе обсуждения претендентов на звание академика он открыто высказался против главного идеолога «передовой мичуринской агробиологии», или «советского творческого дарвинизма» — И.И. Презента, аргументированно отклонив его кандидатуру. Лисицын неоднократно защищал академика А.Р. Жебрака, известного классическими исследованиями по созданию полиплоидных форм сельскохозяйственных культур, подписывал обращения учёных против преследования «инакомыслящих в науке»²³.

Между тем официальная линия академической судьбы Лисицына была на «пике»: в 1935 г. Петра Ивановича утвердили действительным членом ВАСХНИЛ; в 1936 г. ему была присуждена ученая степень доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертации. В 1939 г. он был удостоен ордена Ленина, в 1940 г. ему вручили Большую золотую медаль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки за выведенные сорта зерновых, в 1947 г. наградили орденом Трудового Красного Знамени. В 1948 г. за монографию «Биология красного клевера» Постановлением Совета Министров СССР № 1831 от 29 мая П.И. Лисицын был удостоен Сталинской премии I степени.

Всего за годы научной работы Пётр Иванович опубликовал около 100 научных трудов, в том числе 25 книг, три из которых монографические. По его учебнику «Общая селекция и семеноводство полевых культур» (1934 г., переиздан в 1936 г.) занималось не одно поколение будущих агрономов²⁴.

Как случилось, что судьба оказалась так милостива к Петру Ивановичу? Своей принципиальностью и активной позицией он сделал, казалось, всё, чтобы разделить участь академиков Н.И. Вавилова, А.Р. Жебрака, Н.М. Тулайкова и других репрессированных ученых. По воспоминаниям сына Лисицына Александра Петровича, сам Пётр Иванович не раз говорил о скором аресте; однажды его вызывали предположительно на Лубянку для каких-то выяснений. В другой раз семья пережила многодневный период «домашней осады»: по углам забора дома на Ивановской дежурили хмурые люди, прятавшие лица при встрече. Лисицыны готовились к худ-

²³ Там же. С. 373—375.

²⁴ Лисицын П.И., Хохлов В.Н. Общая селекция и семеноводство полевых культур: Учеб. пособие для с.-х. вузов. 2-е изд. М.: Сельхозгиз, 1936.

шему, собирали «арестантский мешок». Но вдруг хмурые люди пропали — и больше никогда не появлялись.

Очевидно, мы так никогда и не узнаем, кто и почему принимал решения, то делавшие Лисицына объектом критики и ставившие на грань ареста, то приводившие к новым наградам и званиям, позволявшие продолжать свой труд... Лисицыну, одному из немногих талантливых и независимых ученых той поры, — наряду, пожалуй, только с Д.Н. Прянишниковым, — повезло пройти по тонкому льду и не погибнуть в эпоху репрессий.

В марте 1947 г. студенты-выпускники писали ему: «Покидая стены Академии, мы всегда будем хранить самое светлое воспоминание о Вас. Ваши лекции запомнятся на всю жизнь, а Ваша жизнь, полная бодрой, творческой работы, — лучший пример, к которому стремится каждый из нас. Она зовет нас трудиться много и плодотворно, где бы мы ни были: в Туркмении или Нарыме, в Киргизии или Якутии, в Таджикистане или Крыму, на Волге или в Сибири. Мы горды тем, что можем называться Вашими учениками»²⁵.

Скончался Пётр Иванович Лисицын в Москве 20 февраля 1948 г. на 72-м году жизни. В июне 1948 г. его имя было присвоено Селекционно-генетической станции Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева и Орловской областной опытной сельскохозяйственной станции (бывшей Шатиловской). В 1951—1953 гг. Александрой Германовной был составлен и издан двухтомник работ²⁶.

Жизнь Петра Ивановича Лисицына была наполнена увлеченной и результативной работой, уважением со стороны коллег и учеников, признанием в виде наград, званий, должностей — и одновременно страшными разочарованиями, когда активно разрушали им созданное, безусловно, нужное и важное для отечественной селекции и семеноводства. Так сложилась судьба русского селекционера Лисицына.

²⁵ Цит. по: *Лисицына А.Г.* Пётр Иванович Лисицын. Жизнь и деятельность // Лисицын П.И. Избр. соч. В 2 т. Т. 1. С. 25.

²⁶ *Лисицын П.И.* Избр. соч. В 2 т. М.: Сельхозгиз, 1951—1953. Т. 1—2.

Именной указатель

- Авдеев Н. 236
Александр I 45, 55
Александр II 115
Александр III 137
Александров Д.А. 310
Алексей Михайлович, царь 42
Алёхин Василий Васильевич 284
Ананьич Б.В. 183
Андерсон В.Я. 213
Андреев В.Н. 278
Андреева Надежда Вячеславовна 231, 293, 295, 296, 361
Андрушкевич К. 245
Андрушкевич М.В. 128
Анненков Н.И. 140
Аноприева Г. 236, 237
Анучин Д.Н. 99
Аптекарь П.А. 265
Арбузов Ф.Е. 192
Арнольд Михаил Фёдорович 229, 230, 254
Арнольд Ф.К. 229
Арцыбашев Д.Д. 197
- Бабицкий Б.А. 297
Бажанов Алексей Михайлович 224
Бараков П.Ф. 198
Бари А.А. 192
Баталин А.Ф. 81
Баталин Ф.А. 81
Батюшков К.Н. 102
Баутин В.М. 111, 1112
Безруков П.Л. 219
- Бекетов А.Н. 154
Беловинский Л.В. 80
Бёрбанк (Бербанк) Лютер 159
Берёзкин А.Н. 12, 339
Бернал Дж. 35
Билибины 69
Бильдерлинг П.А. 29, 30
Благой Д.Д. 43
Бларенберг М.И. 141
Бобринский А.А. 20
Боков В.М. 88
Болотов А.Т. 20, 216
Болтов Трифон Иванович 59
Борзенко М.Л. 334
Борзенков П.Ф. 192
Борисов Ю.С. 261
Боровлёв А.А. 83, 147
Брицке Э.В. 276
Будрин П.В. 40
Буланин Д. 34
Буссенго Ж.-Б. 28
Бухарин Н.И. 311
Бушинский В.П. 254
Быховский Н.Я. 237
Бэтсон Уильям 176
- Вавилов Николай Иванович 4, 5, 176, 222, 224, 259—261, 326, 328, 329, 337—339, 348
Вангенгейм Ф.П. 192, 193, 199
Васильчиков Б.А. 184
Вастерс Г. 158
Введенский Д.И. 268, 274

- Великанова М.С. 12
Вергунов В.А. 15
Вересаев В.В. 81
Вернадский В.И. 99, 198
Вернер В.А. фон 60, 65, 66
Веселовский К.Б. 268
Вильямс Василий Робертович 109, 122, 125, 340
Винер Владимир Владимирович 10, 132, 133, 147, 148, 150, 185—187, 192, 193, 242
Виноградский С.Я. 163
Витмер Б.А. 202, 203
Витте С.Ю. 181, 183, 184
Вихляев П.А. 237
Вишневский Д.К. 198
Воейков А.И. 29
Волков С.В. 265, 279
Волощик Д.П. 324
Волчков В.В. 43
Воронов И.А. 88
Воронов И.И. 49
Воронов М.А. 88
Воронцов-Вельяминов Н.А. 192
- Галахов А.Д. 88
Галунова К.В. 148
Гальченко К. 214
Гамрекелли М.И. 128
Ганелин Р.Ш. 183
Ганелин Ш.И. 88
Гарвуд А. 159, 313
Гасанова Н.В. 28
Ге Н.Н. 136
Генерозов А.В. 104
Герчиков М.Г. 334
Гинзбург Я.Д. 199
Гинс Г.К. 44
Гладышевский М.К. 289, 290
Глазко В.И. 304
Глинка К.Д. 18, 198
Говоров Леонид Игнатьевич 325, 326
Гоголь-Яновский Г.И. 246
Голанд Ю.М. 307
Голицын Б.Б. 185, 191
- Головин М.Н. 197
Голубев Б.А. 112
Гончаренко А.А. 326
Гончаров Н.П. 12, 304, 308, 325, 329
Гончаров П.Л. 308, 329
Гораций 88
Горбунов Н.П. 312, 313, 320
Гордеев Г.С. 251
Горожанкин И.Н. 99, 100
Горький М. 311, 320
Гохберг 43
Грациози А. 265
Гросман А.И. 32
Грэхем Л. 251
Губин 219
Гуман Н.С. 290
Гумбольдт Александр фон 219
Гунар И.И. 112
Гусев К.В. 236
Гюлих 111
- Данилов В.И. 278
Дараган И.К. 322
Дарвин Чарльз 99, 100, 347
Девриен А.Ф. 37
Демаков В. 29, 30
Демидов П.А. 69
Демосфен 75
Демчинский Б.Н. 156
Демчинский Н.П. 156
Деникин А.И. 246, 265
Дзержинский Ф.Э. 315
Дмитриев А.М. 254
Докучаев В.В. 18, 19, 23, 29, 48, 198, 246, 281
Достоевский Ф.М. 132, 133
Дояренко А.Г. 111, 112, 123, 196, 222, 241, 242, 244, 247, 249, 250, 254—256
Дубяго Т.Б. 43
Дудзинская Е.А. 21
Дудченко Л.Г. 154
Дулаев В.Г. 340
Дурново Н.В. 170
Дэви Х. 28

- Егоров А.И. 246, 266
 Екатерина II 20, 43, 44, 57, 79
 Еленевский А.С. 192
 Елин Л.Н. 12
 Елина О.Ю. 15, 20, 22, 34, 36, 41, 44, 48, 125, 146, 148, 156, 159, 179, 184, 216, 251, 266, 276, 304, 305, 310, 312, 328, 331
 Елисева О.М. 283
 Емельянов Д.М. 192
 Ермолов Алексей Сергеевич 49, 51, 136, 184
 Ерофеев Н. 236, 237
 Есаков В.Д. 263, 333, 335
 Ефремова Т.Ф. 90
- Жебрак А.Р.** 348
 Жегалов Сергей Иванович 37, 148, 151, 153, 155, 168, 337
 Жуковский В.А. 102
 Журбицкий З.И. 83, 211
- Завадский Кирилл Михайлович 8
 Заварицкий В.Н. 247
 Зайцев В.С. 144, 197, 199, 201, 203, 212
 Зайцев С.А. 198
 Залыгин Г.И. 274
 Зарьянова З.А. 10, 149, 198, 213, 232, 269, 274, 276, 278, 287, 288, 293, 336
 Зеленский В.В. 187
 Зелинский Н.Д. 82, 99, 103
 Зихман (Лисицына) Александра Германовна 219—227, 229, 230, 232—235, 268, 298, 300
 Зихман Герман 221
- Иванов А.Е.** 80, 94, 97, 98, 101, 104, 108, 114, 126
 Иванов В.А. 63
 Иверонов И.А. 109
 Игонин П.С. 340
 Измайльский А.А. 19, 23
 Ильина Л.Г. 304, 325
- Ирвинг Т.А. 340
 Ицков Н.Я. 334
- Каблуков И.А. 109
 Казарезов В.В. 111, 112
 Калинин М.И. 315
 Кареев Н.И. 97
 Карнаухова Е.С. 16
 Карр Э. 236, 239, 248
 К-в Н. 330
 Керимова М.М. 286
 Керова Л.С. 28
 Керфершгейн 110
 Киришбаум В.Ф. 17, 19, 36, 48, 186
 Кислис Р.Я. 200, 213, 233
 Кларк К. 262
 Клингген Иван Николаевич 192, 193, 224, 280
 Книпович Б.Н. 244, 250
 Ковалевский В.И. 49
 Кожевников 294
 Козырев М.И. 254—256
 Козьяков А.С. 154
 Коковцов В.Н. 184
 Колегаев А.П. 239
 Колчинский Э.И. 8, 49, 331
 Коль А.К. 242, 313
 Компанеец М.К. 10, 311
 Кондратьев Н.Д. 16, 17, 252
 Коновалов Ю.Б. 339
 Константинов Н.А. 88
 Константинов П.Н. 40, 325
 Копелькиевский Г.В. 274
 Корелин А.П. 52
 Королёва Н.И. 293
 Короленко В.Г. 361
 Корренс Карл 163
 Коссович П.С. 185, 188
 Костыляшкина 77
 Костычев Павел Андреевич 18, 49, 50, 135—137, 150, 178, 224
 Кофод Карл А. (Андрей Андреевич) 183
 Коцонис Я. 217
 Кошелев А.И. 21, 31
 Кошелев В.А. 21

- Кошкарёв 129
Кривенко В.В. 154
Кривошеин А.В. 184, 191
Криницкий К.В. 293, 295
Крупеников И.А. 136
Крупеников Л.А. 136
Крупн 24
Крыштофович Фёдор Фёдорович 18, 159
Кудрявцев 96
Кузминская Т.А. 142
Кузнецов Н.П. 135
Кулагин Н.М. 109, 114
Кушласт Матильда Петровна 221, 300, 301, 339
Курбатов Ю.А. 304
Кутузов-Смоленский 130
- Лавров П.М. 58
Ламарк Ж.-Б. 159
Лебедянец Александр Никандрович 5, 6, 10, 82, 83, 88, 92, 97, 98, 101—103, 105—112, 117, 119—124, 126, 128—134, 144—146, 148, 150, 151, 155—157, 168, 193, 197, 198, 200—202, 210, 211, 226, 229, 234, 259, 266—268, 274—277, 287, 293—295, 298, 302, 303, 311, 324
Лебедянцева Елена Вячеславовна 274, 302
Лебедянцева Ольга Никандровна 274
Лебнер М. 37
Лебов В.А. 326
Левитский Г.А. 279
Левицкий Иван Павлович 240, 242, 247, 254, 255, 291
Левицкий П.И. 291
Леенсон И.А. 103
Ленин Владимир Ильич 7, 27, 238, 248, 257, 299, 304, 309, 311—313, 315—320, 330, 332, 335
Либих Юстус 28
Линдемман К.Э. 109
Липшиц С.Ю. 284
- Лисицын Андрей Борисович 5, 10, 12, 53
Лисицын Александр Петрович 6, 7, 9, 10, 12, 52—54, 69, 71, 74, 93, 99, 165, 213, 219, 299—301, 339, 347, 348
Лисицын Алексей 54
Лисицын Анатолий Петрович 299
Лисицын Андрей Петрович 104
Лисицын Борис Петрович 104, 271, 272, 274, 303
Лисицын Василий Иванович 74, 79, 84, 85, 93, 118, 120
Лисицын Иван Иванович 80, 99
Лисицын Иван Фёдорович 52—74, 78—82, 84—87, 89, 94—96, 106, 118, 119, 130, 157, 173, 221, 302
Лисицын Константин Иванович 74, 79, 84, 85, 93, 118, 120
Лисицын Леонтий Иванович 74, 79, 84, 85, 90, 91, 228
Лисицын Михаил Иванович 74, 79, 84, 85, 91, 93
Лисицын Николай Иванович 69, 74, 75, 79, 81, 82, 84, 86, 87, 90—94, 96, 160, 165, 166, 228
Лисицын Пётр Иванович 4—14, 40, 51—53, 55—58, 64, 67—69, 71—75, 77, 79, 81—111, 113—135, 139, 140, 148, 150—162, 164—171, 173—177, 197, 198, 201—210, 213—232, 234, 235, 261, 264, 268—271, 273, 274, 278, 281, 282, 284, 285, 289, 292, 298—300, 302—304, 306—324, 326, 331—342, 344—349
Лисицын Фёдор Алексеевич 54, 55
Лисицын Фёдор Иванович 78, 79, 84, 90—93, 95, 99
Лисицын Юрий Петрович 299
Лисицын Яков Иванович 75, 79, 81, 84, 87—90, 92—96, 118—120, 169, 170, 173, 228
Лисицына Александра Германовна 10, 221, 222, 229, 230, 341, 346, 349

- Лисицына Анастасия Петровна 104
 Лисицына Лидия Ивановна 74, 80, 84, 85
 Лисицына Любовь Ивановна 73, 77, 80, 84, 169
 Лисицына Надежда Ивановна 80
 Лисицына Наталья Васильевна 52, 70—72, 173
 Лисицына Пелагея Ивановна 54
 Лисицына Софья Ивановна 80, 93, 120
 Лорх А.Г. 247
 Лохов Фердинанд фон 174, 205
 Лысенко Т.Д. 11, 255, 348
 Львов С.С. 289, 290
 Лященко П.И. 17, 254
- Мазалов В.И. 10, 83, 139, 147
 Майер Франц Христианович 10, 139—141, 290
 Макаров Семён Иванович 229, 233, 268
 Макашева Р.Х. 326
 Малий Л.Г. 341
 Малыгин Ю.Н. 340
 Малько А.М. 339
 Мальцев А.И. 281
 Мальченко И.В. 214
 Мамонтов К.К. 266
 Марковников В.В. 99, 108
 Мартинэ 157
 Масленников А.И. 96, 292
 Масленникова В.И. 274
 Маслов П.П. 192, 225
 Маслов С.Н. 197, 202
 Мейстер Г.К. 304, 325, 334, 347
 Менделеев Д.И. 18, 25—28, 31, 288
 Мендель Г. 163, 164
 Мензбир М.А. 99
 Мережковский Д. 131, 133
 Мертваго А.П. 27
 Микоян А.И. 340
 Мильков П.Н. 212
 Милютин В.А. 239
 Миркин Н.А. 292, 297
- Михаил Александрович, Великий князь 31, 280
 Молиш Ганс 163—165, 167
 Молодчиков А.И. 159
 Молозев А.И. 284
 Морачевский В.В. 36, 182
 Мордвинов Н.С. 46
 Мусин-Пушкин В.П. 44
- Навашин Сергей Гаврилович 278, 279
 Наумов 230
 Небытов В.Г. 10, 83, 139, 147, 286
 Некрасов Н.А. 90, 136
 Нестеров Ю.А. 285
 Нефёдов Глеб Филиппович 10, 146
 Николаенко В.А. 48
 Николаенко О.И. 340
 Николай I 45, 55, 279
 Николай II 221
 Никонов А.А. 15, 17
- Оболенский Валериан Валерианович 311, 335
 Оболенский Н.Н. 268, 287
 Обухов В.М. 251
 Оводов С. 153
 Огнев И.Ф. 99, 108
 Одинцова А.М. 226
 Ольденбургская Е.М., принцесса 31
 Оноприенко В.И. 8
 Орлов В.П. 138, 141, 265
 Орлов Николай Александрович 128, 129
 Осинский Н. (Оболенский Валериан Валерианович) 311, 312, 316, 318, 319, 335
 Оскуланти Г. 141
 Островский А.Н. 74
- Павел I 44, 45
 Павлов А.П. 99, 109
 Павлов М.Г. 216
 Паншин Б.А. 326
 Паустовский К.Г. 80

- Пеннет Р. 176
Перепелкин А.П. 142
Переславцев М.М. 192
Перов В.Г. 90
Перов С.С. 254—256
Петербургский А.В. 112
Петр I 15, 20, 21, 42, 43, 115, 128, 279
Петров Ф.А. 48
Писарев В.Е. 325, 327
Писарев С.А. 274
Плевако Ф.Н. 89, 96
Плеве В.К. 48, 81
Поварина А.Г. 283
Подшибякин А.С. 160
Покатаев А.Н. 268
Полуектов (Полуэктов) Дмитрий Григорьевич, адмирал 57, 62—64
Попенко В.Н. 160
Попов В.И. 128
Попов И.И. 69
Посошков И.Т. 43
Презент И.И. 348
Придорогин М.И. 109
Прянишников Дмитрий Николаевич 4, 82, 83, 99, 100, 105, 109—112, 117, 122—126, 132, 147, 168, 187, 188, 222, 276, 336, 339, 349
Птахин 63
Пульман И.А. 199
Пухальский А.В. 304, 335
Пушкин А.С. 52
Пыльнев В.В. 10, 12, 53, 339

Радде Г.И. 141
Радионон В.А. 340
Ремизов С.А. 275
Реморов А.И. 341
Ремсен Айра 103
Ренард К.Г. 325
Реформатский 103
Рид К. 262
Римпау В. 205
Рождественский Б.Н. 32
Розен И.Б. 35
Романовы 20, 31, 138
Россолимо Григорий Иванович 219
Ростовцев С.И. 109
Рудзинский Дионисий Леопольдович 4, 38—40, 109, 112, 113, 122, 168, 224, 241, 304
Руднев Д.Д. 279
Руднев Н.А. 192, 193, 197
Рудницкий Н.В. 242, 326
Рунов Т. 269, 270, 329
Рыбас С.Ю. 183
Рыбин Д.А. 290, 291
Рыков 311
Рюмкер 169

Сабанин А.Н. 99, 100, 105, 107
Сабуров А.А. 192
Савельев М.Н. 274
Салтыков-Щедрин М.Е. 22, 136
Самойлов Я.В. 276
Самсонов Михаил Павлович 268, 271, 321
Салегин А.А. 40
Саран А.Ю. 286
Сарычев В.С. 285
Свербеев Ф.Д. 192, 197, 202
Свердлов Я.М. 339
Свиридов А.В. 192
Семешкина Г. 55
Сергеев М. 214
Серета С.П. 242
Сибирцев Н.М. 198
Симонов В.В. 16, 17
Скалозубов Н.Л. 194
Скрипицын В.А. 182
Слюсаревский 281
Смирнов А.П. 253, 330—332
Смирнов Василий Степанович 56, 68—70
Смирнова Наталья Сергеевна 56, 81, 84
Советов А.В. 29, 139, 140
Соковнин П.Н. 185, 191
Сократ 75, 95
Сомова О.Л. 111
Сопощко Арк. 294
Сосновский Л.С. 311—313, 316, 319, 332

- Софроненко К.А. 56
 Сталин И.В. 333, 334, 343
 Старицын К.А. 198
 Стебуг Александр Иванович 38—40, 170, 172, 174, 214, 242, 243, 247, 304, 325
 Стебуг Иван Александрович 49, 111, 170, 181, 229
 Стевен Х.Х. 141
 Столпянский П.Н. 43
 Столыпин Пётр Аркадьевич 22, 183, 184, 287
 Страховский М.М. 192
- Таланов Виктор Викторович 40, 304, 325—328, 333, 347
 Талиев В.И. 280
 Тальковский А.И. 197, 201, 202, 211, 212, 226, 296, 297
 Твердовский В.П. 154
 Тейтель А.В. 40, 202, 254
 Тейтель С.Л. 197
 Теодорович Иван Адольфович 248, 315, 318, 319
 Тер-Арутюнов А.И. 37
 Тер-Степанов Г.З. 148
 Тимирязев Климент Аркадьевич 82, 99—101, 105, 107, 111, 112, 159, 313
 Тихомиров А.В. 265
 Ткаченко М.Е. 290
 Токарева Т.В. 304
 Толстой А. 133
 Толстой Лев Николаевич 68, 72, 73, 118, 141, 142
 Топорков С.Г. 147, 197, 202
 Торелло К. 154
 Торубаев И.Н. 55
 Травин И.С. 341
 Трифонов А.А. 192, 292, 293
 Троицкая Т.Н. 10, 74, 101, 118, 119, 125, 126, 151, 153, 202, 213, 317, 344
 Трубецкой С.Н. 81
 Тулайков Н.М. 241, 243, 247, 254, 255, 263, 333, 347, 348
- Тулайков С.М. 192, 326
 Тургенев Иван Сергеевич 28
 Тэер А. 19, 28
 Тюрников И.И. 334
- Уайльд Оскар 131, 133
 Ульянов (Ленин) В. 319
- Фаминцын А.С. 187, 189
 Федоровский В.А. 197, 201
 Федотова А.А. 36, 49, 281
 Ферапонтов Семён Яковлевич 93, 104
 Ферапонтова (Лисицына) Мария Яковлевна 93, 94, 103—105, 223, 224
 Фигуровская Н.К. 16, 17
 Филлиповский А.К. 192
 Флаксерман Ю.Н. 276
 Флёров Александр Фёдорович 280
 Франкфурт С.Л. 32
 Франц И.В. 315
 Франц Иосиф 161
 Фрейнберг И.К. 198, 279
 Фролова М.П. 191, 218
 Фрувирт Карл 39, 161
- Харузин Алексей Николаевич 286—288, 335
 Химчук В.А. 334
 Хитрово Владимир Николаевич 167, 267, 278—286, 335
 Хитрово Мария Алексеевна 279
 Хитрово Н.М. 279
 Холмс Л. 262
 Хомяков Алексей Степанович 21
 Хохлов В.Н. 268, 274, 348
 Хренников А.С. 292, 293
 Христофорова Н.В. 80, 88
 Хуго де Фриз 163
 Худяков Н.Н. 82, 99, 100, 104, 106—109, 231
- Цингер Н.В. 281
 Циолковский К.Э. 80

- Цюрупа Александр Дмитриевич 315, 316, 318
- Чайковский П.И.** 228
- Чаянов А.В. 71
- Чаянов Сократ Константинович 251, 252, 257, 259—261, 328, 329, 335
- Чеботарева А.В. 19
- Челинцев А.Н. 37
- Червинский Н.П. 279
- Черепнин Н.Н. 80
- Чермак Густав 163
- Чермак Эрих 162, 163, 166, 168—170, 172, 174, 176
- Чернов Виктор Михайлович 236, 237
- Чернов М.П. 344
- Чернышевский Н.Г. 87, 88
- Чесноков Ф.И. 283
- Чешко В.Ф. 304, 305
- Шатило Я.** 138
- Шатилов В.И. 197
- Шатилов Иван Васильевич 139
- Шатилов Иван Иосифович 143, 144, 192, 197, 265
- Шатилов Иосиф Николаевич 10, 138, 140—143, 202, 265, 312
- Шатилов Николай Васильевич 139, 141
- Шафранов П.А. 44
- Шацкий С.Т. 97
- Шевелёв М.П. 292, 293
- Шевич Иван Егорович 63
- Шерстобоев В.Н. 15
- Шестов 131, 133
- Шефлер Михаил Евстафьевич 245, 248, 258, 337, 338
- Шидловский С.И. 181
- Ширяева М.А. 19
- Шичалин Ю.А. 80
- Шкуро А.Г. 266
- Штурм Василий Николаевич 288—290
- Шулепов А.И. 69
- Шульце А.А. 192, 197
- Щеглова З.В.** 274, 275
- Щербаков Фёдор Сергеевич 213, 293—295
- Эклебен** 43
- Энгельгардт А.Н. 18, 23—27, 31, 48, 49, 106, 110, 135, 136, 138, 139, 276
- Энгельгардт В.М. 37
- Этингер Андриан Григорьевич 221, 222, 298
- Этингер Павел Андрианович 222, 298, 301
- Юдин В.** 219
- Юрьев В.Я. 40, 252
- Яковлев С.П.** 41
- Якубсон О. 265
- Якушкин П.А. 192
- Aufhammer G. 174
- Batson** 176
- Beizer M. 327
- Bessey E.A. 38
- Bruisch K. 15
- Burbank Luther 159
- Clark K. 262
- Dreyer P. 159
- Elina O. 148
- Fisher H.H. 327
- Fitzpatrick S. 262, 307
- Fruwirt 161
- Gerasimov I.V. 71, 217
- Gleason A. 21
- Graham L. 241, 251
- Harwood J. 305
- Heinzen J.W. 307
- Hildermeier M. 307

- J**
Joravsky D. 18
- L**
Lang P. 305
Lochow Ferdinand von 174
- M**
Matsuzato K. 230
McClelland J.C. 18
Mitsel M. 327
Molisch 163
Moon D. 15
Moritsch A. 15
- O**
Oleson A. 28
Olsson G. 305
- P**
Pandora K. 312
Patenaude B.M. 327
- R**
Rabinowitch A. 262, 307
Read Ch. 262
Rimpau 205
Robinson G.T. 18
Roca-Rosell A. 148
Rossiter M. 28
Rowney D.K. 307
- S**
Stites R. 262, 307
- T**
Tauger M. 305
Thaer A.D. 19
Tschermak-Seysenegg 163
- V**
Voss E. 28
Vucinich A. 18
- W**
Webber H.J. 38

Ольга Юрьевна Елина

Доктор исторических наук, кандидат биологических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Основные работы посвящены социальной истории российской науки, в том числе развитию сельскохозяйственной науки в Российской империи и СССР. Подготовила свыше ста научных публикаций в ведущих российских и зарубежных журналах, таких как *Российская история*, *Вопросы истории естествознания и техники*, *Историко-биологические исследования*, *Centaurus*, *Osiris*, *Science in Context*. Автор монографий: *От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX века*. В 2-х т. (М., 2008); *Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX вв.* Под ред. А. С. Тумановой. (М., 2011). Обладатель грантов РФФИ, РГНФ, Фонда «Открытое общество».

Научное издание

Елина Ольга Юрьевна
**У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ СЕЛЕКЦИИ
И СЕМЕНОВОДСТВА.
ПЁТР ИВАНОВИЧ ЛИСИЦЫН
на Шатиловской опытной станции
и Госсемкультуре**

ELINA Olga Yu.

**The Roots of Plant Breeding and Seed Culture in Russia:
Pyotr Ivanovich Lisitsin at the Shatilov Agricultural
Experiment station and Gossemcul'tura**

*Редактор
Л.Н. Елин*

*Корректор
А.Г. Кочаров*

*Оформление переплета
А.В. Кортовича*

*Компьютерная верстка
С.Ю. Ворониной*

*Подписано в печать 06.06.2016 г.. Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура Таймс. Печ. л. 26,5.
Тираж 100. Заказ № 5489.*

*Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com*